947.08
Л 932
Ил
К 29. М

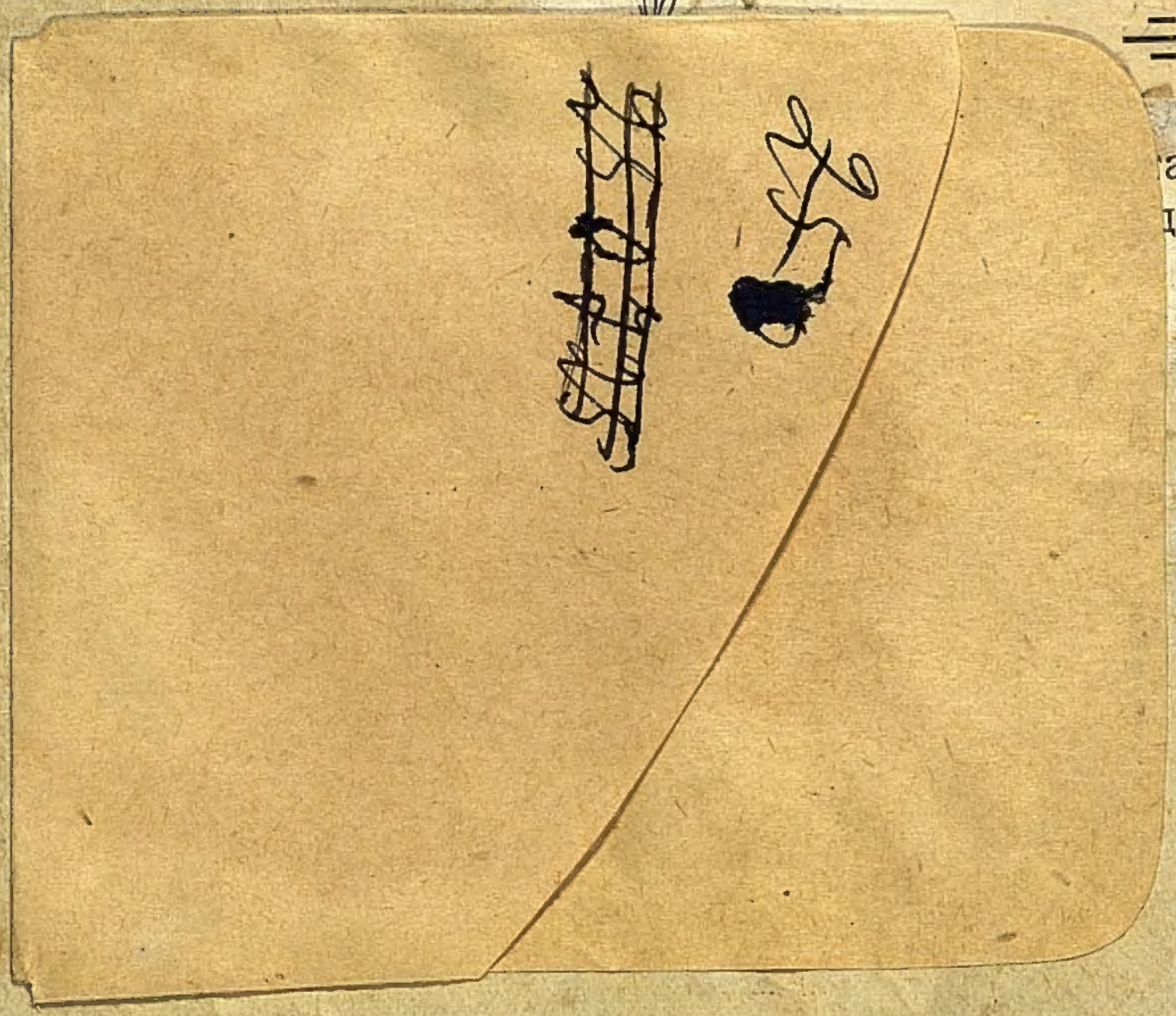
Библіотека Г. И. ДОЛГОВА

ТВЕРЬ

...тельно пр...сит... подпи...
...ами акку...
...для об... книг...
...ан... ...ісп...

СРОКА ВОЗВ...

145
сл.



Любимовъ.
92 (05) И Л
ЭК
+М
№ 84 г.
5404 29.5-л.
947.08
1932
Любимов, Н.
94
К-29
7070
51639

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ.

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общее обозрѣніе дѣятельности Михаила Никифоровича.

I.

За семь мѣсяцевъ до своей кончины, въ декабрѣ 1886 года, М. Н. Катковъ написалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 341) статью, съ виду парадоксальную, но, по отношенію къ самому автору, вѣрную дѣйствительности и бывшую выраженіемъ его искренняго убѣжденія. Михаилъ Никифоровичъ утверждалъ, что печать у насъ, по существу дѣла, болѣе независима и свободна, чѣмъ гдѣ-либо.

„Печать въ Россіи и, быть можетъ, только въ Россіи,— говорилъ онъ,—находится въ условіяхъ, дозволяющихъ ей достигать чистой независимости. Мы не знаемъ ни одного о́ргана въ иностранной печати, который могъ бы въ истинномъ смыслѣ назваться независимымъ. Въ такъ называемыхъ конституціонныхъ, въ противоположность Россіи, государствахъ есть партіи, которыя борются за власть и во власти участвуютъ. Политическая печать въ этихъ странахъ

КНИГА
ВЪ ЦѢЛОСТИ

служитъ для этихъ своевластныхъ партій органомъ. Печать въ этихъ странахъ не есть выраженіе совѣсти, свободной отъ власти и не замѣшанной въ интересы борющихся за нее партій. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать къ успѣху своей партіи и заботится не о томъ, чтобы раскрыть и уяснить дѣло, а чтобы запутать и затемнить его. Въ Россіи же, гдѣ такихъ партій не имѣется, именно и возможны совершенно независимые органы. Отъ правительства печать въ Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ все, во всякой странѣ, находится въ зависимости отъ предержащей власти, дающей законы, ихъ исполняющей и бодрствующей надъ ихъ исполненіемъ...

„Говорятъ,—продолжаетъ авторъ,—что Россія лишена политической свободы; говорятъ, что хотя русскимъ подданнымъ и предоставлена законная гражданская свобода, но что они не имѣютъ правъ политическихъ. Русскіе подданные имѣютъ нѣчто болѣе, чѣмъ права политическія; они имѣютъ политическія обязанности. Каждый изъ Русскихъ обязанъ стоять на стражѣ правъ Верховной Власти и заботиться о пользахъ государства. Каждый не то что имѣетъ только право принимать участіе въ государственной жизни и заботиться о ея пользахъ, но призывается къ тому долгомъ вѣрноподданнаго. Вотъ наша конституція. Она вся, безъ параграфовъ, содержится въ краткой формулѣ нашей государственной присяги на вѣрность. Вотъ наши политическія гарантіи. Какое же правительство, не потерявшее смыслъ, можетъ отнимать у людей право исполнять то, что велитъ имъ долгъ присяги? Надобно только, чтобы мы поняли эту конституцію нашу во всей ея силѣ и умѣли бы ею пользоваться должнымъ образомъ въ устройствѣ и веденіи нашихъ дѣлъ. Когда не было на свѣтѣ русской политической печати, не могло быть и рѣчи о ея обязанностяхъ. На свѣтъ же могла она явиться только какъ новый, особый, требуемый временемъ способъ исполненія всеобщей обязанности радѣть о пользахъ престола и отечества, ни въ чемъ не раздѣляя ихъ, дабы держаться на твердой почвѣ и не теряться въ без-

плодныхъ и опасныхъ отвлеченностяхъ. Другаго смысла узаконенная въ Россіи политическая печать, обнимающая въ своемъ кругозорѣ всѣ вопросы государственной жизни, имѣть не можетъ. Всякій, кто за это дѣло въ Россіи серьезно берется, долженъ сугубо принять на свою совѣсть долгъ русскаго подданнаго. Для него исполненіе этого долга по совѣсти перестаетъ быть случайностію и становится призваніемъ. Онъ долженъ быть готовъ не только давать отпоръ злу, когда оно само представится, но и выслѣживать его гдѣ бы оно ни загнѣздилось и какую бы личину ни принимало. Его долгъ—доискиваться правды во всемъ и раскрывать ее, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не вступая ни въ какіе торги съ совѣстью, не давая сбить себя никакими прельщеніями съ одной стороны, никакими вынужденіями—съ другой. Вотъ какимъ долженъ быть серьезный политическій органъ въ Россіи. Это не есть путь власти или ко власти; это путь службы по совѣсти".

Такъ говорилъ Катковъ въ минуты, когда политическое значеніе его достигло высшей точки, когда имя его наполняло міръ, когда не было газеты, гдѣ бы не говорилось о его выдающейся, необыкновенной роли, о его отношеніяхъ къ германской политикѣ и русскому министерству иностранныхъ дѣлъ, о быстро возросшей симпатіи къ нему во Франціи, когда къ словамъ его прислушивались милліоны и его независимый голосъ принимался во вниманіе въ совѣтахъ Верховной Власти. Тѣмъ знаменательнѣе эти строки, вылившіяся подъ впечатлѣніемъ минуты, въ отвѣтъ на обычное въ иностранной дипломатіи и журналистикѣ призываніе русскаго правительства къ отвѣтственности за высказываемое въ русской печати. Въ этой почти предсмертной исповѣди своего значенія, сказанной, когда дыханіе смерти, ни кѣмъ еще не предчувствованное, уже незримо приближалось, маститый публицистъ, не могшій не ощущать высоты своего положенія, даетъ отвѣтъ на существенный вопросъ: какъ сознавалъ онъ, на закатѣ дѣятельности, себя и свое призваніе? Какъ видимъ,—онъ сознавалъ себя воплощеніемъ русской

независимой печати и усматривалъ въ этомъ *службу* по совѣсти престолу и отечеству, „ни въ чемъ ихъ не раздѣляя“.

II.

Катковъ былъ создателемъ русской политической печати. Едва-ли кто станетъ опровергать справедливость этого положенія, которое ниже надѣемся уяснить подробно. Русская политическая печать, какъ новое явленіе, вызванное временемъ, народилась съ воцареніемъ Александра II, окрѣпла и утвердилась съ 1863 года послѣ очевидно оказанной отечеству услуги.

Политическая печать обычно понимается какъ выраженіе той силы, которая именуется общественнымъ мнѣніемъ. Въ царствованіе, предшествовавшее эпохѣ Александра II, однимъ изъ главныхъ догматовъ управленія было поставленіе вопросовъ государственнаго интереса внѣ всякаго участія, вмѣшательства, даже свѣдѣнія кого-либо, кромѣ лицъ оффиціально къ тому призванныхъ. Всякое неоффиціальное обсужденіе такихъ вопросовъ, всякое невызванное прямо правительствомъ заявленіе по ихъ поводу признавались неумѣстными и незаконными, подлежащими устраненію и преслѣдованію. Общественное мнѣніе не считалось имѣющимъ право на существованіе и разсматривалось какъ зло, государственною властію нетерпимое. Въ минуты, требовавшія патріотическихъ усилій народа, лицамъ и группамъ предоставлялось отвѣтствовать на призывъ власти предложеніемъ пожертвованій, матеріальныхъ и личныхъ, и дѣйствіями, соотвѣтственными этимъ предложеніямъ. Но всякое невызванное прямо заявленіе считалось недопустимымъ. Только дворянскія собранія, въ силу дворянской грамоты, могли по своей иниціативѣ обращаться къ власти съ заявленіемъ о нуждахъ дворянскаго сословія. Когда въ минуты патріотическаго подъема 1863 года посылались къ подножію престола со всѣхъ сторонъ адресы, явленіе это было новымъ, небывалымъ, имѣющимъ характеръ либеральной новизны.

Въ Севастопольскомъ испытаніи нашей силы и нашей слабости потерпѣла крушеніе система управленія при общественномъ безмолвіи, какъ главномъ условіи государственнаго порядка. Съ новымъ царствованіемъ повѣяло новымъ духомъ. Мнѣніе, вчера стѣсненное и гонимое, стало проявлять себя. „Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало“, говорилъ, при громѣ одобренія, покойный Н. Ф. Павловъ на общественномъ обѣдѣ 28 декабря 1857 года, въ Москвѣ, устроенномъ при содѣйствіи редакторовъ и сотрудниковъ *Русскаго Вѣстника*, обѣдѣ съ политическимъ характеромъ, какой два-три года тому назадъ былъ бы немыслимъ. Чествованіе новой эпохи было вмѣстѣ и чествованіемъ царственнаго вождя. „Кто мы и зачѣмъ мы здѣсь?“ спрашивалъ М. Н. Катковъ. „Люди разныхъ мнѣній, разныхъ убѣжденій, которые быть можетъ во всемъ чувствовали между собою бездну раздѣленія, мы собрались теперь, повинуясь одному всѣмъ намъ общему чувству. Каждый изъ насъ пришелъ сюда не по внѣшнему побужденію, а по внутреннему влеченію: никто не былъ обязанъ и всѣ мы явились для выраженія этого общаго чувства для запечатлѣнія глубокой, чистой, искренней преданности Тому, въ комъ наша родина обрѣла свое чаяніе... Какъ бы ни мало значенія и силы имѣли, повидимому, лица, собравшіяся здѣсь, они вѣрятъ, что эта минута не пропадетъ даромъ и сохранится въ исторіи“.

Пишущій эти строки припоминаетъ, съ какимъ громомъ сочувствія на другомъ общественномъ обѣдѣ,—имѣвшемъ мѣсто въ Парижѣ въ то же почти время, 12 января 1858 года, въ день чествованія годовщины основанія Московскаго университета, въ такъ называемый Татьянинъ день, и собравшемъ почти всю русскую парижскую колонію,—встрѣчены были произнесенныя имъ слова: „Мы стоимъ при дверяхъ свѣтлой эпохи, эпохи оживленія мысли, когда слышится голосъ, высказывающій нужды, потребности, желанія общества; когда пробуждается общественное сознаніе, ободряемое нашимъ царственнымъ Вождемъ, Вождемъ, который владѣетъ и нашей волею, и нашими сердцами; эпохи, когда правительство довѣрчиво обращается къ цѣлому сословію, поставляя его

судьею въ его собственномъ дѣлѣ и ожидая отъ него великодушія и истиннаго благородства; когда начинающаяся гласность не нравится только тѣмъ, кто боится свѣта, когда все жаждетъ свѣта".

Общественное мнѣніе стало признаваться и призываться, какъ могущественный рычагъ государственнаго упорядоченія и прогресса. Потребность въ свободномъ словѣ, въ гласности и соединенномъ съ нею обличеніи сдѣлалась главною потребностью.

Вотъ эпоха, при началѣ которой Михаилъ Никифоровичъ выступилъ на поприще самостоятельной журнальной дѣятельности, основавъ въ 1856 году, вмѣстѣ съ нѣсколькими близкими людьми, новый органъ публичнаго слова— *Русскій Вѣстникъ*. Новое изданіе отвѣтило потребностямъ минуты и имѣло быстрый успѣхъ.

Когда впослѣдствіи политическая дѣятельность Каткова породила цѣлый легіонъ враговъ, тѣ изъ нихъ, которые самозванно стали присвоивать себѣ монополію либерализма и выставлять Михаила Никифоровича нѣкоторымъ пугаломъ, враждебнымъ всему либеральному, измѣнившимъ своему начальному направленію, начали различать *Русскій Вѣстникъ* первой эпохи отъ *Русскаго Вѣстника* послѣдующаго времени и благосклонно причислять первый къ либеральному теченію, выставляя второй повернувшимъ въ противную сторону.

Въ первой части этого заявленія есть доля правды.

Въ первую эпоху литературнаго движенія, наступившаго съ новымъ царствованіемъ, скрытая рознь, какая таилась въ этомъ движеніи не была еще замѣтна. Было теченіе какъ бы однимъ общимъ потокомъ. *Современникъ* привѣтствовалъ *Русскій Вѣстникъ*, столкновенія съ славянофилами только-что стали обозначаться. Но скоро рознь направленій выступила наружу. Съ потокомъ *Современника*, радикальнымъ и соціало-революціоннымъ, сквозь цензурныя рамки примыкавшимъ къ „Колоколу" Герцена и подпольной печати, у *Русскаго Вѣстника* обнаружились отношенія борьбы и вражды; съ славянофилами сложились болѣе сложныя отношенія,—

отчасти, опредѣлявшіяся тѣмъ, что сотрудники *Русскаго Вѣстника* въ большинствѣ были изъ лагеря „западниковъ“, пріобыкшихъ къ пререканіямъ съ славянофилами, тогда какъ самъ издатель Вѣстника никогда не былъ западникомъ въ тѣсномъ смыслѣ. Разборомъ тѣхъ и другихъ отношеній мы будемъ имѣть случай заняться въ свое время.

III.

Объявившейся новой силѣ общественнаго мнѣнія и печатнаго слова предстояла великая проба. Свершилось славное дѣяніе уничтоженія крѣпостнаго права. Такой переворотъ не долженъ ли распатать старое зданіе? Для свободной Россіи наступили дни великаго историческаго испытанія. Поднялся вопросъ о ея бытіи, какъ могущественнаго единаго государства. Время казалось благопріятнымъ, чтобы выдвинуть польское дѣло, искусно подготовленное. Враждебный разсчетъ сулилъ, повидимому, вѣрный успѣхъ. Патріотическій инстинктъ, національное чувство таились въ массѣ невидимо для глаза. То, что было на виду, обнаруживало слабость и отсутствіе патріотизма; въ правительствѣ замѣчалась неувѣренность и нерѣшительность. Въ томъ кругѣ, гдѣ слагается общественное мнѣніе, въ большинствѣ господствовали крайнее политическое недомысліе, податливость на обманъ и готовность предать интересы страны на жертву фальшивому либерализму.

Вспыхнулъ польскій мятежъ 1863 г. Какъ отвѣтитъ Россія? Событіе совпало съ переходомъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ руки Каткова и Леонтьева. Громко раздалось патріотическое слово. Это былъ несомнѣнно голосъ Россіи. Свободное слово, прорвавшись чрезъ цензурныя препятствія, сослужило великую службу Россіи. Значеніе общественнаго мнѣнія поднялось и укрѣпилось.

Русскіе люди всѣхъ чиновъ и званій почувствовали толчекъ свободнаго слова; со всѣхъ сторонъ обратились къ престолу со своими патріотическими заявленіями. Угрозы,

съ какими обращались къ намъ западныя державы и предъ которыми почти было отступало правительство, мгновенно разсѣялись. „Что случилось?“—спрашивали „Московскія Вѣдомости“ въ маѣ 1869 г.—„Ничего болѣе, какъ то, что русскій народъ подалъ признакъ жизни и духа, которыхъ въ немъ не ожидала введенная въ обманъ Европа. Тогда они думали, что Россія находится въ состояніи полнаго разложенія, что въ ея нѣдрахъ кишитъ безсмысленная революція, что русскій народъ утратилъ всякій смыслъ и духъ, что русское общество неспособно къ самостоятельной политической жизни, что каждый такъ называемый русскій есть измѣнникъ своему отечеству и готовъ продать его за безцѣнокъ... Теперь взглядъ Европы измѣнился, она видитъ предъ собою не мертвую массу, а живую силу, съ которой должно считаться и которая не уступитъ ничего безъ жестокаго смертнаго боя. Европа не можетъ сомнѣваться въ искренности того высокаго патріотическаго чувства, которое у насъ овладѣло всѣми классами общества и слило всѣхъ и все въ одно живое, крѣпко-могущественное цѣлое“. „Пока народъ живетъ, — писалъ Михаилъ Никифоровичъ около того же времени въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ статьѣ „Русскій вопросъ“,—онъ есть сила, проходящая чрезъ милліоны людей, невѣдомо для нихъ самихъ... Что это за сила, объ этомъ можемъ мы толковать на досугѣ, но эта сила есть. Въ обыкновенную пору она бываетъ неслышна и незамѣтна; но бываютъ минуты, когда она пробуждается и встаетъ самолично въ милліонахъ людей. Какъ буря, ничѣмъ неудержимая, она погонитъ столбомъ эти миріады пылинокъ, не спрашивая, что̀ каждая изъ нихъ думаетъ или хочетъ. Все закружится въ ураганѣ, когда поднимется эта сила, столь же слѣпая, столь же неумолимая, какъ и всякая сила природы. Мелкое и великое, умное и глупое, ученое и невѣжественное—все равно охватитъ одна могучая сила. Волей или неволей всѣ покорятся ей, но однихъ она сотретъ, другихъ возвыситъ. Все посторонится въ эти минуты и во всемъ явится самъ народъ: ему прежде всего побѣда или пораженіе, ему прежде всего слава или позоръ; онъ самъ

въ эти торжественныя минуты заявляетъ свое существованіе, рѣшаетъ свои судьбы, творитъ свою исторію. Но все что̀ есть лучшаго въ отдѣльныхъ людяхъ, все энергическое и разумное, все возвышенное и святое выразится въ его порывѣ и дастъ ему физіономію. Благо тому, чья мысль и чувство совпадутъ въ одинъ токъ съ народнымъ влеченіемъ, въ комъ народная сила найдетъ свой разумъ и свою волю, кто послужитъ ей живымъ и сознательнымъ органомъ— благо тому! Но та же сила повлечетъ безсознательно и тѣхъ, кто и не хотѣлъ бы, повлечетъ, не справляясь о нашихъ мнѣніяхъ; за-одно стукнетъ и чистый и нечистый громъ, за-одно прольется и благородная и подлая кровь. Торжественны, но и грозны бываютъ эти явленія народа. Напрашиваться на нихъ не должно, но надобно помнить, что съ этихъ явленій ведетъ свое лѣтосчисленіе исторія, что тутъ полагаются эпохи, что тутъ рѣшаются судьбы всемірнаго хода событій. Отъ этихъ-то минутъ идетъ въ людяхъ то что̀ мы зовемъ патріотизмомъ и народнымъ чувствомъ; тутъ начинается новая жизнь и новый духъ, тутъ зажигается новая мысль, тутъ мгновенно открывается то чего прежде мы не подозрѣвали: оказывается возлѣ насъ, въ насъ самихъ то чего мы искали за дальнимъ горизонтомъ. Все встряхнется и что̀ было близко, то затуманится вдали, и далекое придвинется близко“.

Эти строки лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ настроеніи, какое обнимало М. Н. Каткова въ эти минуты служенія родинѣ вдохновеннымъ словомъ. Онъ не могъ не сознавать себя однимъ изъ тѣхъ, „чья мысль и чувство совпадаютъ въ одинъ токъ съ народнымъ влеченіемъ“, въ комъ народная сила „находитъ свой разумъ“. Въ угаданномъ народномъ чувствѣ почерпалъ онъ свою силу и роль свою полагалъ въ томъ, чтобы быть выразителемъ этого чувства, опредѣляющаго событія. Блестящій апооеозъ народнаго движенія въ минуты государственной опасности, — какъ въ 1812 году, какъ въ смутное время 1612 года, какъ, наконецъ, въ тогда переживаемые дни,—заключающійся въ приведенныхъ строкахъ и выходящій отъ идеи *народа*, какъ ми-

стической силы, вылился изъ подъ пера въ моментъ возвышеннаго историческаго настроенія. Въ этомъ представленіи о народѣ Катковъ совпалъ съ основнымъ догматомъ славянофиловъ, съ тою разницею, что, согласно славянофильскому догмату, мистическая сила народа есть нѣчто ежедневно дѣйствующее или по крайней мѣрѣ способное дѣйствовать во всякомъ вѣчѣ, во всякомъ сходѣ и мірѣ.

IV.

Есть другое понятіе, отношеніе къ которому Каткова въ ту эпоху заслуживаетъ вниманія. Понятіе это—общественное мнѣніе. „Общественное мнѣніе есть великая сила нашего времени“,—говорилъ онъ въ знаменитой статьѣ своей. „Что намъ дѣлать съ Польшей“, произведшей въ свое время громадное впечатлѣніе (сохранился разсказъ о потрясающемъ впечатлѣніи, какое произвела она на покойную Императрицу Марію Александровну и затѣмъ на самого покойнаго Государя). А въ концѣ статьи, безпощадно ратуя противъ бумажныхъ конституцій и какого-либо прикосновенія къ принципу взаимнаго довѣрія народа и власти, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ высказалъ нѣсколько мыслей о правильной организаціи этой силы, для содѣйствія власти. Достойно замѣчанія, что вся часть статьи, трактующая объ общественномъ мнѣніи и его организаціи, исключена самимъ Михаиломъ Никифоровичемъ при перепечаткѣ недавно изданнаго собранія его статей по польскому вопросу въ 1863 году (листы, заключающіе въ себѣ статью, были напечатаны при его жизни). Выпускъ, въ примѣчаніи къ статьѣ, мотивированъ такъ: „вторая половина этой статьи была написана не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ напечатана, а потому здѣсь не перепечатывается“. Главнымъ и истиннымъ мотивомъ исключенія, — нетрудно догадаться, — было измѣненіе отношеній самого Михаила Никифоровича къ идеѣ и факту общественнаго мнѣнія и его организаціи, въ нашихъ условіяхъ, вынесенное изъ его политическаго опыта. Но тогда онъ писалъ:

„Бываютъ времена въ народной жизни, когда правительство принимаетъ характеръ диктатуры. При правильномъ ходѣ такой системы совершенно послѣдовательно принимаются мѣры къ тому, чтобы никакого общественнаго мнѣнія не было. Политическая печать при диктаторскомъ управленіи существовать не можетъ. Никакого мнѣнія о дѣйствіяхъ власти, о началахъ, которыми она руководствуется, объ учрежденіяхъ, которыя она создаетъ, о законахъ, которые она обнародываетъ, не только порицательно, но и одобрительно не должно высказываться. Никому при этой системѣ не дозволяется принимать участіе въ дѣлѣ общаго интереса и общаго дѣла между людьми не допускается. Люди разрознены, общественныхъ силъ нѣтъ и нѣтъ общественнаго мнѣнія. Обо всѣхъ предметахъ общаго интереса должны исключительно заботиться оффиціальные люди, взятые какъ рекруты изъ общества и отдѣленные отъ него особою, совершенно замкнутою правительственною организаціею, какъ опричиной. Но коль скоро наступаетъ другое время, когда признается значеніе общественнаго мнѣнія, когда обществу дается голосъ въ дѣлахъ общаго интереса, когда каждому дозволяется заявлять участіе въ интересахъ своего отечества, когда допускается свобода въ выраженіи мнѣнія о предметахъ политическаго, нравственнаго и религіознаго свойства, когда печать получаетъ и можетъ имѣть вліяніе, когда пробуждаются и даже призываются къ дѣятельности общественныя силы, то ближайшею серьезною задачею должна быть какая-нибудь правильная организація общественныхъ силъ, призываемыхъ къ дѣятельности. Безъ правильной организаціи образуется фальшивое и зловредное общественное мнѣніе или, лучше сказать, фальшивое подобіе его“. Можно замѣтить, что на высказанныя такимъ образомъ въ статьѣ идеи имѣло вліяніе то обстоятельство, что общественное мнѣніе, насколько оно выражалось въ ту эпоху въ заявленіяхъ сословій и общественныхъ группъ и въ настроеніи обществъ, отличалось политическою доброкачественностію; а „фальшивое подобіе“ находило мѣсто въ значительной долѣ печати.

Такимъ образомъ понятія: „народъ“, „народное чувство“, „общественное мнѣніе“, были исходнымъ пунктомъ, отъ котораго Катковъ вышелъ въ своей политической дѣятельности, быстро возросшей въ значеніи. Признанная страною и правительствомъ заслуга печатнаго слова, оказанная *Московскими Вѣдомостями* и *Русскимъ Вѣстникомъ* въ годы испытанія, подняла роль журналиста до роли государственнаго дѣятеля. Редакція газеты, скромно печатавшейся въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ, мало по малу стала государственной инстанціей. Съ мнѣніемъ *Московскихъ Вѣдомостей* стали считаться государственные люди. Къ нимъ внимательно прислушивался Глава государства.

V.

Въ первый разъ Катковъ и Леонтьевъ представлялись покойному Государю и Государынѣ Маріи Александровнѣ 30 ноября 1862 года на балу въ Кремлевскомъ Большомъ дворцѣ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ профессорами Московскаго университета, которые тогда въ полномъ составѣ были приглашены на царскій балъ [1]). Тогда только-что состоялась передача аренды *Московскихъ Вѣдомостей* съ наступавшаго 1863 года въ руки Каткова и Леонтьева. Государь и Государыня пожелали имъ успѣха и милостиво выразились, что читаютъ съ удовольствіемъ *Русскій Вѣстникъ*. Но слѣдующій эпизодъ, имѣвшій мѣсто незадолго предъ этимъ временемъ, доказываетъ, что извѣстность Михаила Никифоровича Государю тогда не была еще значительною.

Въ іюнѣ 1862 года въ № 26 „Современной Лѣтописи“ *Русскаго Вѣстника*, выходившей тогда отдѣльнымъ еженедѣльнымъ изданіемъ, съ замѣчательнымъ разнообразіемъ и богатствомъ содержанія (лѣтопись, любимое созданіе П. М. Леонтьева, матеріально причиняла убытокъ и съ 1863 года была прекращена при *Вѣстникѣ* и присоединена къ

[1]) Государь пожелалъ выразить благодарность профессорамъ за то достоинство и твердость, съ какими они держали себя во время бывшихъ тогда студенческихъ безпорядковъ. „Спасибо вамъ—сказалъ Государь—за вашу полезную дѣятельность и за то, что въ недавнихъ обстоятельствахъ вы съ такимъ достоинствомъ поддержали честь вашего столѣтняго учрежденія“.

Московскимъ Вѣдомостямъ), была помѣщена статья, которую цензурное управленіе включило въ ежедневное обозрѣніе печати, представляемое на Высочайшее усмотрѣніе. Статья вызвала на поляхъ замѣчанія покойнаго Государя. Она трактовала о планахъ феодальной партіи и проэктахъ представительства въ Пруссіи и сравнивала значеніе центральнаго и мѣстнаго представительствъ, доказывая, что „въ наше время отъ мѣстныхъ представительствъ нельзя ожидать ничего кромѣ вреда, если они не уравновѣшиваются центральнымъ“. Въ мѣстныхъ представительствахъ, говорилось въ статьѣ, правительство будетъ находить не пособіе, а скорѣе духъ безпокойной агитаціи и систематической оппозиціи [1])“! Авторъ, повидимому, держалъ въ умѣ вопросъ, для возбужденія котораго тогда была почва: о представительствѣ въ Варшавѣ. На Государя статья, какъ вообще толкующая о представительствѣ, произвела неблагопріятное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ: „вся эта длинная диссертація о представительствѣ весьма ясно указываетъ цѣль, и подобныхъ статей не слѣдуетъ впредь пропускать. Желаю знать, кѣмъ она написана и кто редакторъ?“ Министръ народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго была тогда цензура, 11 іюля 1862 года, сдѣлалъ слѣдующій докладъ: „Во исполненіе Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія о представленіи свѣдѣній, кѣмъ написана въ № 26 „Современной Лѣтописи“ *Русскаго Вѣстника* (замѣтимъ, что въ обозрѣніи, представленномъ Государю, было просто сказано „Современная Лѣтопись“; — отсутствіе упомянанія о „Русскомъ Вѣстникѣ“ и вызвало, повидимому, вопросъ о редакторѣ) статья относительно провинціальныхъ и центральныхъ представительныхъ собраній и кто редакторъ означеннаго журнала, считаю долгомъ донести, что авторъ статьи и редакторъ „Русскаго Вѣстника“ и „Современной Лѣтописи“ есть статскій совѣтникъ Катковъ, весьма близко извѣстный графу Сергѣю Григорьевичу Строганову“.

—

[1]) Отмѣта покойнаго Государя: „какъ будто мы не видимъ того же въ центральныхъ представительствахъ!“

VI.

Роль Михаила Никифоровича, какъ соединявшаго въ одномъ лицѣ государственнаго дѣятеля и публициста, прекрасно очерчена недавно умершимъ Н. П. Гиляровымъ. Указавъ на соединеніе это какъ на нѣчто небывалое, онъ замѣчаетъ, что подобное явленіе, при всѣхъ талантахъ покойнаго, могло образоваться лишь при сочетаніи обстоятельствъ, какое можетъ повториться лишь столѣтіями. „Нужно было польское возстаніе, нужна была анархистская пропаганда, чтобы голосъ со Страстнаго бульвара получилъ силу трубную архангельскаго гласа, который будитъ мертвыхъ въ обществѣ и отъ котораго содрагались власть имущіе. Тревога, громко пробитая въ годину государственной бѣды, мужественное слово ободренія, произнесенное въ часы всеобщаго разслабленія, дали потомъ этому слову силу, вѣсъ, авторитетъ и въ обычномъ будничномъ теченіи государственной жизни. „Московскія Вѣдомости“ образовали своего рода департаментъ, въ которомъ обсуждались и подготовлялись къ рѣшенію важнѣйшіе вопросы по внутренней и внѣшней политикѣ — департаментъ не оффиціальный, съ голосомъ независимымъ и не властнымъ, но къ звукамъ котораго нельзя было оставаться глухимъ и котораго сила удвоивалась настойчивымъ повтореніемъ разъ поставленныхъ положеній и безпощадною полемикою съ противниками, кто бы они ни были и гдѣ бы ни стояли, въ рядахъ ли публицистики, на верхнихъ ли ступеняхъ государственной іерархіи. Отсюда преобладающее значеніе „*Москов. Вѣд.*“ въ русской печати и ихъ привилегированное положеніе. Борьба съ Катковымъ стала невозможною во-первыхъ по таланту и образовательной подготовкѣ издателя, предъ которымъ противники оказывались пигмеями, и во-вторыхъ потому, что за нимъ стояла государственная сила и не могла не стоять, ибо ея-то онъ и былъ проповѣдникомъ и поборникомъ.“

Обозрѣть дѣятельность Михаила Никифоровича съ эпохи шестьдесятъ третьяго года, значитъ прослѣдить, какъ изъ

публициста съ великимъ запасомъ ума, знанія, характера, національное чувство, проникнувшее все существо его, образовало государственнаго дѣятеля безъ государственной должности, властнаго однимъ орудіемъ—перомъ, но успѣвшаго занять исключительное положеніе, о которомъ одна изъ англійскихъ газетъ (Pall Mall Gazette) въ статьѣ по поводу кончины Михаила Никифоровича мѣтко сказала: „есть нѣчто феноменальное въ положеніи, занятомъ этимъ журналистомъ, имѣвшимъ вліяніе въ сердцѣ самодержавной Россіи, на которое не можетъ претендовать даже ни одинъ печатный органъ демократическихъ государствъ стараго или новаго свѣта“. Плодотворную дѣятельность свою онъ началъ подъ знаменемъ національнаго чувства и общественнаго мнѣнія. Національное чувство сдѣлало его творцемъ направленія, получившаго названіе русской національной политики. По отношенію къ общественному мнѣнію, отъ роли выразителя его онъ быстро перешелъ къ роли его вождя. Не онъ слѣдовалъ за общественнымъ мнѣніемъ, а общественному мнѣнію приходилось слѣдовать за нимъ. Эта сила, о правильной организаціи которой онъ мечталъ первоначально, съ теченіемъ времени, при болѣе близкомъ на дѣлѣ ознакомленіи съ нашею правительственною и общественною машиною, при столкновеніи съ явленіями измѣнчивости, легкомыслія, фальши и игры массовыхъ настроеній, значительно утратила кредитъ въ его глазахъ. Издатель „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ В. Г. Авсѣенко вѣрно сказалъ, что покойный публицистъ „никогда ничего не дѣлалъ для угожденія публики, для внѣшняго успѣха своихъ изданій. Разъ въ чемъ-нибудь убѣждался, онъ высказывалъ свою мысль до конца, рѣзко и ярко, хотя бы и зналъ заранѣе, что въ данную минуту общественная масса будетъ противъ него. Впрочемъ, онъ рѣдко говорилъ къ массѣ. Его лучшія, обдуманныя и обработанныя статьи всегда были обращены къ властнымъ правительственнымъ сферамъ; это былъ публицистъ не столько газетный, сколько государственный“. Руководящимъ началомъ было для него личное независимое мнѣніе, продиктованное долгомъ государ-

ственной службы по присягѣ, какъ высказалъ онъ въ строкахъ, приведенныхъ въ началѣ нашей статьи. Въ послѣднее время Михаилъ Никифоровичъ настойчиво повторялъ, что „*Московскія Вѣдомости*“—его личный органъ, не связанный ни съ какою партіею, ни съ какимъ коллективнымъ мнѣніемъ, а разъ, незадолго до кончины, охарактеризировалъ совокупность своей дѣятельности, назвавъ себя государственнымъ сторожевымъ псомъ, охраняющимъ достояніе Хозяина и чующимъ, если въ домѣ что-нибудь не ладно.

Мы сочли полезнымъ начать посвященную памяти Михаила Никифоровича статью общимъ обозрѣніемъ его дѣятельности, чтобы установить точку зрѣнія на эту дѣятельность и ея значеніе.

Перейдемъ къ послѣдовательному изложенію трудовъ, тревогъ, борьбы и побѣдъ великаго публициста, жизнь котораго богата умственными и нравственными подвигами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дѣятельность М. Н. Каткова въ эпоху, предшествовавшую изданію „Русскаго Вѣстника“.

I.

Я узналъ М. Н. Каткова въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда, будучи студентомъ, ходилъ на его лекціи философіи; познакомился съ нимъ съ 1853 года, когда началъ помѣщать статейки въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*; ближе узналъ съ 1856 года, когда усердно участвовалъ въ возникшемъ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Тѣсная близость моя съ Михаиломъ Никифоровичемъ началась съ 1862 и особенно 1863 года, когда съ мая мѣсяца редакція „Русскаго Вѣстника“ перешла въ ближайшее мое завѣдываніе, продолжившееся до конца 1882 года, времени переѣзда моего въ Петербургъ. Въ теченіи двадцати лѣтъ рѣдкій день не видѣлся

я разъ и два съ Михаиломъ Никифоровичемъ, часто проводя часы съ нимъ, а до 1875 года и съ дорогимъ его и моимъ другомъ Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ, скончавшимся 24 марта 1875 года. Немного было въ жизни у меня людей столь дорогихъ и близкихъ, какъ Катковъ и Леонтьевъ; не особенно много, думаю, болѣе меня близкихъ было и у нихъ.

О дѣтствѣ Михаила Никифоровича мнѣ извѣстно лишь то что̀ имъ самимъ написано въ краткой его автобіографіи, помѣщенной въ „Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Московскаго университета“, изданномъ къ столѣтнему юбилею университета 12 января 1855 года (часть I, 381). Сборникъ подъ редакціею С. П. Шевырева былъ составленъ трудами профессоровъ и преподавателей, занимавшихъ каѳедры въ 1854 году. Біографіи профессоровъ умершихъ писаны были по большей части тѣми профессорами, которые въ 1854 году читали ихъ предметы. Они же доставляли свѣдѣнія и о самихъ себѣ. П. М. Леонтьевымъ были составлены біографіи: Тимковскаго, Крюкова, Якубовича. Михаилъ Никифоровичъ далъ о себѣ свѣдѣнія, изъ которыхъ заимствуемъ начало, гдѣ авторъ говоритъ о своемъ дѣтствѣ и воспитаніи: „Катковъ Михаилъ Никифоровичъ, адъюнктъ философіи и магистръ русской словесности, редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей“, издаваемыхъ при университетѣ, коллежскій совѣтникъ, сынъ титулярнаго совѣтника, родился въ Москвѣ въ 1818 году (1 ноября). Рано лишившись отца, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ [1]), всѣмъ своимъ воспитаніемъ и дальнѣйшимъ образованіемъ обязанъ любви и самопожертвованію матери, урожденной Тулаевой. Ею самою и подъ ея надзоромъ были преподаны ему первые уроки. Впослѣдствіи учился онъ нѣкоторое время въ Преображенскомъ спротскомъ училищѣ, потомъ около года въ 1-й Московской гимназіи, наконецъ поступилъ въ пансіонъ профессора Михаила Григорьевича Павлова. Въ этомъ заведеніи, отличавшемся какъ общимъ своимъ устрой-

[1]) Меѳодіемъ Никифоровичемъ.

ствомъ, такъ и учебною частію, онъ окончилъ приготовительный къ университету курсъ ученія". Между товарищами Каткова по пансіону былп, между прочимъ, нынѣ покойный М. А. Поливановъ, съ которымъ Михаилъ Никифоровичъ сохранялъ дружескія отношенія во всю жизнь и нынѣшній посолъ во Франціп баронъ Моренгеймъ. Припоминаю, Михаилъ Никифоровичъ говорилъ мнѣ, что по происхожденію отъ матери, о которой онъ сохранялъ самую благоговѣйную память, въ его жилахъ есть грузинская кровь.

Въ университетъ Михаилъ Никифоровичъ вступилъ въ 1834 году. Эпоха, въ которую онъ былъ студентомъ, замѣчательна въ исторіи Московскаго университета. Въ апрѣлѣ 1834 года былъ назначенъ министромъ Сергѣй Семеновичъ Уваровъ, годъ предъ тѣмъ уже управлявшій министерствомъ. Въ томъ же году введена инспекція въ университетахъ, и на должность инспектора въ Москвѣ опредѣленъ получившій потомъ такую извѣстность и популярность, капитанъ 2-го ранга Платонъ Степановичъ Нахимовъ, избранный тогдашнимъ попечителемъ, княземъ С. М. Голицынымъ. Студенты облечены въ мундиръ съ синимъ воротникомъ, съ которымъ соединилось потомъ столько воспоминаній и къ которому вернулись нынѣ. 26 іюня 1835 года утвержденъ новый университетскій уставъ и постепенно введенъ въ университетѣ во время пребыванія въ немъ Михаила Никифоровича. Съ новымъ уставомъ вступилъ въ университетъ и новый попечитель, назначенный указомъ 1 іюля 1835 года, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Началось „строгановское время" столь блестящее въ лѣтописи Московскаго университета. Предъ введеніемъ устава въ 1834 году, по ходатайству Уварова, университету пожалована добавочная сумма 220,700 руб. ассигнаціями. Изъ суммы этой сдѣлано значительное обновленіе учебныхъ пособій. Дѣломъ этимъ занималась коммиссія изъ профессоровъ: Давыдова, Перевощикова, Альфонскаго, Геймана, Васильева, Эйнбродта и производителя дѣлъ профессора Шуровскаго.

Михаилъ Никифоровичъ поступилъ на словесное отдѣленіе. Отдѣленія эти,—ихъ было до устава 1835 г. четыре:

нравственно-политическое, физико-математическое, врачебное и словесное,—новымъ уставомъ переименованы были въ факультеты и поставлены въ новомъ порядкѣ: философскій съ двумя отдѣленіями (словеснымъ и физико-математическимъ), юридическій и медицинскій. Профессорами словеснаго отдѣленія, въ эпоху студентства Михаила Никифоровича были: Каченовскій, Болдыревъ, Давыдовъ, Ивашковскій, Снегиревъ, Надеждинъ, Погодинъ, Щедрицкій, Гавриловъ, Кубаревъ, Шевыревъ, Оболенскій; затѣмъ Крюковъ, Печеринъ и Чивилевъ. Никого изъ профессоровъ, лекціи которыхъ посѣщалъ Михаилъ Никифоровичъ, — онъ сказывалъ мнѣ, что, между прочимъ, прослушалъ заинтересовавшій его курсъ анатоміи профессора Эйнбродта, — нельзя назвать его ближайшимъ учителемъ. Ни съ кѣмъ въ особенной близости онъ не состоялъ и занимался своеобразно и самостоятельно. Лекціи Крюкова, начавшаго преподавать съ 1837 года, оставили, впрочемъ, въ немъ сильное впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ дарованія его скоро были замѣчены. Этому содѣйствовало обстоятельство, о которомъ я слышалъ отъ него разсказъ. Предъ экзаменомъ изъ исторіи Михаилу Никифоровичу случилось познакомиться съ однимъ капитальнымъ сочиненіемъ о переселеніи народовъ — не припомню, какимъ. Книга его заинтересовала и онъ внимательно съ ней ознакомился. На экзаменѣ ему попался билетъ именно о переселеніи народовъ. Онъ сталъ входить въ такія подробности, что удивилъ экзаминаторовъ, которымъ оставалось только слушать его изложеніе. Съ тѣхъ поръ его отвѣты на экзаменахъ вообще славились. П. М. Леонтьевъ, вступившій въ университетъ въ 1837 году, сказывалъ мнѣ, что молодые студенты ходили слушать, какъ отвѣчаетъ Катковъ. Внимательный попечитель, графъ Строгановъ, замѣтилъ даровитаго студента.

II.

Въ маѣ 1838 года Михаилъ Никифоровичъ окончилъ университетскій курсъ кандидатомъ съ отличіемъ. Съ нимъ

вмѣстѣ окончили кандидатами: Буслаевъ Ѳ. И., Самаринъ Ю. Ѳ., Строевъ Михаилъ (эти трое въ спискѣ поставлены выше Михаила Никифоровича); Каменскій Дмитрій (впослѣдствіи изъ Лондона присылавшій статьи въ „Русскій Вѣстникъ“), Васплинъ, Преображенскій, Кротковъ. Того же выпуска на юридическомъ факультетѣ былъ нынѣшній министръ народнаго просвѣщенія, И. Д. Делянонъ. Чрезъ годъ по окончаніи курса Михаилъ Никифоровичъ съ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра.

Къ концу тридцатыхъ годовъ относятся первые литературные опыты Михаила Никифоровича. Это были стихотворенія на темы изъ нѣмецкихъ поэтовъ, преимущественно изъ Гейне; переводы изъ Шекспира (Ромео и Юлія); переводы статей Ретшера, объ искусствѣ. Михаилъ Никифоровичъ принадлежалъ къ тому московскому кружку, гдѣ были Боткинъ (Василій Петровичъ), Бѣлинскій, Бакунинъ и другіе и въ которомъ искусный Петербургскій редакторъ „Отечественныхъ Записокъ“ нашелъ, чрезъ посредство Алексѣя Дмитріевича Галахова, дѣятельныхъ сотрудниковъ для своего изданія, много содѣйствовавшихъ его успѣху. Сколько мнѣ извѣстно, А. Д. Галаховъ имѣетъ въ виду подѣлиться съ публикою своими воспоминаніями о первыхъ шагахъ Михаила Никифоровича на журнальномъ поприщѣ и въ особенности о его участіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ, раздѣляя труды съ Бѣлинскимъ, онъ велъ критическій и библіографическій отдѣлы. О своихъ отношеніяхъ съ А. А. Краевскимъ за время своего сотрудничества Михаилъ Никифоровичъ сохранилъ хорошія воспоминанія и когда впослѣдствіи посыпались на Краевскаго обвиненія въ томъ, что онъ эксплоатировалъ Бѣлинскаго, Михаилъ Никифоровичъ находилъ нападки эти несправедливыми. Когда газета „Голосъ“ сдѣлалась органомъ партій, работавшихъ въ правительствѣ противъ направленія, какое проводилъ Михаилъ Никифоровичъ, онъ выступилъ самымъ рѣзкимъ обличителемъ податливаго Петербургскаго органа, и это, естественно, прервало его отношенія съ А. А. Краевскимъ. Но я помню, съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ

встрѣтилъ онъ при мнѣ редактора „Отечественныхъ Записокъ“, когда тотъ въ 1860 году былъ въ Москвѣ и посѣтилъ Михаила Никифоровича.

Катковъ, какъ и другіе члены кружка, увлекался Гегелемъ и усердно изучалъ его философію. Въ „Московскомъ Наблюдателѣ“, редактированномъ тогда Бѣлинскимъ, М. Бакунинъ помѣщалъ переводы гимназическихъ рѣчей Гегеля о философіи; Михаилъ Никифоровичъ переводилъ статьи Ретшера въ духѣ той же философіи о художественной критикѣ. Въ письмахъ Бѣлинскаго, на сколько они приведены въ біографіи г. Пыпина, есть свидѣтельства о томъ, какъ Катковъ знакомилъ Бѣлинскаго съ результатами Гегелевой системы, какъ между прочимъ передавалъ ему содержаніе Гегелевой Эстетики. Въ біографіи Бѣлинскаго, составленной г. Пыпинымъ, есть много мѣстъ, взятыхъ изъ писемъ Бѣлинскаго, гдѣ говорится объ отношеніяхъ его къ Каткову (обозначаемаго буквою *К*): объ ихъ близости, размолвкахъ и окончательномъ охлажденіи. Но всѣ эти мѣста, приведенныя отрывками, не даютъ никакого полнаго представленія объ этихъ отношеніяхъ. Письма цѣликомъ, при жизни Михаила Никифоровича, естественно, не подлежали оглашенію. Вѣроятно они будутъ изданы съ теченіемъ времени. Не имѣя данныхъ, не берусь говорить о годахъ молодости Михаила Никифоровича. Приведенные отрывки,—подобранные, или вѣрно передающіе впечатлѣніе, не знаю—намекаютъ на нѣкоторую душевную сухость въ особенности въ противоположность съ увлекающимся Бѣлинскимъ. Въ отрывкахъ изъ письма къ Боткину въ январѣ 1841 года читаемъ напримѣръ: „Личность его (Каткова) проскользнула по мнѣ, не оставивъ слѣда, но его взгляды на многое, право, мнѣ кажется, мнѣ больше дали, чѣмъ ему самому. Ясно, что немного прошло у него чрезъ сердце, но живетъ только въ головѣ и потому отъ него прпстаетъ и понимается съ трудомъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются самыя рѣшительныя свидѣтельства о вліяніи Каткова на Бѣлинскаго, многому отъ него научившагося. „Катковъ“—пишетъ Бѣлинскій о сношеніяхъ своихъ съ Михаиломъ Никифоро-

вичемъ въ 1837 году (въ письмѣ къ Станкевичу въ сентябрѣ 1839 г.) передалъ мнѣ, какъ умѣлъ, а я принялъ въ себя, какъ могъ, нѣсколько результатовъ Эстетики (Гегеля)". „Чѣмъ болѣе думаю,—говоритъ Бѣлинскій въ упомянутомъ письмѣ къ Боткину, тѣмъ яснѣе вижу, что пребываніе Каткова (въ Петербургѣ въ 1840 году) дало сильный толчекъ движенію моего сознанія".

И однако искренней дружеской близости у Бѣлинскаго съ Катковымъ не было. Нѣжнаго увлеченія слабостями болѣе, чѣмъ достоинствами, какимъ нерѣдко поддерживается взаимность и какое такъ замѣтно въ сношеніяхъ Бѣлинскаго съ другими близкими ему людьми, здѣсь нѣтъ и тѣни. Отношенія сравнительно холодны. Вообще въ сношеніяхъ Михаила Никифоровича съ людьми, даже близкими, замѣчается черта характера, на которой стоитъ остановиться и которая въ особенности развилась впослѣдствіи. Міръ, въ которомъ жилъ Михаилъ Никифоровичъ, не былъ тотъ міръ, который въ данную минуту непосредственно окружалъ его въ дѣйствительности. Это было замѣтно даже въ особенностяхъ его неопредѣленнаго взора, который дѣлалъ впечатлѣніе на всѣхъ, его знавшихъ, какъ нѣчто оригинальное, ему принадлежавшее. Онъ имѣлъ обыкновенно дѣло не съ людьми и вещами въ ихъ реальной полнотѣ существованія, а съ образами людей и вещей, какъ стояли они предъ его могущественнымъ умственнымъ прозрѣніемъ, при освѣщеніи той или другой мысли, всецѣло поглощавшей его въ данную минуту. Двумъ мыслямъ заразъ онъ отдаваться не могъ, въ этомъ было одно изъ условій его силы. Чтобы быть съ нимъ въ тѣсномъ общеніи, быть безъ усилія услышанными, вполнѣ понятыми, требовалось войти въ этотъ міръ, оставивъ, забывъ за порогомъ большую часть самого себя. Безгранично преданный Михаилу Никифоровичу незабвенный Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ—тотъ забывалъ самого себя. Оттого Михаилъ Никифоровичъ былъ правъ, говоря, что они составляли такое цѣлое, въ которомъ нельзя замѣтить, гдѣ кончается одинъ и начинается другой. Однако, эти образы людей и

вещей не были какими-либо туманными, мечтательными, неопредѣленными. Напротивъ это были образы живые, вѣрные дѣйствительности во всѣхъ чертахъ, взятыхъ изъ нея, но съ устраненіемъ и затушевкою другихъ чертъ, вслѣдствіе которыхъ эти живые образы были живыми людьми во всѣдневномъ ихъ существованіи. Въ своихъ рѣзкихъ очертаніяхъ, существа эти нерѣдко представлялись дѣйствующими болѣе сознательно, полно и совершенно—въ хорошую или дурную сторону — чѣмъ тѣ дѣйствительные люди, съ ихъ слабостями и непослѣдовательностями въ добрѣ и злѣ, которымъ эти черты принадлежали. Припоминаю, какое преувеличенное представленіе имѣлъ Михаилъ Никифоровичъ о дѣйствіяхъ, намѣреніяхъ, планахъ, своего рода геніальности покойнаго Александра Васильевича Головнина въ области тѣхъ направленій и замысловъ, противъ которыхъ всею силою боролся Михаилъ Никифоровичъ. Но если воплощеніе усмотрѣнныхъ чертъ въ цѣльные живые образы могло быть преувеличеннымъ, не вполнѣ вѣрнымъ, въ приложеніи къ тѣмъ или другимъ людямъ, то самыя черты всегда были вѣрны дѣйствительности. Сила воображенія не закрывала дѣйствительности своимъ пологомъ, а напротивъ сквозь покровъ этотъ угадывала и усматривала работающія въ ней силы. Проницательность, прозорливость Михаила Никифоровича были поразительны.

Такое пребываніе въ мірѣ мыслей, принциповъ, образовъ воплощающихъ принципы, дѣлало Михаила Никифоровича мало сообщительнымъ во всемъ кромѣ поглощавшаго его въ данное время вопроса, о которомъ онъ готовъ былъ, развивая свою мысль, говорить много и охотно, особенно съ близкими. Но порывами, какъ бы спохватившись, Михаилъ Никифоровичъ выходилъ изъ міра, гдѣ жилъ умомъ, и тогда онъ являлся и нѣжнымъ семьяниномъ, и заботливымъ другомъ, и человѣкомъ общительнымъ, въ высшей степени благотворительнымъ, самымъ добрымъ и снисходительнымъ. Изъ близкаго прошлаго, припоминаю, съ какимъ сердечнымъ чувствомъ относился онъ къ болѣзни покойнаго Б. М. Маркевича и къ положенію семейства его по

его смерти: какъ хлопоталъ о пенсіи вдовѣ. Уступчивость и мягкость Михаила Никифоровича при личныхъ сношеніяхъ—когда не шло дѣло о принципахъ,—многіе знали и этимъ пользовались: старались добиться личнаго свиданія, что̀ при разросшихся занятіяхъ Михаила Никифоровича было нелегко, и послѣ личныхъ объясненій уходили почти всегда удовлетворенными, иногда обвороженными. Нѣкоторые авторы пользовались неспособностью Михаила Никифоровича отказать, чтобы обдѣлать выгоднѣе свои литературныя предложенія. По уходѣ, случалось, Михаилъ Никифоровичъ жаловался, что посѣтитель заговорилъ его, и онъ согласился. Припоминаю одного автора, порядочно задолжавшаго редакціи *Русскаго Вѣстника* и обязавшагося покрывать долгъ изъ гонорара за помѣщаемыя произведенія. Разъ, получая гонораръ, онъ оставилъ небольшую сумму, рублей сто, въ уплату долга. Затѣмъ немедленно отправился къ Михаилу Никифоровичу и съ нѣкоторымъ торжествомъ указалъ, что постепенно уже покрываетъ свой долгъ и ему потому можетъ быть оказанъ нѣкоторый новый кредитъ. Въ силу этого аргумента попросилъ шестьсотъ рублей. Михаилъ Никифоровичъ согласился. Логическій должникъ чрезъ покушеніе на уплату сумѣлъ увеличить долгъ на пятьсотъ рублей.

Мы характеризуемъ Михаила Никифоровича чертами позднѣйшаго времени. Есть основаніе думать, что его сосредоточенность внутри себя дѣлала его и въ молодости мало пригоднымъ быть членомъ кружка.

Въ немъ не было того празднаго ласканія людей, какое требуется во взаимныхъ кружковыхъ отношеніяхъ; не было способности къ изліяніямъ, къ поднесенію водочки взаимному самолюбію; не было оригинальностей, способныхъ занимать кружокъ. Онъ былъ слишкомъ серіозенъ, мало экспансивенъ. Никакого сколько-нибудь основательнаго упрека не сохранилось, но теплыхъ отношеній не было.

III.

Возвратимся къ первымъ литературнымъ трудамъ Михаила Никифоровича. Покойный знаменитый зоологъ, ака-

демикъ Берь въ своемъ мнѣніи по поводу проекта университетскаго устава 1863 г., сдѣлалъ между прочимъ замѣчаніе, что преобладающія черты сильныхъ талантовъ, а въ области естествознанія и капитальныя открытія—обнаруживаются и намѣчаются въ весьма молодыхъ годахъ геніальныхъ людей. Ньютону было 24 или 25 лѣтъ, когда онъ изобрѣлъ дифференціальное исчисленіе; немного старше былъ онъ, когда ему стало ясно, что тяжесть есть слѣдствіе всеобщаго тяготѣнія. Линней 27 лѣтъ издалъ свое безсмертное сочиненіе „Historia naturalis“. Немного старше былъ Кювье, когда вступилъ въ Парижскую Академію Наукъ послѣ замѣчательныхъ анатомическихъ изслѣдованій. Лавуазье 30 лѣтъ преобразовалъ химію. Кеплеръ въ томъ же возрастѣ нашелъ свои великіе законы.

И въ произведеніяхъ ранней молодости Михаила Никифоровича (ему едва было 21 годъ, когда онъ дѣятельно началъ участвовать въ „Отечественныхъ Запискахъ“, раздѣляя съ Бѣлинскимъ труды по отдѣлу критики и библіографіи: въ этомъ возрастѣ юноши нынѣ едва поступаютъ въ университетъ) можно найти не намеки только, но и яркія указанія на тѣ свойства его таланта, которыя развились съ такою силою впослѣдствіи. Мысль оставалась исключительно въ литературной и философской области. О политикѣ не было и не могло быть еще и помину. И серьезныя научныя занятія принадлежатъ позднѣйшему времени. Впрочемъ уже черезъ годъ по окончаніи курса Михаилъ Никифоровичъ выдержалъ успѣшно экзаменъ на магистра.

Въ первыхъ произведеніяхъ Михаила Никифоровича можно замѣтить то особенное вниманіе, какое онъ обращалъ на отдѣлку языка. Его первые труды — переводы и притомъ стихотвореній. Сохранить тонъ рѣчи, придать ей форму способную произвести требуемое впечатлѣніе, какъ оно сознается тонкимъ пониманіемъ подлинника, есть первая задача переводчика. Внимательная скульптура подходящаго матеріала при облеченіи идеи въ словесную форму есть существенное упражненіе для того, кому предстоитъ пользоваться словомъ для дѣйствія и убѣжденія—съ каѳедры

ли въ громкомъ словѣ, или въ молчаливой бесѣдѣ съ читателемъ. При этомъ, краснорѣчіе оратора, обращающагося непосредственно къ слушателямъ, къ ихъ слуху и зрѣнію, и краснорѣчіе писателя, рѣчь котораго принимается въ тишинѣ уединеннаго чтенія, подлежатъ не одинаковымъ условіямъ. Многія рѣчи ораторовъ, въ произношеніи потрясавшія слушателей, въ чтеніи производятъ сравнительно слабое впечатлѣніе. Наоборотъ, краснорѣчивые писатели нерѣдко бываютъ слабыми ораторами. Такъ отчасти было и съ Михаиломъ Никифоровичемъ. Онъ не любилъ и затруднялся говорить публично. Когда была необходимость, говорилъ съ замѣтнымъ усиліемъ, тономъ лишеннымъ простоты и свободы. Ораторская рѣчь изливается разомъ: форма ея—на самомъ дѣлѣ, или по крайней мѣрѣ въ иллюзіи,—рождается въ минуту произношенія. Чтобы напечатать написанную имъ или продиктованную статью по интересующему предмету, Михаилъ Никифоровичъ проводилъ ее чрезъ цѣлый рядъ корректуръ. За отдѣлкой формы,—которая въ дальнѣйшіе годы не представляла затрудненій, такъ какъ чрезъ длинный опытъ находилась въ полномъ подчиненіи автора,—начинались колебанія относительно содержанія: что̀ недоговорено, что̀ переговорено. Иногда изъ-за сомнѣнія по поводу одного слова статья, совсѣмъ готовая, откладывалась до другаго дня.

Чтобы показать, какъ быстро молодой литераторъ, не поэтъ по призванію, овладѣлъ стихотворною формою,—приведемъ слѣдующее небольшое стихотвореніе изъ Гейне, вошедшее въ хрестоматіи. Стихотвореніе называется„ Гренадиры“ и помѣщено въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1840 г. (Т. VIII).

Обратно во Францію шли гренадиры
Изъ русскаго плѣна вдвоемъ;
И лишь добрались до нѣмецкой квартиры
Ихъ вѣсть поражаетъ, какъ громъ,—

* * *

Что Франція гибнетъ,—она уступила,
Она проиграла войну,
И гвардія знамя въ бою опустила
И самъ императоръ въ плѣну.

*
* *
Заплакали горько ихъ старыя очи.
— Товарищъ! одинъ говоритъ:
Мнѣ дальше нейдти ужь, товарищъ, нѣтъ мочи,
Горитъ моя старая рана, горитъ!
*
* *
„Балъ конченъ, товарищъ!“ другой отвѣчаетъ:
„И я бы здѣсь умеръ съ тобой;
Но дома семейство меня поджидаетъ;
Что будетъ съ дѣтьми и женой?“
*
* *
— Какое мнѣ дѣло! пускай поджидаютъ...
Бросаю дѣтей и жену,
Голодною смертью пускай умираютъ:
Въ плѣну императоръ, въ плѣну!
*
* *
Когда я умру здѣсь, ты тѣло съ собою
Возьми непремѣнно, камрадъ,
Пусть будетъ французской землею
Засыпанъ французскій солдатъ.
*
* *
На ленточкѣ красной ты также положишь
Почетный мнѣ крестъ мой на грудь,
Ружье мое въ руки мнѣ вложишь
И штыкъ привинтить не забудь.
*
* *
И буду лежать я не слышно, не видно
На стражѣ въ могилѣ моей,
Пока не раздастся громъ пушекъ призывный,
Да топотъ и ржанье коней.
*
* *
То мой императоръ промчится съ полками,
Пора мнѣ изъ гроба вставать,—
То мой императоръ промчится съ полками,
Я встану его защищать.

IV.

Первая статья Михаила Никифоровича въ „Отечественныхъ Запискахъ“ помѣщена въ видѣ приложенія къ третьему тому этого изданія, въ 1839 году. Статья эта переводъ отзыва о Пушкинѣ, сдѣланнаго нѣмецкимъ критикомъ Варнгагенъ фонъ-Энзе. Переводъ сопровождается письмомъ Михаила Никифоровича къ издателю „Записокъ“. Дѣло въ томъ, что статья Варнгагена была уже переведена въ одномъ изъ русскихъ журналовъ (если не ошибаюсь, въ „Москвитянинѣ“) и о ней сдѣланъ былъ отзывъ, въ которомъ „она

признана не заслуживающею никакого вниманія, пустою и неумѣвшею прикрыть свою пустоту даже особенною манерою выражаться, свойственною, будто бы, Нѣмцамъ". И искаженный текстъ перевода, и отзывъ возмутили Каткова. Онъ еще разъ, съ особою тщательностію, перевелъ статью.

„Этой статьѣ,—говоритъ онъ,—въ письмѣ къ редактору „Отечественныхъ Записокъ" суждена была странная и жалкая участь у насъ на Руси: ни для кого не могла она имѣть такого интереса, какъ для насъ, и, между тѣмъ, прежде, нежели наша публика познакомилась съ нею, какъ уже явилась какая-то странная фигура, и незаконно овладѣла ея правами. Какъ? Неужли эти права никогда не будутъ возвращены ихъ законному владѣльцу?.. Нѣтъ, нѣтъ,— позвольте мнѣ надѣяться, вы не станете долго раздумывать— вы непремѣнно будете содѣйствовать къ улучшенію статьи, произвольно назвавшей себя статьею Варнгагена и къ возстановленію правъ истины, столь важной во многихъ отношеніяхъ для насъ, Русскихъ. Вспомните, что здѣсь дѣло идетъ о Пушкинѣ, о нашей родной славѣ, о нашей народной гордости. Что́, если до Варнгагена дойдутъ слухи о томъ, какъ привѣтствовалиу насъ его статью? Что̀ если онъ услышитъ, что въ одномъ русскомъ журналѣ, напечатавшемъ *переводъ* его статьи, произнесенъ также и отзывъ объ ней, отзывъ, въ которомъ, она признана не заслуживающею никакого вниманія, пустою и неумѣвшею прикрыть своей пустоты даже особенною манерою выражаться, свойственною, будто-бы, Нѣмцамъ и т. д.?... Вѣдь онъ профанъ въ нашихъ журнальныхъ дѣлахъ, вѣдь онъ, пожалуй, подумаетъ, что журналъ, принявшій такъ радушно его, пользуется большимъ вѣсомъ и служитъ органомъ общаго мнѣнія,—и тогда какой поводъ къ укоризнамъ на нашу литературу! Простите, А. А., что я такъ долго утомляю ваше вниманіе: вы, уже, вѣроятно, давно согласились со мною, и мнѣ бы вовсе не слѣдовало толковать вамъ долго о томъ, что̀ вы, безъ сомнѣнія, знаете еще лучше меня. За сим. честь имѣю и пр. и пр."

Предпосланное переводу объясненіе переводчика весьма характерно. Вмѣстѣ съ восторженнымъ юношескимъ поклоненіемъ Пушкину (двадцатилѣтній авторъ пишетъ о минутахъ наслажденія, разсѣянныхъ въ его жизни, дарованныхъ Пушкинымъ) идетъ восторженное, благоговѣйное поклоненіе Германіи и Гегелю. „Въ лицѣ Гегеля подаетъ намъ руку Германія, въ лицѣ Германіи вся Европа и цѣлое человѣчество. „Слышите ли?“ восклицалъ онъ. Приведемъ это объясненіе.

„*Отъ переводчика*. Нашъ великій поэтъ нашелъ, наконецъ, себѣ отзывъ въ сердцѣ Германіи—въ Пруссіи. Чье сердце не забьется сладкимъ восторгомъ и мужественною гордостію, кто истинно-Русскій не заплачетъ отъ умиленія при слѣдующихъ строкахъ извѣстнаго германскаго біографа и критика? По крайней мѣрѣ, въ нашей жизни было мало такихъ вдохновенныхъ чувствованій, какъ при этомъ благородномъ, при этомъ германскомъ отзывѣ на голосъ нашего Пушкина, нашего великаго Пушкина, въ которомъ жило и которымъ проявилось все лучшее нашей жизни... Всѣ минуты высокаго наслажденія, дарованныя Пушкинымъ и разсѣянныя въ жизни ищущаго эти строки, собрались и сосредоточились въ эту свѣтлую, въ эту несравненную минуту... Еще подъ ея напіемъ, еще когда сердце не остыло отъ сладкаго чувства, рука чертитъ мертвыя буквы... Пушкинъ! мы такъ мало оцѣнили тебя, такъ мало сдѣлали для твоей славы!

„Вспомнимъ, чѣмъ привѣтствовали поэта при его жизни наши аристархи. Съ жалкою важностью разбирали они его созданія, или съ притворною улыбкою оскорбительной снисходительности похваливали ихъ, приговаривая, что Пушкинъ поэтъ, хорошій поэтъ. Горько было средп нихъ питомцу боговъ; одинъ исходъ оставался ему—затвориться въ самомъ себѣ и отказаться отъ сладкой надежды на отзывъ тѣхъ, для кого онъ жилъ и дѣйствовалъ. И онъ затворился въ себѣ, онъ отказался отъ этой надежды. Помните ли, что́ говоритъ онъ въ своемъ чудномъ сонетѣ къ поэту? Иногда, и то очень рѣдко, прорывался голосъ истиннаго чувства,

но голосъ одного чувства, чувства не облеченнаго въ броню мысли, слабъ; онъ не въ силахъ выговаривать членораздѣльныхъ звуковъ; онъ служитъ только признакомъ, что грудь переполнена наслажденіемъ, и не можетъ произнести оцѣнки тому, что́ пе́реполняло эту грудь. Слово чувства—междометіе.

„Теперь нѣтъ Пушкина! Кто не видалъ Пушкина, не увидитъ его! Но въ душахъ избранныхъ хранится, какъ святыня, созерцаніе духовнаго лика поэта. Къ этимъ-то избраннымъ душамъ обращаемъ мы рѣчь свою и оставляемъ въ покоѣ тѣхъ, которые еще коснѣютъ въ наивной увѣренности, что Пушкинъ былъ не больше, какъ поэтъ ограниченной эпохи, долженствующій исчезнуть вмѣстѣ съ нею. Въ ихъ созерцаніи не живетъ духовный образъ Пушкина, а въ комъ не живетъ этотъ образъ, съ тѣми у насъ нѣтъ ничего общаго, съ тѣми мы не будемъ тратить словъ по пустому.

„Смѣшно бы, можетъ быть, показалось многимъ, если бы мы сказали, что Пушкинъ — поэтъ всемірный, стоящій на ряду съ тѣми немногими, на которыхъ съ благоговѣніемъ взираетъ цѣлое человѣчество. Имъ было бы смѣшно,—а отъ чего было бы имъ смѣшно? Что̀, если мы скажемъ имъ, что сейчасъ сказали, отъ лица иностранца, чуждаго всякаго пристрастія, иностранца, который судитъ о Россіи и объ ея явленіяхъ не какъ членъ народа, а какъ членъ цѣлаго человѣчества,—что скажутъ они тогда?—Не окажется ли тогда, что своею насмѣшкою они смѣялись надъ самими собою?

„Мы твердо убѣждены и ясно сознаемъ, что Пушкинъ — поэтъ не одной какой-нибудь эпохи, а поэтъ цѣлаго человѣчества, не одной какой-нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоялся низойдти въ самые сокровенные тайники русской души... Глубока душа русская! Нужна гигантская мощь, чтобы изслѣдить ее: Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея, и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крывшееся въ ней... Какъ народъ

Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ.

„Статья, которую вы будете читать теперь, напечатана въ Берлинскомъ журналѣ „Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik“, въ журналѣ, основанномъ Гегелемъ, тѣмъ величайшимъ философомъ, который объялъ и совершилъ стремленія разума. Этотъ журналъ издается теперь достойными учениками безсмертнаго учителя—и въ этомъ журналѣ выговорено иностранцемъ полное, торжественное сознаніе величія нашей родины, произнесена достойная оцѣнка нашего Пушкина. Въ лицѣ Гегеля подаетъ намъ руку Германія, въ лицѣ Германіи—вся Европа и цѣлое человѣчество. Слышете ли?—Насъ уже не называютъ учениками и подражателями... Слышете ли?—Къ намъ взываютъ наши учители, какъ равные къ равнымъ. Они радушно указуютъ намъ на свои сокровища, а намъ даже не нужно поднимать руки, чтобъ указать на свои: они сами лучше нашего видятъ, гдѣ и въ чемъ они. Стыдно! Насъ опередили въ оцѣнкѣ нашего Пушкина! Но дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ, дай Богъ, чтобъ мы почувствовали, наконецъ, въ себѣ силы къ самобытной и самосознательной умственной дѣятельности. Этой сладкой надеждой мы заключаемъ наше краткое введеніе въ статью Варнгагена фонъ-Энзе, статью, въ которой мы слышимъ какъ бы изъ другаго міра звучащій въ привѣтъ Россіи и ея великому поэту—голосъ самого Гегеля“.

V.

Наболѣе любопытное изъ произведеній юнаго критика есть разборъ небольшой книжки „Сочиненія въ стихахъ и прозѣ графини Сарры Толстой. Переводъ съ нѣмецкаго и англійскаго. Москва 1840. Двѣ части“. Графиня Сарра Толстая, дочь графа Толстого, прозваннаго Американцемъ и отмѣченнаго стихами Грибоѣдова, была феноменальная дѣвушка, скончавшаяся семнадцати лѣтъ, оставивъ по себѣ рядъ мечтательныхъ лирическихъ произведеній, писанныхъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ. Близкіе юной поэтессы

издали въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, въ переводѣ, эти дѣтскія произведенія, во всякомъ случаѣ свидѣтельствующія о натурѣ необыкновенной. Жуковскій по случаю смерти Сарры написалъ посланіе къ ея отцу:

Плачь о себѣ—твое мы счастье схоронили;
Ее жъ на родину изъ чужи проводили.
Не для земли она назначена была.
Прямая жизнь ея теперь лишь началася
Она уйдти отъ насъ спѣшила и рвалася,
И здѣсь въ свой краткій вѣкъ два вѣка прожила.
Высокая душа такъ много вдругъ узнала,
Такъ много тайнаго небесъ вдругъ поняла,
Что для нея земля темницей душной стала,
И смерть ей выкупомъ изъ тяжкихъ узъ была.

Книжка произведеній Сарры Толстой восхитила молодаго критика и онъ, не обинуясь, призналъ ее геніальною натурой, а произведенія важнымъ литературнымъ явленіемъ. Онъ далъ о книгѣ библіографическій отзывъ, а затѣмъ напечаталъ цѣлую большую критическую статью. Истекшею весною, вспоминая въ разговорѣ со мною свою первую литературную дѣятельность въ „Отечественныхъ Запискахъ“, Михаилъ Никифоровичъ въ особенности остановился на своемъ разборѣ произведеній Сарры, произведшемъ въ свое время значительное впечатлѣніе. Онъ съ улыбкою говорилъ о своихъ юношескихъ восторгахъ мимолетнымъ талантомъ мечтательной и болѣзненной дѣвушки, на зарѣ похищенной смертію; но можно было замѣтить, что воспоминанія о статьѣ были ему дороги, что въ статьѣ много было вложено изъ его юношеской души. Это побуждаетъ насъ выставить характеристическія черты любопытнаго разбора.

„Напечатанная, говоритъ Михаилъ Никифоровичъ (*Отеч. Зап.*, Т. XII, 1840 г.), въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ, не для продажи, а для небольшаго круга родныхъ и знакомыхъ, книга эта — явленіе въ высшей степени необыкновенное и замѣчательное,—ускользнула отъ зоркости нашихъ журналовъ, и только въ нашемъ журналѣ встрѣтила себѣ двукратный отзывъ и привѣтствіе. Мы назвали сочиненія графини Сарры Толстой явленіемъ необыкновеннымъ и имѣли на то полное право, какъ по самому содер-

жанію и характеру этихъ сочиненій, такъ и по судьбѣ поэтической дѣвушки, которой внутренняя жизнь была ихъ источникомъ. Сочиненія состоятъ, какъ уже и было замѣчено, въ библіографическихъ отчетахъ нашего журнала, большею частію изъ стихотвореній, писанныхъ на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ и переданныхъ на русскій прозою съ буквальною точностію, по свидѣтельству самого переводчика, г. Лихонина, сообразовавшагося въ этомъ отношеніи съ желаніемъ почтеннаго родителя покойной, графа Ѳ. И. Толстого. Ощущенія, выраженныя въ стихотвореніяхъ Сарры, могли выйдти только изъ высшей духовной настроенности, изъ души, означенной знаменіемъ высшаго происхожденія. Въ нихъ дышетъ такая чистая идеальность, полетъ ихъ такъ высокъ, первоначальные источники ихъ скрываются въ такой таинственной глубинѣ человѣческой природы, что не только у насъ, среди нашей *компактной* дѣйствительности, но даже въ самой Германіи, возбудили бы благоговѣйное вниманіе. Ихъ проникаетъ та тайная музыка, тотъ тонкій эѳиръ, которыми дышатъ только избранные, и которые, кромѣ богатства и глубины натуры, свидѣтельствуютъ еще и о высшемъ внутреннемъ развитіи духа, взлелѣяннаго всѣмъ что̀ есть въ человѣчествѣ благороднаго и святаго“.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о произведеніяхъ Сарры Толстой, приведемъ два небольшихъ отрывка.

Фіалка.

Въ травѣ цвѣтистаго ковра, при тихомъ сумракѣ вечера, чистый весенній воздухъ напоенъ благоуханіями фіалки.

Она, стыдясь лучей солнечныхъ, цвѣтетъ потаенно въ долинѣ, и лишь тихаго свѣта луны не боится этотъ цвѣтокъ.

Нѣжный цвѣтокъ, ты сходенъ съ любовью, которая также желала бы остаться тайною; но влажный свѣтъ очей, и грудь, разрывающаяся отъ вздоховъ, обнаруживаютъ ее: запахъ, разливаемый тобою въ весеннемъ воздухѣ—есть дыханіе сладкой любви, которая бы иначе осталась безвѣстною.

Вы, облаки, вы легкія, унесите меня къ далекимъ златымъ звѣздамъ! О унесите!

Увы! такъ быстро несетесь вы, исполненныя благоуханій, въ розовомъ эфирѣ—туда! Вы несетесь на блестящихъ крылахъ, съ перловою росою; несетесь по лазурному полю—туда!..

О, еслибъ у меня были крылья: я поднялась бы, я понеслась бы съ вами—туда! О! я-бъ полетѣла съ дымящимся кровію сердцемъ, понеслась бы, полная нѣги—туда!

Вы, облаки, вы легкія, унесите меня къ далекимъ златымъ звѣздамъ! О! унесите!

Таково большинство лирическихъ мечтаній юной дѣвицы-поэта. Недосказанное было пополняемо воображеніемъ юнаго критика и казалось ему глубиной, уводящей въ сверхчувственный, горній міръ. Въ этой доступности для Сарры „другаго міра“, для котораго міръ дѣйствительный есть только застилающій его пологъ, критикъ видитъ свидѣтельство геніальности семнадцатилѣтней писательницы. Признаніе сверхчувственнаго міра, стремленіе къ нему есть одна изъ самыхъ существенныхъ чертъ духовнаго существа М. Н. Каткова. Она обнаружилась уже въ ранней юности. Будущій ученикъ Шеллинга, послѣдователь его философіи божественнаго откровенія,—что̀ не мѣшало ему быть трезвымъ и практическимъ политикомъ,—уже тогда былъ полонъ идеаломъ сверхчувственнаго міра, неоставлявшимъ его во всю жизнь. Покойный Государь въ достопамятномъ свиданіи съ Катковымъ 20-го іюня 1866 года въ Москвѣ, въ Петровскомъ дворцѣ (о свиданіи этомъ буду еще имѣть случай говорить) сказалъ ему: „сохрани священный огонь,—feu sacré, какъ выразился Императоръ — который есть въ тебѣ“. Этотъ священный огонь онъ бралъ изъ того сверхчувственнаго міра, въ который вѣрилъ всей душой. Мистика была всегда существеннымъ качествомъ натуры Каткова. Но мистика эта не была туманною и гадательною, создающею свои вѣрованія, свою личную религію. Это была мистика замѣчательно трезвая. Она дозволила уму философа принять положительныя вѣрованія церкви въ той же силѣ и томъ же смыслѣ, какъ принимаетъ ихъ простой и неученый искренній христіанинъ. Можно видѣть нѣчто провиденціальное въ томъ, что геніальный представитель русскаго національнаго чувства и національной государственной политики въ странѣ

гдѣ православная вѣра такъ глубоко вошла въ существо народной массы, былъ самъ безусловно вѣрнымъ сыномъ своей церкви.

По случаю смерти Михаила Никифоровича многими была замѣчена та особая торжественность, съ какою православная церковь, въ лицѣ ея іерарховъ и служителей, въ молитвѣ и словѣ напутствовали своего вѣрнаго сына, притекшаго къ тихому пристанищу. Необычайная популярность Михаила Никифоровича въ средѣ нашего духовенства есть знаменательное свидѣтельство, на сколько въ русскую глубь шелъ патріотизмъ этого выразителя сознанія русскаго народа.

„Не говорите,—пишетъ Катковъ въ своей статьѣ, нѣтъ чудесъ—сама жизнь есть великое чудо. Въ потокѣ случайностей, въ говорѣ дня, мы не слышимъ божественной симфоніи, въ которую сливаются всѣ безчисленныя разногласія и противорѣчія, и изъ которой обратно исходитъ все, что живетъ. Порабощенные мгновенію, мы не знаемъ и не чувствуемъ, что̀ мы, гдѣ мы; работники вѣчной воли, часто, о, какъ часто! не мы живемъ жизнію, а жизнь живетъ нами...

„Мы далеки, продолжаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, отъ ребяческихъ, или лучше, старческихъ жалобъ на меркантильность вѣка, на преобладаніе практическихъ интересовъ и т. п. Усовершенствованіе общества посредствомъ новыхъ изобрѣтеній и пріобрѣтеній, торжественныхъ завоеваній въ царствѣ природы, должно напротивъ радовать душу и удостовѣрять ее не въ хилости и сухости вѣка, а въ его силѣ и жизненной сочности. Тотъ врагъ всякихъ успѣховъ, кто не будетъ рукоплескать успѣхамъ промышленности, торговли, гражданственности, быта,—торжествовать побѣдъ надъ природой, одерживаемыхъ орудіями самой природы, побѣдъ надъ пространствомъ и временемъ помощію силъ, дѣйствующихъ въ самыхъ предѣлахъ времени и пространства. Но это не должно, однако же, препятствовать намъ обращаться туда, гдѣ отъ вѣка побѣждена власть пространства и времени властію высшею, гдѣ таится возможность всякой побѣды, всякаго торжества. И какъ бы могъ пойти нашъ трудъ,

еслибы ему не было начала; что̀ бы онъ значилъ, еслибы ему не было цѣли?.. Каменьщикъ, прилежно отесывающій свой камень, ничего не видитъ кромѣ его, и ничѣмъ не занятъ кромѣ своей работы; окончивъ ее, онъ поспѣшно идетъ домой, не оглядываясь, и такъ живетъ до послѣдняго дня, не зная смысла своего труда, не насладившись и даже, къ несчастію, не чувствуя потребности насладиться созерцаніемъ плана дивнаго зданія; но есть зодчій: зодчій знаетъ свой планъ, и его узнаетъ всякій, кого изберетъ зодчій, кто прибѣгнетъ къ нему.

„Глядя на міръ, какъ онъ есть, скорѣе станемъ, изъ двухъ крайностей, мистикомъ, чѣмъ нигилистомъ: мы окружены отовсюду чудесами. Привычка притупила насъ; привычка сдѣлала насъ равнодушными; привычка усыпила въ насъ всѣ вопросы, уложила всѣ стремленія,—и мы подъ обаяніемъ нашихъ пяти чувствъ, покоимся объятые глухимъ магнетическимъ сномъ. Что-жъ мудренаго, если мы иногда просыпаемся на мгновеніе, гораздо мудренѣе, что мы часто пробуждаемся только при дверяхъ гроба. Тамъ, въ той дѣйствительности, въ которой пробуждаемся мы въ святыя минуты, вся сила, вся власть и вся слава; тамъ разрѣшеніе всѣхъ тайнъ и оправданіе всѣхъ чудесъ; оттуда-то проникаютъ въ нашъ сонъ божественные звуки и чарующія видѣнія. Прислушаемъ ли мы ухомъ къ таинственному и безмолвному языку природы, упиваемся ли мы цѣломудреннымъ созерцаніемъ красоты, блаженствуемъ ли мы въ страданіи самоотреченія, грустимъ ли, вѣнчая лучшія наши надежды и желанія: — все это вѣсть оттуда, это осуществленіе тамошняго въ здѣшнемъ, или лучше *тамъ* и *здѣсь* воедино слитые въ вѣчности“.

Дочь графа Ѳ. И. Толстого, Сарра, со стороны матери была цыганка происхожденіемъ. Родилась съ сѣменемъ болѣзни въ груди. Въ девять лѣтъ у ней открылись жестокія головныя боли, а затѣмъ боли въ груди и боку. Она начала чуждаться людей, уединяться. Начались вскрикиванія, вопли, обмороки. „Когда ей было 13 лѣтъ, необыкновенный случай ввергъ ее въ магнетическое состояніе, которое съ первыхъ

минуть ввело ее въ ясновидѣніе довольно высокой степени. Она руководила своего магнетизера, научала средствамъ къ своему облегченію, опредѣляла даже и самый часъ когда прекратятся недававшія ей покоя вскрикиванія". Разъ провела въ магнетическомъ снѣ трое сутокъ. Умъ ея не мѣшался, но по временамъ терялъ власть надъ организмомъ. Бѣшенство, овладѣвавшее ею, было ужасно. „Вихремъ вертѣлась она на одномъ мѣстѣ, страшно хохотала, переламывалась и закидывала голову къ самымъ бедрамъ; покорная волѣ магнетизера, часто обманывала и его". Случалось, что, разрушая все попадавшееся подъ руку, она въ то же время поправляла ошибки во французской орографіи отцу, писавшему къ магнетизеру, замедлившему пріѣхать. „Къ концу 1836 года бѣшенство прекратилось, согласно предсказанію; магнетическое расположеніе стало обнаруживаться кроткими явленіями, экстазомъ и видѣніями". По поводу разсказовъ о ясновидѣніи Сарры любопытны сужденія Михаила Никифоровича о животномъ магнетизмѣ. Фактическая сторона явленій въ немъ не возбуждала сомнѣній, но самыя явленія онъ разсматривалъ, какъ явленія низшей животной природы.

„Мы далеки, говоритъ онъ, отъ всякихъ мистическихъ воззрѣній на магнетизмъ, и рѣшительно не видимъ въ немъ духовнаго просвѣтленія, высшаго сознанія, переступающаго черезъ грань естественнаго чина, какъ думаютъ нѣкоторые. Напротивъ, мы убѣждены, не смотря на видимую чудотворность его, что онъ не болѣе, какъ чисто физическое отступленіе отъ нормы физическаго же существованія, и не соблазняемся разсказами объ извѣстной Seherin von Prevorst. Всякій магнетизмъ есть животный магнетизмъ, и въ сильнѣйшемъ проявленіи своемъ есть совершенное отождествореніе индивидуальнаго организма съ общими неорганическими силами природы, — состояніе, совершенно страдательное и необыкновенное только по своей рѣшительной абнормности. Всѣ предсказанія и различныя чудесныя угадыванія, которыми знаменуется ясновидѣніе, только тогда истинны и дѣйствительны, когда не выходятъ изъ границъ физическаго существованія, и только въ той мѣрѣ психическаго, въ ка-

кой оно соприкасается съ животнымъ, ибо человѣческая физика не есть простой животный организмъ, но столько же во всѣхъ своихъ отправленіяхъ проникнута психеею. Мало того, что мы не видимъ въ магнетическомъ ясновидѣніи откровенія истины, разоблаченій высшихъ тайнъ бытія, мы почитаемъ его состояніемъ низшимъ и даже деградаціей существа человѣческаго.

„Всѣ животныя спятъ магнетическимъ сномъ, который не удивителенъ, потому что нормаленъ въ нихъ и глухъ, потому что организмъ ихъ не такъ богатъ и не проникнутъ духовностью, какъ организмъ человѣческій.. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ и развивать замѣчанія, сказанныя нами мимоходомъ. Мы хотѣли еще болѣе уяснить нашу точку зрѣнія на Сарру и предупредить читателей, что не думаемъ вдаваться ни въ какія фантазерскія и мистическія мечтанія. Въ приведенныхъ словахъ Сарры объ экстазѣ и видѣніи не должно искать ничего мистическаго, тѣмъ болѣе, что само это прекрасное и благородное созданіе не только было далеко отъ того, чтобы даже невольно мистифицировать другихъ и себя, но, не смотря на необыкновенную силу магнетическихъ припадковъ, не смотря на всю болѣзненность своего организма, дало, по нашему мнѣнію, торжественное свидѣтельство о возвышенности и благородствѣ своей натуры, не подчинившись ничему темному, фантастическому, сохранивъ свѣтлую свободу сознанія и не утративъ здороваго такта для всѣхъ ощущеній—страданій и радостей дѣйствительности. Во всѣхъ ея стихотвореніяхъ, этихъ памятникахъ ея внутренней жизни, видна совершенная трезвость духа—доказательство его изумительной силы. Мистика Сарры есть здоровая, свѣтлая, прозрачная мистика живаго женственнаго сердца“.

Основная мысль та, что мистическое состояніе въ высшемъ и истинномъ его смыслѣ не есть состояніе темное, несознательное, а напротивъ есть состояніе просвѣтленія и уразумѣнія.

Самыя явленія животнаго магнетизма и такъ называемаго ясновидѣнія, какъ мы уже упомянали, не возбуждали сомнѣнія въ умѣ Михаила Никифоровича. Онъ смотрѣлъ на

нихъ не съ точки зрѣнія естествоиспытателя. Естествознаніе вообще было для него далекою и чуждою областію. Къ математикѣ, по собственнымъ словамъ его, онъ чувствовалъ себя совершенно неспособнымъ. Его свѣдѣнія изъ области естествознанія были крайне ограничены и область эта не возбуждала въ немъ значительнаго интереса, хотя, конечно, онъ не могъ не признавать и не чтить великихъ успѣховъ положительнаго знанія. Когда въ одной изъ моихъ статей я привелъ слова Араго о Ньютонѣ: „я считаю Ньютона величайшимъ геніемъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ“, Михаилъ Никифоровичъ выпустилъ эту фразу, видя въ ней преувеличеніе и не допуская, чтобы естествоиспытатель могъ быть поставленъ впереди геніевъ человѣчества, великихъ въ другихъ областяхъ.

Въ физическомъ разсмотрѣніи матеріальныхъ явленій, ускользающихъ отъ грубаго чувственнаго воспріятія, онъ видѣлъ невольное заблужденіе чувственнаго познанія. Припоминаю одинъ разговоръ на эту тему. На взглядъ Михаила Никифоровича, представленіе физика о нѣсколькихъ тысячахъ колебаній звучащаго тѣла (такъ подробно и ощутимо изслѣдованныхъ) есть уже обманъ сужденія. Физикъ думаетъ имѣть дѣло съ опытомъ и чувственнымъ познаніемъ, а имѣетъ его съ умственною и сверхчувственною идеею. Представленія о биллiонахъ свѣтовыхъ колебаній были для него игрою ума. Явленія въ мірѣ физическихъ частицъ казались ему находящимися на рубежѣ перехода отъ чувственнаго къ сверхчувственному.

Понятно, что для такого воззрѣнія на явленія природы область возможнаго и вѣроятнаго чрезвычайно расширяется сравнительно съ горизонтомъ положительнаго естествознанія. Если, слѣдуя Перти, назвать мистическими явленіями всю область проблематическихъ явленій—куда входятъ и животный магнетизмъ съ ясновидѣніемъ, и предчувствія, и предсказанія, и сны, и талисманы (область, которой только въ новѣйшее время начинаетъ касаться строго научное изслѣдованіе),—то на взглядъ Михаила Никифоровича явленія эти не входятъ въ положительную науку, не по сомнитель-

ности ихъ фактическихъ основъ, а по недостаточности и винѣ самой положительной науки. Явленія эти должны найдти и найдутъ мѣсто въ наукѣ. Описаніе спиритическихъ опытовъ, дѣлаемыхъ увлеченными спиритизмомъ учеными, представлялось Михаилу Никифоровичу именно вторженіемъ въ область науки новыхъ фактовъ, требующихъ объясненія. Что факты такого рода должны быть—это для него не подлежало сомнѣнію. То, что казалось сказочнымъ повѣствованіемъ старой няни, вдругъ находитъ мѣсто въ научномъ знаніи. Почти такъ выражался Михаилъ Никифоровичъ о чудесахъ спиритизма. Но ясная трезвость ума останавливала его, вопреки влеченію, отъ того, чтобы стать на сторону ученыхъ приверженцевъ спиритизма. Онъ съ большою охотою принималъ и помѣщалъ въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ статьи гг. Бутлерова и Вагнера. По поводу ихъ у насъ бывало не мало споровъ. Михаилъ Никифоровичъ съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ отстаивалъ достовѣрность ихъ описаній и почти сердился на мой скептицизмъ. Тѣмъ не менѣе примѣчанія въ журналѣ къ статьямъ о медіумизмѣ и спиритизмѣ появлялись въ самой осторожной формѣ. Наиболѣе сочувственная спиритизму замѣтка къ статьѣ С. А. Рачинскаго, высказывавшаго свои сомнѣнія по поводу описаній г. Вагнера, была, послѣ нѣкотораго торгованія со мною, редактирована такъ: „не думаемъ, чтобы сужденія и объясненія, излагаемыя почтеннымъ авторомъ этой статьи, удовлетворили г. Вагнера и другихъ изслѣдователей, сообщавшихъ свои наблюденія надъ явленіями, такъ неожиданно вторгшимися въ самыя, повидимому, недоступныя для ихъ научныя сферы. А потому оставляя этотъ вопросъ открытымъ, мы не прочь дать себѣ мѣсто сообщеніямъ съ другой стороны“.

Въ другой довольно обширной, раздѣленной на двѣ книжки журнала, критической статьѣ, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 г. (Гл. IV) Михаилъ Никифоровичъ разбиралъ изданіе г. Сахарова „Пѣсни русскаго народа“. Высоко оцѣняя прекрасный трудъ г. Сахарова, молодой критикъ съ поразительною для его возраста зрѣлостію,

высказываетъ рядъ мыслей о исторіи русской литературы и вообще о русской исторіи.

VI.

Въ 1841 г. Михаилъ Никифоровичъ отправился заграницу; это было весьма рѣшительнымъ шагомъ. Онъ имѣлъ въ карманѣ, какъ разсказывалъ мнѣ, всего 200 рублей, когда, въ надеждѣ на литературные заработки, пустился въ путь. Полтора года провелъ въ Берлинѣ „и здѣсь,—пишетъ онъ въ своей автобіографической замѣткѣ,—своимъ развитіемъ обязанъ преимущественно знаменитому Шеллингу, который преподавалъ тогда въ Берлинѣ свою положительную философію“. Въ началѣ посылалъ въ „Отечественныя Записки“ обозрѣнія новинокъ германской литературы. Но скоро участіе его въ журналѣ перестаетъ быть замѣтнымъ. Въ 1843 году Михаилъ Никифоровичъ вернулся въ Петербургъ, намѣревался вступить въ гражданскую службу, но встрѣча съ помнившимъ его Московскимъ попечителемъ, графомъ С. Г. Строгановымъ, измѣнила его намѣренія. Графъ склонилъ его продолжать научныя занятія, обѣщая каѳедру въ Московскомъ университетѣ. Экзаменъ на степень магистра Михаилъ Никифоровичъ выдержалъ еще въ 1840 г.; въ 1845 г. онъ защитилъ публичную диссертацію „Объ элементарныхъ формахъ славяно-русскаго языка“. Сочиненіе это составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Это строго филологическое ученое изслѣдованіе, все состоящее изъ фактовъ и сличеній, чрезвычайно скупое на какіе-либо взгляды и разсужденія. Въ томъ же 1845 году опредѣленъ адъюнктомъ въ Московскій университетъ по каѳедрѣ философіи. Философію, преимущественно логику и психологію, преподавалъ до 1850 г., когда состоялось распоряженіе, въ силу котораго философія должна быть преподаваема профессоромъ богословія.

Въ эпоху, когда Михаилъ Никифоровичъ готовился къ каѳедрѣ, онъ давалъ уроки въ семействѣ князя Голицына, владѣльца Никольскаго имѣнія въ окрестностяхъ Москвы. Гувернеромъ у Голицыныхъ жилъ извѣстный впослѣдствіи

литераторъ и переводчикъ на нѣмецкій языкъ русскихъ произведеній г. Боденштедтъ. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ онъ пишетъ слѣдующія строки о Катковѣ:

„О Катковѣ,— говоритъ Боденштедтъ,— съ которымъ я также пробылъ одно лѣто въ Никольскомъ, у меня сохранилось меньше воспоминаній (чѣмъ о Красовѣ), такъ какъ въ немъ не проявлялось въ то время ни малѣйшаго задатка той склонности къ политической дѣятельности, которая сдѣлала его имя извѣстнымъ впослѣдствіи всему міру. Серьезный отъ природы, получившій основательную философскую подготовку, Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, по разностороннему научному образованію, стоялъ гораздо выше поэтическаго и вѣтренаго Красова. Незадолго предъ тѣмъ, какъ я познакомился съ нимъ, Катковъ возвратился изъ поѣздки заграницу, гдѣ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ съ цѣлью докончить свое образованіе, побывалъ во Франціи, Бельгіи и Германіи и жилъ болѣе продолжительно въ Берлинѣ, гдѣ онъ посѣщалъ въ теченіи трехъ семестровъ лекціи философіи Шеллинга. Пріѣхавъ на родину, онъ сталъ усердно готовиться къ полученію профессорской каѳедры въ Московскомъ университетѣ и между дѣломъ умѣлъ весьма интересно разсказывать о своей заграничной жизни. Съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ онъ о Шеллингѣ и Яковѣ Гриммѣ. Въ домъ Шеллинга онъ былъ принятъ весьма радушно и часто посѣщалъ его. Въ воспоминаніяхъ объ этомъ знакомствѣ играла не малую роль прелестная дочь Шеллинга, съ которой я познакомился впослѣдствіи, когда она была уже замужемъ за барономъ Цехъ (Zech). Катковъ говорилъ о ней всегда съ большимъ уваженіемъ. Нѣмецкимъ языкомъ разговорнымъ и письменнымъ Катковъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что мнѣ ни разу не случилось подмѣтить въ его рѣчи какого-нибудь иностраннаго выраженія“ („Русская Старина“, май 1887 г. „Воспоминанія о пребываніи въ Россіи въ 1841—45 годахъ“).

Я помню Михаила Никифоровича профессоромъ. Въ 1849 г. я довольно часто ходилъ на его лекціи, имѣвшія тогда предметомъ философскія и религіозныя ученія Востока.

Онъ читалъ въ аудиторіи внизу, носящей названіе малой словесной. Она вмѣщала человѣкъ шестьдесятъ слушателей и была всегда полна. Михаилъ Никифоровичъ приходилъ на лекціи нѣсколько запаздывая, входя въ аудиторію минутъ чрезъ двадцать пять послѣ звонка; за то оставался минутами десятью, даже пятнадцатью долѣе положеннаго срока. Онъ имѣлъ нѣсколько болѣзненный видъ, хотя въ сущности отличался сильнымъ сложеніемъ; часто являлся съ повязанною бѣлымъ платкомъ щекою. Лекціи обработывалъ очень тщательно, обращая вниманіе на отдѣлку фразы, пользуясь бумажкою, на которой были, повидимому, набросаны главныя мѣста лекціи. Чтенія производили большое впечатлѣніе философскою глубиною изложенія, но большинству едва-ли были достаточно доступны. Какъ профессоръ, Михаилъ Никифоровичъ пользовался большимъ уваженіемъ, но не былъ увлекающимъ лекторомъ и не имѣлъ популярности какъ Грановскій, Кудрявцевъ, Рулье.

Оригинальное философское сочиненіе Михаила Никифоровича „Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи“ помѣщено въ 1852 г. въ „Пропилеяхъ“—сборникѣ, издававшемся покойнымъ П. М. Леонтьевымъ. Въ сочиненіи этомъ кромѣ оригинальности воззрѣнія обнаруживается замѣчательное искусство въ передачѣ древнихъ текстовъ и угадываніи смысла выраженій, въ какихъ дошли до насъ мнѣнія древнѣйшихъ философовъ Греціи. Особенное вниманіе обращено на Пиѳагоровскую философію, которую въ исторической послѣдовательности ученій онъ отодвигаетъ на древнѣйшій планъ. Многія общепринятыя въ исторіяхъ философіи положенія нашли въ Михаилѣ Никифоровичѣ противника. Трудъ, изданный потомъ отдѣльно, встрѣченъ былъ большими похвалами въ „Отечественныхъ Запискахъ“ (мартъ, 1854 г.), вызвавшими неблагопріятную для автора, хотя весьма сдержанно, въ академическихъ формахъ написанную рецензію въ „Москвитянинѣ“ (№ 10, 1854 г.). Немедленно послѣдовалъ подробный отвѣтъ въ „Пропилеяхъ“. Въ отвѣтѣ своемъ Михаилъ Никифоровичъ доказывалъ философскую некомпетентность критика и уличалъ его въ незнаніи источ-

никовъ. Въ отвѣтѣ чувствуется сильная полемическая рука писателя, для котораго борьба съ противниками его мнѣній сдѣлалась потомъ главною стихіею дѣятельности.

Съ упраздненіемъ преподаванія философіи въ университетахъ свѣтскими лицами, Михаилъ Никифоровичъ продолжалъ оставаться нѣкоторое время адъюнктомъ университета съ прикомандпрованіемъ его весною 1851 года, вмѣсто чтенія лекцій, къ изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, а затѣмъ, продолжая завѣдывать редакціею этой газеты, былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія. Казеннымъ редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей* онъ оставался до 1856 года, когда предпринялъ изданіе *Русскаго Вѣстника*. Переходъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ руки Михаила Никифоровича произошелъ при довольно куріозныхъ обстоятельствахъ. Въ зиму 1850—1851 года гостила въ Москвѣ знаменитая танцовщица Фанни Эсслеръ, приводившая въ восторгъ московскихъ балетомановъ, между которыми былъ и завѣдывавшій тогда редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*, зять тогдашняго ректора университета А. А. Альфонскаго, г. Х—въ. Въ февралѣ было послѣднее ея представленіе, восторженно описанное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 23, 1851 г. февраля 22). Описаніе заключалось словами: „послѣ такого трогательнаго прощанья, конечно, не будутъ уже говорить, что Россія отстала отъ остальной Европы въ умѣньи цѣнить таланты“ [1]). Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* на этомъ послѣднемъ утреннемъ спектаклѣ (дѣло было на масляницѣ) такъ увлекся, что съ букетомъ въ рукахъ сѣлъ на козла кареты, отвозившей очаровательную танцовщицу въ гостинницу, гдѣ она стояла. Пассажъ показался начальству округа слишкомъ юношескимъ для редактора университетской газеты и завѣдываніе ею было у него отнято. Попечитель

---

[1]) Въ описаніи упоминалось о поднесенномъ московскомъ калачѣ, заключавшемъ въ себѣ драгоцѣнный браслетъ; о множествѣ букетовъ, между которыми былъ одинъ около аршина въ діаметрѣ изъ камелій, стоившій 50 руб. Тогда подобные букеты были еще въ великую рѣдкость.

В. И. Назимовъ предложилъ М. Н. Каткову взять редакцію *Вѣдомостей* въ свои руки.

Газета быстро оживилась. Московскіе профессора приняли въ ней участіе. Помѣщались описанія о публичныхъ лекціяхъ, о диспутахъ; вскорѣ былъ заведенъ постоянный литературный отдѣлъ. Политика была вполнѣ запретнымъ плодомъ. Политическія извѣстія и статьи газета имѣла право только перепечатывать изъ Петербургскихъ изданій, не прибавляя ничего своего. По рекомендаціи начальства приходилось иногда помѣщать статьи, которымъ редакторъ по доброй волѣ не далъ бы мѣста на столбцахъ изданія. Въ № 40, одну изъ такихъ статей, доставленную, повидимому какимъ-нибудь титулованнымъ авторомъ, новый редакторъ отмѣтилъ словомъ: „сообщено“. Въ ней трактуется о старомъ и новомъ поколѣніи и указывается, что понятія эти „родились не изъ русскаго ума и сердца, но занесены къ намъ тлетворнымъ вліяніемъ Запада, отъ коммунистовъ, соціалистовъ и фурьеристовъ“. „Благодаря Богу, продолжаетъ благонамѣренный авторъ, русскому уму и сердцу чужды дикія и чудовищныя понятія Запада, которыя могутъ служить западнею для легкомысленныхъ и заблужденныхъ“. И такъ далѣе въ томъ же тонѣ. Къ годамъ перваго редакторства *Московскихъ Вѣдомостей* относится женитьба Михаила Никифоровича на дочери писателя, нѣкогда также бывшаго редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*, князя Шаликова.

Авторъ появившихся въ концѣ іюля 1887 года въ *Новомъ Времени* „Воспоминаній о первыхъ годахъ профессорской и редакторской дѣятельности Михаила Никифоровича“, г. К. Бороздинъ, — говоритъ, между прочимъ: „въ 1849 году новый попечитель, г. Назимовъ, сдѣлалъ Каткова редакторомъ казенныхъ *Московскихъ Вѣдомостей* съ жалованьемъ въ нѣсколько сотъ рублей и со скромною квартирою въ двѣ комнаты въ домѣ университетской типографіи“. Показаніе это не точно какъ относительно времени поступленія *Московскихъ Вѣдомостей* въ руки Михаила Никифоровича, такъ и относительно матеріальнаго положенія его, какъ редактора. Хотя положеніе это не было особенно завидное,

однако и не было такъ стѣснительнымъ, какъ изображаетъ авторъ. Кромѣ жалованья, Михаилъ Никифоровичъ вскорѣ получилъ добавочное вознагражденіе въ размѣрѣ четвертака съ подписчика. Это доставляло ему содержаніе, значительно превышавшее содержаніе ординарнаго профессора того времени. И квартира, гдѣ онъ помѣщался, и въ первое время послѣ женитьбы имѣла болѣе двухъ комнатъ.

Во время празднованія столѣтняго юбилея Московскаго университета Михаилъ Никифоровичъ былъ редакторомъ *Вѣдомостей* и помѣстилъ, въ формѣ приложенія, обстоятельное и обширное описаніе празднества искусно составленное въ газетномъ отношеніи. Юбилей, скажемъ мимоходомъ, сопровождался промахомъ, о которомъ впослѣдствіи вспоминалъ Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, говоря, что университетъ не знаетъ своего основателя. На выбитой по случаю торжества медали основатель университета, Шуваловъ, названъ графомъ, когда онъ не былъ таковымъ.

Объ основаніи *Русскаго Вѣстника* разскажемъ, на основаніи архивныхъ документовъ, въ слѣдующей главѣ.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ) [1]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Основаніе журнала «Русскій Вѣстникъ».

I.

Разскажемъ съ нѣкоторою подробностію, пользуясь архивными документами, исторію основанія *«Русскаго Вѣстника»*. Случайное обстоятельство — упраздненіе отдѣльной каѳедры философіи въ университетахъ и порученіе преподаванія этой науки профессору богословія—передавшее редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“ въ руки Михаила Никифоровича, раскрыло его призваніе. „Журнальное поприще, говоритъ онъ самъ въ прошеніи объ изданіи журнала, (которое приведемъ ниже), не было произвольно избрано мною, меня вывело на него стеченіе обстоятельствъ, въ которыхъ я вижу нѣкоторое для себя указаніе“. Но разъ почувствовавъ призваніе и, съ зарею новаго царствованія, усмотрѣвъ возможность съ нѣкоторою свободою самостоятельно выступить на поприщѣ журналистики, онъ съ рѣшимостію вступилъ на новый путь. Мысль объ основаніи собственнаго журнала сдѣлалась его преобладающею мыслью, и онъ до-

---

[1]) См. Русск. Вѣстн. № 1.

велъ ее до осуществленія, вопреки препятствіямъ, съ настойчивостію, составлявшею одну изъ наиболѣе отличительныхъ чертъ его характера. 29 мая и 10 іюля 1855 года онъ подалъ двѣ докладныя записки тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, А. С. Норову, сопроводивъ ихъ форменнымъ прошеніемъ объ исходатайствованіи ему Высочайшаго разрѣшенія на изданіе новаго журнала подъ наименованіемъ *Русскій Лѣтописецъ*. Приводимъ здѣсь первую изъ этихъ записокъ, высказывающую мотивы новаго изданія и намѣренія его издателя.

„Имѣю честь представить вашему высокопревосходительству проектъ новаго повременнаго изданія и просить объ исходатайствованіи мнѣ Высочайшаго на оное соизволенія. Смѣю думать, что благонамѣренность и способность моя для такого предпріятія достаточно испытаны. Около шести лѣтъ, издавая „Московскія Вѣдомости“, газету распространенную въ нашемъ отечествѣ и читаемую во всѣхъ классахъ общества, я имѣлъ счастіе заслужить благоволеніе вашего высокопревосходительства. Признавая пользу моего служенія на этомъ поприщѣ, вы даровали мнѣ особыя преимущества, которыя, какъ выраженіе довѣрія вашего ко мнѣ, были лестною наградою за мой скромный и добросовѣстный трудъ. Испрашивая себѣ право основать особое изданіе, я всего лучше могу опереться на изъявленное самимъ правительствомъ довѣріе ко мнѣ въ подобномъ дѣлѣ.

„Въ началѣ позволяю себѣ высказать тѣ общія соображенія, которыя служатъ основаніемъ моему предположенію.

„Въ нашемъ образованіи, въ послѣднее тридцатилѣтіе, совершился многозначительный переворотъ. Просвѣщеніе, распространявшееся поверхностно и непосредственно изъ чуждыхъ источниковъ, теперь почувствовалось въ глубинѣ собственной нашей народности. Прекрасные проблески поэзіи и искусства возвѣстили міру присутствіе новаго духовнаго дѣятеля въ семьѣ человѣчества. Русское слово раскрыло свое богатство и разнообразіе; оно стало живымъ и гибкимъ орудіемъ творчества и знанія. Нѣтъ сферы мысли, которая оставалась бы ему недоступною. Образованное общество заговорило по-русски, и предѣлъ между живымъ и книжнымъ словомъ исчезаетъ непрерывно. Народное самопознаніе развивалось блистательно и быстро, и правительство не пощадило средствъ для открытія и обнародованія памятниковъ нашей древности.

„Должно желать, чтобы образованіе наше укрѣплялось въ этомъ направленіи; чтобы все болѣе и болѣе прояснялся собственно русскій взглядъ на вещи; чтобы русскій умъ такъ же сбергъ съ себя иго чуждой мысли, какъ уже сверг иго чуждаго слова; чтобы наша литература, созрѣвая и обогащаясь, могла доставлять удовлетвореніе всѣмъ умственнымъ потребностямъ русскаго человѣка.

„Особенно важное значеніе могутъ имѣть въ этомъ отношеніи живые органы литературы, повременныя изданія. При юности нашей читающей публики и самой литературы, при недостаточномъ устройствѣ книжной торговли, повременныя изданія въ нашемъ отечествѣ, можетъ быть, еще болѣе необходимы, чѣмъ гдѣ-нибудь. Соединяя въ себѣ все, что́ можетъ быть полезно и занимательно для обширнѣйшаго круга читателей, они съ другой стороны, вызываютъ способныхъ людей на трудъ и открываютъ имъ поприще для него. Очень нерѣдко значительные труды дремлютъ въ своихъ начаткахъ или прерываются по недостатку нравственной и матеріальной поддержки, какую могли бы находить они въ обширномъ и добросовѣстномъ литературномъ предпріятіи.

„Однѣхъ запретительныхъ мѣръ недостаточно для огражденія умовъ отъ несвойственныхъ вліяній; необходимо возбудить въ умахъ положительную силу, которая бы противодѣйствовала всему ей несродному. Къ сожалѣнію, мы въ этомъ отношеніи вооружены недостаточно. Какую опору можетъ найти у насъ молодой умъ противъ отрывочныхъ и смутныхъ возбужденій, насылаемыхъ на него со всѣхъ четырехъ сторонъ? Къ чему можетъ прислониться онъ? Къ какимъ явственнымъ, своенароднымъ направленіямъ, къ какимъ сосредоточіямъ самобытной умственной дѣятельности можетъ примкнуть его мысль, чтобы усвоить со стороны лишь то, что́ соотвѣтствуетъ ей?

„Отъ праздномыслія лучшее средство есть трудъ, совершаемый на глазахъ у всѣхъ, подлежащій общему суду и оцѣнкѣ и потому должно желать, чтобы сколь можно долѣе процвѣтали у насъ законныя и публичныя средоточія умственной дѣятельности.

„Конечно нельзя жаловаться на недостатокъ разнаго рода изданій въ нашей литературѣ, но къ сожалѣнію, по случайнымъ обстоятельствамъ, право издавать журналы и газеты стало какою-то исключительною привилегіею нѣкоторыхъ лицъ, и почти превратилось въ монополію, хотя такая монополія никогда не была въ видахъ правительства.

„Извѣстно, что лица, владѣющія нынѣ органами нашей ли-

тературы, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, не были къ тому предварительно избраны, а совершенно случайно очутились благодѣтелями русскаго слова. Не произносимъ суда объ относительномъ достоинствѣ существующихъ у насъ изданій и о томъ, въ какой мѣрѣ соотвѣтствуютъ они своей истинной цѣли; но нельзя не признать, что для этой цѣли необходимо допустить болѣе обширное соревнованіе. Лишь при взаимодѣйствіи соревнующихъ стремленій возможна литература, не какъ слабый отпрыскъ иностранныхъ литературъ, но какъ коренное, своеземное, оригинальное развитіе.

„Еслибы почему-либо казалось нужнымъ ограничить количество повременныхъ изданій, то свободное соперничество всего лучше могло бы послужить и для этой цѣли. Удержались бы только лучшіе журналы, а прочіе прекратились бы сами собою. Весьма естественно желать, чтобы поле оставалось за достойнѣйшими, а не за тѣми, которые случайно завладѣли имъ.

„Перехожу теперь къ программѣ предполагаемаго мною изданія.

„Въ настоящихъ обстоятельствахъ, напоминающихъ великую эпоху двѣнадцатаго года, мы не имѣемъ ни одного изданія въ родѣ „Вѣстника Европы“ и „Сына Отечества“, съ которыми связано столько патріотическихъ воспоминаній.

„Умы всѣхъ заняты теперь великою борьбою, изъ которой Богъ поможетъ нашему отечеству выйти съ такою же славою, какъ и въ ту вѣчнопамятную эпоху. Было бы желательно, чтобы благородное одушевленіе, нынѣ господствующее въ нашемъ обществѣ, нашло особый органъ и въ литературѣ.

„Вслѣдствіе сего изданіе, предполагаемое въ Москвѣ, состояло бы изъ двухъ существенныхъ отдѣловъ, политическаго и литературнаго.

„Главная сила изданія будетъ заключаться въ журналѣ, который, смотря по способамъ и по хозяйственнымъ соображеніямъ редакціи, выходилъ бы книжкою еженедѣльно, или ежемѣсячно, или два раза въ мѣсяцъ, подъ заглавіемъ *Русскій Лѣтописецъ*.

„Но для успѣха изданія, въ настоящее время, необходимо, чтобы текущія извѣстія сообщались ежедневно. А потому при журналѣ предполагается Листокъ, въ которомъ бы немедленно, по полученіи, печатались правительственныя постановленія и распоряженія, извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и событіяхъ въ политическомъ мірѣ, краткія замѣтки, литературныя и городскія новости, объявленія о выходѣ книгъ

и т. п. Листокъ этотъ носилъ бы названіе *Текущихъ Извѣстій Русскаго Лѣтописца.* Безъ такого ежедневнаго сообщенія извѣстій, ожидаемыхъ всѣми съ живымъ нетерпѣніемъ и участіемъ, вновь начинаемое изданіе не будетъ поддерживаться въ настоящее время.

„Въ текстѣ журнала предполагается помѣщать связный лѣтописный обзоръ правительственныхъ постановленій и распоряженій, какъ то ведется въ одномъ изъ нынѣ издаваемыхъ журналовъ именно въ „Отечественныхъ Запискахъ". Къ обзору правительственныхъ мѣръ примыкаетъ связная лѣтопись политическихъ событій, военныхъ дѣйствій и всего того, о чемъ ежедневно, но отрывочно, съ неизбѣжными неточностями, извѣщаютъ газеты. Редакція будетъ вносить въ свою лѣтопись лишь то, что въ этомъ отношеніи уже было обнародовано нашими ежедневными Листками, но избѣгая всякихъ сужденій, придастъ этимъ извѣстіямъ связность лѣтописнаго повѣствованія.

„Что же касается до патріотическихъ чувствованій и мыслей, возбуждаемыхъ текущими событіями, то онѣ могутъ быть излагаемы въ особыхъ болѣе или менѣе обширныхъ статьяхъ. Подобнаго содержанія статьи будутъ, въ случаѣ надобности, подвергаться особой правительственной цензурѣ. Тонъ этихъ статей долженъ отличаться достоинствомъ и благородствомъ. Редакція должна блюсти, чтобы при всей живости патріотическаго одушевленія, въ выраженіи его не было ничего излишняго и непристойнаго. Искренность убѣжденія должна составлять главное достоинство подобныхъ статей. По своему назначенію, какъ выраженіе чувства частныхъ лицъ, онѣ могутъ быть умѣстны только въ неоффиціальномъ изданіи, и вообще не должны носить оффиціальнаго характера.

„Литературный составъ журнала долженъ заключать въ себѣ всѣ необходимыя части литературнаго изданія: статьи по части наукъ, искусствъ, промышленности и т. д., произведенія изящной словесности, критику и библіографію, обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ журналовъ, корреспонденцію, разнаго рода замѣтки, смѣсь.

„Здѣсь открывается для редакціи обширное поприще служить средствомъ къ распространенію здравыхъ понятій и полезныхъ свѣдѣній, содѣйствовать очищенію и образованію вкуса, плодотворному направленію дарованій.

„Въ статьяхъ ученаго содержанія цѣль журнала—служить посредствомъ между наукою и обществомъ. Московскій университетъ, какъ одно изъ главныхъ средоточій русскаго

просвѣщенія, пріобрѣтетъ новый путь для своего благотворнаго вліянія. Нижеподписавшійся увѣренъ въ постоянномъ сотрудничествѣ прежнихъ товарищей своихъ, преподавателей университета. *Русскій Листокъ* вызвалъ бы много даровитыхъ, дѣльныхъ и полезныхъ трудовъ, которые нынѣ или вовсе не предпринимаются или не выходятъ въ свѣтъ по недостатку способовъ для обнародованія, или же выходятъ съ большими усиліями и значительною тратою времени. Доказательствомъ ученой производительности и потребности высказываться служитъ множество сборниковъ, выходящихъ въ Москвѣ. Не дѣлаясь излишними, какъ изданія спеціальныя, они при новомъ журналѣ уже не были бы единственнымъ средствомъ къ выпуску статей, назначаемыхъ для болѣе обширнаго круга читателей и не достигающихъ этого назначенія въ спеціальныхъ сборникахъ.

„Одна изъ существенныхъ задачъ ученыхъ статей должна состоять въ томъ, чтобы, на основаніи или по поводу важнѣйшихъ, появляющихся сочиненій по извѣстной части, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, излагать въ общедоступной формѣ предметы науки и знакомить при томъ съ ея современною литературою. Спеціальный знатокъ дѣла не будетъ ослѣпленъ блескомъ новаго воззрѣнія, но сохранитъ независимость своей мысли. Зрѣлый и опытный умъ сумѣетъ отличить существенное отъ парадоксальнаго; сличая многое и восполняя одно другимъ, пролагая свои пути, онъ можетъ подобными статьями и для себя прояснять начала будущихъ обширнѣйшихъ трудовъ, и вызывать другихъ на подобные самостоятельные труды, которыми упрочивается независимое отъ разныхъ чуждыхъ вліяній положеніе нашей науки и нашей мысли.

„Подобныя статьи, заключая въ себѣ болѣе или менѣе критическій элементъ, служатъ естественнымъ переходомъ къ статьямъ собственно критическимъ.

„Критика въ настоящее время, должно признаться, есть одна изъ слабыхъ сторонъ нашей литературы. На эту сторону будетъ обращено бдительное вниманіе редакціи. Она не потерпитъ, чтобы люди, едва знакомые съ предметомъ, брались за оцѣнку умственныхъ трудовъ. Оскорбительно видѣть сочиненіе, плодъ долговременныхъ, добросовѣстныхъ изслѣдованій, подъ ферулою верхогляда, не приготовленнаго даже и къ тому, чтобы съ толкомъ и пользою для себя прочесть сочиненіе, о которомъ судитъ какъ знатокъ подъ прикрытіемъ безъименности. Внѣшнимъ ручательствомъ за добросовѣстность критической статьи служитъ имя ея автора,

которое непремѣнно должно стоять подъ нею. Никто не посмѣетъ открыто выступать предъ публикою съ опрометчивымъ сужденіемъ. Вообще въ критическихъ статьяхъ должно господствовать доброжелательство, въ нихъ должна быть соблюдаема величайшая осторожность, и, безпощадно преслѣдуя ложное направленіе, критикъ долженъ всячески щадить дарованіе, такъ чтобы въ самомъ осужденіи находило оно себѣ опору и побужденіе къ лучшему труду. Лучше лишнее доброе слово, чѣмъ лишняя укоризна.

„Отъ произведеній изящной словесности редакція будетъ требовать, чтобы они не даромъ носили названіе изящныхъ. Журналъ не можетъ создавать таланты, но можетъ вызывать ихъ и давать имъ направленіе. Въ глазахъ редакціи наружный блескъ никогда не замѣнитъ внутренняго достоинства. Воображеніе должно быть согрѣваемо нравственнымъ чувствомъ. Мелкій, пустой и раздражительный анализъ, дагерротипное копированіе ежедневныхъ явленій, безъ глубины опыта, безъ животворной мысли, тщеславное фразерство безъ убѣжденія, безъ сердца, все подобное по возможности не только не будетъ допускаемо на страницы *Русскаго Лѣтописца*, но и будетъ вообще преслѣдуемо въ литературѣ. Не всякому виденъ трудъ редактора, и только тотъ, кто смотритъ глубже, пойметъ, какъ велика его обязанность и какъ много можетъ зависѣть отъ него и направленіе, и форма произведенія. Цензоръ исключаетъ, что́ находитъ противнымъ уставу; редакторъ можетъ болѣе—онъ можетъ дѣйствовать положительно на самые источники произведенія.

„Редакція будетъ заботиться, чтобы изданіе ея состояло по преимуществу изъ произведеній оригинальныхъ; но этой цѣли можетъ она достигнуть не вдругъ и лишь при постепенномъ усиленіи своихъ средствъ. Во всякомъ случаѣ редакція не можетъ пренебрегать достойнѣйшими произведеніями, какія могутъ представиться въ иностранныхъ литературахъ, и будетъ усвоять ихъ нашей словесности. Смотря по достоинству и объему ихъ и соображаясь со своими средствами, редакція будетъ или помѣщать ихъ въ текстѣ журнала, или выпускать особыми къ нему приложеніями.

„Библіографическую лѣтопись предполагается вести со всевозможною полнотою, но подвергаться особымъ рецензіямъ будутъ только замѣчательнѣйшія явленія.

„Редакція приметъ всѣ мѣры, сколько позволятъ то ея средства, чтобы во всѣхъ значительнѣйшихъ мѣстностяхъ нашего отечества имѣть своихъ корреспондентовъ и отли-

чать въ своемъ изданіи, Листкѣ или журналѣ, все замѣчательное, что̀ представитъ русская жизнь.

„Обозрѣнія разнаго рода, очерки, замѣтки, мѣстныя хроники и другія мелкія статьи, обнимаемыя общимъ названіемъ смѣси, не требуютъ особыхъ объясненій.

„Повергая на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства проектъ замышленнаго мною изданія, осмѣливаюсь надѣяться, что онъ будетъ принятъ вами благосклонно. Поприще этой дѣятельности не было произвольно избрано мною; меня вывело на него стеченіе обстоятельствъ, въ которомъ я вижу нѣкоторое для себя указаніе. И малыя силы, одушевляемыя чувствомъ призванія, могутъ сдѣлать много. Вы признали полезною дѣятельность мою по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*; смѣю думать, что труды мои могутъ быть гораздо полезнѣе, получивъ большій объемъ при управленіи изданіемъ по представленной программѣ, изданіемъ, которое должно находиться въ полномъ моемъ распоряженіи. Говорить болѣе о самомъ себѣ считаю неприличнымъ. Одно только могу сказать въ заключеніе, что чувствую всю важность своего призванія, никогда не измѣню своему долгу, и въ своемъ служеніи усердно буду дѣйствовать какъ слѣдуетъ искреннему христіанину, вѣрноподданному и Русскому, глубоко убѣжденному въ величіи судебъ своего отечества“.

II.

Въ дополненіе къ этой запискѣ Михаилъ Никифоровичъ представилъ другую краткую, гдѣ резюмируетъ и планы предполагаемаго изданія и указываетъ, что изданіе это не можетъ нанести ущерба *Московскимъ Вѣдомостямъ*, и даже принесетъ пользу. „Листокъ подъ наименованіемъ „*Текущія Извѣстія Русскаго Лѣтописца*“, предполагавшійся ежедневнымъ, могъ бы, говоритъ Михаилъ Никифоровичъ, служить дополненіемъ не одному *Русскому Лѣтописцу*, но и *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Онъ получался бы за извѣстную плату только желающими подписчиками журнала и *Московскихъ Вѣдомостей*. Представлю, продолжаетъ онъ, сколь можно яснѣе и отчетливѣе пользу отъ того для *Московскихъ Вѣдомостей*. *Московскія Вѣдомости* выходятъ три раза въ недѣлю по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ въ 9 часовъ утра. Возьму для примѣра нумеръ этой газеты, выходящій въ

субботу. Въ суботнемъ № могутъ быть помѣщены лишь тѣ извѣстія, которыя обнародованы въ Петербургѣ въ четвергъ и принесены въ Москву Петербургскими газетами въ пятницу. Но въ самый день выхода „Московскихъ Вѣдомостей“ въ субботу вновь приходятъ Петербургскія газеты съ извѣстіями, подобными обнародованнымъ въ Петербургѣ въ пятницу. Предполагаемый Листокъ, выходя ежедневно, но не утромъ, а пополудни отъ 4—6 часовъ, содержалъ бы въ себѣ новѣйшія извѣстія и, разсылаясь немедленно подписчикамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, служилъ бы для нихъ самымъ полезнымъ дополненіемъ“.

Въ приложенной къ прошенію программѣ указывался порядокъ изданія *Лѣтописца* и *Текущихъ Извѣстій*.

Прошеніе, программа и записки Михаила Никифоровича были препровождены министромъ къ попечителю Московскаго учебнаго округа на заключеніе. Къ оффиціальной бумагѣ присоединено было конфиденціальное письмо. Письмо было по отношенію лично къ Михаилу Никифоровичу весьма благопріятно. „Какъ по прежней службѣ г. Каткова, писалъ министръ къ попечителю, въ составѣ ученаго сословія Императорскаго Московскаго университета, такъ и по нынѣшнимъ его занятіямъ при управленіи редакціею *Московскихъ Вѣдомостей*, вамъ, милостивый государь, вполнѣ извѣстны ученые и литературные его труды, а также степень довѣрія, заслуженнаго имъ, по образу мыслей. Г. Катковъ и мнѣ лично извѣстенъ съ весьма хорошей стороны по своимъ способностямъ; сверхъ того, я имѣю въ виду лестный отзывъ статсъ-секретаря графа Блудова“. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ высказывалъ опасеніе, не понесли бы ущерба *Московскія Вѣдомости* отъ появленія новаго изданія и отъ раздѣленія труда редактора. Министръ просилъ попечителя „потребовать отъ г. Каткова объясненія, какія удостовѣренія можетъ онъ представить въ томъ, что, въ случаѣ исходатайствованія Высочайшаго соизволенія на предполагаемый имъ журналъ, *Московскія Вѣдомости* отъ него не потерпятъ ни по имѣющему возникнуть соперничеству съ новымъ изданіемъ, ни по необходимому раздѣленію труда редактора“.

Попечитель передалъ дѣло на разсмотрѣніе Московскаго цензурнаго комитета, который въ свою очередь отнесся въ правленіе университета, испрашивая его заключенія.

Какъ заключеніе правленія, такъ и послѣдовавшее за тѣмъ письмо попечителя отъ 31 іюля 1855 года были вполнѣ неблагопріятны для ходатайства Михаила Никифоровича.

Правленіе, въ бумагѣ отъ 14 іюля 1855 года, указывало, что основаніе *Полицейскихъ Вѣдомостей* уже нанесло ущербъ университетской газетѣ.

„Если Московскій университетъ, продолжаетъ правленіе, лишится еще исключительнаго права своего на печатаніе въ Москвѣ всѣхъ постановленій и распоряженій правительства, равно какъ и политическихъ извѣстій, права, составляющаго его столѣтнюю привилегію, и уступитъ его въ частныя руки,—тогда закроется для университета и другой источникъ его доходовъ. Усиленные труды редактора „Вѣдомостей“, вызванные обстоятельствами времени, и нѣкоторыя улучшенія въ изданіи ихъ, были признаны начальствомъ и щедро вознаграждены въ лицѣ нынѣшняго редактора. Ни одинъ изъ редакторовъ „Вѣдомостей“ университета никогда не пользовался такими выгодами, преимуществами и средствами, какія дарованы были г. Каткову. Но это вознагражденіе, конечно, не можетъ простираться до того, чтобы университетъ подѣлился съ редакторомъ своимъ правомъ издавать политическую газету“...

Относительно вопроса цензурнаго комитета, можетъ ли быть допущено соединеніе въ одномъ лицѣ занятій по редакціямъ двухъ періодическихъ изданій, изъ которыхъ одно принадлежитъ казенному мѣсту, а другое было бы частною собственностію самаго издателя, правленіе отвѣчало слѣдующее:

„Замѣчаніе комитета касательно трудности соединить въ одномъ лицѣ редактора газеты, составляющей собственность университета, и редактора газеты, составляющей его собственность личную, такъ справедливо, что члены правленія недоумѣваютъ о томъ, какъ самъ г. Катковъ рѣшается поставить себя въ такое затруднительное положеніе,

въ которомъ онъ невольно долженъ будетъ или жертвовать личными своими выгодами пользѣ общественной университета, или обратно: приносить въ жертву сію послѣднюю своей собственной газетѣ; чего, конечно, онъ не захочетъ...

„Что касается до журнала учёно-литературнаго, предполагаемаго г. Катковымъ, то это предпріятіе не можетъ имѣть никакого столкновенія съ „Московскими Вѣдомостями".

„Трудно повѣрить, однако, чтобы, при множествѣ занятій, сопряженныхъ съ изданіемъ „Вѣдомостей" и съ возможнымъ и постояннымъ ихъ улучшеніемъ, достало у него времени и силъ на подъемъ журнала новаго, съ такою разнообразною и обширною программою. Это предпріятіе, конечно, можетъ нанести вредъ существенный успѣшному движенію нашей газеты, по скольку оно зависитъ отъ лица редактора. Члены правленія, какъ прислушиваясь къ сужденіямъ читателей, такъ и сами лично, замѣчаютъ, что въ послѣднее время *Московскія Вѣдомости* не обнаруживали уже такого живаго и современнаго движенія въ статьяхъ своихъ, какое замѣтно въ нихъ было прежде"...

Попечитель въ свою очередь писалъ министру (31 іюля 1855 года):

„На письмо вашего превосходительства, которымъ вы изволите поручать особому моему вниманію просьбу редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, коллежскаго совѣтника Каткова, о дозволеніи ему издавать въ Москвѣ періодическое изданіе подъ заглавіемъ *Русскій Лѣтописецъ* вмѣстѣ съ ежедневной газетой текущихъ извѣстій, по представленной имъ къ вамъ программѣ, имѣю честь увѣдомить, что, отдавая полную справедливость отличнымъ способностямъ г. Каткова для подобнаго рода предпріятій и допуская безпрекословно всю пользу, какую задуманное изданіе могло бы принести читающей публикѣ, я весьма охотно готовъ былъ бы сдѣлать угодное графу Дмитрію Николаевичу оказаніемъ моего содѣйствія къ удовлетворенію просьбы Каткова. Но, какъ попечитель Московскаго учебнаго округа, дорожа выгодами и пользами подвѣдомственнаго мнѣ Московскаго Университета, не могу не признать справедливости мнѣнія

по этому дѣлу университетскаго правленія и заключенія цензурнаго комитета, изложенныхъ въ донесеніи управляющаго нынѣ округомъ помощника моего, статскаго совѣтника Зиновьева, которое вы получите вмѣстѣ съ этимъ моимъ письмомъ. Остаюсь въ увѣренности, что, принявъ во вниманіе представляемыя помощникомъ моимъ объясненія правленія университета, и ваше превосходительство изволите признать просьбу Каткова не подлежащею удовлетворенію въ настоящемъ ея видѣ. Одно только, что́ я еще могъ бы съ своей стороны допустить нѣкоторымъ образомъ изъ программы Каткова—это изданіе предполагаемаго имъ журнала, безъ ежедневнаго Листка текущихъ извѣстій, и то не въ томъ видѣ, какъ онъ предполагаетъ, но съ ограниченіемъ программы журнала однимъ только учено-литературнымъ отдѣломъ. Что же касается до того, не будетъ ли это изданіе мѣшать многосложнымъ занятіямъ г. Каткова по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* въ ущербъ этой газетѣ, то вопросъ этотъ я предоставляю на собственное благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашего превосходительства, такъ какъ съ своей стороны положительнаго по сему предмету я ничего сказать не могу, не зная навѣрное, достанетъ ли у Каткова времени и силъ, чтобы съ успѣхомъ вести то и другое изданіе; въ чемъ, впрочемъ, крайне сомнѣваюсь“.

Дѣло приняло было неблагопріятный оборотъ. Въ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія заготовлена была уже бумага, которою попечителю поручалось: „приказать объявить г. Каткову, что дозволенія на испрашиваемое имъ новое періодическое изданіе дано ему быть не можетъ“. Отказъ, однако, не былъ подписанъ министромъ. Министръ въ то время собирался въ Москву для осмотра Московскаго учебнаго округа и, надо думать, отложилъ рѣшеніе до личнаго объясненія съ Михаиломъ Никифоровичемъ. На такое рѣшеніе министра имѣло, несомнѣнно, мнѣніе его товарища, князя Петра Андреевича Вяземскаго. Въ документахъ сохранилась набросанная имъ, его оригинальнымъ почеркомъ, замѣтка слѣдующаго содержанія: „не угодно ли будетъ г. министру взять эти бумаги съ собою въ Москву,

ибо нѣтъ сомнѣнія, что о нихъ будетъ рѣчь въ Москвѣ, и г. Катковъ явится просителемъ. Можетъ быть, на мѣстѣ и въ личномъ сношеніи легче будетъ оцѣнить, разсудить и рѣшить это обстоятельство. Признаюсь съ своей стороны, хотя и нахожу *отчасти* опасенія университета заслуживающими вниманія, но не менѣе того нахожу справедливымъ и для общей пользы желательнымъ, чтобы оказано было и г. Каткову возможное удовлетвореніе по просьбѣ его“ [1]). Въ Москвѣ 7-го сентября 1855 г. Михаилъ Никифоровичъ подалъ министру докладную записку, въ которой просилъ раздѣлить двѣ части его ходатайства и рѣшить вопросъ о журналѣ независимо отъ вопроса объ ежедневномъ Листкѣ. Для большаго упрощенія дѣла онъ просилъ лишь о разрѣшеніи возобновить въ Москвѣ недавно прекратившійся журналъ *Сынъ Отечества*, съ его программою и съ правомъ еженедѣльнаго изданія, какимъ первоначально былъ этотъ журналъ. Михаилъ Никифоровичъ просилъ только измѣнить названіе, такъ какъ *Сынъ Отечества* при послѣдней редакціи потерялъ довѣріе публики и при сохраненіи названія могли бы

---

[1]) На другомъ листѣ князь Вяземскій дѣлалъ слѣдующее предложеніе: „Для соглашенія противоположныхъ мнѣній, писалъ онъ, и примиренія противоположныхъ интересовъ, а равно и для общей пользы, какъ университета, такъ и публики, всего, кажется, лучше было бы обратить нынѣ въ формѣ своей нѣсколько устарѣвшія *Московскія Вѣдомости* въ ежедневную газету, на что́ отчасти соглашается и самъ университетъ. При такомъ преобразованіи должно бы, разумѣется, возвысить содержаніе редактора, опредѣливъ ему *столько-то процентовъ* съ суммы, вырученной отъ подписчиковъ.

„Московскій университетъ имѣетъ всѣ средства возвысить и упрочить ученое и литературное достоинство подобной газеты, которая несомнѣнно сдѣлалась бы лучшею русскою газетой. Соучастниками и сотрудниками въ изданіи могли бы быть многіе члены его, коихъ труды были бы соразмѣрно вознаграждены.

„Для избѣжанія лишнихъ расходовъ по типографіи можно бы оставить *объявленія* и тому подобныя статьи, въ прежнемъ видѣ, то есть издавать эти прибавленія не ежедневно.

„Предварительно можно было бы, на основаніи этихъ предположеній, войти въ сношеніе съ Московскимъ университетомъ и г. Катковымъ и потребовать ихъ мнѣній“.

возникнуть какія-нибудь притязанія со стороны прежнихъ владѣльцевъ. „Я желалъ бы, говорилъ Михаилъ Никифоровичъ, удержать избранное мною названіе *Русскаго Лѣтописца*, что же касается до вопроса, удобно ли совмѣстить въ однѣхъ рукахъ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* съ другимъ изданіемъ, то смѣю думать, что обстоятельство это не будетъ препятствіемъ въ моемъ исканіи. Этотъ вопросъ рѣшать не мнѣ, и сколь ни дорого цѣню я преимущества и выгоды, сопряженныя съ настоящимъ моимъ положеніемъ, я безспорно откажусь отъ нихъ, если признано будетъ почему-либо невыгоднымъ для университета оставить за мною редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* при другомъ изданіи".

III.

Къ запискѣ, писанной рукою Михаила Никифоровича, было имъ приложено слѣдующее подробное и весьма любопытное опроверженіе на отзывъ правленія университета, которое приводимъ вполнѣ.

„Начальство Московскаго университета находитъ, что я, какъ редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*, не имѣю права испрашивать себѣ разрѣшенія издавать журналъ: оно полагаетъ, что *Московскія Вѣдомости* пострадаютъ, если редакція ихъ будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ съ редакціею другаго изданія. Сколько мнѣ извѣстно, проектъ мой подалъ поводъ здѣсь къ нѣкоторымъ неблагопріятнымъ обо мнѣ заключеніямъ. Находятъ страннымъ, что я, вмѣсто того, чтобъ заботиться объ улучшеніи *Московскихъ Вѣдомостей*, ходатайствую о правѣ издавать свой журналъ; удивляются, что я не испрашивалъ того для *Московскихъ Вѣдомостей*, что находилъ нужнымъ внести въ проектъ своего изданія.

„Считаю своимъ долгомъ оправдать себя и представить дѣло въ истинномъ свѣтѣ. Дѣятельность редактора открыта и подлежитъ общей оцѣнкѣ. Въ какой мѣрѣ удалось мнѣ содѣйствовать улучшенію *Московскихъ Вѣдомостей* — судить не мнѣ. Могу сослаться только на отзывы начальства и публики, на увеличеніе числа подписчиковъ, возраставшаго съ каждымъ годомъ моей редакціи, не смотря на троекратное возвышеніе подписной цѣны, и достигшаго въ текущемъ году до 15,000, приняты же мною были *Москов-*

скія Вѣдомости только при 7,000 подписчиковъ. Но каковъ бы ни былъ успѣхъ моихъ трудовъ, я по крайней мѣрѣ съ чистою совѣстію могу сказать, что трудовъ не щадилъ. Долгое время я боролся съ величайшими трудностями, долженъ былъ нести на себѣ всю черную работу изданія и проводить ночи у типографскихъ станковъ. Съ расширеніемъ размѣровъ изданія требовалось увеличеніе и средствъ его: средства остались безъ измѣненія, то же число наборщиковъ, почти то же количество типографскихъ матеріаловъ, а газета отъ полутора и двухъ листовъ достигла, кромѣ объявленій, до трехъ съ половиною и четырехъ; газета получила литературный отдѣлъ, который сталъ существенною и постоянною ея частью. Послѣ долгихъ и тяжкихъ усилій, мнѣ удалось организовать редакцію, такъ что, при прежнихъ средствахъ, изданіе идетъ правильнымъ порядкомъ, улучшаясь по возможности съ каждымъ годомъ въ своемъ внутреннемъ составѣ.

„Но не будучи хозяиномъ изданія, я могъ заботиться объ улучшеніи его только въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ. Редакція *Московскихъ Вѣдомостей* поставлена въ условія самыя неблагопріятныя. Она ничего не можетъ предпринять для расширенія способовъ изданія. Незначительнѣйшій проектъ ея долженъ проходить столько инстанцій и подвергаться столькимъ затрудненіямъ, что и самое горячее усердіе впадетъ въ уныніе. При томъ редакція находится въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ управленіемъ типографіи. Отъ редакціи непосредственно зависитъ только внутренній составъ „Вѣдомостей“, хозяйственная же сторона изданія, равно какъ и доставленіе его подписчикамъ, подлежитъ завѣдыванію конторы типографіи. Но публика этого не знаетъ и не хочетъ знать, и всю отвѣтственность возлагаетъ на одного редактора. Я получалъ и безпрестанно получаю множество писемъ, наполненныхъ жалобами, обвиненіями и нерѣдко оскорбительными укоризнами по поводу дурной печати, возвышенія подписной цѣны и неправильнаго доставленія или даже просто недоставленія „Вѣдомостей“. Редакція не можетъ выписать какое-либо нужное ей изданіе, если на то потребуется лишній рубль противъ суммы, ассигнованной на этотъ предметъ; безъ особенныхъ ходатайствъ, нерѣдко безуспѣшныхъ, она не можетъ тиснуть для автора статьи, помѣщенной въ „Вѣдомостяхъ“, особыхъ экземпляровъ ея; при безпредѣльно возрастающей матеріальной цѣнности литературныхъ произведеній, она не можетъ выйти изъ своего скуднаго бюджета, чтобъ возна-

градить прилично автора какой-либо статьи, которая, по сужденію редакціи могла бы придать интересъ ея изданію.

„Въ прошедшемъ году, когда г. министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ желаніе, чтобъ я остался при редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, я, нераздѣльно съ ходатайствомъ объ улучшеніи собственнаго моего положенія, находившагося дотолѣ въ крайней неопредѣленности, просилъ объ увеличеніи суммы, назначенной на плату за литературные труды, помѣщаемые въ „Вѣдомостяхъ“. Г. министръ нашелъ доводы мои основательными и предложилъ университетскому начальству войти къ нему объ этомъ съ особымъ представленіемъ. Повидимому дѣло было рѣшено, и однако жъ оно не кончено и доселѣ, почти черезъ полтора года.

„Меня упрекаютъ, зачѣмъ я просилъ о дозволеніи издавать ежедневный Листокъ — для себя, а не для университета. Но начальству университета было бы естественнѣе и прямѣе самому ходатайствовать. Еслибы я вздумалъ предупредить его, то отъ него же бы подвергся укору за вмѣшательство не въ свое дѣло. Къ тому же я имѣлъ основаніе быть увѣреннымъ, что подобное усиленіе типографской дѣятельности по изданію „Вѣдомостей“ не желалось самимъ начальствомъ университета. Зная, съ какимъ нетерпѣніемъ всѣ ожидаютъ извѣстій съ театры войны, я, по общему обычаю, извѣстія, получаемыя по выходѣ нумера газеты, спѣшилъ печатать въ особыхъ прибавленіяхъ и разсылать подписчикамъ, а въ слѣдующемъ нумерѣ, помѣщая ихъ въ текстѣ газеты, объявлялъ о предварительной разсылкѣ ихъ особыми листками. Вскорѣ посыпались на меня рекламаціи: подписчики не получали этихъ листковъ: по справкѣ оказалось, что начальство типографіи запретило разноску особыхъ прибавленій находя это невыгоднымъ для типографіи. Такой урокъ долженъ былъ научить меня осторожности.

„Что касается до *Листка*, на который я испрашивалъ себѣ право, при изданіи предполагаемаго журнала, то, какъ подробно объяснено мною въ дополнительной докладной запискѣ, поданной г. министру народнаго просвѣщенія, Листокъ этотъ не имѣлъ бы значенія особой газеты. На полученіе его не было бы отдѣльной подписки, и получать его могли бы только подписчики журнала. Я предлагалъ также, еслибы это было угодно университетскому начальству, разсылать этотъ Листокъ желающимъ подписчикамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, такъ чтобъ онъ былъ дополненіемъ столько же этой газеты, сколько и новаго

журнала. Начальство университета не приняло этого предложенія и вообще не желаетъ, чтобы мнѣ было дозволено издавать *Листокъ*, находя, что онъ подорветъ *Московскія Вѣдомости*.

„Недоумѣваю, какимъ бы образомъ могъ этотъ Листокъ подорвать газету, имѣющую сто лѣтъ существованія, 15.000 подписчиковъ, удовлетворяющую, по своему содержанію, самымъ разнообразнымъ потребностямъ публики и пользующуюся весьма важною привилегіею относительно казенныхъ объявленій,—недоумѣваю тѣмъ болѣе, что Листокъ этотъ не былъ бы особымъ изданіемъ и служилъ бы только дополненіемъ журнала. Во всякомъ случаѣ, смѣю думать, что такой взглядъ на дѣло не совсѣмъ основателенъ. Ни университетъ, ни какое-либо другое заведеніе не пользуется у насъ монополіею журналовъ и газетъ. „С.-Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“ имѣютъ одну и весьма существенную привилегію, въ силу которой всѣ казенныя мѣста должны печатать свои объявленія исключительно въ этихъ двухъ газетахъ. Но этой привилегіи мой Листокъ не касается. Я испрашиваю для него, и то съ большими ограниченіями, лишь только то, что̀ принадлежитъ всѣмъ газетамъ. Почему мой Листокъ можетъ угрожать университетской газетѣ, когда ей не страшно соперничество многихъ Петербургскихъ изданій, выходящихъ ежедневно и предупреждающихъ ее для самой Москвы сообщеніемъ извѣстій? Какое существенное различіе въ томъ, что „Московскія Вѣдомости“ выходятъ въ Москвѣ, а „С.-Петербургскія Вѣдом.“, „Русскій Инвалидъ“, „Сѣверная Пчела“ выходятъ въ Петербургѣ? Да и въ Москвѣ недавно издавался (Драшусовымъ) „Городской Листокъ“, и нынѣ издается „Полицейская газета“, программа которыхъ отчасти совпадаетъ съ программою моего Листка и во многихъ отношеніяхъ превосходитъ ее.

„Если существованіе университетской типографіи не препятствуетъ существованію другихъ типографій въ Москвѣ, то почему же *Московскія Вѣдомости* должны быть препятствіемъ къ основанію въ Москвѣ другихъ изданій.

„Г. министръ, согласно съ цензурнымъ уставомъ, предписывающимъ, чтобы прошенія объ основаніи новыхъ изданій предварительно разсматривались въ цензурномъ комитетѣ, обратился съ запросомъ о моемъ проектѣ въ Московскій цензурный комитетъ, а не къ начальству университета. Еслибы при этомъ имѣлся въ виду вопросъ о соперничествѣ, то слѣдовало бы также спрашивать мнѣнія Академіи Наукъ, отъ которой издаются „С.-Петербургскія Вѣдомости“,

редакціи „Русскаго Инвалида“ и прочихъ выходящихъ у насъ изданій, которыя могли бы также протестовать противъ новаго изданія, могущаго вступить съ ними въ соперничество.

„Что же касается до неудобства, находимаго университетскимъ начальствомъ, относительно соединенія редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* и новаго изданія въ моихъ рукахъ, то обстоятельство это отнюдь не можетъ служить препятствіемъ въ моемъ исканіи. Какъ ни дорого цѣню я преимущества, дарованныя мнѣ г. министромъ по редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, я безропотно откажусь отъ нихъ какъ только приступлю къ новому изданію. Увольненіе меня отъ редакціи тѣмъ легче, что я нахожусь на службѣ въ званіи не редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, а чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ. Если г. министру угодно будетъ меня при себѣ оставить и возложить на меня другое порученіе, я приму это за особенную милость и ручаюсь за добросовѣстное и усердное исполненіе всякой обязанности, какая будетъ мнѣ по силамъ. Начальство же университета можетъ легко замѣнить меня, тѣмъ болѣе, что редакція при заведенномъ уже порядкѣ, можетъ быть продолжаема успѣшно безъ особенныхъ усилій. Еслибы не оказалось для меня при министерствѣ никакого другаго порученія для удержанія меня на службѣ, то я просилъ бы только дозволить мнѣ докончить изданіе „Вѣдомостей“ за текущій 1855 годъ, потому, что въ октябрѣ сего года истекаетъ срокъ моему старшинству на производство въ слѣдующій чинъ. Къ тому времени я успѣлъ бы перемѣститься въ другое вѣдомство. Но издавая журналъ, я продолжалъ бы, и можетъ быть, съ большею пользою, мое служеніе на томъ же самомъ поприщѣ, которому доселѣ посвящалъ свои труды.

„Въ случаѣ необходимости внести въ мою программу какія-либо измѣненія, я желалъ бы быть вызваннымъ на короткое время въ Петербургъ: безъ разрѣшенія же г. министра я пріѣхать не могу. Такъ я могъ бы ограничить мою программу относительно *Листка* и въ крайности отказался бы отъ него, чтобъ только спасти журналъ. Для ускоренія хода дѣла и во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ затрудненій, готовъ просить, вмѣсто дозволенія основать новый журналъ, право возобновить въ Москвѣ недавно прекратившійся *Сынъ Отечества*“.

IV.

15-го сентября 1855 года министръ писалъ изъ Ярославля своему товарищу, что по ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла

онъ не находитъ препятствія къ исходатайствованію Каткову дозволенія издавать новый журналъ, но безъ предполагавшагося прежде ежедневнаго Листка. Вмѣстѣ съ тѣмъ министръ высказалъ, что считаетъ весьма затруднительнымъ и неудобоисполнимымъ, въ случаѣ дозволенія Каткову издавать журналъ, оставить его вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Потому онъ поручилъ попечителю Московскаго учебнаго округа войти въ соображенія и доложить ему, по возвращеніи въ Москву, на кого можетъ быть, въ случаѣ увольненія Каткова, возложено редактированіе *Московскихъ Вѣдомостей*. (По рекомендаціи Михаила Никифоровича, редакція Вѣдомостей была потомъ передана помощнику его, покойному Валентину Ѳедоровичу Коршу).

Дѣло, повидимому, уладилось. Начались, однако, новыя формальныя проволочки и затрудненія. Послѣдовалъ запросъ изъ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, сколько листовъ въ годъ намѣренъ выпускать Михаилъ Никифоровичъ. Главное управленіе цензуры рѣшило, что новое изданіе можетъ выходить одинъ или два раза въ мѣсяцъ, но не болѣе (Михаилъ Никифоровичъ ходатайствовалъ о правѣ издавать журналъ, по своему усмотрѣнію, одинъ, два или *четыре* раза въ мѣсяцъ). Требовалось, чтобы предполагавшаяся въ журналѣ лѣтопись политическихъ событій и военныхъ дѣйствій, представляла собою, „безъ всякихъ разсужденій со стороны редакціи, лишь связный выборъ извѣстій сего рода изъ періодическихъ изданій въ Россіи выходящихъ“ [1]). Михаилъ Никифоровичъ

---

[1]) Главное управленіе цензуры указывало при этомъ на примѣръ другаго изданія. «Въ истекшемъ 1854 году издатели журнала *Современникъ*, гг. Панаевъ и Некрасовъ, просили объ исходатайствованіи имъ Высочайшаго разрѣшенія къ существующимъ въ семъ журналѣ отдѣламъ присоединить отдѣлъ извѣстій военныхъ и политическихъ. Главное управленіе цензуры въ засѣданіи 15 мая 1854 года, разсмотрѣвъ дѣло по сему предмету, признало неудобнымъ предоставить частнымъ лицамъ, не ознакомленнымъ со всѣми видами правительства касательно внѣшней государственной политики, право помѣщать постоянно въ издаваемомъ ими журналѣ собственныя свои разсуж-

отправился въ Петербургъ, подавалъ записку министру. „Я отказался, писалъ Михаилъ Никифоровичъ, отъ ежедневнаго Листка, въ которомъ видѣлъ пособіе для новаго литературнаго предпріятія. Я наконецъ изъявилъ готовность принести этому дѣлу для меня важную жертву—мѣсто мое при *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, хотя и вполнѣ сознавалъ, что *Московскія Вѣдомости*, оставаясь подъ моею редакціею нисколько бы отъ того не потерпѣли. Послѣ такой жертвы я долженъ особенно дорожить всѣми условіями, которыя въ настоящее тяжелое время и при позднемъ разрѣшеніи изданія могутъ сколько-нибудь благопріятствовать новому изданію и способствовать успѣху моего труда". Михаилъ Никифоровичъ настаивалъ на правѣ еженедѣльнаго изданія. „Смѣю думать, говорилъ онъ, что если программа моя признана согласною съ видами правительства, и самъ я заслужилъ его довѣріе, то всѣ другія обстоятельства изданія могутъ имѣть важность только для редактора и для тѣхъ лицъ, которыя стали бы поддерживать его своими трудами и средствами". Разрѣшенія на еженедѣльность изданія, однако, не послѣдовало.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Михаилъ Никифоровичъ 21 октября 1855 года подалъ заявленіе въ канцелярію министра слѣдующаго содержанія: „при томъ измѣненіи, которое внесено въ программу предполагаемаго мною журнала, при разсмотрѣніи оной въ главномъ управленіи цензуры, я полагаю приличнѣйшимъ, вмѣсто прежняго названія *Русскій Лѣтописецъ* означить этотъ журналъ названіемъ *Русскій Вѣстникъ*".

Наконецъ составленъ былъ докладъ на Высочайшее

денія о вопросахъ столь важной и запутанной современной политики, тѣмъ болѣе, что подобныя разсужденія поставили бы и цензуру при разсматриваніи ихъ въ большое затрудненіе. Посему просьба издателей *Современника* о допущеніи въ этомъ журналѣ извѣстій политическихъ осталась безъ удовлетворенія. Впослѣдствіи, а именно въ 23 день іюня 1855 года по всеподданнѣйшему докладу г. министра народнаго просвѣщенія, послѣдовало Высочайшее дозволеніе журналамъ: *Современнику* и *Отечественнымъ Запискамъ* въ продолженіи нынѣшней войны перепечатывать военныя извѣстія изъ *Русскаго Инвалида*.»

мя о дозволеніи коллежскому совѣтнику Каткову издавать журналъ *Русскій Вѣстникъ* и посланъ въ Крымъ, гдѣ въ то время находился Государь. На докладѣ послѣдовала резолюція. Рукою Государя карандашемъ написано: „со—ъ“, то-есть „согласенъ“. Разрѣшеніе состоялось 31 октября 1855 года въ Бахчисараѣ. Представленный докладъ былъ подписанъ княземъ Вяземскимъ.

IV.

Немедленно по полученіи желаннаго разрѣшенія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* напечатано было обширное объявленіе „объ изданіи новаго журнала, учено-литературнаго и политическаго *Русскій Вѣстникъ* въ 1856 году“.

„Съ Высочайшаго разрѣшенія, сказано было въ объявленіи, предпринимается въ Москвѣ новое изданіе, подъ старымъ названіемъ „Русскаго Вѣстника“. Изданіе откроется съ 1-го января наступающаго года.

„Нижеподписавшійся высоко цѣнитъ дарованное ему право и чувствуетъ всю важность соединенной съ нимъ обязанности. Оставляя редакцію „Московскихъ Вѣдомостей“, находившуюся подъ его управленіемъ въ продолженіе пяти лѣтъ, онъ посвятитъ нераздѣльно всѣ свои силы новому изданію, которое потребуетъ отъ него трудовъ обширнѣйшихъ, многосложныхъ и разнообразныхъ. Онъ не можетъ ручаться за успѣхъ, но смѣло ручается за добросовѣстность своего предпріятія, и смѣло обѣщаетъ, что „Русскій Вѣстникъ“ будетъ въ нашей литературѣ дѣятелемъ усернымъ и честнымъ, съ твердыми и чистыми убѣжденіями, съ полною вѣрою въ важность своего назначенія, какъ общественнаго органа мысли и слова“.

Далѣе упоминалось, что сотрудниками издателя по трудамъ редакціи будутъ: Евгеній Ѳедоровичъ Коршъ (нынѣ библіотекарь Румянцевскаго музея въ Москвѣ), Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ и Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ, „имена, хорошо извѣстныя въ нашей наукѣ и литературѣ“.

Обращалось особое вниманіе, что новое изданіе „будучи журналомъ учено-литературнымъ, какъ и всѣ прочіе выходящіе у насъ журналы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе политическое, что придаетъ ему особенную важность въ настоящее время, когда всеобщее вниманіе обращено на событія политическія".

Изложеніе содержанія и характеръ различныхъ отдѣловъ журнала сдѣланы въ объявленіи въ томъ смыслѣ, какъ въ приведенной выше докладной запискѣ на имя министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, въ которой Михаилъ Никифоровичъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему изданія *Русскаго Лѣтописца*. Въ заключеніе объявленія помѣщенъ длинный рядъ сотрудниковъ будущаго журнала. Приведемъ этотъ во многихъ отношеніяхъ любопытный списокъ.

Д. Н. Абашевъ, С. Т. Аксаковъ, К. С. Аксаковъ, И. С. Аксаковъ, П. В. Анненковъ, А. Н. Аѳанасьевъ, И. К. Бабстъ, П. И. Бартеневъ, Н. В. Безобразовъ, П. А. Безсоновъ, И. Н. Березинъ, К. Н. Бестужевъ, М. П. Бибиковъ, Н. М. Благовѣщенскій, В. М. Благовѣщенскій, А. П. Богдановъ, О. М. Бодянскій, Ѳ. И. Буслаевъ, И. В. Вернадскій, Н. П. Воронцовъ-Вельяминовъ, В. П. Гаевскій, А. Д. Галаховъ, А. И. Георгіевскій, А. М. Гезенъ, Г. Ф. Головачевъ, И. А. Гончаровъ, Д. В. Григоровичъ, М. А. Дмитріевъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, А. Н. Драшусовъ, А. В. Дружининъ, А. Н. Егуновъ, А. С. Ершовъ, А. П. Ефремовъ, С. В. Ешевскій, А. М. Жемчужниковъ, П. Е. Забѣлинъ, А. П. Зернинъ, К. Д. Кавелинъ, Н. П. Калиновскій, И. К. Калугинъ, М. Н. Капустинъ, В. С. Каролинъ, Д. И. Каченовскій, Н. Х. Кетчеръ, И. П. Корниловъ, В. Ѳ. Коршъ, А. Н. Костылевъ, М. Е. Кублицкій, И. И. Лажечниковъ, А. В. Лохвицкій, Н. А. Любимовъ, Н. Э. Лясковскій, Д. Н. Мейеръ, Н. А. Мельгуновъ, Ѳ. А. Мельгуновъ, А. И. Меньщиковъ, Д. А. Милютинъ, Г. Г. Минъ, Д. Г. Минъ, М. Л. Михайловъ, кн. Н. С. Назаровъ, Е. Нарская (псевд.), А. В. Никитенко, Н. П. Огаревъ, А. Н. Островскій, Н. Ф. Павловъ, П. В. Павловъ, Н. М. Пановскій, К. Н. Петриченко, П. Л. Пикулинъ, А. Ѳ. Писемскій, Я. П. Полонскій, С. П.

Полуденскій, А. Н. Поповъ, Н. А. Поповъ, А. А. Потѣхинъ, А. Н. Пыпинъ, Н. А. Рамазановъ, С. А. Рачинскій, К. Ф. Рулье, Н. С. Савельевъ, Н. М. Сатинъ, С. А. Смирновъ, С. М. Соловьевъ, А. В. Станкевичъ, М. И. Сухомлиновъ, В. В. Тарновскій, Н. С. Тихонравовъ, гр. А. К. Толстой, Л. Н. Т. (литеры, подъ которыми скрывается имя одного изъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ писателей, автора разсказовъ „Дѣтство“, „Отрочество“ и пр.), Евгенія Туръ (псевд.), И. С. Тургеневъ, Ѳ. В. Чижовъ, Б. Н. Чичеринъ, С. Д. Шестаковъ, М. С. Щепкинъ, Н. М. Щепкинъ, Е. М. Ѳеоктистовъ.

Сколько уже похищено смертью!

Большинство извѣстныхъ именъ списка можно было въ то же время встрѣтить въ числѣ сотрудниковъ *Современника*, *Отечественныхъ Записокъ*. Менѣе всего представленъ былъ славянофильскій кругъ. Встрѣчаемъ имя Аксаковыхъ, съ семействомъ которыхъ Михаилъ Никифоровичъ былъ близокъ. Имена Погодина, Шевырева отсутствуютъ.

Въ началѣ января 1856 года вышла первая книжка *Русскаго Вѣстника*. Изъ числа авторовъ статей, помѣщенныхъ—съ подписанными именами—въ первой книжкѣ журнала, нынѣ въ живыхъ: графиня Сальясъ (Евгенія Туръ), Ѳ. И. Буслаевъ, Б. Н. Чичеринъ, Н. А. Поповъ, М. Н. Капустинъ, А. П. Богдановъ и пишущій эти строки.

„Современная Лѣтопись“ первой книжки начиналась небольшою передовою статьею, помѣченною 31 декабря и подписанною: М. Катковъ. „Наконецъ,—такими словами начинается статья,—совершилъ оборотъ свой этотъ грозный 1855 годъ! Сколько событій, сколько скорби, сколько стоновъ и крови уноситъ онъ съ собою! Будетъ онъ памятенъ въ лѣтописяхъ міра, и долго громъ его будетъ отзываться въ народахъ и царствахъ... Да благословитъ Провидѣніе нашу добрую землю, да благословитъ ея страданія и надежды! Да явитъ любовь свою въ ея испытаніяхъ! Въ продолженіе своего тысячелѣтняго существованія много уже страдала она, терпѣливо тая боль въ своемъ сердцѣ и не требуя мзды за свои жертвы. Да будутъ же нынѣ зачтены ея прежнія страданія

и жертвы, и да облегчатъ они для нея трудъ настоящаго испытанія".

Статья заключалась словами, въ которыхъ нынѣ можно видѣть исполненный уже обѣтъ:

„Съ чистою и искреннею любовію обращаемъ мы наши взоры къ Престолу. Все, что есть въ насъ силы и энтузіазма, все отдадимъ мы нашему Царственному Вождю; радостно и съ полною преданностію пойдемъ мы въ добрый путь подъ Его знаменемъ, пойдемъ съ полною вѣрою, что знамя Вождя нашего есть истинная честь, свѣтъ и благо нашей родины!"

V.

Когда основался „Русскій Вѣстникъ", было уже немало литературныхъ журналовъ, гдѣ участвовали почти тѣ же лица, какія объявлены сотрудниками новаго изданія. Особенность новаго журнала, на которую, какъ выше упомянули, прежде всего обращено вниманіе въ объявленіи, та, что журналъ этотъ, „будучи учено-литературнымъ, какъ и всѣ прочіе, выходящіе у насъ журналы, есть вмѣстѣ съ тѣмъ изданіе политическое". Событія времени вызывали особенный интересъ къ сообщенію политическихъ новостей и сужденій. А сильно обозначившаяся уже потребность во внутреннихъ преобразованіяхъ, при участіи общественнаго мнѣнія и гласнаго обсужденія вопросовъ государственной важности, требовала внесенія въ умственный обиходъ общества цѣлой массы понятій политическаго свойства, представлявшихся въ самыхъ туманныхъ образахъ и сбивчивыхъ сочетаніяхъ. Политическому элементу не были чужды и другія изданія. Но элементъ этотъ, вслѣдствіе цензурныхъ условій предшествовавшаго продолжительнаго періода, помѣщался, главнымъ образомъ, между печатными строками и въ этомъ искусствѣ достигнута была, долгимъ упражненіемъ, значительная ловкость. Да и политическіе идеалы значительной доли писателей Герценовскаго, и вообще такъ называемаго западническаго направленія были

таковы, что явно въ строкахъ не могли бы явиться при самыхъ облегченныхъ цензурныхъ условіяхъ. Политическія ученія новаго журнала были совершенно чужды революціоннаго элемента и вполнѣ были соединимы съ преданностію престолу и вѣрностью присягѣ вѣрноподданнаго въ самомъ искреннемъ ея пониманіи.

Не вдругъ однако могъ издатель „Русскаго Вѣстника“ повести прямую политическую рѣчь. Да и его собственные взгляды воспитались постепенно. Философъ, сдѣлавшійся журналистомъ по случайному стеченію обстоятельствъ, принялъ въ управленіе свое „Московскія Вѣдомости“ въ ту эпоху, когда политическій отдѣлъ газеты предписано было наполнять исключительно перепечатками изъ Петербургскихъ изданій. Въ самомъ „Русскомъ Вѣстникѣ“ участіе Михаила Никифоровича, кромѣ общаго редакціоннаго труда, въ первое время выразилось помѣщеніемъ статьи, чисто эстетическаго содержанія, о Пушкинѣ, оставшейся неоконченною. Политическое обозрѣніе составлялось нѣкоторыми изъ сотрудниковъ. Такъ продолжалось болѣе года. Михаилъ Никифоровичъ не былъ доволенъ этимъ отдѣломъ. Въ 1857 году онъ самъ сталъ принимать участіе въ этомъ отдѣлѣ, а съ 1858 года отдѣлъ этотъ совсѣмъ перешелъ въ его руки. При составленіи политическаго обозрѣнія естественно представлялась противоположность двухъ странъ, главнымъ образомъ привлекавшихъ на себя вниманіе образованнаго міра,—Франціи и Англіи. Всѣ симпатіи Михаила Никифоровича были на сторонѣ прочно сложившихся на твердомъ историческомъ основаніи учрежденій Англіи. Отсюда та „англоманія“, которая и понынѣ упоминается какъ характеристическая черта „Русскаго Вѣстника“ первой эпохи. Преобразованія чрезъ примѣненіе отвлеченныхъ доктринъ, такъ свойственныя революціонной Франціи, казались ему наиболѣе нежелательными для нашего отечества. Англійскую преданность монархіи и мѣстное самоуправленіе чрезъ землевладѣльцевъ онъ разсматривалъ какъ начала близко родственныя началамъ нашей исторической жизни.

О русскихъ дѣлахъ и русской политикѣ, внѣшней и внутренней, въ первую эпоху „Русскаго Вѣстника“ еще нельзя было говорить громко, какъ сдѣлалось возможнымъ впослѣдствіи на столбцахъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Въ эту первую эпоху замѣчательнѣйшія статьи политическаго содержанія, предшественницы передовыхъ статей Московской газеты, были обращены не къ массѣ публики, а къ правительству, по поводу возникавшихъ цензурныхъ недоразумѣній. Находимъ возможнымъ извлечь нынѣ изъ подъ спуда двѣ такихъ статьи, сохранившіяся въ архивныхъ документахъ. Онѣ писаны и представлены были начальству по поводу нѣкоторыхъ статей, помѣщенныхъ въ „Современной Лѣтописи“ журнала и вызвавшихъ оффиціальную переписку.

Замѣтимъ, что говоря о цензурныхъ недоразумѣніяхъ, мы не имѣемъ въ виду столкновеній издателя „Русскаго Вѣстника“ съ цензоромъ его журнала. Такихъ столкновеній не было. Первый цензоръ „Русскаго Вѣстника“ Н. Ѳ. фонъ-Крузе былъ цензоромъ новой эпохи, желавшимъ содѣйствовать свободѣ слова, а не стѣснять ее. Онъ ничего не вычеркивалъ изъ представленнаго, и редакція „Вѣстника“ была значительно болѣе строгимъ цензоромъ своего изданія, чѣмъ оффиціальный его цензоръ и выпускала многое изъ безпрепятственно пропущеннаго снисходительнымъ наблюдателемъ. Цензуровавшіе „Русскій Вѣстникъ“ послѣ Н. Ѳ. Крузе, А. Н. Драшусовъ и Н. П. Гиляровъ держались той же системы покровительства печатному слову. Цензурныя затрудненія исходили сверху, отъ главнаго управленія цензуры, нерѣдко присылавшаго выговоры цензорамъ и возбуждавшаго преслѣдованія за ту или другую статью. Цензурная строгость сосредоточивалась въ немъ, а не въ мѣстной Московской цензурѣ.

VI.

Лѣтомъ 1858 года возбуждено было дѣло по поводу помѣщенія въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№№ 4, 6 и 9) статей

подъ наименованіемъ „Турецкія дѣла“. Статьи были писаны Болгариномъ Даскаловымъ и подписаны буквою Д. Въ статьяхъ говорилось между прочимъ о печальномъ положеніи православной церкви въ Болгаріи и о дѣйствіяхъ греческаго духовенства въ Константинополѣ. Статьи написаны сдержанно, приводили факты. Безъ сомнѣнія, никто изъ читателей „Русскаго Вѣстника“ и не подумалъ, чтобы онѣ могли подать поводъ къ цензурному преслѣдованію. И однако случилось именно такъ. Министромъ просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго была тогда цензура, получено было въ іюнѣ 1858 года секретное отношеніе оберъ-прокурора Св. Синода слѣдующаго содержанія:

„Долгомъ почитаю сообщить вашему превосходительству о глубоко-горестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на святѣйшаго патріарха Константинопольскаго и тамошній Синодъ статьями, допущенными Московскою цензурою въ духѣ самомъ враждебномъ противъ греческой церкви, какихъ никогда еще въ Россіи не появлялось.

„Статьи сіи помѣщены въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ (№№ 4, 6 и 9) и въ „*Русской Бесѣдѣ*“ (кн. 2), и о содержаніи ихъ прилагается здѣсь записка съ ссылками на страницы. Нельзя и представить себѣ, чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что это есть плодъ внушеній заграничной пропаганды. Съ перваго разу можно уже видѣть въ нихъ явное оскорбленіе главной іерархіи восточной православной церкви, и что онѣ нестолько ведутъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ Болгаръ (которое можно возбуждать и не оскорбляя іерархіи), сколько къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрному греческому народу и къ Константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой, и чтобы дать новую пищу нашимъ раскольникамъ для порицанія церкви православной.

„Между тѣмъ при существованіи у насъ цензуры, появленіе подобныхъ статей приписывается иностранцами, и въ томъ числѣ Греками, разрѣшенію русскаго правительства и

даже Святѣйшаго Синода, какъ видно изъ писемъ, получаемыхъ изъ Константинополя, и потому, чтобы отвратить по возможности вредныя для нашей православной церкви послѣдствія отъ оскорбленія сими статьями вселенскаго патріаршаго престола, я, по порученію Святѣйшаго Синода, отнесся о томъ къ г. министру иностранныхъ дѣлъ, и имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство обратить ваше, милостивый государь, законное на сіи статьи вниманіе".

Послѣ личныхъ объясненій съ министромъ просвѣщенія (Е. П. Ковалевскимъ), оберъ-прокуроръ Синода (графъ А. П. Толстой) препроводилъ къ нему отвѣтъ на статью Даскалова, для помѣщенія въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ письмѣ, при которомъ прислана была статья, оберъ-прокуроръ выражался такъ:

„Мнѣ казалось бы справедливымъ и смягчающимъ, сколько возможно, сдѣланное на православныхъ читателей означенныхъ статей непріятное впечатлѣніе,—напечатать препровождаемый при семъ отвѣтъ Даскалову въ ближайшемъ нумерѣ „Русскаго Вѣстника", какъ перваго виновника соблазна, и въ ближайшихъ же нумерахъ „Московскихъ Вѣдомостей", ради множества читателей этой газеты.

„Если вамъ, милостивый государь, угодно будетъ изъявить согласіе на мое предложеніе, то имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство, дабы „Русскому Вѣстнику" и „Московскимъ Вѣдомостямъ" вмѣнено было въ обязанность, при напечатаніи отвѣта Даскалову, не дѣлать на него никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ-нибудь ловкимъ намекомъ заранѣе предубѣдить противъ нихъ читателя".

Самой статьи, состоявшей изъ двухъ частей: отвѣта „*Русскому Вѣстнику*" и отвѣта „*Русской Бесѣдѣ*", не приводимъ, такъ какъ о содержаніи ея, на сколько она касается „*Русскаго Вѣстника*"—получимъ вполнѣ ясное представленіе изъ

подробнаго отвѣта Михаила Никифоровича, который приведемъ ниже.

Статейка была препровождена чрезъ Московскій цензурный комитетъ въ редакцію *Русскаго Вѣстника*. Михаилъ Никифоровичъ не принялъ статьи и возвратилъ ее обратно въ комитетъ при слѣдующемъ рѣзкомъ отзывѣ:

„Честь имѣю возвратить при семъ статью, доставленную для напечатанія въ редакцію *Русскаго Вѣстника* изъ цензурнаго комитета, при отношеніи отъ 18 сего іюля за № 8. Я не могу согласиться напечатать статью эту въ моемъ журналѣ, какъ по причинѣ способа, какимъ доставлена эта статья, такъ и по причинѣ того условія, съ какимъ, какъ видно изъ отношенія цензурнаго комитета, должно быть сопряжено помѣщеніе ея въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.

„Я незнаю узаконенія, по которому цензурный комитетъ, до сихъ поръ только разрѣшавшій или запрещавшій печатаніе статей, можетъ приглашать редакцію печатать что-либо въ ея журналѣ. Еслибы такое узаконеніе существовало, то изданіе частныхъ журналовъ стало бы совершенною невозможностію. Что же касается до условія, „чтобы редакція не дѣлала никакихъ замѣчаній, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ журналы, помѣщая невольно на своихъ страницахъ непріятныя имъ по духу статьи, чтобы какимъ-нибудь ловкимъ намекомъ, заранѣе предупредить противъ нихъ читателя“,—то я полагаю, что эти строки вошли въ отношеніе по какому-нибудь недоразумѣнію, ибо никакъ не могу думать, чтобы съ какой-либо стороны могло быть поставлено человѣку, пользующемуся покровительствомъ законовъ, подобное, оскорбительное для его совѣсти и чести, условіе. Въ своемъ журналѣ я ничего не печатаю и по совѣсти ничего не могу печатать *невольно*. Что же сказать о томъ требованіи, которое, предполагая, что я буду печатать статью невольно, то есть, не соглашаясь съ нею, хочетъ, чтобы въ то же время я вводилъ публику въ заблужденіе, предлагая ей такую статью, какъ выраженіе собственныхъ мнѣній, и принимая за нее отвѣтственность, какъ за свое собственное произведеніе?

„Впрочемъ считаю не лишнимъ объяснить, что еслибы автору статьи было угодно обратиться частнымъ образомъ въ редакцію, то она, не *невольно*, а весьма *охотно* напечатала бы изъ нея все то, что относится къ дѣлу, откинувъ всѣ относящіяся къ нему разглагольствія, съ тѣмъ однако же, чтобы подъ статьею было подписано имя автора, а главное съ тѣмъ, чтобы редакціи дана была полная возможность возобновить рѣчь о предметѣ этой статьи и оспаривать изложенныя въ ней мнѣнія и показанія, съ которыми редакція имѣетъ основанія не соглашаться".

Вмѣстѣ съ тѣмъ Михаилъ Никифоровичъ, въ отвѣтъ на требованіе цензурнаго комитета, представилъ обширное и поучительное объясненіе. Съ своей стороны представилъ объясненіе и цензоръ фонъ-Крузе. Попечитель Московскаго учебнаго округа, гофмейстеръ Бахметьевъ, предсѣдавшій въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ, представилъ свое объясненіе министру просвѣщенія, присоединивъ и свое мнѣніе, благопріятное и „Русскому Вѣстнику", и цензору.

„Не входя,— писалъ попечитель,— въ оцѣнку фактовъ, изложенныхъ въ статьяхъ „Русскаго Вѣстника" и „Русской Бесѣды" подъ заглавіями „Турецкія дѣла" и „Возрожденіе Болгаръ", по личному моему убѣжденію, признаю, что эти статьи написаны слишкомъ рѣзко и могутъ вооружить сильныхъ въ Константинополѣ фанаріотовъ противъ Болгаръ, находящихся подъ ихъ игомъ. Осторожность въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе необходима, что большинство малообразованныхъ читателей весьма склонно переносить обвиненія съ недостойныхъ служителей церкви на самый ея принципъ, и что по положительнымъ даннымъ, извѣстнымъ вашему высокопревосходительству, латинская и протестантская пропаганды дѣйствуютъ не только сильнымъ политическимъ вліяніемъ, но и громадными денежными способами, простирающимися до девяти милліоновъ франковъ въ годъ, тогда какъ мы можемъ располагать самыми ничтожными средствами, и, возбудивъ мщеніе неистовыхъ фанаріотовъ, не имѣли бы достаточной силы для защиты несчастныхъ Болгаръ отъ ихъ преслѣдованій. Но устраняя личное мое

сочувствіе и заботливость къ охраненію Болгаръ отъ болѣе бѣдственнаго положенія при настоящихъ обстоятельствахъ и разсматривая статьи „Русскаго Вѣстника“ и „Русской Бесѣды“ по строгому лишь смыслу и правиламъ цензурнаго устава, я нахожу, что сіи статьи не касаются догматовъ православнаго ученія, а обнаруживаютъ злоупотребленія греческаго духовенства въ Константинополѣ, какъ это сильнымъ и великолѣпнымъ языкомъ объяснено въ запискѣ г. Каткова. Въ этомъ смыслѣ и при такомъ значеніи статьи, по моему мнѣнію, не могли не быть допущены къ печати и я не нахожу, чтобы цензоръ поступилъ противъ цензурныхъ правилъ“.

Самую записку Михаила Никифоровича приведемъ въ слѣдующей статьѣ.

Н. ЛЮБИМОВЪ

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Яромiръ и Предслава.

(Посвящается И. Н. Кашкарову).

Мой другъ, я вновь бѣжалъ отъ свѣта и людей,
Ихъ праздной суетой и шумомъ утомленный,
Вновь ты сманилъ меня въ пріютъ уединенный
Подъ благодатный кровъ обители твоей.
Привѣтствую сей кровъ, издавна мнѣ знакомый,
Радушьемъ мирныхъ Ларъ; привѣтствую твой садъ,
И церковь сельскую, и хижинъ тѣсный рядъ,
И нивъ, и пажитей окрестныхъ черноземы.
Давно уже моей не властвуютъ душой
Себялюбивыя мечты и заблужденья;
Толпу я разлюбилъ,—и сладокъ мнѣ покой
Вдали житейскихъ смутъ, въ тиши уединенья.
Прими же мой привѣтъ и ты, хозяинъ-другъ,—
Колдунъ, воздвигнувшій ограды и ворота
Вкругъ замка своего, куда въ волшебный кругъ
Не смѣютъ заглянуть ни скука, ни забота;
Гдѣ сочетался въ плѣнительный союзъ
И строгій трудъ, и лѣнь, и дѣло, и бездѣлье,
Бесѣды тихія, служенье вольныхъ Музъ,
Разумность, простота, свобода и веселье.
Къ тебѣ съ отрадою направилъ я свой путь,

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ.

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ) [1]).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Два эпизода цензурныхъ столкновеній въ первые годы „Русскаго Вѣстника“.

I.

Мы озаглавили наши статьи: „по личнымъ воспоминаніямъ“. Но два встрѣченные нами архивныхъ документа, въ высокой степени интересные, побуждаютъ насъ вставить эту эпизодическую главу, гдѣ рѣчь будетъ главнымъ образомъ принадлежать самому Михаилу Никифоровичу.

О первомъ изъ описываемыхъ эпизодовъ мы уже говорили въ концѣ предыдущей главы. Онъ, какъ мы видѣли, возникъ по поводу неудовольствія выраженнаго оберъ-прокуроромъ Синода на помѣщенныя въ Русскомъ Вѣстникѣ статьи озаглавленная „Турецкія дѣла“.

Приводимъ вполнѣ объясненіе Михаила Никифоровича, препровожденное имъ въ Московскій цензурный комитетъ, представившій его министру народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго состояла тогда цензура.

„Въ №№ 4, 5 и 9 *Русскаго Вѣстника* напечатаны статьи: *Турецкія дѣла*, подписанныя буквою Д. Въ статьяхъ этихъ

[1]) См. „Русскій Вѣстникъ“ №2, февраль 1888 г.

вниманіе читателей сосредоточивается преимущественно на страданіяхъ народа, близкаго намъ по вѣрѣ и крови, потомковъ тѣхъ самыхъ Болгаръ, отъ которыхъ наше отечество получило церковную рѣчь свою,—первое орудіе своего духовнаго просвѣщенія и основной камень своего свѣтскаго образованія. Народъ этотъ, составлявшій нѣкогда сильное царство, палъ, вмѣстѣ съ многими другими, подъ ударами завоевателей и въ продолженіи вѣковъ томится подъ чуждымъ игомъ. Не смотря на дикій фанатизмъ завоевателей, народъ этотъ, въ своей смиренной долѣ, свято хранилъ наслѣдіе своихъ предковъ — свою вѣру и свое слово. Подавленный тяжкими обстоятельствами, лишенный издавна всѣхъ тѣхъ условій, которыя могли бы развивать или поддерживать начатки его образованія, онъ не могъ сохранить во всей чистотѣ свое первоначальное слово, или увѣковѣчить его въ какихъ-либо памятникахъ народной мысли; но слово это, хотя и измѣненное теченіемъ вѣковъ и чуждою примѣсью, живетъ еще и доселѣ въ устахъ этого смиреннаго и безропотнаго племени. Надобно было много насилій и притѣсненій, много зла и всякаго рода неправды, чтобы расшевелить его, вызвать отъ него жалобы и породить въ немъ даже мысль отложиться отъ православія, чтобы искать удовлетворенія и защиты для своего религіознаго чувства подъ кровомъ чуждыхъ вѣроисповѣданій. Это зло, эта неправда, это попраніе святѣйшихъ чувствованій народныхъ и человѣческихъ совершались въ теченіи продолжительнаго времени не одними мусульманами, но и служителями православной церкви въ турецкихъ владѣніяхъ, преимущественно изъ константинопольскихъ Грековъ, такъ называемыхъ фанаріотовъ. Имя фанаріотовъ пріобрѣло печальную знаменитость на всемъ Востокѣ. Изъ этого испорченнаго отродія греческаго племени вышла вся эта толпа пронырливыхъ интригантовъ, которые умѣли захватывать въ свои руки дѣла Турецкой имперіи, не разбирая средствъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей; они-то внесли нѣкоторую систему и пріемы утонченнаго варварства въ полудикій фанатизмъ Турокъ. Турецкое иго было для нихъ благопріятно и они въ свою очередь много содѣйствовали къ упроченію фальшивой политической самостоятельности Турецкой имперіи посреди Европы. Сами Греки—Греки королевства и острововъ,—гнушаются этими орудіями политики ислама, и для истиннаго, свободнаго Грека нѣтъ брани оскорбительнѣе названія фанаріота. Не даромъ же ослави-

лось это имя, принадлежащее той отверженной греческой вѣтви, изъ которой по преимуществу получаетъ своихъ пастырей константинопольская паства.

„Лѣтъ за двадцать предъ симъ въ Болгарахъ возникла живая реакція противъ недостойнаго духовенства, оскорблявшаго ихъ религіозныя, нравственныя и народныя чувствованія. Глухая борьба завязалась между ними и ихъ іерархами. Болѣе благопріятная судьба освободила отъ фанаріотовъ Дунайскія княжества; но тѣмъ сильнѣе отяготѣло это ненавистное иго надъ Болгарами. Притѣсненія, которыя они претерпѣвали, гоненія, которымъ подвергались лучшіе люди изъ ихъ среды, отстаивавшіе свою народность и свое исконное право молиться Богу на родномъ языкѣ,— эти притѣсненія и гоненія давно уже не тайна, и всякій, кому близки къ сердцу интересы православной церкви, не можетъ скорбно не сочувствовать угнетаемымъ и не видѣть съ негодованіемъ истинныхъ и злѣйшихъ враговъ православія въ его недостойныхъ служителяхъ. Надежда на сочувствіе соплеменныхъ и единовѣрныхъ братій, можетъ быть, болѣе всего поддерживала въ Болгарахъ вѣрность православію. Они знали, что есть другія страны, что есть наконецъ великая страна, населенная единокровнымъ народомъ, гдѣ исповѣдуемая ими вѣра существуетъ при иныхъ условіяхъ и свободна отъ тѣхъ злоупотребленій, которыя помрачали ее въ ихъ глазахъ. Но надежда эта мало сбывалась. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, отчасти общеполитическихъ, а отчасти тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ русскіе люди часто бывали лишены возможности выражать и проявлять на дѣлѣ свое участіе въ предметахъ общей важности, до Болгаръ не долетало сочувствующаго голоса, и они съ каждымъ днемъ ожесточались все болѣе и болѣе. Что мудренаго если взоры ихъ обращаются теперь на Западъ, и миссіи католическія и протестанскія дѣйствуютъ успѣшно въ славянскихъ странахъ, бывшихъ отъ начала вѣрными оплотами православія? На Востокѣ видятся имъ все тѣ же мрачныя лица, тѣ же притѣсненія, та же безнравственность, тѣ же лишенія, тѣ же клеветы и доносы при малѣйшемъ мирномъ движеніи народной жизни, и не слышится, хотя бы издали, ни одного дружелюбнаго голоса, который бы поддержалъ, ободрилъ ихъ, вошелъ въ ихъ чувствованія и вознегодовалъ ихъ справедливымъ гнѣвомъ на ихъ притѣснителей и осквернителей святыни. На Западѣ, напротивъ, представляется имъ вся соблазни-

тельная перспектива образованія и гражданственности, оттуда слышатся имъ призывные, привѣтливые голоса, на которые никто не налагаетъ молчанія, и вотъ въ Болгаріи начинаютъ уже поговаривать объ уніи.

„Редакція *Русскаго Вѣстника* обнародованіемъ вышеупомянутыхъ статей только исполнила долгъ свой передъ истиной и передъ публикой. Она глубоко сожалѣетъ, что статьи эти подверглись замѣчанію г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода; но надѣется, что недоразумѣнія, вызвавшія это замѣчаніе, уступятъ мѣсто болѣе спокойному и болѣе безпристрастному обсужденію дѣла. Редакція имѣла право напечатать эти статьи, которыя по предмету своему ни въ чемъ не противорѣчатъ положеніямъ цензурнаго устава. Статьи подобнаго содержанія не подлежатъ духовной цензурѣ, и было бы прискорбно, еслибы впредь подобныя статьи должны были подвергаться ей. Это было бы нововведеніемъ, противнымъ духу нашего цензурнаго устава и въ высшей степени стѣснительнымъ для нашей литературы. Духовной цензурѣ подлежатъ лишь сочиненія, въ которыхъ излагаются догматы православной церкви; духовная цензура признаетъ или не признаетъ согласнымъ излагаемое ученіе съ установленнымъ ученіемъ православной церкви: вотъ ея назначеніе, и всякое дальнѣйшее расширеніе ея предѣловъ можетъ только обратиться во вредъ какъ литературѣ, такъ и самой церкви. Православная церковь, по своей сущности, должна быть чужда всякаго инквизиціоннаго начала и полицейскаго духа; прививать къ ней этотъ духъ, столь противный ей, значитъ низводить ее на арену человѣческихъ страстей и преходящихъ мнѣній, унижать ея достоинство, оскорблять ея характеръ, затемнять ея святую сущность и скоплять противъ нея напрасную горечь въ умахъ. Внутренняя сущность нашей церкви достаточно обозначилась тою первоначальною чертой, которая стала чертою раздѣленія между ею и римскою церковью. Въ то время какъ римская церковь укрыла смыслъ священнаго писанія въ формахъ мертваго и непонятнаго народу языка, православная церковь признала и благословила начало разумѣнія, допустивъ всѣ языки къ прославленію Бога. Эта черта глубоко знаменательная.

„Въ упомянутыхъ статьяхъ нѣтъ ни слова о догматахъ православной церкви и вообще нѣтъ никакихъ богословскихъ разсужденій: авторъ говоритъ только о положеніи и дѣйствіяхъ духовенства, и притомъ не у насъ, а въ странѣ

намъ чуждой и находящейся подъ мусульманскимъ владычествомъ. Мы не видимъ, почему даже не могли бы мы говорить свободно о положеніи церкви и духовенства въ нашемъ отечествѣ; гласность относительно этого предмета важнѣе, чѣмъ по какой-либо другой отрасли жизни. Нельзя безъ грусти видѣть, какъ въ русской мысли постепенно усиливается равнодушіе къ великимъ интересамъ религіи. Это слѣдствіе тѣхъ преградъ, которыми хотятъ насильственно отдѣлить высшіе интересы отъ живой мысли и живаго слова образованнаго русскаго общества. Вотъ почему въ литературѣ нашей замѣчается совершенное отсутствіе религіознаго направленія. Гдѣ возможно повторять только казенныя и стереотипныя фразы, тамъ теряется довѣріе къ религіозному чувству, тамъ всякій по неволѣ совѣстится выражать его, и русскій писатель никогда не посмѣетъ говорить публикѣ тономъ такого религіознаго убѣжденія, какимъ могутъ говорить писатели другихъ странъ, гдѣ нѣтъ спеціальной духовной цензуры. Эта насильственная недоступность, въ которую поставлены у насъ всѣ интересы религіи и церкви, есть главная причина того безплодія, которымъ поражена русская мысль и все наше образованіе; она же съ другой стороны есть корень многихъ печальныхъ явленій въ нашей внѣшней церковной организаціи и жалкаго положенія большей части нашего духовенства. Неужели намъ суждено всегда обманывать себя, и хитросплетенною ложью пышныхъ оффиціальныхъ фразъ убаюкивать нашу совѣсть и заглушать голосъ вопіющихъ потребностей? Въ такомъ великомъ дѣлѣ мы не должны ограничивать горизонтъ нашъ настоящимъ поколѣніемъ и съ грустію должны мы сознаться, что будущность нашего отечества не обѣщаетъ добра, если продлится эта система отчужденія мысли, этотъ ревнивый и недоброжелательный контроль надъ нею. Не добромъ помянутъ насъ потомки наши, вникая въ причины глубокаго упадка религіознаго чувства и высшихъ нравственныхъ интересовъ въ народѣ, чѣмъ грозитъ намъ не очень далекая будущность Россіи. Признаки этого упадка замѣчаются и теперь, и намъ, живущимъ среди общества и имѣющимъ возможность наблюдать жизнь въ самой жизни, а не въ искуственныхъ препаратахъ, признаки эти замѣтнѣе, нежели оффиціальнымъ дѣятелямъ, которые, по своему положенію, иногда при всей доброй волѣ, не могутъ усмотрѣть, не только оцѣнить многихъ характеристическихъ явленій въ народной жизни. Никакое праздное, дерзкое и ложное слово, про-

рвавшееся при свободѣ, не можетъ быть такъ вредно, какъ искуственная и насильственная отчужденность мысли отъ высшихъ интересовъ окружающей дѣйствительности. При свободѣ мнѣнія, всякая ложь не замедлитъ вызвать противодѣйствіе себѣ, и противодѣйствіе тѣмъ сильнѣйшее, тѣмъ благотворнѣйшее, чѣмъ рѣзче выразится ложь. Но нѣтъ ничего опаснѣе и гибельнѣе равнодушія и апатіи общественной мысли.

„Во всякомъ случаѣ предметъ статей, подвергшихся нареканію, не находится ни въ какой связи съ положеніемъ дѣла въ нашемъ отечествѣ. Рѣчь идетъ о страданіяхъ Болгаръ и о злоупотребленіяхъ чуждаго намъ духовенства, за испорченность котораго не несетъ на себѣ отвѣтственности ни православная церковь, ни наше правительство. Эта духовная порча, къ несчастію, была неизбѣжна подъ владычествомъ ислама, хотя это нимало не оправдываетъ ея и не можетъ мирить съ нею христіанскую совѣсть. Неужели и тутъ хотятъ отнять у русскаго человѣка право голоса и сужденія? Неужели вліяніе Фанара, не ограничиваясь турецкимъ правительствомъ и несчастною Болгаріей, должно простираться и на насъ, людей живущихъ подъ другимъ закономъ, и употреблять противъ насъ силу нашего правительства, какъ свое орудіе? Сила можетъ принудить насъ къ молчанію, нѣтъ сомнѣнія; но гдѣ законное основаніе употреблять противъ насъ въ этомъ случаѣ силу? Гдѣ законный поводъ къ оффиціальному вмѣшательству по тому вопросу, который поднятъ въ статьяхъ „Турецкія дѣла?“ Если отнять у насъ право высказываться объ этихъ дѣлахъ, то что же еще остается для нашего слова? Послѣдовательность требуетъ запретить намъ писать обо всякомъ сколько-нибудь важномъ предметѣ. Но, скажутъ, статьи эти исполнены ошибочныхъ показаній и невѣрныхъ мнѣній; въ нихъ преувеличивается существующее зло, и выдумывается небывалое. Положимъ, что такъ. Статьи напечатанныя подлежатъ критикѣ; пусть всякій, кто не согласенъ съ ними, откроетъ ихъ недостатки, ошибки, невѣрности и подвергнетъ автора строгому публичному суду, но не отнимая у него возможности защищаться и подкрѣплять свои показанія. Истина не должна бояться гласности, и кто считаетъ свое дѣло правымъ, тому вдвойнѣ грѣшно пользоваться правомъ сильнаго и налагать молчаніе на уста противника. Оффиціальное вмѣшательство даетъ дѣлу именно такой оборотъ; а несправедливый и невеликодушный образъ дѣйствій

всего менѣе можетъ свидѣтельствовать о правотѣ защищаемаго дѣла.

„Въ отношеніи Московскаго цензурнаго комитета въ редакцію „Русскаго Вѣстника“ сказано: „Г. Оберъ-Прокуророръ Святѣйшаго Синода сообщилъ г. Министру Народнаго „Просвѣщенія о глубокогорестномъ впечатлѣніи, произведенномъ на святѣйшаго патріарха Константинопольскаго и „тамошній Синодъ статьями, допущенными Московскою цензурою въ духѣ самомъ враждебномъ противъ греческой „церкви, какія никогда еще въ Россіи не появлялись, и помѣщенными въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ № 4, 6 и 9). „Нельзя и представить себѣ, пишетъ графъ А. П. Толстой, „чтобы православный христіанинъ могъ рѣшиться писать въ „семъ духѣ, но должно скорѣе предположить, что статьи эти „есть плодъ внушеній заграничной пропаганды. Съ перваго „разу можно уже видѣть въ нихъ явное оскорбленіе главной „іерархіи Восточной православной церкви и что онѣ не „столько ведутъ къ возбужденію сочувствія нуждамъ Болгаръ „(которое можно возбуждать не оскорбляя іерархіи), сколько „къ тому, чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ „единовѣрческому греческому народу и къ Константинополь„ской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ „вѣры Христовой“.

„Что вышеозначенныя статьи произвели впечатлѣніе на патріарха Константинопольскаго, то это неудивительно, также и то, что впечатлѣніе это было горестное. Надобно желать только, чтобы впечатлѣніе это повело къ какимъ-нибудь благотворительнымъ измѣненіямъ въ системѣ церковнаго управленія. Что же касается до утвержденія, что будто бы статьи эти написаны въ духѣ враждебномъ греческой церкви, то оно падаетъ само собою при малѣйшемъ вниманіи. О какой греческой здѣсь говорится? Разумѣется ли здѣсь греческая церковь въ общемъ смыслѣ православной Восточной церкви? Нѣтъ!—Въ статьяхъ идетъ рѣчь о мѣстныхъ злоупотребленіяхъ духовенства, а не о церкви вообще. Разумѣется ли, подъ выраженіемъ греческая церковь, положеніе православія въ греческомъ народѣ? Но въ статьяхъ идетъ рѣчь объ одномъ лишь Константинопольскомъ патріархатѣ, и нѣтъ ни слова о церковныхъ дѣлахъ въ греческомъ королевствѣ, которое не находится ни въ какой зависимости отъ Константинопольскаго престола, и имѣетъ свое самостоятельное церковное управленіе такъ, какъ и наше отечество. Очень жаль, что употреблено такое неопредѣ-

ленное выраженіе, какъ бы съ умысломъ придать статьямъ несвойственное имъ значеніе и усилить отвѣтственность автора. Было бы справедливѣе сказать, что статьи писаны въ духѣ, враждебномъ злоупотребленіямъ, замѣчаемымъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

„Но еще прискорбнѣе было прочесть вслѣдъ затѣмъ отзывъ г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. Онъ не усомнился признать эти статьи за явный плодъ заграничной пропаганды; рѣшается заподозрить самое православіе автора статей. Надобно имѣть сильныя основанія, чтобы постановить такой рѣшительный приговоръ; но и тѣни основаній не окажется даже при самомъ подозрительномъ вниманіи. Можно, если угодно, обвинять автора въ несправедливости показаній, въ преувеличеніи, даже въ клеветахъ; но видѣть въ его статьяхъ что-нибудь похожее на католическую или протестантскую пропаганду значитъ видѣть въ нихъ не только то, чего нѣтъ, но чего и быть не можетъ. Заграничная пропаганда дѣйствуетъ по обдуманному плану и со смысломъ, а подобное дѣйствіе было бы съ ея стороны совершенною нелѣпостію. На кого могла бы дѣйствовать этими статьями заграничная пропаганда? На Болгаръ? Но Болгаре не читаютъ русскихъ журналовъ; въ городахъ и селахъ ихъ не водится ни „Русскій Вѣстникъ“, ни „Русская Бесѣда“, да Болгаринъ и не можетъ понимать писаннаго по-русски. Вмѣсто того, чтобы дѣлать такой далекій обходъ, не приводящій къ цѣли, а напротивъ отводящій отъ нея, пропаганда имѣетъ всѣ средства дѣйствовать непосредственно на Болгаръ. Ужь не на Русскихъ ли хотѣла этими средствами дѣйствовать пропаганда? Но какого же результата могла она добиться чрезъ это? Какого успѣха могла бы ожидать католическая или протестантская пропаганда въ Россіи посредствомъ раскрытія злоупотребленій Константинопольской іерархіи,— раскрытія, имѣющаго цѣлію обратить вниманіе на опасности, угрожающія православію въ Болгаріи? Русскіе и безъ того не могутъ воображать, чтобы управленіе христіанскою церковію въ странѣ мусульманской могло находиться въ положеніи нормальномъ, и это ни въ какомъ случаѣ не можетъ колебать въ нихъ чувства православія, а напротивъ, должно возбуждать въ нихъ еще большую ревность къ его поддержанію и къ сохраненію его чистоты. Въ статьяхъ, повторяемъ, нѣтъ ни малѣйшаго замѣчанія о догматическихъ отличіяхъ православной церкви; незамѣтно ни малѣйшаго желанія представить ея ученіе въ неблагопріятномъ свѣтѣ. На-

противъ, при всей рѣзкости сужденій о злоупотребленіяхъ Константинопольскаго духовенства, въ статьяхъ этихъ вездѣ слышится голосъ православнаго человѣка, оскорбленнаго въ своемъ религіозномъ чувствѣ этими злоупотребленіями, и опасающагося болѣе всего, чтобы они не повели къ отпаденію цѣлаго народа. Можно ли сказать, чтобы человѣкъ, написавшій, напримѣръ, слѣдующія строки, былъ орудіемъ иновѣрческой пропаганды и дѣйствовалъ противъ православной церкви:

„И угодно было судьбѣ, чтобы въ то время, когда совѣтъ „патріархіи клеймилъ славянъ прозвищемъ варваровъ и ери„тиковъ, когда онъ предписывалъ своимъ епархіальнымъ „спутникамъ закрывать учебныя заведенія и вновь вводить „греческій языкъ въ церквахъ и училищахъ, когда, вопреки „предписанію Порты, онъ не допустилъ ни одного Болгарина „присутствовать въ соборѣ, не смотря на то, что три чет„верти его паствы славянскаго происхожденія, въ это самое „время прибылъ изъ Россіи въ Константинополь преосвящен„ный Кирилъ, епископъ Мелитопольскій, первый изъ рус„скихъ архіереевъ на Востокѣ. Болгаре, всегда осторожные „относительно Русскихъ, на этотъ разъ однако не выдержали „и пригласили преосвященнаго Кирилла священнодѣйствовать „въ ихъ временной церкви, на Фанарѣ. Напрасно нѣкоторые „изъ фанаріотовъ старались воспрепятствовать, подъ разными „предлогами, этому священнодѣйствію: преосвященный Ки„риллъ съ радостью принялъ приглашеніе и своимъ присут„ствіемъ въ болгарской церкви произвелъ потрясающее дѣй„ствіе на присутствующихъ. Въ головѣ Болгаръ глубоко за„пала мысль, вскорѣ потомъ разнесшаяся по всѣмъ городамъ „и селамъ, что представитель православнаго царства при„знаетъ законность церковно-славянскаго языка въ болгар„скихъ церквахъ. Проникнутые этою мыслію, равно какъ „благочестіемъ и ученостью преосвященнаго Кирилла, Бол„гаре слушали обѣдню изъ устъ сего пастыря съ такою лю„бовью, съ такимъ живымъ чувствомъ восторга и умиленія, „что многіе изъ нихъ въ первый разъ въ жизни пролили „слезы и припомнили былыя времена своей исчезнувшей іерар„хіи. По окончаніи обѣдни народъ стремглавъ кинулся къ „рукѣ преосвященнаго, щедро разсыпавшей благословенія, „чтобъ успѣть поцѣловать ее и поближе взглянуть на *своего* „архипастыря. Въ первый разъ въ жизни простой Болга„ринъ не произносилъ своего заклинанія, безъ котораго онъ „никогда не прикасается къ рукѣ фанаріота“. („Русскій „Вѣстникъ“ № 9. Турецкія дѣла стр. 42).

„Неужели статья, въ которой встрѣчаются подобныя строки, можетъ быть объявлена плодомъ заграничной пропаганды? Съ какою цѣлью могъ бы написать ихъ таинственный агентъ этой пропаганды, въ какомъ непонятномъ интересѣ могли бы вылиться онѣ изъ подъ его пера?

„Выписанныя строки служатъ осязательнымъ доказательствомъ отношеній автора къ православной церкви. Но статьи его, отъ перваго до послѣдняго слова, свидѣтельствуютъ съ неменьшею силою для всякаго безпристрастнаго читателя, что онѣ писаны не только не врагомъ православной церкви, но человѣкомъ глубоко и искренне преданнымъ ей. Самая горечь и увлеченіе, съ какимъ говоритъ онъ о недостойныхъ ея служителяхъ, явно происходитъ изъ оскорбленнаго чувства, ревнующаго о пользѣ православія. Подобныя увлеченія, даже въ крайностяхъ своихъ, конечно, болѣе свидѣтельствуютъ о глубинѣ и искренности религіознаго чувства, нежели постыдное равнодушіе при видѣ злоупотребленій, оскверняющихъ церковь, или пристрастное укрывательство ихъ.

„Несмотря на безотрадное положеніе, въ какомъ представляются автору дѣла Константинопольской іерархіи, онъ не теряетъ еще надежды, что положеніе этихъ дѣлъ можетъ измѣниться къ лучшему:

„Пріятно однако думать, говоритъ онъ, что послѣднія „манифестаціи Болгаръ, вызванныя, какъ мы уже видѣли, „единственно невыносимыми жестокостями враговъ и отчая„ніемъ, образумятъ патріархатъ и побудятъ его къ уступ„камъ, въ видахъ сохраненія въ православной церкви ея „чадъ, или, по крайней мѣрѣ, въ видахъ политико-экономи„ческихъ. Въ послѣднемъ, (но не въ первомъ) обстоятельствѣ „по преимуществу заключается все затрудненіе по такъ назы„ваемымъ церковнымъ дѣламъ Болгаріи. Конечно, сотни выс„шаго духовенства и миріады калугеровъ и свѣтскихъ фа„наріотовъ лишатся своихъ тёплыхъ мѣстъ, но патріархатъ „все-таки будетъ получать отъ Болгаръ извѣстное количество „милліоновъ и, можетъ быть, войдетъ въ лучшую колею „жизни“.

„Къ чему было бы агенту заграничной пропаганды утѣшать себя этими, хотя и блѣдными надеждами? Къ чему сталъ бы онъ мириться даже съ духовенствомъ Фанара, оставляя за нимъ его привилегіи, лишь бы только православная церковь сохранила своихъ чадъ? Авторъ постоянно свидѣтельствуетъ объ искренней и незыблемой преданности Болгаръ православію и тѣмъ съ большею ревностію желаетъ,

чтобы прекѣкся по крайней мѣрѣ тотъ *избытокъ* злоупотребленій, который приводитъ ихъ въ совершенное отчаяніе и предаетъ ихъ въ жертву иновѣрческимъ пропагандамъ.

„Г. Оберъ-Прокуроръ полагаетъ, что можно было бы возбуждать сочувствіе нуждамъ Болгаръ, не оскорбляя іерархіи. Но самыя вопіющія жалобы Болгаръ порождены злоупотребленіями іерархіи, и нельзя возбуждать сочувствіе ихъ нуждамъ, не раскрывая источника золъ, отъ которыхъ они страдаютъ. Наконецъ, по мнѣнію г-на Оберъ-Прокурора, статьи эти клонятся къ тому, „*чтобы поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ единовѣрческому греческому народу и къ Константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой*“. При всемъ уваженіи нашемъ къ графу Толстому, мы не можемъ не посѣтовать на совершенную неточность этихъ словъ.

„Допустимъ на минуту, что дѣйствительно въ статьяхъ этихъ подвергается хулѣ и нареканіямъ греческій народъ. Есть ли однако законныя основанія препятствовать русскому писателю произносить свое сужденіе о той или другой народности? Какое право имѣлъ бы цензоръ запрещать автору отзываться, по усмотрѣнію, о различныхъ народахъ, населяющихъ шаръ земной, въ какихъ бы отношеніяхъ ни находились они къ намъ? Какъ ни тягостны бывали иногда цензурныя стѣсненія въ нашемъ отечествѣ, никогда они не доходили до того, чтобъ отнимать у писателя право суда, хотя бы и рѣзкаго, о подобномъ предметѣ, и никогда различные народы не ограждались особыми цензурными привилегіями. Какъ ни многозначителенъ титулъ единовѣрческаго, онъ—непрепятствіе отзываться о греческомъ народѣ строго и рѣзко, если кто-либо составилъ себѣ о немъ неблагопріятное мнѣніе. Подобное мнѣніе подлежитъ критикѣ, а не цензурѣ.

„Но прискорбнѣе всего то, что показаніе это несправедливо, ибо въ статьяхъ идетъ рѣчь не о греческомъ народѣ, а объ одной вѣтви его, которой чуждается греческій народъ. Авторъ ссылается, для подкрѣпленія своихъ свидѣтельствъ о фанаріотахъ, на мнѣнія самихъ греческихъ писателей. Развратъ и мерзости многихъ выродковъ греческаго племени, позорящихъ собою имя Грековъ, извѣстны цѣлому міру. Кто на своемъ вѣку не читалъ или не слыхалъ о той роли, какую на Востокѣ играютъ Армяне, Евреи, и, къ сожалѣнію, болѣе всего Греки? Но существованіе испорченныхъ выродковъ греческаго племени не препятствуетъ суще-

ствованію и благородныхъ явленій въ сферѣ греческой жизни, которая завоевала себѣ политическую самостоятельность и нисколько не несетъ на себѣ отвѣтственности за потерянныхъ дѣтей своихъ, искажающихъ и употребляющихъ во зло ея національный характеръ.

„Этого мало. Чтобъ усилить вину автора, сказано, что онъ возбуждаетъ ненависть къ Константинопольской церкви, отъ которой отечество наше получило свѣтъ вѣры Христовой. Какъ громко и какъ неопредѣленно это выраженіе! Константинопольская церковь! какъ будто рѣчь идетъ о внутренней сущности православной церкви, о чистомъ и правильномъ устройствѣ церкви въ христіанской странѣ, подъ защитою христіанской гражданственности? Но свѣтъ вѣры Христовой первоначально вышелъ изъ среды еврейскаго племени, что̀ однако не обязываетъ насъ благоговѣть передъ нынѣшними Евреями и предоставлять имъ цензурную привилегію. Константинопольская церковь имѣетъ великое значеніе въ исторіи, ей можетъ быть предстоитъ не менѣе великая будущность, ее терпитъ Богъ, не смотря на ея нынѣшнее униженіе, можемъ терпѣть и мы, никто не желаетъ паденія Константинопольскаго престола. Но именно тѣ, кому желательно его процвѣтаніе, должны протестовать противъ грустныхъ явленій, происходящихъ въ его іерархіи. Неужели уваженіе къ Константинопольской церкви должно имѣть такой смыслъ, чтобы мы одобряли все, что ни скажетъ и ни сдѣлаетъ патріархъ и подчиненная ему іерархія? Беремъ смѣлость напомнить г-ну Оберъ-Прокурору, что патріархъ Константинопольскій, котораго онъ хочетъ именемъ Христовымъ вознести на недоступную высоту надъ бѣднымъ словомъ русскаго писателя, во время послѣдней войны въ 1854 году, проклиналъ тѣмъ же именемъ Христа наше оружіе, поднятое за вѣру, и молилъ Бога о дарованіи побѣды не на Агарянъ, а Агарянамъ. Окружное посланіе патріарха Анѳима, которое должно возбудить каждаго Русскаго, каждаго истиннаго сына православной церкви, было извѣстно автору, какъ вѣроятно оно извѣстно и г. Оберъ-Прокурору; но авторъ не хотѣлъ напомнить о немъ и приводить его подробности, а это, конечно, нельзя объяснить желаніемъ поселить въ русскомъ народѣ ненависть къ Константинопольской церкви. Во извиненіе патріарха могутъ сказать, что въ этой прокламаціи говорилъ онъ противъ своихъ убѣжденій, что онъ только на словахъ благословлялъ Турокъ и проклиналъ Русскихъ, а въ сердцѣ своемъ, можетъ быть,

думалъ иначе. Но если обстоятельства могли разъ вынудить патріарха, представителя церкви, на такую возмутительную ложь противъ собственной совѣсти, и если дѣйствительно онъ думалъ не то, что вѣщали уста его, то тѣ же самыя обстоятельства всегда могли быть источникомъ всякой неправды и всякаго зла. Каковъ образецъ для паствы! И это совершается въ христіанской церкви, основанной на крестной смерти Богочеловѣка и на свидѣтельствахъ святыхъ мучениковъ!

„Къ отношенію Московскаго цензурнаго комитета приложена записка, въ которой изложены основанія, побудившія г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода дать столь неблагопріятный отзывъ о статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ *Турецкія дѣла*.

„Мы позволяемъ себѣ думать, что г. Оберъ-Прокуроръ, при множествѣ своихъ служебныхъ занятій, не имѣлъ времени самъ прочесть и обсудить эти статьи; намъ пріятнѣе полагать, что онъ основалъ свой приговоръ не на собственномъ убѣжденіи, а на невѣрномъ докладѣ. Мы не обинуясь скажемъ, что докладъ этотъ недобросовѣстенъ; этого мало: онъ представляетъ слѣды образа мыслей, осуждаемаго православною церковью.

„Прежде всего, по неволѣ, обращаемъ вниманіе на тотъ пунктъ записки, который сообщаетъ ей характеръ и силу доноса. Въ немъ сказано, что статья, напечатанная въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, обнаруживаетъ порывъ къ истребленію церковныхъ установленій. Обвиненіе это очень важно; мудрено ли, что на основаніи такого обвиненія г. Оберъ-Прокуроръ отозвался о статьяхъ, какъ о плодѣ заграничной пропаганды? Приговоръ этотъ еще очень мягокъ въ сравненіи съ сплою обвиненія. Порывъ къ истребленію церковныхъ установленій! Въ чемъ же онъ обнаруживается?

Вотъ текстъ обвиненія:

„Статья заключаетъ также въ себѣ порывъ къ истребле-
„нію нѣкоторыхъ церковныхъ установленій, названныхъ ею
„противо-православными нововведеніями, какъ то: перекре-
„щиваніе Латинъ“.

„Положимъ, что дѣйствительно въ *Русскомъ Вѣстникѣ* обычай перекрещивать Латинъ названъ противо-православнымъ. Такъ, стало быть, по мнѣнію обвинителя, подобный обычай долженъ быть названъ православнымъ? Стало быть, надъ Латинами должно повторять таинство крещенія при обращеніи въ православіе? Но, мы умолкаемъ, и предо-

ставляемъ самимъ учителямъ православнаго богословія изобличить нашего обвинителя.

„Крещеніе не должно быть повторяемо. Ибо: а) оно есть „рожденіе въ духовную жизнь, а рождаются только одинъ „разъ; или же, оно, по Апостолу, есть участіе въ смерти „и погребеніи Іисуса Христа: *елицы во Христа Іисуса крестихомся, въ смерть Его крестихомся. Спогребохомся Ему крещеніемъ „въ смерть* (Рим. 6, 4, 5); но Іисусъ Христосъ умеръ и по„гребенъ одинъ только разъ. б) Апостолъ Павелъ крещеніе „ясно именуетъ *единымъ*, какъ единъ Богъ, едина вѣра (Ефес. „4, 6); почему и вселенская церковь опредѣлила въ Сим„волѣ исповѣдывать также, и всегда учила, вопреки нѣко„торымъ еретикамъ, о неповторяемости крещенія, хотя бы „оно совершено было надъ кѣмъ-либо даже неправославнымъ „христіаниномъ, только во имя Пресвятой Троицы“ (*Дога„тическое богословіе православной каѳолической восточной церкви*, „составленное архимандритомъ Антоніемъ. 4-е изданіе. Санкт„Петербургъ. 1849 г., стр. 261).

„Итакъ докладъ, на основаніи котораго поставленъ столь рѣшительный приговоръ противъ насъ, писанъ человѣкомъ или не знающимъ, или не принимающимъ одного изъ догматовъ православной церкви о единствѣ или неповторяемости крещенія. Доносъ доказываетъ слишкомъ много: изъ него выходитъ, что наши богословы, наши пастыри, наконецъ вселенскіе соборы обнаруживаютъ порывъ къ истребленію православныхъ постановленій. Всѣмъ извѣстно, что Латины крестятся во имя Пресвятой Троицы, а потому перекрещивать ихъ противно ученію вселенскихъ соборовъ, постановившихъ это ученіе вопреки еретикамъ.

„Спрашивается, гдѣ же ересь?

„Съ грустію помышляемъ мы о томъ, каковы, судя по этому образчику, бываютъ иногда доносы на литературу, каковы могутъ быть иногда основанія для разныхъ распоряженій, которые съ безгласной вышины какъ громъ падаютъ на безотвѣтныхъ обитателей низменности. Благодаря высокой справедливости, которою руководствовался г. министръ народнаго просвѣщенія, открывъ для обвиняемыхъ поданный на нихъ доносъ и пожелавъ имѣть ихъ объясненія, мы получили возможность показать на дѣлѣ всю недобросовѣстность этого акта, который, при другомъ распоряженіи г. министра, могъ бы быть причиною весьма печальныхъ послѣдствій.

„Вышеприведенныя обстоятельства достаточно уже пока-

зываютъ, изъ какого мутнаго источника произошло обвиненіе, въ какомъ духѣ составлена эта записка и какъ мало заслуживаетъ она вниманія. Но тѣмъ не менѣе разсмотримъ ея содержаніе:

Записка, во-первыхъ, жалуется, что „*авторъ забываетъ „всякое уваженіе къ духовному сану вселенскихъ патріарховъ Кон„стантинополя*“ и оскорбляется за нихъ названіемъ *фанаріотскихъ властей*. Но въ статьяхъ нѣтъ ни одного слова, которое могло бы быть истолковано въ смыслѣ неуваженія къ патріаршему сану. Дѣло идетъ не о санѣ патріарховъ, а о нѣкоторыхъ дѣлахъ, не соотвѣтствующихъ этому высокому сану. Чѣмъ выше санъ, чѣмъ больше онъ имѣетъ правъ на уваженіе, тѣмъ менѣе пощады заслуживаетъ всякое зло, которое совершается подъ его прикрытіемъ, въ ущербъ его достоинству, и въ соблазнъ міру. Что же касается до названія фанаріотовъ, то оно не авторомъ выдумано. Фанаріоты называются этимъ именемъ по своему происхожденію или по мѣсту жительства, и собственно, въ немъ нѣтъ ничего оскорбительнаго. Оно существуетъ издавна и носившіе его сами такъ называли себя и были называемы другими; когда-то оно славилось; изъ фанаріотовъ иногда, въ прежнюю пору, выходили люди дѣйствительно доблестные. Если же съ теченіемъ времени оно стало оскорбительнымъ прозвищемъ, то виною этому не авторъ, а дѣла людей, носящихъ это прозвище. Авторъ старался замѣнять этимъ именемъ названія патріарха, митрополита, епископа именно изъ уваженія къ этимъ священнымъ санамъ, избѣгая частаго повторенія ихъ при описаніи дѣлъ, мало имъ соотвѣтствующихъ.

„Далѣе составитель доклада вкратцѣ касается утвержденій автора, не опровергая ихъ, а только присовокупляя къ нимъ сомнительное *будто*: „*авторъ утверждаетъ, будто они при„чиною всѣхъ несчастій православныхъ христіанъ въ Турціи, буд„то они враждебны къ славянскому языку и духовенству*“, и приводитъ показанія автора о продажѣ епархій съ аукціона недостойнымъ лицамъ.

„Такъ неужели же все это клевета, все это неправда? Картина, изображенная въ обвиняемыхъ статьяхъ, есть фактъ общеизвѣстный, не подлежащій никакому сомнѣнію, фактъ, котораго не могутъ отрицать даже самые виновники его и ревностные ихъ защитники.

„Въ № 4 *Русскаго Вѣстника* приведена переписка между великимъ визиремъ и патріархомъ Константинопольскимъ. Почему записка не касается этого документа? А документъ

этотъ сильнѣе и лучше всякихъ разсказовъ раскрываетъ положеніе церковныхъ дѣлъ Болгаріи. Виноватъ ли авторъ статьи, что письма мусульманина производятъ на читателя гораздо благопріятнѣйшее впечатлѣніе, чѣмъ писаніе патріарха. Дѣло идетъ о поборахъ, взимаемыхъ съ народа архіереями, которые разъѣзжаютъ по городамъ и селамъ, подобно сборщикамъ податей, и лично вымогаютъ у народа его крохи подъ разными предлогами. Каково бы ни было турецкое правительство, все же оно правительство; оно не могло не обратить вниманія на повсемѣстныя жалобы угнетеннаго народа. Документъ этотъ положительно свидѣтельствуетъ о народномъ ропотѣ, о народной нищетѣ и о злоупотребленіяхъ іерарховъ. Тутъ ужъ никакъ нельзя сказать, чтобъ это была клевета или выдумка со стороны автора. Впзпрь настоятельно требуетъ, чтобы налоги, взимаемые съ народа въ пользу духовенства были приведены въ какую-либо систему и установлены разъ навсегда. Патріархъ отвѣчаетъ на это разными увертками и великій впзпрь изобличаетъ его въ недобросовѣстности. Авторъ ли выдумалъ этотъ печальный фактъ? Онъ ли долженъ нести за него отвѣтственность, и къ патріаршему ли престолу должны въ этомъ дѣлѣ обращаться наши сочувствія?

„Продажа священства, симонія, является въ Константинопольскомъ патріархатѣ не какимъ-либо случайнымъ, отрывочнымъ, мѣстнымъ злоупотребленіемъ. Симонія приведена тамъ въ систему, симонія является тамъ обычнымъ установленнымъ порядкомъ. Дѣйствительно, церковныя мѣста покупаются, перепродаются и достаются лицамъ недостойнымъ своего званія, которыя заботятся только о томъ, чтобы собирать съ паствы какъ можно болѣе денегъ, поступающихъ весьма часто, по справедливому замѣчанію автора статьи, въ руки враговъ христіанства и на пользу ислама. Это фактъ печальный, но несомнѣнный, не требующій особенныхъ доказательствъ, и мы не понимаемъ, что значитъ въ запискѣ сомнительное *будто бы*. Мы сказали, что самые защитники Константинопольскаго патріархата не отрицаютъ и не могутъ отрицать этого явленія. Они только стараются извинить, загородить, прикрыть его. Они говорятъ, что виною тому долги Константинопольскаго патріархата, что продаются мѣста и дѣлаются поборы по необходимости, для уплаты процентовъ и для погашенія долга. Долгъ этотъ составляетъ всего съ небольшимъ 300.000 руб. серебр., какъ мы знаемъ изъ достовѣрнаго источника, именно изъ показаній самаго патріархата въ письмѣ его къ великому ви-

зирю (*Русск. Вѣст.* № 4, *Современ. Лѣтоп.* стр. 255). Но еслибы онъ простирался и до 300.000.000 руб. сер., то и тогда не могъ бы служить оправданіемъ такого вопіющаго злоупотребленія, какова симонія. Рѣдко на свѣтѣ зло творится изъ любви ко злу, большею частію зло вынуждается обстоятельствами. Нужда выгоняетъ и разбойника на большую дорогу. Изъ того, что на патріархатѣ тяготѣетъ долгъ, слѣдуетъ ли непремѣнно осквернепіе святыни? Въ трудныхъ обстоятельствахъ приличнѣе было бы іерархамъ ходить босыми ногами и во вретищѣ, жить не въ палатахъ, а въ тѣсныхъ келіяхъ. Тогда бы они уподобились тѣмъ святымъ, которые утвердили и прославили церковь. Но іерархи Константинопольскіе предпочли, ради долга, обратить въ торгъ святыню; они нашли удобнѣйшимъ ѣздить съ турецкими жандармами по селамъ и вымогать у бѣдняковъ ихъ послѣдніе гроши. Лучше было бы изъ нужды продавать камень и дерево церквей, нежели продавать дары Духа Святаго, употреблять во зло священство и дѣлать его средствомъ для какихъ бы то ни было постороннихъ цѣлей.

„Въ запискѣ сказано: „будто они (Константинопольскіе іерархи) враждебны къ славянскому языку и къ духовенству". Къ чему тутъ *будто?* развѣ нужны для этого еще какія-нибудь доказательства сверхъ недавно состоявшагося соборнаго посланія, въ которомъ признается необходимымъ закрыть всѣ славянскія училища въ Европейской Турціи и замѣнить ихъ греческими! Развѣ самый составъ этого собора, въ которомъ должны были бы участвовать Болгаре и изъ котораго они были исключены самымъ несправедливымъ образомъ, не есть достаточное доказательство? Отчего же ропотъ Болгаръ? Отчего же Болгаре вынуждены, скрѣпя сердце, посылать дѣтей своихъ въ протестантскія и католическія школы для обученія правиламъ своего языка?.

„Если дѣла Константинопольскаго патріархата дѣйствительно находятся въ бѣдственномъ положеніи, то есть еще частныя средства для поправленія обстоятельствъ. Средства эти состоятъ въ правильной системѣ налоговъ, въ контрибуціи, хотя бы и тяжелой, но изъятой изъ произвола мѣстныхъ властей. Архіереи ѣздятъ по селамъ въ качествѣ турецкихъ чиновниковъ. Они пользуются званіемъ двухъ-бунчужныхъ пашей и дѣйствуютъ посредствомъ кавасовъ, которые имъ сопутствуютъ. Пусть они продолжаютъ пользоваться этимъ правомъ, если оно такъ дорого имъ, или, если они не видятъ другаго лучшаго способа. Но никто не увѣритъ насъ въ необходимости держаться системы произволь-

ныхъ поборовъ и продажи церковныхъ мѣстъ, вмѣсто правильнаго налога. Грѣхъ и святотатство ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть полезны для церкви и ничѣмъ оправданы быть не могутъ. Но видно, Константинопольскіе іерархи находятъ эту систему болѣе полезною для себя самихъ, когда такъ усердно держатся ея и такъ усиленно ее отстаиваютъ.

„Горько подумать, что Болгаре могутъ отпасть отъ православной церкви и перейти въ другую церковь. Но еще прискорбнѣе, еще плачевнѣе будетъ видѣть, какъ они послѣдуютъ за нѣкоторыми изъ своихъ братьевъ, принявшими исламъ. Г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода пишетъ, что никогда на русскомъ языкѣ не бывало ничего подобнаго статьямъ, помѣщеннымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Русской Бесѣдѣ*, по этому предмету. Но вотъ, что было напечатано въ 1841 году покойнымъ Априловымъ въ его сочиненіи *Денница Ново-Болгарскаго образованія*. Одесса (1841 г. стр. 87).

„По епархіи *Филиппопольской* въ *Румеліи* и части *Македоніи*, въ селеніяхъ живутъ Болгаре, которые исповѣдуютъ „*магометанскую вѣру*. Ихъ числомъ обоего пола 50,000 душъ. „Они имѣютъ правила *корана* во всѣхъ мелочахъ, говорятъ „въ семейномъ кругу, какъ и съ прочими Болгарами, по-болгарски, а съ Греками и Турками по-турецки. Собственныя „имена ихъ тоже турецкія. Въ войнѣ съ Русскими они сражались съ остервененіемъ и рѣдко давались въ плѣнъ. Отреченіе ихъ въ живой памяти у Болгаръ и Грековъ. Причину „сего перехода ихъ въ *исламизмъ* возлагаютъ на митрополитовъ и архіепископовъ, которые, доставая въ Константинополѣ свои епархіи съ большими издержками и приведя съ „собою толпу корыстолюбцевъ, нападали какъ хищные звѣри, „на свою паству, стараясь всячески исторгнуть изъ нея „послѣднюю копѣйку; а какъ митрополитъ въ тоже время „облеченъ и достоинствомъ двухъ-бунчужнаго паши, то подати „архіерейскія взыскивались насильственно, содержаніемъ въ „тюрьмѣ и отнятіемъ послѣдней вещи изъ дома неимущаго Болгарина. Это доведено было до крайности. Чтобы облегчить „свою участь, многіе перешли къ *магометанизму*“.

„Въ запискѣ появляется сѣтованіе на возмутительно *грязное* изображеніе греческихъ метоховъ, при чемъ вѣроятно не безъ умысла употребленъ неправильно эпитетъ. Эпитетъ *грязнаго* долженъ относиться не къ изображенію, а къ предмету изображаемому. Съ такимъ же, повидимому, умысломъ употребленъ вслѣдъ затѣмъ эпитетъ *гнуснаго* въ слѣдующихъ сло-

вахъ: „*наконецъ гнусная картина развратныхъ оргій Турокъ „такъ называемой новой вѣры, выписанная изъ одной запрещенной „газеты для того только, чтобъ имѣть новый случай чернить Гре- „ковъ—все это показываетъ главную цѣль сочинителя унизить „вселенскій патріаршій престолъ въ глазахъ русскихъ читателей „и поселить въ нихъ туже ненависть къ Грекамъ, какую къ нимъ „питаютъ ожесточенные двигатели болгарскаго народа, раз- „дражившіе Болгаръ до того, что, говоря словами сочинителя, „злоба кипитъ въ нихъ*“.

Въ приведенныхъ строкахъ есть и *гнусная картина* и *запрещенная газета* и *развратныя оргіи Турокъ*, приводимыя въ какую-то таинственную связь съ достоинствомъ греческаго народа и патріаршаго престола. Сколько сильныхъ словъ собрано для того, чтобы увеличить впечатлѣніе! Но почему картина турецкихъ нравовъ можетъ быть оскорбительна для греческаго народа? Почему характеристика такъ называемыхъ цивилизованныхъ Турокъ, слѣдующихъ особаго рода реформированному магометанству, отказавшихся отъ его метафизики и удержавшихъ только то что льститъ грубой чувственности, съ придачею винъ и сластей Европы, почему характеристика ихъ должна унижать патріаршій престолъ—это совершенно не понятно, и можетъ служить только новымъ доказательствомъ, въ какомъ духѣ составлялась обвинительная записка.

„Обвинитель старается воспользоваться даже запрещенною газетой. Онъ, повидимому, былъ радъ встрѣтить признаніе автора, что газета, изъ которой выписана картина турецкихъ оргій, есть газета запрещенная; это показалось ему новымъ средствомъ усилить виновность автора. Но составитель записки ошибся въ разсчетѣ. Онъ, повидимому, не знаетъ, что это за газета. Газета эта издавалась въ Новомъ Садѣ, въ интересѣ Славянъ и православной церкви, но въ духѣ враждебномъ Турціи, а потому и неугодномъ австрійскому правительству. Она была запрещена австрійскимъ правительствомъ, какъ въ послѣднее время запрещена въ австрійскихъ владѣніяхъ извѣстная газета, „le Nord“ за то что она отстаивала интересы русской политики, и издается въ духѣ не совсѣмъ дружественномъ Австріи и покровительствуемой ею Турціи. Вотъ до чего можно дойти, дѣйствуя въ потемкахъ, съ цѣлью, во что бы ни стало исказить фактъ и обвинить человѣка. Докладчикъ долженъ былъ бы знать, что не все, запрещаемое разными правительствами, бываетъ дурно, какъ равно и не все, покровительствуемое ими, бываетъ хорошо; а еще болѣе долженъ онъ знать, что не слѣдуетъ

употреблять во зло довѣріе своего начальства и вводить его въ заблужденіе.

„Въ докладѣ говорится о какихъ-то *ожесточенныхъ двигателяхъ умовъ болгарскаго народа*. Можно подумать, что рѣчь идетъ о какихъ-нибудь красныхъ демагогахъ, о революціонерахъ, посягающихъ на основы религіи и общественнаго быта. Ничего подобнаго нѣтъ среди этого бѣднаго, смиреннаго, загнаннаго народа. *Эти ожесточенные двигатели*, большею частію, скромные школьные учители, воспитавшіеся преимущественно въ нашихъ университетахъ, и вынесшіе изъ нихъ любовь къ своей славянской народности, къ своему родному языку. Не какихъ-либо радикальныхъ переворотовъ, ни даже какихъ-либо обширныхъ реформъ домогаются эти двигатели, а простаго снисхожденія къ угнетенію народности и духовнымъ требамъ своихъ соплеменниковъ. *Злоба кипитъ въ Болгарахъ*, говоритъ докладчикъ, почерпая эти слова изъ статьи обвиняемаго имъ автора, но давая имъ другое окруженіе и, вслѣдствіе того, другой смыслъ. О злобѣ, закипѣвшей въ сердцахъ Болгаръ, сказано въ статьѣ по поводу упомянутой выше прокламаціи патріарха Анѳима; авторъ, слѣдуя благоразумной осторожности, не припоминалъ, въ чемъ состоитъ эта прокламація, но еслибы онъ это сдѣлалъ, то не меньшее негодованіе закипѣло бы и въ сердцахъ Русскихъ [1]).

„Редакція печатала статьи г-на Д. не безъ достаточныхъ удостовѣреній въ справедливости ихъ общаго направленія и главныхъ показаній. Изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи, отъ лицъ ни въ чемъ между собою несходныхъ и другъ друга незнающихъ, доходили до нея положительныя и подробныя свѣдѣнія о несчастномъ положеніи этой страны и о духовныхъ притѣсненіяхъ, которыя она претерпѣваетъ. Нельзя было защититься отъ этихъ вопіющихъ голосовъ и было бы грѣшно не отозваться на нихъ. Редакція сдѣлала что могла въ предѣлахъ своихъ средствъ и, сознавая правоту своего дѣла, не страшится нести за него отвѣтственность. Еслибъ

---

[1]) Записка обвиняетъ автора въ клеветѣ по случаю сообщеннаго имъ свѣдѣнія, что извѣстное училище на островѣ Халки нынѣ не существуетъ. Записка утверждаетъ напротивъ, что оно существуетъ и по сіе время. Мы не имѣемъ теперь подъ рукою надлежащихъ свѣдѣній, чтобы рѣшить, которое изъ обоихъ показаній ближе къ истинѣ, хотя дознанная нами правдивость автора и не менѣе дознанная недобросовѣстность докладчика побуждаетъ насъ склоняться къ показанію автора. Но еслибъ авторъ и ошибся въ этомъ частномъ пунктѣ, то подобная ошибка можетъ быть лишь предметомъ литературной замѣтки, а не оффиціальнаго доноса. *Примѣч. М. Н. Каткова.*

она не соблюдала должной осторожности, то изъ обильнаго запаса матеріаловъ она могла бы представить гораздо болѣе подробностей относительно злоупотребленій, угнетающихъ Болгарію; но во избѣжаніе скандала и изъ уваженія общественныхъ приличій, она не желала касаться многихъ личностей, и авторъ статей ограничился лишь общими очерками положенія дѣлъ.

„Зачѣмъ хотятъ отнять у насъ священное право сочувствія духовнымъ нуждамъ нашихъ братій? Отчего только русскому человѣку воспрещается выраженіе подобнаго сочувствія? Неужели лучше, чтобы Болгаре видѣли отъ Россіи только сочувствіе къ ихъ притѣснителямъ и наконецъ подумали, что нечистота, приставшая къ іерархіи православной церкви въ мусульманскомъ краѣ, есть повсюду ея принадлежность, потому что нигдѣ эта нечистота не возбуждаетъ антипатіи къ себѣ? Откуда взялась у насъ такая ревность о греческомъ народѣ, который ея не требуетъ, и такое презрѣніе къ Болгарамъ, которыхъ только Русскіе своимъ сочувствіемъ могутъ удержать подъ сѣнію православія?

„Пусть запретятъ намъ писать, пусть наложатъ молчаніе на наши уста, или, что все одно и то же, пусть обратятъ насъ къ спеціальной духовной цензурѣ. Но едва-ли, вслѣдствіе этого, успокоится Болгарія; едва-ли послужитъ это къ торжеству православія въ тѣхъ мѣстахъ. И если русскіе журналы будутъ молчать, то тѣмъ сильнѣе заговорятъ журналы иностранные, и Болгаре, которые доселѣ еще не забыли пути въ Россію, чтобы искать въ ней образованія, наконецъ послѣдуютъ за своими братьями Сербами, въ которыхъ мы уже успѣли поселить ненависть къ себѣ и обратить ихъ симпатіи къ иновѣрнымъ и чуждымъ народамъ“.

Дѣло кончилось въ министерствѣ принятіемъ объясненія Михаила Никифоровича „къ свѣдѣнію“ и внушеніемъ цензору фонъ-Крузе. Въ первоначальной редакціи бумаги на имя попечителя Московскаго учебнаго округа объ объясненіи Михаила Никифоровича было сказано: „не касаясь неприличнаго тона въ отзывѣ г. Каткова, я не могу не высказать, что оправданія цензора фонъ-Крузе, наполненныя дерзкими выходками и выраженіями, показываютъ непочтительность его къ начальству и къ Святѣйшему Синоду“. Министръ измѣнилъ редакцію и поставилъ: „не касаясь объ-

ясненія редакторовъ *Русскаго Вѣстника* и *Русской Бесѣды*, я по обязанности моей не могъ не остановиться на оправданіи цензора фонъ-Крузе, наполненномъ неприличными выходками и дерзкими выраженіями". Оправданіе цензора было ему возвращено, а „за нарушеніе служебной обязанности" объявлено внушеніе съ угрозою, „что повтореніе съ его стороны подобнаго поступка будетъ имѣть для него самыя непріятныя послѣдствія", (по первоначальной редакціи предполагалось сдѣлать выговоръ).

Во всемъ дѣлѣ и редакторъ, и цензоры считали себя совершенно правыми. Въ самомъ цензурномъ вѣдомствѣ чиновникъ особыхъ порученій (ст. сов. Волковъ), которому поручено было ознакомиться съ статьями „Турецкія дѣла", не нашелъ въ нихъ „ничего предосудительнаго".

II.

Въ концѣ 1858 года, въ „Современной Лѣтописи" декабрьской книжки *Русскаго Вѣстника* было сказано нѣсколько словъ о принятыхъ прусскимъ правительствомъ мѣрахъ касательно журналистики, отмѣнявшихъ постановленіе, въ силу котораго административная власть могла отнять у редакціи дозволеніе издавать журналъ, пользуясь закономъ, дающимъ право, въ извѣстныхъ случаяхъ отнимать концессіи и патенты на разные промыслы. По этому поводу редакція *Вѣстника* рѣзко высказалась противъ образа дѣйствій берлинскаго центральнаго комитета прессы [1]). Чрезъ мѣсяцъ,

---

[1]) „Кто не порадуется, сказано, между прочимъ, въ замѣткѣ, – этой мѣрѣ прусскаго правительства, отмѣняющей одно изъ самыхъ губительныхъ проявленій административной опеки? Подкупать мысль, насиловать убѣжденіе—что можетъ быть губительнѣе, какъ для общества, такъ и для самаго правительства? Къ чему было подкупать и насиловать эти несчастныя провинціальныя газеты? Получало ли правительство, взамѣнъ неизбѣжнаго зла, которымъ заражало общество, хоть какую-нибудь временную пользу, когда, всею силою своего авторитета, вносило развратъ и безчестную ложь въ умственное дѣло?

въ февралѣ 1859 года, Михаилъ Никифоровичъ вновь возвратился по поводу нѣкоторыхъ явленій во французской журналистикѣ къ вопросу о правительственномъ вмѣшательствѣ въ журналистику путемъ субсидій, внушеній и тому подобнаго, и горячо высказался въ пользу независимости печати отъ всякихъ оффиціальныхъ вліяній [1]).

Въ эту эпоху въ нашихъ правительственныхъ сферахъ близилась къ осуществленію мысль объ изъятіи цензуры изъ вѣдомства министерства просвѣщенія и объ учрежденіи особаго комитета по дѣламъ печати, отчасти именно съ цѣлію воздѣйствовать на печать и регулировать ея направленіе. Отзывы *Русскаго Вѣстника*, хотя и по поводу иностранной журналистики, попали въ больное мѣсто, были

Какая радость была ему оттого, что общество переставало вѣрить въ чистоту мнѣній? Какая радость для охранительныхъ началъ, когда каждое слово, сказанное въ ихъ пользу, публика привыкаетъ принимать за презрѣнную, корыстную ложь? Вѣрнѣйшій способъ погубить какое-либо начало въ убѣжденіяхъ людей, лучшій способъ подорвать его нравственную силу – взять его подъ оффиціальную опеку. Наконецъ, не всякому ли здравому уму понятно, что система лжи и подкуповъ не можетъ привести ни къ чему доброму? Правительство, не входя ни въ какія унизительныя и частныя сдѣлки съ литераторами и журналами, можетъ дѣйствовать гораздо успѣшнѣе и гораздо достойнѣе, предлагая литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе тѣ или другіе административные, политическіе или финансовые вопросы, и вызывая всѣ лучшіе умы въ обществѣ содѣйствовать ему въ ихъ разъясненіи".

[2]) „Правительство,—писалъ Михаилъ Никифоровичъ,—одушевляемое истинно благими намѣреніями, правительство сознательное и просвѣщенное не можетъ не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнѣніе. Правительство состоитъ изъ людей, а каковы бы ни были люди, никто, безъ тяжкаго грѣха передъ Богомъ, передъ людьми и собственною совѣстью, не можетъ считать себя исключительнымъ обладателемъ истины. Правительственные люди выходятъ изъ того же общества и выносятъ изъ него извѣстныя понятія и мнѣнія, которыя составляютъ ихъ силу или слабость на чредѣ власти: отчего же, изъ этого самаго общества, породившаго и воспитавшаго ихъ, не могутъ выходить другія понятія, другія мнѣнія и разъяснять дѣло съ другихъ сторонъ, на пользу всѣмъ, какъ правительству, такъ и обществу?... Пусть правительство ищетъ и привлекаетъ къ себѣ людей мыслящихъ и способныхъ,—это прекрасно; но пусть оно ищетъ ихъ для правительственныхъ должностей, а не для литературы: иначе оно ошибется въ разсчетѣ, обнаружитъ свое безсиліе, покроетъ себя стыдомъ и будетъ могущественно содѣйствовать только умственному развратy, нравственному растлѣнію...

„Отчего, въ нѣкоторыхъ странахъ, съ понятіемъ *казеннаго* соеди-

истолкованы какъ протестъ противъ предстоявшаго распоряженія правительства, и раздражили министра просвѣщенія (Е. И. Ковалевскаго). Раздраженіе замѣтно въ предписаніи отъ 9 марта 1859 года, присланномъ на имя исправлявшаго должность попечителя московскаго учебнаго округа. Въ бумагѣ значилось:

„Во второй декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за истекшій 1858 г., въ „Политическомъ обозрѣніи", на стр. 441 и 442, разсказывается о существующемъ въ Берлинѣ центральномъ комитетѣ прессы, котораго назначеніе руководствовать направленіемъ журналистики, и который разсылаетъ статьи и корреспонденціи въ провинціальныя газеты. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападая на мысль прусскаго правительства, выраженную учрежденіемъ этого комитета, авторъ статьи *Русскаго Вѣстника* отвергаетъ право всякаго правительства на какое бы то ни было вмѣшательство въ дѣла литературы и журналистики, и находитъ лучшимъ, чтобы правительство предлагало литературѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе административные, политическіе и финансовые вопросы. Вся статья пропитана духомъ озлобленія и протеста, и выражаетъ конституціонныя стремленія въ сочинителѣ статьи. Подобныя тому выходки противъ вліянія правительства на общественное мнѣніе появились въ первой февральской книжкѣ 1859 г. *Русскаго Вѣстника*, въ „Современной лѣтописи". Здѣсь выражается мысль, что употребленіе правительствомъ литераторовъ для проведенія въ публику своихъ видовъ, ведетъ къ умственному разврату и нравственному растлѣнію. Такая декларація, въ

няется такъ много нехорошаго, отчего это почтенное слово потеряло всякій кредитъ и означаетъ все, что́ мертво и мертвитъ? Гдѣ казна знаетъ свое истинное дѣло и занимается имъ однимъ, тамъ этого нѣтъ, тамъ она пользуется должнымъ уваженіемъ, тамъ народное чувство не пугается *казеннаго*, и не соединяетъ съ этимъ эпитетомъ обиднаго значенія. Но отвлекаясь отъ своего дѣла и путаясь во всевозможныя дѣла, казна становится и безсильна, и вредна, и смѣшна; отваживаясь на несвойственные ей пути, она роняетъ себя и вредитъ всему прочему, она пріучаетъ смотрѣть на себя какъ на что-то докучное, излишнее, отяготительное, наконецъ, положительно вредное, положительно гибельное. Къ чему же можетъ вести это?"...

виду учреждаемаго у насъ нынѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія, не можетъ не имѣть значенія громко заявленнаго протеста противъ вмѣшательства правительства въ дѣла литературы и слѣдовательно носитъ на себѣ отпечатокъ противодѣйствія распоряженіямъ его.

„Покорнѣйше прошу ваше превосходительство сдѣлать выговоръ цензорамъ, статскому совѣтнику Драшусову и надворному совѣтнику Гиляров-Платонову, одобрившимъ къ печати означенныя журнальныя книжки, а также внушить редактору *Русскаго Вѣстника* все неприличіе, всю непозволительность какъ вышесказанныхъ статей, такъ и господствующаго въ „Современной Лѣтописи“ его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей) несоотвѣтствующаго началамъ нашего государственнаго устройства, духа и направленія; и предостеречь его, что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры“.

Содержаніе бумаги Московскимъ цензурнымъ комитетомъ было сообщено редактору *Русскаго Вѣстника*. Въ отвѣтъ Михаилъ Никифоровичъ прислалъ объясненіе въ высшей степени замѣчательное, которое по блеску изложенія можетъ быть поставлено наравнѣ съ выдающимися передовыми статьями будущей эпохи. Въ объясненіи Михаилъ Никифоровичъ касается и разсказаннаго нами выше эпизода столкновенія съ цензурою по вопросу о болгарскихъ дѣлахъ. Приводимъ любопытное объясненіе вполнѣ.

„Въ предложеніи г. министра народнаго просвѣщенія на имя г. исправляющаго должность попечителя Московскаго учебнаго округа, сообщенномъ мнѣ въ отношеніи цензурнаго комитета отъ 9 сего марта за № 561, подвергается порицанію направленіе издаваемаго мною журнала, особенно въ той его части, которая носитъ названіе *Современной Лѣтописи*. Г. министръ изъявляетъ желаніе, чтобы я измѣнилъ направленіе, которое онъ называетъ конституціоннымъ, и въ противномъ случаѣ угрожаетъ принять противъ моего журнала самыя рѣшительныя мѣры. Я очень хорошо понимаю свои обязанности, и безропотно подчинился бы требо-

ванію власти, еслибы могъ отдать себѣ ясный отчетъ, въ чемъ собственно состоитъ это требованіе, и могу ли я исполнить его. Повидимому, укоръ, падающій на *Современную Лѣтопись*, падаетъ преимущественно на политическое обозрѣніе, которое и вызвало вышеозначенное предложеніе г. министра нѣкоторыми сужденіями о политикѣ иноземныхъ правительствъ, истолкованными въ смыслѣ намековъ на распоряженія нашего правительства. Считаю своимъ долгомъ представить объясненіе, для оправданія моего направленія, для устраненія недоразумѣній и для того, наконецъ, чтобы рѣшить вопросъ о существованіи моего журнала.

„Скоро уже два года, какъ „Политическое обозрѣніе“ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* составляется одною и тою же рукою, въ одномъ и томъ же духѣ, въ одномъ и томъ же тонѣ. Въ продолженіи этого времени ни цензоръ, ни редакторъ не получали за политическое обозрѣніе ни малѣйшаго замѣчанія. Оно пользовалось сочувствіемъ публики и, повидимому, было одобряемо правительствомъ: въ противномъ случаѣ могло ли бы оно терпѣть явно вредное направленіе, проповѣдываемое въ журналѣ, котораго существованіе вполнѣ зависѣло отъ него? Сочувствіе къ направленію *Русскаго Вѣстника* и *Политическаго обозрѣнія* въ немъ было изъявляемо мнѣ даже многими изъ правительственныхъ лицъ. Все это давало мнѣ право обѣщать моимъ читателямъ, въ концѣ прошедшаго года, что *Русскій Вѣстникъ* будетъ издаваться на прежнихъ основаніяхъ и въ прежнемъ духѣ: какъ же мнѣ измѣнить эти основанія, обмануть довѣріе публики и лишить мой журналъ цѣлаго, существеннаго въ немъ отдѣла, которымъ упрочивается его значеніе и вліяніе? Измѣнить то направленіе, которое я считаю единственно вѣрнымъ, въ истинѣ котораго убѣжденъ и которому преданъ всею душею, — есть для меня совершенная невозможность; а отказаться отъ всего того, что даетъ журналу направленіе, значило бы не сдержать своего обязательства передъ публикою. Не было ли бы это равносильно прекращенію самаго журнала? Я не понимаю, что значитъ упрекъ въ конституціонности моего направленія. Нигдѣ ни однимъ словомъ не намекалъ я на возможность примѣненія къ нашему отечеству какихъ-либо политическихъ формъ, которыя выработаны исторіею другихъ народовъ. Я далекъ отъ праздной мысли видѣть спасеніе въ какихъ бы то ни было политическихъ формахъ. Всѣ формы хороши, если хорошъ духъ, въ нихъ живущій: онъ самъ собою

оживляетъ, возвышаетъ и очищаетъ формы, въ которыхъ дѣйствуетъ, и *Русскій Вѣстникъ* не уступалъ никому въ глубокомъ сочувствіи тому духу, который раскрывается въ предначертаніяхъ и дѣйствіяхъ верховной власти въ нашемъ отечествѣ. Не потому ли *Русскій Вѣстникъ* навлекаетъ на себя упрекъ въ конституціонности направленія, что въ своемъ взглядѣ на современное положеніе Европы онъ отдаетъ предпочтеніе тѣмъ странамъ, гдѣ на незыблемыхъ основахъ порядка и законности плодотворно и могущественно развивается личная и общественная свобода, передъ тѣми странами, гдѣ еще не остыла революціонная лава, гдѣ въ нѣдрахъ общества происходитъ ожесточенная борьба непримиримыхъ элементовъ и гдѣ, вмѣсто всякаго закона, тяготѣетъ надъ всѣмъ гнетъ военной диктатуры? Мы привыкли къ подражанію, и ко всему у себя примѣняемъ чуждыя намъ понятія. Намъ кажется, напримѣръ, что между нашимъ отечествомъ и Австріей, или теперешнимъ положеніемъ Франціи, есть много общаго и сроднаго. Смотря только на однѣ внѣшнія формы и на одни только титулы, мы не замѣчаемъ великаго различія въ духѣ. Гдѣ же у насъ слѣды кровавыхъ революцій, гдѣ у насъ разрозненныя цѣлыми безднами сословія, гдѣ у насъ непримиримыя политическія партіи и противоположные династическіе интересы? Гдѣ у насъ разнородныя національности, механически связанныя въ одно государство? Наша имперія не то что имперія французская, и наше самодержавіе не то, что самодержавіе австрійское. Можно питать глубокую антипатію къ тѣмъ системамъ и явленіямъ, которыя порождаются совершенно чуждыми намъ условіями, хотя бы отголоски ихъ и заносились къ намъ по подражанію, и въ то же время оставаться вѣрнымъ сыномъ своего отечества, глубоко преданнымъ всѣмъ кореннымъ началамъ его жизни и духа. Мы убѣждены, что съ русскимъ самодержавіемъ вполнѣ совмѣстима та святая законность, безъ которой не можетъ существовать успѣшно человѣческое общество, та личная свобода, безъ которой нельзя жить по-человѣчески, наконецъ, та доля общественной свободы, которая есть ни что иное, какъ самое лучшее выраженіе и самое лучшее доказательство прочности порядка въ странѣ и незыблемости верховной власти. Все это можетъ быть въ нашемъ отечествѣ безъ измѣненія политическихъ формъ его устройства,—и все это есть уже въ немъ въ большей или меньшей степени, и мы можемъ желать только, чтобы правительство также довѣрчиво относилось къ своему народу, какъ довѣрчиво относится къ нему народъ. Неужели въ по-

добныхъ убѣжденіяхъ скрывается что-нибудь предосудительное и враждебное къ существующему у насъ устройству? Если такъ, то почему же *Русскій Вѣстникъ* существуетъ уже четвертый годъ, ибо онъ постоянно и громко высказывалъ эти убѣжденія? Смѣю присовокупить, что, кромѣ убѣжденій, во мнѣ и моихъ сотрудникахъ не оставалось никакихъ затаенныхъ мыслей, никакихъ скрытыхъ тенденцій; нашъ образъ мыслей весь на лицо, такъ что и при полной свободѣ книгопечатанія мы не имѣли бы надобности измѣнять наше направленіе.

„Предостереженіе, сдѣланное *Русскому Вѣстнику*, основывается, главнымъ образомъ, на двухъ мѣстахъ „Политическаго обозрѣнія“ во 2-й декабрьской книжкѣ за прошлый годъ и въ 1-й февральской —за текущій.

„Во 2-й декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, — ска„зано въ предложеніи министра,—въ „Политическомъ обозрѣ„ніи“, на стр. 441 и 442, разсказывается о существующемъ „въ Берлинѣ центральномъ комитетѣ прессы, котораго на„значеніе руководствовать направленіемъ журналистики, и „который разсылаетъ статьи и корреспонденціи въ провин„ціальныя газеты. Въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ нападая „на мысль прусскаго правительства, выраженную учрежде„ніемъ этого комитета, авторъ статьи *Русскаго Вѣстника* от„вергаетъ право всякаго правительства на какое бы то ни „было вмѣшательство въ дѣла литературы и журналистики, „и находитъ лучшимъ, чтобы правительство предлагало лите„ратурѣ на разсмотрѣніе и обсужденіе административные, по„литическіе и финансовые вопросы. Вся статья пропитана „духомъ озлобленія и протеста и выражаетъ конституціон„ныя стремленія въ сочинителѣ статьи“.

„Честь имѣю отвѣчать на это слѣдующее. Въ означенномъ мѣстѣ рѣчь идетъ о недавнемъ распоряженіи нынѣшняго прусскаго правительства, которымъ отмѣнено существовавшее до сихъ поръ безправственное назначеніе центральнаго комитета по дѣламъ книгопечатанія въ Пруссіи. Я не осуждалъ этого распоряженія прусскаго правительства (хотя и осужденіе какой-либо мѣры иноземнаго правительства не возбраняется въ нашей литературѣ), а напротивъ изъявлялъ полное и искреннее сочувствіе ему. Я осуждалъ то, что было осуждено самимъ правительствомъ и отмѣнено имъ какъ злоупотребленіе; я осуждалъ отмѣненное злоупотребленіе администраціи, которая заказывала наемнымъ литераторамъ поддѣлку корреспонденцій, разсылала ихъ въ редакціи провинціальныхъ газетъ, съ тѣмъ, чтобы

онѣ печатали ихъ отъ своего имени, какъ статьи, писанныя дѣйствительными ихъ сотрудниками-корреспондентами. Это былъ явный обманъ, дѣло безнравственное, не только безполезное, но и вредное правительству, потому что подобное дѣло не можетъ не унижать и не компрометтировать того, кто предпринимаетъ его. Слова мои въ этомъ мѣстѣ не могли быть протестомъ противъ нашего правительства, которое никогда не унижалось до такой постыдной роли. Правда, въ то время, когда писаны были эти строки, ходили въ обществѣ смутные слухи о предположеніи учредить у насъ нѣчто въ родѣ прусскаго комитета прессы. Но это были лишь смутные слухи, на которыхъ не могъ основываться ни редакторъ, ни цензоръ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ новомъ учрежденіи у насъ толковали самымъ различнымъ образомъ. Были слухи, которые возбуждали въ насъ живѣйшую радость и побуждали насъ видѣть въ новой, готовящейся мѣрѣ, новое доказательство благихъ видовъ правительства относительно нашей литературы. Говорили, что въ правительствѣ есть мысль отмѣнить предварительную цензуру, всегда болѣе или менѣе сопряженную съ беззаконіемъ и произволомъ, и вмѣсто того учредить верховный трибуналъ, который разбиралъ бы судебнымъ порядкомъ проступки печати. Говорили также, что если цензура и останется, то комитетъ по дѣламъ книгопечатанія будетъ имѣть своимъ назначеніемъ ограждать литературу отъ произвола и злоупотребленій въ примѣненіи цензурныхъ законовъ. Мы не могли рѣшить, что было справедливаго во всѣхъ этихъ случаяхъ; но, зная, какъ въ нашемъ обществѣ развита страсть къ подражанію чужимъ формамъ, которымъ въ нашей жизни ничто не соотвѣтствуетъ, мы опасались, чтобы какъ-нибудь изъ среды самаго же общества не проникла въ правительственную мысль какая-нибудь посторонняя примѣсь, которая могла бы только исказить ее. И такъ, если въ словахъ моихъ былъ какой-либо протестъ, то никакъ не противъ воли правительства, которая ничѣмъ еще не была заявлена, а противъ существующей въ нашемъ отечествѣ страсти заимствовать у чужихъ странъ понятія, мнѣнія и обычаи, вызванные какими-нибудь преходящими обстоятельствами, и уже отметаемые тамъ какъ вредные, устарѣлые и негодные. Въ нашемъ обществѣ заговорили о перенесеніи къ намъ изъ Пруссіи оффиціальной поддѣлки газетныхъ корреспонденцій въ то самое время, когда прусское правительство прекратило это злоупотребленіе. Такъ точно въ нашемъ обществѣ находятъ себѣ пріютъ разныя отжившія доктрины, и мы

часто повторяемъ то что давно опровергнуто и забыто на своей родинѣ, и повторяемъ какъ новость. Все это весьма естественное слѣдствіе несамостоятельности нашей мысли и скудости нашего умственнаго развитія. Правительственныя лица, живя въ томъ же обществѣ, волею или неволею подчиняются подобнымъ увлеченіямъ и очень легко могутъ вносить ихъ въ свою государственную дѣятельность. Въ настоящее время въ прусскомъ парламентѣ идетъ рѣчь объ отмѣнѣ одного изъ самыхъ рѣзкихъ сословныхъ разграниченій, которыя въ Германіи дѣлаютъ общественные классы какъ бы особыми породами людей. Рѣзкое разграниченіе, которое сглаживается теперь усиліями правительства и общества въ Пруссіи, есть законъ, возбраняющій или по крайней мѣрѣ сильно затрудняющій браки между лицами высшихъ и низшихъ сословій. У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Самое разграниченіе сословій есть дѣло принесенное къ намъ изъ Германіи въ весьма недавнюю пору, когда уже вездѣ въ Европѣ начинали чувствовать весь вредъ для государства отъ такихъ радикальныхъ разграниченій между сословіями. Незнакомые съ этимъ явленіемъ въ собственной исторіи, не имѣя ни малѣйшихъ элементовъ въ собственной жизни для организаціи сословій, какъ они развились на Западѣ, мы мало по малу, въ теченіи прошедшаго столѣтія, усвоили себѣ нѣкоторыя поверхностныя формы, породившія у насъ нѣчто похожее на эту организацію. Очень можетъ быть, что найдутся у насъ и теперь многіе умы, которые были бы не прочь взамѣнъ исчезающаго крѣпостнаго права пожелать для русскаго дворянства закона о бракахъ, который рѣзко отдѣлилъ бы это сословіе отъ остальнаго народа и создалъ бы изъ него особую породу людей. Могло бы случиться также, что это мнѣніе нашло бы себѣ отзывъ въ комъ-нибудь изъ вліятельныхъ лицъ. Но неужели на основаніи такого вѣроятія было бы запрещено русскому журналу сказать слово сочувствія прусскому правительству, которое отмѣняетъ у себя законъ, признанный всѣми вреднымъ и гибельнымъ? Неужели было бы признакомъ направленія, враждебнаго нашему государственному устройству— осуждать законы и обычаи, которыхъ у насъ, слава Богу, нѣтъ, которые отмѣняются въ другихъ странахъ, гдѣ они были плодомъ какого-нибудь болѣзненнаго процесса въ общественномъ организмѣ? Точно въ такомъ же отношеніи находился и *Русскій Вѣстникъ* къ вопросу о подложныхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ, которыя отмѣнены въ Пруссіи. Никакого подобнаго учрежденія у насъ не существо-

вало; въ обществѣ ходили только смутные слухи, и разъясненіе этого вопроса съ точки зрѣнія политической современной опытности казалось дѣломъ не лишнимъ и во всякомъ случаѣ было дѣломъ позволительнымъ. Я выразилъ желаніе, чтобы правительство, вмѣсто косвенныхъ, темныхъ и компрометтирующихъ его путей, гласно и открыто заявляло, какіе вопросы могутъ съ пользою подлежать общественному обсужденію: что же въ этомъ желаніи дурнаго и предосудительнаго? Я говорилъ вообще, нисколько не относясь къ нашему правительству, и говорилъ то что можетъ не уронить, а только возвысить достоинство всякаго правительства, и что даетъ ему самый вѣрный, самый лучшій способъ для направленія общественнаго мнѣнія и литературы. Я высказалъ какъ общую мысль то, что, ко благу нашего отечества, наше правительство выражаетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ предоставленъ былъ обсужденію литературы великій вопросъ объ освобожденіи крестьянъ; такъ въ недавнее время правительство пригласило литературу обсуживать вопросъ о выкупѣ крестьянской земли и о сопряженныхъ съ этимъ дѣломъ финансовыхъ мѣрахъ. Не направляетъ ли подобное приглашеніе самымъ дѣйствительнымъ образомъ умы, не побуждаетъ ли оно ихъ заниматься именно тѣмъ, что правительство считаетъ полезнымъ и нужнымъ въ данное время? Правительство, не стѣсняя себя ни въ чемъ, ни къ чему не обязываясь, задаетъ какъ бы тему для общественной мысли, побуждаетъ къ здоровой дѣятельности все что есть мыслящаго въ странѣ, узнаетъ изъ самихъ источниковъ потребности и нужды народа, а въ результатѣ принимаетъ такое рѣшеніе, какое само сочтетъ полезнымъ и нужнымъ. Я сказалъ, что вмѣсто кривыхъ и ложныхъ путей правительство всего успѣшнѣе можетъ дѣйствовать, указывая общественному мнѣнію и литературѣ тѣ вопросы, которые оно считаетъ важными и нужными: неужели такое желаніе предосудительно и заслуживаетъ порицаніе?

„Далѣе, въ предложеніи г. министра сказано: „Подобныя „тому выходки противъ вліянія правительства на общественное мнѣніе появились въ 1-й февральской книжкѣ 1859 г. „*Русскаго Вѣстника* въ *Современной Лѣтописи*. Здѣсь выражается мысль, что употребленіе правительствомъ литераторовъ, для проведенія въ публику своихъ видовъ, ведетъ къ „умственному разврату и нравственному растлѣнію. Такая „декларація въ виду учреждающагося у насъ нынѣ комитета по дѣламъ книгопечатанія не можетъ не имѣть значе„нія громко заявленнаго протеста противъ вмѣшательства

„правительства въ дѣла литературы и слѣдовательно носитъ „на себѣ отпечатокъ противодѣйствія распоряженіямъ его".

„Прежде всего я долженъ сказать, что политическое обозрѣніе въ 1-й февральской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* никакъ не могло быть протестомъ противъ учреждающагося комитета. О немъ въ то время точно также, какъ и прежде, носились въ Москвѣ лишь смутные слухи. Московскому цензурному комитету, равно какъ и редакціямъ московскихъ журналовъ, учрежденіе этого комитета было внервые объявлено не ранѣе 6 марта, между тѣмъ какъ означенная книжка *Русскаго Вѣстника* вышла 24 февраля. Правда въ то время, когда писалось политическое обозрѣніе 1-й февральской книжки, доходили до насъ слухи, что новоучрежденный комитетъ намѣренъ поступать по примѣру прусскаго комитета и разсылать въ редакціи журналовъ для напечатанія обязательныя статьи; что журналисты и литераторы будутъ обязаны являться по первому требованію въ комитетъ для объясненій; но въ то же самое время доходили до насъ изъ вѣрныхъ источниковъ другіе, болѣе утѣшительные, слухи. Насъ успокоивали и увѣряли, что комитетъ по дѣламъ книгопечатанія не понятъ публикой, что члены его далеки отъ мысли дѣлать подобное покушеніе противъ личной свободы людей, живущихъ подъ общими законами, что обязательство простирается только на казенныя изданія и на редакторовъ, состоящихъ на службѣ. Имена членовъ комитета ручались за справедливость этихъ послѣднихъ извѣстій, и мы были вполнѣ увѣрены, что если и навертывалась откуда-нибудь мысль о такого рода обязательствахъ, которыя разомъ заставили бы замолкнуть литературу въ ея лучшихъ представителяхъ, то она не могла бы имѣть ходу и была бы отвергнута комитетомъ, какъ дѣло недостойное его. *Политическое Обозрѣніе* имѣло въ виду ходившіе слухи, которые еще не имѣли на себѣ правительственной печати; оно и здѣсь не было протестомъ противъ какого-либо распоряженія или указанія правительства, а только разъясненіемъ общей мысли на примѣрахъ современной политики въ другихъ государствахъ. Все, что было сказано поэтому въ Политическомъ Обозрѣніи февральской книжки, есть несомнѣнная истина, признанная политическою наукою и вполнѣ согласная съ духомъ нашего законодательства. Я никогда не утверждалъ, чтобы правительство не имѣло никакого права вмѣшиваться въ дѣла литературы. Но есть два рода вмѣшательства: одно отрицательное, другое положительное. Отрицательное вмѣшательство выражается въ цензурномъ

уставѣ, или въ законахъ о книгопечатаніи, тамъ гдѣ предупредительная цензура не существуетъ. Никто не отрицалъ у правительства права предупреждать или преслѣдовать то, что законъ находитъ вреднымъ. До сихъ поръ наше правительство не вмѣшивалось въ литературу иначе, какъ такимъ отрицательнымъ образомъ. Оно не имѣло надобности дѣйствовать посредствомъ подкупа, или содержать на жалованьи казенныхъ литераторовъ. Единственнымъ соприкосновеніемъ правительства съ литературой была у насъ цензура, и вотъ что сказано въ нынѣ дѣйствующемъ у насъ цензурномъ уставѣ:

„Св. Зак. (изд. 1857 г.), Т. XIV уст. цензурн. Глава I „отдѣленіе 1-е ст. 15. „Цензура не имѣетъ права входить въ „разборъ справедливости или неосновательности частныхъ „мнѣній и сужденій писателя, если только они непротивны „общимъ правиламъ цензуры, не можетъ входить въ сужде„ніе о томъ, полезно или безполезно разсматриваемое сочи„неніе, буде только оно невредно; и не должна поправлять „слога или замѣчать ошибокъ автора въ литературномъ отно„шеніи, если только явный смыслъ рѣчи не подлежитъ за„прещенію“.

„Все, что было сказано мной въ этомъ отношеніи, есть въ сущности не болѣе какъ развитіе этого законоположенія. Это законоположеніе есть сама истина. Въ самомъ дѣлѣ, если допустить положительное вмѣшательство правительства въ дѣла литературы, еслибы правительство стало покровительствовать однимъ мнѣніямъ и стѣснять другія, по усмотрѣнію своихъ агентовъ, то надъ литературою, надъ наукою, надъ мыслію былъ бы тѣмъ самымъ произнесенъ смертный приговоръ и при томъ безъ всякой нужды, и лишь ко вреду для самого правительства. Дабы могла существовать литература, необходимо оставить для нея, хотя бы и самое тѣсное, но тѣмъ не менѣе совершенно свободное поприще. Правительству рѣшать въ какой мѣрѣ и по отношенію къ какимъ вопросамъ можетъ допустить оно свободное обсужденіе и гласность. Но въ предѣлахъ, дозволенныхъ имъ, всякое дальнѣйшее вмѣшательство будетъ уже насиліемъ и пагубой. Я утверждалъ и утверждаю теперь, что отъ такого вмѣшательства правительство можетъ только потерпѣть существенный вредъ. Правительство является въ достойномъ видѣ передъ народомъ не съ мнѣніями, а съ законами. Общественное мнѣніе можетъ колебаться и принимать разные оттѣнки, но устами правительства вѣщаетъ законъ, который требуетъ неукосни-

тельнаго повиновенія, который вооруженъ обязательною силою. Чтобы правительство могло положительнымъ образомъ вмѣшиваться въ литературу, надобно, чтобы оно придало силу закона однимъ мнѣніямъ въ ущербъ другимъ. Но это, очевидно, невозможно: это значило бы лишить народъ всякой жизни, всякаго духа, значило бы умертвить всякое движеніе мысли. Правда, бывали иногда въ разныхъ странахъ подобныя покушенія самаго мрачнаго деспотизма, но они проистекали не изъ добраго источника и не вели къ добру. Такъ нѣчто подобное, по отношенію къ различнымъ отраслямъ общественной жизни, совершалось во Франціи подъ знаменемъ красной республики и соціализма. Но никогда это начало не могло быть выдержано со всею послѣдовательностію; оно разрушало само себя, всегда однако оставляя по себѣ глубокіе и язвительные недуги въ общественномъ организмѣ. Что же еще кромѣ этого ужаснаго и невозможнаго деспотизма остается правительству для положительнаго вмѣшательства въ литературное дѣло? Издавать журналы, книги и писать статьи? Никто не отнимаетъ у правительства права заводить оффиціальную литературу, никто не сталъ бы противорѣчить ему, еслибы оно рѣшилось учредить даже особое министерство или особый департаментъ литературы, въ которомъ различныя отрасли были бы распредѣлены по отдѣленіямъ и столамъ. Но пока этого нѣтъ, мы можемъ спросить у себя: какой интересъ, какое значеніе, какую пользу могло бы имѣть подобное учрежденіе? Въ какомъ отношеніи находилась бы оффиціальная литература къ литературѣ живой.

„Съ дѣятельностью оффиціальныхъ литераторовъ никто конечно не будетъ смѣшивать участія правительственныхъ лицъ въ литературѣ. Кто можетъ оспаривать у нихъ право заниматься литературой, издавать книги, издавать журналы? Можно было бы только радоваться подобному явленію въ нашей литературѣ. Державинъ, Дмитріевъ были министрами и писали стихотворенія, которыя обогатили собою нашу литературу, но которыя не имѣли и не могли имѣть оффиціальнаго характера и не для кого не были обязательны. Графъ Уваровъ, бывши министромъ народнаго просвѣщенія, издалъ нѣкоторыя ученыя сочиненія, обратившія на себя вниманіе европейскихъ ученыхъ; но эти сочиненія были его частнымъ дѣломъ и тоже не имѣли ни оффиціальнаго характера, ни обязательной силы. Въ этихъ произведеніяхъ говорило не правительство, а говорили ихъ авторы, какъ литераторы, ученые или поэты. Я могъ бы насчитать много подобныхъ

примѣровъ, я могъ бы указать еще, между прочимъ, на Шишкова, котораго оригинальныя воззрѣнія на русскій языкъ не лишены интереса въ исторіи нашей литературы, но отнюдь не были правительственными актами; въ противномъ случаѣ въ Россіи не могъ бы писать Карамзинъ, слѣдовательно было бы невозможно и все дальнѣйшее развитіе русской литературы. И такъ литературная дѣятельность правительственныхъ лицъ относится къ общей литературѣ и не имѣетъ оффиціальнаго характера.

„Въ чемъ же можетъ состоять оффиціальная литература? Остается предоставить нѣкоторымъ писателямъ литературную монополію, объявить ихъ органами правительства и дозволить имъ говорить о томъ, что запрещается другимъ, предоставить имъ всевозможныя льготы, отнятыя у другихъ, освободить ихъ отъ критики и отъ всякаго литературнаго контроля. Но къ чему же это можетъ повести? Кому можетъ принести пользу такая монополія? Конечно не правительству: ибо ничто не можетъ причинить правительству столько вреда, какъ подобная монополія. Въ лицѣ этихъ оффиціальныхъ литераторовъ правительство будетъ играть самую двусмысленную роль. Народъ мало-по-малу позабудетъ истинный характеръ правительства, составляющій его величіе и силу. Онъ будетъ являться ему не въ опредѣленныхъ точныхъ, положительныхъ и обязательныхъ законахъ, но подъ формою разныхъ мнѣній, болѣе или менѣе спорныхъ и имѣющихъ двусмысленный характеръ, необязательныхъ и обязательныхъ вмѣстѣ. Каждый промахъ, каждая ошибка, всякаго рода неловкость,—будутъ являться публикѣ какъ дѣло самого правительства. Въ произведеніяхъ своихъ привилегированныхъ литераторовъ оно будетъ компроментироваться ежеминутно и на каждомъ шагу. Сколько темныхъ и непріятныхъ чувствованій, сколько горечи, сколько іроніи будутъ повсюду разносить эти привилегированные литераторы! Жизнь измѣняется, понятія развиваются, знанія растутъ; тутъ неизбѣжны всякаго рода односторонности, съ которыми никакое правительство не можетъ и не должно отождествлять себя; иначе оно потеряетъ всякій кредитъ, всякое уваженіе къ себѣ, будетъ постоянно предметомъ насмѣшки и критики, если не явной, то тайной,—что еще хуже.

„И такъ, безспорное и очевидное отношеніе правительства къ литературѣ есть отношеніе отрицательнаго свойства. Правительство блюдетъ законъ, въ которомъ обозначаются предѣлы литературной гласности, и надобно только

желать, чтобы это блюденіе закона было сколь можно болѣе очищено отъ всякаго произвола и случайности. Не смотря на то, мнѣ кажется однако возможнымъ и нѣкотораго рода положительное отношеніе правительства къ литературѣ. Я намекнулъ на единственно-возможный, истинно полезный способъ направлять общественное мнѣніе правительственнымъ путемъ, но именно за это-то я и подвергся порицанію. Этотъ способъ, какъ сказано мною выше, состоитъ въ томъ, чтобы правительство указывало литературѣ тѣ вопросы, которые считаетъ оно особенно полезными въ данное время. Приглашая мыслящихъ людей заняться ими, оно будетъ приносить существенную пользу и мыслящимъ людямъ, сосредоточивая ихъ силы на практическихъ вопросахъ, и литературѣ, давая ей содержаніе и наконецъ самому себѣ, разъясняя для себя всѣми умственными силами страны тѣ вопросы, которые занимаютъ его.

„Въ послѣднее время до насъ дошли еще новыя извѣстія о предположеніяхъ комитета по дѣламъ книгопечатанія. Извѣстія эти, если они справедливы, подтверждаютъ нашу увѣренность, что комитетъ останется чуждъ всѣхъ тѣхъ ложныхъ и вредныхъ тенденцій, которыя навязывались ему бродившими въ нашемъ обществѣ мнѣніями, что слѣдовательно выходки *Русскаго Вѣстника*, направленныя противъ этихъ ложныхъ тенденцій, нисколько не касались его. Мы извѣстились, что комитетъ предполагаетъ основать особую газету и приглашаетъ всѣми уважаемаго литератора А. В. Никитенко завѣдывать ея изданіемъ. Какъ слышно, эта газета будетъ имѣть своимъ главнымъ назначеніемъ указывать литературѣ именно то, на что правительство желало бы обратить особенное вниманіе мыслящихъ и спеціальныхъ людей, и что статьи, въ ней помѣщаемыя, вовсе не будутъ имѣть обязательнаго характера и будутъ даже допускать полемику противъ себя. Если это извѣстіе справедливо,— а я получилъ его изъ источника довольно достовѣрнаго,— то въ этомъ изданіи осуществляется именно то, чего желалъ *Русскій Вѣстникъ* и за что подвергся онъ порицанію.

„Въ прошедшемъ году сдѣланъ былъ на *Русскій Вѣстникъ* извѣтъ по поводу статей о *Турецкихъ дѣлахъ*. Г. министръ, руководствуясь духомъ строгой справедливости, препроводилъ тогда этотъ извѣтъ въ московскій цензурный комитетъ, и прежде чѣмъ постановилъ свое рѣшеніе, пожелалъ имѣть объясненіе отъ редакціи и цензора. Представленное мною объясненіе доказало до очевидности всю неосновательность и недобросовѣстность обвиненія. Случай этотъ являлся

разительнымъ примѣромъ того, какъ склонны разнаго рода неблагонамѣренные люди употреблять во зло довѣріе начальствующихъ лицъ. Литература зависитъ весьма часто отъ произвола какихъ-либо второстепенныхъ лицъ въ администраціи. Ловко составленный, прикрытый громкими фразами, доносъ можетъ легко обращаться прямо въ обвинительный актъ. Грустное положеніе литературы, находящейся въ зависимости не отъ закона, ни даже отъ благоусмотрѣнія правительственныхъ лицъ, а часто отъ одного лишь произвола безвѣстныхъ дѣятелей канцелярій или посторонніхъ любителей! Еще грустнѣе подумать, что правительство можетъ становиться орудіемъ какихъ-нибудь темныхъ побужденій и мелкихъ интригъ. А избѣжать этого нельзя, пока правительствующія лица не будутъ соблюдать безпристрастія судьи, и прежде приговора не будутъ выслушивать оправданія отъ обвиняемаго. Многое представилось бы тогда въ иномъ свѣтѣ. Неблагонамѣренность и недобросовѣстность стали бы, по крайней мѣрѣ, осторожнѣе, и справедливость, самое необходимое и самое высшее начало въ отношеніяхъ правительства къ обществу, менѣе подвергалась бы вопіющимъ нарушеніямъ. Нѣтъ такого чистаго дѣла, которое не могло бы быть очернено или оклеветано; нѣтъ такого безпристрастія, которое, постоянно слыша лишь обвиненія да обвиненія и ни одного слова защиты и оправданія, могло бы удержаться въ равновѣсіи, не подчиниться предубѣжденіямъ и не впасть въ мрачную подозрительность.

„Положеніе русскаго, а особенно московскаго журналиста, становится невыносимымъ. При трудности всякаго умственнаго дѣла въ нашемъ, еще не сложившемся обществѣ, при скудости зрѣлыхъ средствъ, представляемыхъ нашею литературою, при тяжкихъ, изнурительныхъ усиліяхъ, какихъ требуетъ добросовѣстное изданіе, мы $^{9}/_{10}$ нашихъ силъ теряемъ совершенно безполезно: онѣ погибаютъ, парализуемыя постоянными тревогами и опасеніями, въ которыхъ мы не умѣемъ отдать себѣ отчета: серьезныя занятія останавливаются отъ неожиданныхъ препятствій, отъ какихъ-нибудь мелкихъ случайностей, которыя не имѣютъ и тѣни раціональнаго основанія и которыя, можетъ быть, черезъ нѣсколько недѣль исчезнутъ сами собою, но исчезнутъ, причинивъ неизгладимый вредъ, произведя непоправимое замѣшательство. Всякая мысль, самая безукоризненная, самая полезная останавливается на половинѣ дороги въ своемъ исполненіи; вмѣсто облегченія, насъ безпрерывно опутываютъ новыми, все болѣе стѣснительными формальностями

и никто не спроситъ, возможно ли вести добросовѣстно и полезно дѣло при точномъ ихъ исполненіи. Съ одной стороны, изъ среды самого правительства слышимъ мы дружелюбные призывы къ дѣятельности и признаніе пользы нашихъ трудовъ; съ другой — принимаются мѣры стѣсненія, почти равносильныя запрещеніямъ. Такъ, смѣю сказать, литература оказала несомнѣнныя услуги правительству и обществу по крестьянскому вопросу. Благодаря ея искреннему и дружному содѣйствію, свѣтъ быстро и благотворно распространился въ самыхъ отсталыхъ, упорныхъ и неприготовленныхъ умахъ. А между тѣмъ, съ какими усиліями, съ какими трудностями должны были мы бороться, сколько перенесть тревогъ и опасеній для того, чтобы разъяснять мало по малу элементы этого вопроса! Мысль о выкупѣ крестьянскихъ земель, столько разъ запрещаемая и преслѣдуемая въ литературѣ, наконецъ, принята самимъ правительствомъ; а сколько трудовъ, предпринятыхъ въ пользу этой мысли, остались втунѣ, и сколько могло бы на каждомъ шагу не встрѣчаться этихъ напрасныхъ препятствій! Въ настоящее время, когда, повидимому, не оставалось уже никакого сомнѣнія въ пользѣ гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса, у насъ почти совершенно отнята возможность писать о немъ. Всѣ статьи по этому вопросу должны быть посылаемы на предварительное разсмотрѣніе спеціальной цензуры въ разныхъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ и при томъ не прямо къ назначеннымъ для цензуры чиновникамъ, а чрезъ многія инстанціи, между тѣмъ, какъ существуетъ общая цензура, которая имѣетъ всѣ средства. руководствуясь своимъ уставомъ, наблюдать за благонамѣренностью статей. Чиновники, занимающіеся цензурою, какъ было неоднократно нами замѣчено, заботятся не о томъ, чтобы разсмотрѣть должнымъ образомъ статью, и не задержать какой-нибудь полезной-мысли, могущей пролить свѣтъ на дѣло, а только о томъ, чтобы поскорѣе спустить съ рукъ множество этихъ писаній, которыми ихъ заваливаютъ со всѣхъ сторонъ. Имъ удобнѣе и легче, безъ дальнихъ околичностей, запрещать статью, а апелляція на нихъ—дѣло несбыточное, да и вовсе безполезное, потому что даже въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія, рѣшеніе это можетъ быть получено только тогда, когда статья утратитъ весь свой интересъ и все свое значеніе. Спеціальная цензура, причиняя крайній вредъ литературѣ, не приноситъ никакой пользы правительству, а напротивъ причиняетъ и ему не меньшій вредъ. Спеціальная цензура это все то же, что и

оффиціальные литераторы. Коль скоро есть законъ, которымъ обозначаются предѣлы гласности, то въ этихъ законныхъ предѣлахъ всѣмъ мнѣніямъ должно быть дано мѣсто. Зачѣмъ надобно, чтобы мнѣнія, высказываемыя въ частномъ журналѣ, непремѣнно совпадали съ образомъ мыслей того или другаго правительствующаго лица по какимъ-либо частнымъ предметамъ, входящимъ въ кругъ его управленія? Напротивъ, весь интересъ и вся польза литературы въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы она предлагала мнѣнія и свѣдѣнія съ полною самостоятельностію; только при этомъ условіи мыслящіе умы, таланты, люди свѣдущіе могутъ приносить пользу самой администраціи. Какъ бы администраторъ ни изучилъ глубоко сферу своего управленія, какія бы здравыя ни имѣлъ онъ понятія о предметахъ, въ нее входящихъ, онъ никогда не можетъ считать для себя лишнимъ прислушиваться къ другимъ мнѣніямъ и принимать къ свѣдѣнію другія понятія. Чиновникъ, поставленный для цензуры, будетъ естественно выкраивать изъ статьи только то, что подходитъ подъ данную ему мѣрку. Онъ не будетъ вникать въ смыслъ мнѣній, на немъ не лежитъ отвѣтственность за правильное пониманіе дѣла, онъ не будетъ заботиться о расширеніи своихъ понятій; онъ будетъ смотрѣть только на то, согласуется ли статья или нѣтъ съ данными ему инструкціями, и отъ статьи или ничего не останется, или останется только то, что будетъ лишено всякаго значенія и всякой пользы. Какая можетъ быть отъ того бѣда, если будутъ появляться въ печати мнѣнія, не совсѣмъ согласныя съ мнѣніями того или другаго администратора? Окажется въ этихъ мнѣніяхъ доля истины, тѣмъ лучше, будутъ онѣ нелѣпы, правительство не отвѣчаетъ за нихъ. Они произошли не отъ него, и противъ нихъ найдется самое лучшее, самое успѣшное или, лучше сказать, единственное орудіе въ критикѣ. Сказанное вообще легко примѣняется къ политическимъ статьямъ въ нашихъ журналахъ. Довольно, если статья не заключаетъ въ себѣ ничего зловреднаго или неблагонамѣреннаго съ точки зрѣнія общей цензуры,—справедливость или несправедливость высказанныхъ въ ней воззрѣній падаетъ на журналъ и на автора, а вовсе не на правительство.

„Почему никакой кабинетъ не считаетъ себя вправѣ взыскивать съ англійскаго правительства за тонъ англійскихъ журналовъ? Потому что эти журналы представляютъ собою собственныя мнѣнія, а не мнѣнія правительства. Но, скажутъ, въ Англіи существуетъ полная свобода книгопечата-

нія; тамъ журналы находятся внѣ всякаго контроля со стороны правительства, а въ Россіи есть цензура. Скажутъ, иностранный кабинетъ, найдя въ русскихъ журналахъ что-нибудь не совсѣмъ себѣ по нраву, можетъ, ссылаясь на существованіе у насъ цензуры, поставить нашего министра иностранныхъ дѣлъ къ отвѣту, и чрезъ него управлять нашимъ общественнымъ мнѣніемъ. Это несправедливо: одно существованіе цензуры, само по себѣ, не могло бы сопровождаться такими послѣдствіями, неблагопріятными и для нашего народнаго достоинства, и для самостоятельности нашего кабинета. Если существуетъ только общая цензура, основанная на твердыхъ и постоянныхъ законахъ, и нѣтъ цензуры спеціальной, если литература подлежитъ со стороны правительства лишь общему контролю, а не контролю или внушеніямъ каждаго министерства въ особенности, то наше министерство иностранныхъ дѣлъ точно также свободно отъ всякой отвѣтственности передъ иностранными кабинетами за тонъ и отзывы русскихъ журналовъ, какъ и Foreign Office въ Англіи. Оно можетъ отвѣчать лишь за такой журналъ, который служитъ ему непосредственнымъ органомъ, представляя прочимъ журналамъ высказываться, какъ они знаютъ, въ законныхъ предѣлахъ общей цензуры. При спеціальной же цензурѣ правительство неизбѣжно будетъ отвѣчать за каждое слово въ частномъ журналѣ и, подавляя безъ нужды всякое движеніе мысли въ обществѣ, связывая насъ, столько же свяжетъ и само себя. Благодаря высокому разумѣнію, руководствующему нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, русскіе политическіе журналы находились до сихъ поръ въ благопріятномъ положеніи. Къ сожалѣнію, въ послѣднее время противъ московскихъ журналовъ принимаются такія стѣснительныя мѣры, которыя могутъ сдѣлать совершенно невозможнымъ существенный отдѣлъ въ ихъ программѣ—политическое обозрѣніе.

„Преимущественно *Русскій Вѣстникъ* находится теперь въ критическомъ положеніи. Онъ не можетъ измѣнить свое направленіе, составляющее его сущность, отъ которой *Русскому Вѣстнику* гораздо труднѣе отказаться, чѣмъ отъ своего существованія. Я нахожусь теперь подъ опасеніемъ рѣшительныхъ мѣръ, которыми угрожаютъ моему журналу; но самое это опасеніе, вмѣстѣ съ затрудненіями, которымъ подверглось политическое обозрѣніе, есть уже слишкомъ рѣшительная мѣра, и мнѣ не осталось бы ничего иного, какъ немедленно закрыть изданіе моего журнала, хотя бы это стоило мнѣ совершеннаго раззоренія, еслибы не на-

дежда на справедливость и безпристрастіе правительства, еслибы не увѣренность, что, съ устраненіемъ недоразумѣній и лжетолкованій, прекратится гоненіе противъ *Русскаго Вѣстника*, къ которому послужили они единственнымъ поводомъ."

Убѣдительное объясненіе Михаила Никифоровича произвело, повидимому, дѣйствіе. На бумагѣ цензурнаго комитета, при которой, за подписью попечителя округа Н. В. Исакова, препровождена была записка Михаила Никифоровича, сдѣлана помѣтка „г. министръ приказалъ принять къ свѣдѣнію" (5 апрѣля 1855 года).

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Я иду во тьмѣ глубокой ночи;
Скорбь гнететъ измученную грудь;
Я усталъ; идти нѣтъ больше мочи,
А чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе путь.

До меня доносятся уныло
Стоны тѣхъ, что пали на пути,
Тѣхъ, что жизнь безвременно сгубила
И до цѣли не дала дойти.

О явись, сіяющее утро!
Разгони громаду черныхъ тучъ
И, блестя огнями перламутра,
Брось на міръ животворящій лучъ.

Не пойду я свѣтлою тропою,
Силы всѣ я истощилъ въ борьбѣ!
Хоть на мигъ явись передо мною,
Чтобы пѣснь я могъ запѣть тебѣ!

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ) [1]).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русскій Вѣстникъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.—Полемическая дѣятельность Михаила Никифоровича.

I.

Въ началѣ 1861 года въ изданіи *Русскаго Вѣстника* и въ дѣятельности его редактора произошла нѣкоторая перемѣна. Журналъ распался на два изданія: *Современная Лѣтопись* отдѣлена была отъ остальнаго текста и составила отдѣльное еженедѣльное изданіе, на которое можно было подписываться даже отдѣльно отъ *Вѣстника*. Лѣтопись выходила въ форматѣ и отчасти по типу англійскаго „Атенея“, но съ преобладаніемъ политическаго элемента. Политика, по крайней мѣрѣ внѣшняя, вышла изъ *Русскаго Вѣстника*. Вниманіе Михаила Никифоровича направилось на тѣ теченія, которыя тогда воспреобладали въ нашей журналистикѣ и, будучи литературными съ виду, въ сущности имѣли политическій и соціальный характеръ. *Современная Лѣтопись* сдѣлалась дѣтищемъ покойнаго Павла Михайловича Леонтьева, внесшаго въ изданіе ея ту отчетливость и обстоятельность, какая была въ числѣ его отличительныхъ чертъ. И въ *Лѣтописи*, и потомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* онъ много заботился о

---

[1]) См. Русскій Вѣстникъ № 3, мартъ 1888 г.

полнотѣ сообщаемаго, имѣя въ виду не только читателя, ищущаго занимательнаго чтенія и впечатлѣнія литературныхъ новостей, но и такого, который желалъ бы получить не отрывочное, а обстоятельное знакомство съ ходомъ дѣлъ. Въ денежномъ отношеніи, раздѣленіе журнала на два изданія не оправдало ожиданій и оказалось предпріятіемъ убыточнымъ. Подписка не увеличилась на столько, какъ надѣялись, а изданіе *Лѣтописи* стоило большихъ средствъ. Отчасти она оказалась слишкомъ серьезною для широкаго круга читателей. Безвыгодность предпріятія была одною изъ причинъ, что издатели стали сильно помышлять о пріобрѣтеніи ежедневной газеты, къ чему, въ 1862 году, какъ ниже увидимъ, представился случай.

Сосредоточивъ свою дѣятельность въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, Михаилъ Никифоровичъ открылъ тамъ отдѣлъ: „Литературное обозрѣніе и замѣтки“ и выступилъ въ немъ съ цѣлымъ послѣдовательнымъ рядомъ статей съ оригинальными заглавіями: „Старые боги, новые боги“, „Нашъ языкъ и что такое свистуны“, „Одного поля ягода“ и другія. Въ статьяхъ преобладалъ полемическій характеръ. Дѣятели *Современника*, претендовавшіе быть общественными учителями и вождями, изобличались въ невѣжествѣ, сводились съ пьедесталовъ; великаны обращались въ размѣръ ничтожествъ. Изобличалась и общественная среда—та жалкая интеллигенція, среди которой могла господствовать свистопляска, какъ назвалъ Михаилъ Никифоровичъ литературныя оргіи журнала. Изобличались вообще литературные нравы эпохи. Съ другой стороны, на страницахъ литературнаго обозрѣнія впервые былъ привѣтствованъ П. Д. Юркевичъ, извѣстный потомъ профессоръ философіи въ Московскомъ университетѣ, тогда преподаватель этой науки въ Кіевской духовной академіи. Борьба съ идеями матеріализма по поводу статей г. Антоновича въ *Современникѣ*, предпринятая П. Д. Юркевичемъ на страницахъ „Трудовъ Кіевской Академіи“ обратила на себя вниманіе Михаила Никифоровича замѣчательной зрѣлостію мысли, вполнѣ собой владѣющей. Переводъ

Юркевича на каѳедру философіи въ Москву состоялся благодаря стараніямъ Михаила Никифоровича и П. М. Леонтьева.

Полемическая струна звучала въ писаніяхъ Михаила Никифоровича еще и прежде изданія *Русскаго Вѣстника* Лучшія страницы его „Очерковъ древнѣйшаго періода греческой философіи“ тѣ, гдѣ онъ полемизируетъ съ мнѣніями другихъ ученыхъ, устанавливая свои оригинальные взгляды. Когда трудъ этотъ вызвалъ въ *Москвитянинѣ* нерасположенную, но весьма сдержанную критику, Михаилъ Никифоровичъ отвѣтилъ длинною, нѣсколько запальчивою, но яркою и мѣткою антикритикою.

Полемическая дѣятельность Михаила Никифоровича въ *Русскомъ Вѣстникѣ* началась столкновеніями съ славянофилами. По литературнымъ связямъ своимъ Михаилъ Никифоровичъ болѣе примыкалъ къ западникамъ, чѣмъ къ славянофиламъ, хотя съ семействомъ Аксаковыхъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Противъ Погодина, Шевырева, *Москвитянина* онъ выступалъ уже въ первое время своей литературной дѣятельности. Потому, хотя въ основѣ его направленія было болѣе близкаго съ славянофильствомъ, чѣмъ съ западничествомъ, полемика первоначально завязалась съ славянофильскими органами. Органы эти отчасти сами вызывали на полемику. *Молва*, еженедѣльный листокъ, появившійся въ Москвѣ въ 1857 году, и родственно связанная съ нимъ *Русская Бесѣда* приглашали всѣхъ и каждаго „на борьбу“. „Съ кѣмъ борьба? за что борьба? спрашивалъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* таинственный авторъ „Изобличительнаго письма“, подписавшійся Байборода. Говорятъ: боритесь съ *Русскою Бесѣдою*. Да за что же съ нею бороться? Многіе изъ сотрудниковъ ея люди умные и даровитые; многое читается въ ихъ журналѣ съ удовольствіемъ и сочувствіемъ... Напсанное въ *Русской Бесѣдѣ* самимъ ея редакторомъ, на котораго прежде всего падаетъ отвѣтственность за изданіе, по большей части очень умно, дѣльно, благородно. За что же съ нимъ бороться?... Правда, что въ *Русской Бесѣдѣ* или въ такъ называемыхъ славянофилахъ замѣтно желаніе составить особый кругъ, особое направленіе, исключи-

тельную котерію. Но то, что составляетъ пхъ характерпстическую особенность, собственно славянофильское не заслуживаетъ борьбы. Оно служитъ прпмѣсью къ доброму п умному, прпмѣсью, отъ которой никакой человѣкъ не бываетъ совершенно свободенъ, но которая, къ сожалѣнію, пріобрѣтаетъ неожиданную и какъ бы принудительную силу, какъ скоро станетъ общимъ достояніемъ двухъ-трехъ человѣкъ... Борьба есть долгъ, когда вопросъ получаетъ практическій характеръ, и тутъ уже нечего разбирать противниковъ. Но когда рѣчь идетъ о вопросахъ общихъ, когда и вопросъ-то еще не поставленъ, когда претендентами на особое направленіе ровно ничего не сдѣлано въ духѣ своего направленія; когда эта особенность выражается въ сбивчивости понятій, въ нѣкоторыхъ ошибкахъ, въ маленькихъ странностяхъ, то къ чему тутъ вызовъ на борьбу? Если г-ну N. нравится шапка безъ козырька или, напримѣръ, костюмъ въ родѣ поддевки, а другому въ родѣ армяка, то изъ чего же можно биться? И что-за неблагодарная роль ловить чужія ошибки и промахи?“

„Но, скажутъ, продолжаетъ авторъ письма,—это было бы полезно для виновниковъ промаховъ и ошибокъ, послужило бы имъ въ урокъ... Въ томъ-то и бѣда человѣка, что въ темной глубинѣ его души, не свѣдомо ему самому, кипятится котелокъ самомнѣнія, которое—врагъ лукавъ!—можетъ обманывать даже своего хозяина и изъ личнаго прикидываться, напримѣръ, народнымъ. Вотъ, кажется, безгрѣшное, святое возношеніе мысли,—а смотришь, оно подогрѣвается котелкомъ самомнѣнія. Кажется, чего бы лучше сознаться въ своей ошибкѣ, когда она намъ указана, и отречься отъ нея; и чѣмъ громче, чѣмъ общественнѣе подобное сознаніе, тѣмъ, кажется, было бы больше заслуги. Такъ бы оно и было, еслибы не брать въ разсчетъ потаеннаго котелка. Бываетъ, напротивъ, что человѣкъ, впрочемъ, и очень добросовѣстный, и очень умный, невольно ожесточается, когда ему указываютъ его промахи, и par dépit отстаиваетъ заблужденія, какъ бы улпка нп была ясна: человѣкъ можетъ спорить противъ всякой очевидности“...

„Но есть,—читаемъ далѣе,—случаи когда безпощадность

есть долгъ... Вы не должны щадить человѣка, который нагло рядится въ пышную мантію авторитета, мистифируетъ публику и обращаетъ легковѣріе, столь свойственное нашему юному образованію, въ трубу свой славы". Рѣчь идетъ о профессорѣ Крыловѣ, человѣкѣ очень даровитомъ, но не бывшимъ серіознымъ ученымъ. Н. И. Крыловъ, профессоръ римскаго права въ Московскомъ университетѣ, не былъ славянофиломъ, но присоединился къ славянофильскому органу, по случаю полемики съ профессоромъ Чичеринымъ, къ которому, какъ къ ученику, относился нѣсколько свысока. Увлеченный успѣхомъ въ кружкѣ, Крыловъ объявилъ, что поставитъ цитадель, изъ которой и будетъ „обстрѣливать молодцовъ", въ родѣ автора статей объ общинѣ. Въ „Изобличительномъ письмѣ" Байбороды ученый авторитетъ Крылова былъ разбитъ въ прахъ. Письмо произвело сильнѣйшее впечатлѣніе. Нѣкоторое время въ кружкахъ, сколько-нибудь сопрпкасавшихся съ литературою, только и толковъ было, что о промахахъ, грамматическихъ и историческихъ, ученаго профессора. Ordo equestris, пять консуловъ въ Римѣ и другія ошибки, уловленныя въ изобличительномъ письмѣ; ѣдкій приступъ къ обличеніямъ, начинавшійся словами: „Эвмениды, гдѣ бичи ваши?.. Приступимъ", повторялись и свѣдущими, и несвѣдущими.

Мало-по-малу рѣзкую форму приняла полемика и съ славянофилами вообще, составившая главное содержаніе послѣдовавшихъ „Изобличительныхъ писемъ". Въ послѣднемъ изъ нихъ, въ ноябрѣ 1858 года авторъ такъ отзывается о кружкѣ славянофиловъ. „Меня занимаютъ не личности, а духъ составляемаго ими кружка. Этотъ кружокъ, имѣющій во главѣ своей г. Кошелева, составляетъ неразрывный организмъ, который гордится тѣмъ, что всѣ его члены солидарны между собою. Восхваляя своего члена, кружокъ здѣсь хвалилъ себя... Размыслите немного, и вы изумитесь до какого самоослѣпленія можетъ доводить людей тщеславіе и суетность... Непостижимо! Неслыханно! трубить (въ объявленіи объ изданіи *Русской Бесѣды*) не просто о своемъ усердіи, какъ дѣлаютъ маленькіе торгаши, а о своемъ величіи, о своихъ торжествахъ, кадить себѣ, ста-

новиться предъ собою на колѣни, поклоняться собственному лику, здѣсь пошлость доходитъ дѣйствительно до грандіозныхъ размѣровъ, и комическое соприкасается съ героическимъ... Я бы не позволилъ себѣ,—продолжаетъ авторъ письма какъ бы обращаясь къ редактору *Русскаго Вѣстника*,—заговорить о г. Кошелевѣ, еслибы онъ не былъ глава кружка, которому вы, М. Г., по странной причудѣ, оказываете что-то похожее на уваженіе. Въ лицѣ его я хочу казнить васъ самихъ и другихъ наивныхъ почитателей — каково я васъ язвлю—г. Кошелева съ компаніей. Вѣдь вы губите этихъ господъ, считая ихъ серіозными писателями, обращаясь съ ними не какъ съ литературными недорослями; вѣдь вы надмеваете ихъ, сбиваете ихъ съ толку, вы заставляете ихъ воображать, что они и въ самомъ дѣлѣ серіозные писатели... Тѣшитесь вы что-ли надъ ними? Они, можетъ быть, занялись бы чѣмъ-нибудь дѣльнымъ, научились бы чему-нибудь, во всякомъ случаѣ не были бы такъ напыщены и не воображали бы, что наивные толки ихъ кружка имѣютъ серіозное, даже великое и всемірное значеніе“. Изобличительная полемика съ славянофильскимъ кружкомъ, полемическія столкновенія съ нѣкоторыми изъ сотрудниковъ, разошедшихся съ *Русскимъ Вѣстникомъ*,—отчасти вслѣдствіе того, что ихъ мнѣнія не принимались редакторомъ, желавшимъ быть полнымъ хозяиномъ въ своемъ журналѣ, отчасти вслѣдствіе щекотливости самолюбія,—были первыми пробами того запаса полемическихъ силъ, которыми обладалъ редакторъ и который какъ бы просился наружу. Полемическія статьи эти жадно читались, прельщая однихъ, возбуждая сильное негодованіе, даже ненависть, въ другихъ, на всѣхъ производя впечатлѣніе оригинальною рѣзкостью тона, при неотразимой, въ большинствѣ случаевъ, силѣ аргументовъ.

Нынѣ, чрезъ много лѣтъ, полемика „Изобличительныхъ писемъ“, писанныхъ, впрочемъ, по всей видимости, перомъ не одного Михаила Никифоровича, производитъ мѣстами,—напримѣръ, въ томъ, что было направлено противъ князя Черкасскаго,—впечатлѣніе нѣсколько преувеличенно под-

нятаго тона. Рознь между противниками не была на столько значительна, чтобы требовать стремительнаго нападенія. Настоящее свое мѣсто и истинное значеніе эта полемическая сила нашла, когда направилась на борьбу съ дѣйствительнымъ и серіознымъ зломъ, такъ или иначе прокрадывавшимся въ наши дѣла и въ наши понятія.

II.

Борьба словомъ была истинною стихіею Михаила Никифоровича. Природный запасъ страсти тутъ находилъ свой исходъ. Глубокій и гибкій умъ бывшаго профессора философіи, филолога, поэта, литературнаго критика былъ способенъ и къ философскимъ, метафизическимъ построеніямъ отвлеченной мысли, и къ художественному творчеству въ поэзіи, и къ спеціальнымъ научнымъ трудамъ. Но всѣ разнообразныя проявленія умственной работы въ этихъ направленіяхъ были лишь пробою и свидѣтельствомъ силъ, сдѣлавшихся орудіями дѣйствія въ полемической борьбѣ, направляемыми какъ вождь направляетъ разнообразный составъ своей арміи.

Впослѣдствіи, въ эпоху *Московскихъ Вѣдомостей*, мнѣ случалось быть въ теченіи многихъ лѣтъ близкимъ свидѣтелемъ, какъ зарождались и выполнялись статьи, придавшія такое значеніе этому органу печати; не разъ приходилось бесѣдовать о пріемахъ борьбы словомъ, наилучше достигающихъ цѣли, и самому участвовать въ полемикѣ газеты—много болѣе, чѣмъ сколько это могло быть извѣстно читателямъ и лицамъ не стоявшимъ близко къ редакціи. Скажу нѣсколько словъ объ особенностяхъ полемическихъ пріемовъ, какія были обычны Михаилу Никифоровичу.

Полемика обыкновенно начиналась по вызову и нападенію, слабому или сильному, со стороны противниковъ. Однимъ изъ основныхъ пріемовъ было не оставаться въ оборонительномъ положеніи, не брать роли только оправдывающагося и защищающагося, но быстро самому переходить въ аттаку и нападеніе; имѣть въ виду не только оградить

себя и отразить нападеніе, но и уничтожить противника, съ первыхъ шаговъ по возможности поставивъ его въ такое положеніе, чтобы пришлось думать не о томъ, чтобы нападать, а о томъ, чтобы защищать самого себя. Другое правило было не разбрасываться въ подробностяхъ, а сосредоточивать ударъ на общемъ тонѣ того, противъ чего идетъ полемика, и на немногихъ, ярко выставленныхъ пунктахъ. Было желаніе отвѣтить на все, не оставить безъ возраженія ни одного слова противника. Это замѣтно въ первыхъ полемическихъ опытахъ Михаила Никифоровича, напримѣръ, въ упомянутой выше антикритикѣ на рецензію его „Очерковъ философіи". Но потомъ Михаилъ Никифоровичъ сдерживалъ себя въ этомъ отношеніи, особенно въ статьяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*, требовавшихъ ограниченнаго размѣра. Впослѣдствіи установилась довольно оригинальная практика. Михаилъ Никифоровичъ избѣгалъ читать статьи, на которыя возражали съ такою силою. Кто-либо изъ близкихъ сотрудниковъ передавалъ ему содержаніе статьи. Михаилъ Никифоровичъ останавливался на выпуклыхъ пунктахъ, просилъ отмѣтить ихъ и только съ ними знакомился чрезъ собственное чтеніе. Иначе ему захотѣлось бы возразить на все, а это помѣшало бы сосредоточиться. Весьма ошибались тѣ оппоненты Михаила Никифоровича, которые думали, что онъ по часамъ изучаетъ ихъ творенія. Вообще Михаилъ Никифоровичъ въ эпоху своей напряженной дѣятельности въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не читалъ газетъ, кромѣ мѣстъ, отмѣченныхъ для него сотрудниками. При этомъ безчисленныя выходки и личныя нападенія на Михаила Никифоровича во враждебныхъ ему органахъ печати не отмѣчались вовсе, за исключеніемъ какихъ-либо особыхъ случаевъ, и тысячи стрѣлъ, противъ него летѣвшихъ, остались для него совершенно неизвѣстными.

Полемика Михаила Никифоровича всегда была страстною, но никогда не была недобросовѣстною. Его негодованіе не бывало напускнымъ. Онъ самъ перегоралъ этимъ негодованіемъ. Разъ начатую полемику онъ не оставлялъ до конца, преслѣдовалъ противника во всѣхъ его убѣжищахъ, не да,

вая ему послѣдняго слова, возвращаясь къ аргументамъ, повторяя ихъ въ разнообразныхъ формахъ, съ тою настойчивостію и неотвязчивостью, которая была одною изъ самыхъ главныхъ чертъ его характера. „Предъ Михаиломъ Никифоровичемъ ничто не постоитъ“, говорили наборщики, когда, въ послѣднія минуты какого-нибудь изданія, по его распоряженію, разбирались одни листы, набирались новые, бросалась масса отпечатаннаго.

III.

Когда въ началѣ 1861 года Михаилъ Никифоровичъ выступилъ противъ *Современника*, политическая подкладка журнальной пропаганды радикализма на страницахъ этого изданія не бросалась еще рѣзко въ глаза.

Пропаганду *Современника* съ братіею Михаилъ Никифоровичъ обличалъ преимущественно какъ родъ литературнаго гаерства, вреднаго, однако, по послѣдствіямъ. „Открылись, говорилъ онъ, балаганы съ пѣснями, со свистомъ и даже съ визгомъ, какъ выразился недавно одинъ изъ этихъ свистуновъ“.

Радикализмъ подъ цензурною, хотя и сильно ослабленный рамкою, въ политическомъ отношеніи не казался имѣющимъ сколько-нибудь важное значеніе, но во всякомъ случаѣ представлялся имѣющимъ практически вредное значеніе по дѣйствію его на молодые умы. Высказывая свое намѣреніе, сосредоточивъ разсмотрѣніе политическихъ вопросовъ въ отдѣльной *Современной Лѣтописи*, открыть въ текстѣ *Русскаго Вѣстника* обозрѣніе явленій текущей литературы, Михаилъ Никифоровичъ говорилъ: „Есть цѣлая область интересовъ и вопросовъ, которые не находятся въ прямой связи съ политическими и не ведутъ прямо къ практическимъ примѣненіямъ, но которые тѣмъ не менѣе имѣютъ практическую важность. Сюда относятся, между прочимъ, вопросы и интересы литературные, въ обширномъ смыслѣ слова“. Указываемая практическая важность есть именно то вредное влія-

ніе, какое оказывала маскированная радикальная проповѣдь, соединенная со свистопляской.

Борьба съ этою проповѣдью была серьезною задачею. То были годы, когда значеніе *Современника* достигло высшей степени. Журналъ господствовалъ на литературномъ рынкѣ, а вліяніе его на молодые умы выражалось такъ рѣзко, что правительство рѣшилось пріостановить его изданіе на восемь мѣсяцевъ. Теченіе, которому служилъ и которое направлялъ *Современникъ*, было теченіе въ сущности политическое, хотя оно и происходило, повидимому, въ литературной области. Теченіе было ближайше родственно съ чисто революціонною пропагандою, какая явно велась въ лондонскихъ изданіяхъ Герцена, въ обилін и легко проникавшихъ въ Россію. И внутри Россіи изданія эти, по собственному свидѣтельству Герцена, „свободно литографировались въ Москвѣ подъ видомъ профессорскихъ лекцій и развозились студентами на извощикахъ цѣлыми кипами, нисколько не упакованными и не прикрытыми“.

Это былъ общій потокъ, властно увлекавшій молодую часть нашей „интеллигенціи“. Для старшей ея части потокъ этотъ былъ предметомъ, для однихъ—почтительнаго потворства, для другихъ—недоумѣнія; для большинства онъ представлялся какъ нѣчто бурное, слишкомъ ретивое, но несомнѣнно прогрессивное и либеральное, хотя и нетерпѣливое: многіе страшились его обличительной и всяческой силы и готовы были на умилостивительныя жертвы, чтобы заклясть его неотразимость.

Коренное разногласіе направленій *Современника* и *Русскаго Вѣстника* обнаружилось лишь съ теченіемъ времени. Съ зарею новаго царствованія стремленіе къ общественной свободѣ, гласности, слову, свѣту, обнимало все русское общество, безъ различія оттѣнковъ мнѣній; было одно либеральное теченіе. Кружокъ *Современника* считалъ *Русскій Вѣстникъ* идущимъ въ одномъ съ собою направленіи, только медленнѣе и не въ переднихъ рядахъ. Радикализмъ *Современника*, еще робко высказывавшійся, не привлекалъ къ себѣ вниманія редактора *Вѣстника*. Къ концу 1858 года была еще возмож-

ность соединенія, въ протестѣ, напечатанномъ на страницахъ *Русскаго Вѣстника* противъ *Иллюстраціи*, издававшейся тогда г. В. Зотовымъ, цѣлаго калейдоскопа именъ. Протестъ былъ заявленъ въ защиту гг. Чацкина и Горвица, оскорбленныхъ въ *Иллюстраціи* и какъ литераторы, будто бы продающіе свое перо, и какъ Евреи. *Иллюстрація*, сказано въ протестѣ, „позволила себѣ коснуться нравственнаго характера гг. Горвица и Чацкина. Въ лицѣ ихъ оскорблено все общество, вся русская литература. Никакой честный человѣкъ не можетъ оставаться равнодушнымъ при такомъ позорномъ поступкѣ. Общій протестъ будетъ самымъ лучшимъ удовлетвореніемъ чести оскорбленныхъ лицъ и самымъ лучшимъ доказательствомъ здоровья той общественной среды, которая собственнымъ свободнымъ актомъ поражаетъ и отметаетъ всякое недостойное дѣло". Протестъ подписали:

И. Аксаковъ, К. Аксаковъ, С. Аксаковъ, Н. Альбертини, П. Анненковъ, А. Аѳанасьевъ, П. Бабстъ, В. Безобразовъ, К. Бестужевъ, Н. Боборыкинъ, С. Баршевъ, Ѳ. Буслаевъ, Г. Вызинскій, А. Галаховъ, С. Громека, Ѳ. Дмитріевъ, А. Драмусовъ, А. Ершовъ, А. Ефремовъ, С. Ешевскій, И. Забѣлинъ, К. Кавелинъ, М. Катковъ, Н. Кетчеръ, А. Корсакъ, В. Коршъ, Е. Коршъ, А. Краевскій, Н. фонъ-Крузе, П. Леонтьевъ, М. Лонгиновъ, Э. Мамоновъ, А. Меншиковъ, С. Муравьевъ, А. Наумовъ, І. Огрызко, Н. Павловъ, С. Поль, С. Рачинскій, С. Смирновъ, С. Соловьевъ, В. Спасовичъ, Н. Суриковъ, Н. Тихонравовъ, И. Тургеневъ, Н. Чернышевскій, Ѳ. Чижовъ, Е. Ѳеоктистовъ.

Какое разнообразіе именъ! Аксаковъ и Чернышевскій, Соловьевъ и Огрызко, Тургеневъ и Спасовичъ и т. д. Въ слѣдующей книжкѣ *Вѣстника* къ протесту присоединилось еще нѣсколько десятковъ именъ. Мое имя отсутствуетъ въ спискѣ: я былъ въ это время заграницей.

Въ 1860 году, по поводу столкновенія [1]) редакціи *Рус-*

[1]) Редакція *Русскаго Вѣстника*, помѣстивъ статью графини Сальясъ о книгѣ г-жи Свѣчиной, сопроводила ее примѣчаніемъ, которымъ обидился авторъ.

скаго Вѣстника съ авторомъ статьи о г-жѣ Свѣчиной (графинею Сальясъ), *Современникъ* такъ отозвался о своихъ отношеніяхъ къ *Русскому Вѣстнику*: „Никто болѣе насъ не радовался блестящему успѣху *Русскаго Вѣстника* и никто болѣе насъ не желаетъ, чтобы успѣхъ этотъ продолжался и возрасталъ. Еще не такъ давно время, когда подобныя чувства не питалъ у насъ одинъ журналъ къ другому“... Объяснивъ это явленіе тѣмъ, что, съ расширившимся кругомъ читателей, у журналовъ, въ матеріальныхъ интересахъ, нѣтъ причины къ враждебности; что у журналовъ явились общіе интересы и увеличеніе силы одного журнала есть увеличеніе силы и другихъ и что, съ расширеніемъ круга серьезныхъ вопросовъ, нѣтъ времени предаваться потѣхамъ самолюбія въ литературныхъ пререканіяхъ, редакція *Современника* прибавляетъ, что „у нея есть особыя причины желать *Русскому Вѣстнику* всевозможнаго успѣха“. „*Русскій Вѣстникъ* и нашъ журналъ служатъ представителями двухъ различныхъ принциповъ, и надобно сказать теперь, какъ мы сами понимаемъ отношеніе между ними. Мы думаемъ, что воззрѣнія, излагаемыя *Русскимъ Вѣстникомъ*, подготовляютъ людей къ принятію воззрѣній, излагаемыхъ нами. Ошибаемся или нѣтъ въ этой мысли мы, дѣло иного рода, но имѣемъ эту мысль и намъ кажется, что она подверждается ходомъ общественнаго сознанія во всѣхъ историческихъ эпохахъ, имѣвшихъ сходство съ тою, какую переживаетъ теперь русское общество; намъ кажется, что справедливость этой мысли основывается и на логическомъ законѣ развитія общественныхъ стремленій. Когда человѣкъ долженъ идти отъ отсутствія всякой дѣльной мысли къ ясному сознанію своихъ дѣлъ и средствъ для удовлетворенія своимъ потребностямъ, онъ не можетъ сразу сдѣлать окончательнаго вывода: полная истина была бы слишкомъ сурова для него, ея требованія показались бы ему превышающими его силы. Онъ идетъ къ ней постепенно, отдыхая на перепутьи. Намъ кажется, что такимъ перепутьемъ для мысли служатъ воззрѣнія, которыхъ держится *Русскій Вѣстникъ*, что они хороши для пробужденія людей изъ совершенной летаргіи, для во-

влеченія ихъ въ умственный процессъ. Ступень сознанія, на которую ведетъ *Русскій Вѣстникъ*, не такъ высока надъ уровнемъ нашей рутины, чтобы очень трудно было восходить на нее. А когда человѣкъ взойдетъ на нее, ему уже не очень далеко остается подняться и на слѣдующую ступень, на которую прямо стать было бы ему трудновато. Пусть проститъ насъ *Русскій Вѣстникъ*, но мы считаемъ его очень полезнымъ для насъ подготовителемъ серьезныхъ людей къ принятію нашихъ понятій: мы считаемъ его педагогическимъ учрежденіемъ, въ которомъ читается приготовительный курсъ".

IV.

Въ разсматриваемые годы успѣхъ *Современника* превосходилъ успѣхъ всѣхъ другихъ журналовъ. Среди молодежи это былъ самый популярный органъ. По свѣдѣніямъ цензурнаго вѣдомства въ 1862 году, когда послѣдовала пріостановка *Современника* на восемь мѣсяцевъ, журналъ этотъ имѣлъ 7000 подписчиковъ, тогда какъ у *Русскаго Вѣстника* ихъ было 5700, у *Отечественныхъ Записокъ* 4000—столько же у *Русскаго Слова*, нигилистическаго органа, гдѣ подвизался Писаревъ. Статьи радикальнаго пошиба писались въ *Современникѣ* на томъ условномъ языкѣ, какимъ радикализмъ нашъ изощрился говорить подъ цензурою и который для всѣхъ былъ прозраченъ. Пожелалъ г. Антоновичъ, обличая Тургенева за типъ Базарова,—въ которомъ г. Антоновичъ видѣлъ каррикатуру, тогда какъ Писаревъ узнавалъ себя и себѣ присныхъ—сказать, что атеизмъ и огульное отрицаніе не есть непремѣнная принадлежность его лагеря, согласнаго де помириться съ пантеизмомъ, онъ прибѣгаетъ къ такому обороту: вмѣсто слово Богъ ставитъ союзъ *и*; и обращаясь къ автору *Отцевъ* и *Дѣтей*, говоритъ „мы отрицаемъ ваше искусство, вашу науку, ваше *и*; но не отрицаемъ и даже требуемъ другаго искусства и поэзіи, другаго *и*, хотя такого *и*, какъ представлялъ себѣ Гёте". Требовалось показать юношамъ, какая громадная есть разница между ради-

кализмомъ, долженствующимъ составлять истинное ея призваніе, и презрительнымъ „либерализмомъ“ болѣе пожилаго поколѣнія, ощущавшаго обольщенія прогресса, но не рѣшавшагося взглянуть солнцу въ глаза,—писалась статья о Кавурѣ, въ которой, въ образѣ неповиннаго итальянскаго министра, на всѣ корки отдѣлывался „умѣренный прогрессъ“.

Нельзя не признать, — скажемъ мимоходомъ, — что въ презрѣніи своемъ къ „либераламъ“, какими переполненъ былъ тогда чиновный Петербургъ, г. Чернышевскій былъ правъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и неблагодаренъ, такъ какъ только благодаря именно легіонамъ этихъ рабскихъ умовъ могло установиться господство *Современника* и могли получить значеніе серіознаго явленія иллюзіи самаго безсмысленнаго радикализма. Когда неизвѣстный авторъ статьи „Учиться или не учиться“, написанной по поводу студентскихъ безпорядковъ 1861 года и помѣщенной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (издававшихся г. Очкинымъ), смѣшалъ „либераловъ“ во едино съ *Современникомъ* и поставилъ на счетъ либераловъ фразу, взятую изъ статьи г. Чернышевскаго, г. Чернышевскій, взявъ подъ свою защиту студентовъ, въ отвѣтной статьѣ со внушительнымъ заглавіемъ „Научились ли?“, поспѣшилъ поставить либераловъ на дистанцію и замѣтилъ, „что приведенная фраза совершенно напрасно выставляется уликой противъ либераловъ, которые всегда отвергали всякую солидарность со мною и порицали мои статьи не меньше, чѣмъ авторъ статьи порицаетъ студентовъ“. „Подъ именемъ либераловъ, замѣчаетъ г. Чернышевскій, разумѣются люди болѣе или менѣе не молодые и чиновные“, и очень посмѣивается надъ тѣмъ, что авторъ статьи „Учиться или не учиться“ пожаловалъ либераловъ въ республиканцы. „Но это послѣднее слово, говоритъ онъ, ужъ никакъ не приложимо къ нашимъ либераламъ, которые отъ республиканскихъ понятій гораздо дальше, чѣмъ отъ понятій, свойственныхъ автору статьи. Вотъ удивятся они, что успѣли прослыть республиканцами!“ „Студенты, прибавляетъ онъ, никогда и не вѣрили нашимъ

либераламъ, всегда считали ихъ людьми пустыми, просто пустозвонами".

Слѣдовало заключить, что студенты вѣрили *Современнику*. И заключеніе это не лишено основанія. Студенты дѣйствительно находились подъ обаяніемъ сотрудниковъ *Современника* и въ особенности г. Чернышевскаго. Изъ самой статьи его можно было видѣть, что онъ былъ въ секретѣ тогдашнихъ студентскихъ дѣлъ и имѣлъ въ нихъ властное значеніе. Беря подъ свою защиту студентовъ, онъ не находилъ удобнымъ печатныя разъясненія. „Но у меня, говорилъ онъ, все-таки есть средство заставить автора статьи отказаться отъ обвиненія студентовъ по дѣлу прекращенія публичныхъ лекцій. Этимъ средствомъ я уже пользовался съ успѣхомъ по тому же самому дѣлу. Вотъ оно. Я предлагаю безъименному автору статьи, чтобы онъ или пожаловалъ ко мнѣ (мой адресъ онъ можетъ узнать въ конторѣ *Современника*)—или сообщилъ мнѣ свой адресъ и согласился, чтобы я пришелъ къ нему для разъясненія этого дѣла изустнымъ споромъ при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ, выбранныхъ въ равномъ числѣ отъ меня и отъ него. Выслушавъ наши объясненія, свидѣтели изложатъ въ формѣ протокола свое заключеніе. Если авторъ статьи не приметъ этого моего формально заявляемаго здѣсь приглашенія, я пріобрѣтаю право утверждать, что онъ самымъ непринятіемъ его засвидѣтельствовалъ невозможность доказать основательность своего мнѣнія".

И не въ студентскихъ только дѣлахъ говорилъ *Современникъ* властнымъ тономъ. Трудно представить себѣ что нибудь высокомѣрнѣе и наглѣе отношеній критиковъ *Современника* къ литераторамъ, которыхъ они считали чѣмъ-нибудь провинившимися предъ журналомъ. Такъ г. Чернышевскій обругалъ въ глаза,—говоримъ словами „Литературнаго обозрѣнія" въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1861 г. Т. IV, 61),—настоящимъ образомъ обругалъ гг. Альбертини, Буслаева, Громеку, Дудышкина... „Альбертини обругалъ за то, что тотъ позволилъ себѣ противорѣчить *Современнику*... Г. Буслаевъ представленъ человѣкомъ, хотя и добродушнымъ, но лишеннымъ разсудка за то, что позволилъ себѣ сказать нѣ-

сколько словъ въ объясненіе противъ критики *Современника* Также поступлено съ г. Громекою и съ г. Дудышкинымъ. Всѣ они порознь и вмѣстѣ обруганы на-прямки и поставлены ниже всякой умственной или нравственной величины, чуть ли даже не ниже Кавура."

Критикъ заявляетъ, что г. Альбертини не зналъ, куда дѣться, заслышавъ о собирающейся надъ нимъ грозѣ *Современника*. „Боязнь, говоритъ онъ, моего заслуженнаго сарказма, конечно, заставляла его въ эти послѣднія недѣли припоминать съ раскаяніемъ тѣ выходки противъ *Современника*, до которыхъ унижался онъ. Я увѣренъ, что въ тяжеломъ ожиданіи этой моей статьи, онъ внутренно проклиналъ чуждыя внушенія, которыя подвели его подъ ударъ, грозившій ему, по его мнѣнію".

Обругавъ г. Альбертини, критикъ тѣмъ не менѣе говоритъ: „къ г-ну Альбертини я былъ снисходителенъ. Но мнѣ наскучило сдерживать себя. Надобно и показать на комъ-нибудь примѣръ г-ну Альбертини, чтобъ онъ видѣлъ, какъ могло бы ему достаться"? Для примѣра онъ избираетъ г-на Буслаева. И показываетъ!..

Какъ уже было замѣчено, въ борьбѣ съ направленіемъ радикальной печати Михаилъ Никифоровичъ оставался на литературной почвѣ. Въ эпоху, когда еще не выяснился исключительно политическій характеръ теченія, которому служила радикальная печать,—весьма послѣдовательно съ своей точки зрѣнія предлагавшая отложить въ сторону науки и искусства,—всякое указаніе на такое его значеніе было бы принято за доносъ и возбудило бы, при шаткомъ настроеніи умовъ, воспитанныхъ подъ впечатлѣніями недавняго преслѣдованія всякаго живаго слова и живой мысли, взрывы негодованія. Да и по цензурнымъ условіямъ того времени было бы невозможно приводить то, что высказывалось намеками и иносказаніями, къ ясному выраженію. Вотъ почему Михаилъ Никифоровичъ и говорилъ, что неясное слово, недосказанная мысль пользуются у насъ монополіей и привилегіей, и въ допущеніи свободнаго сужденія видѣлъ средство

вывести общественное мнѣніе изъ тумана. „Ловкіе люди, писалъ онъ, очень хорошо понимаютъ, какъ выгоденъ этотъ полумракъ, и они употребляютъ всѣ средства, чтобы ничего не допускать до яснаго обсужденія. Развилось *сикофантство* предъ общественнымъ мнѣніемъ... Чтобы удержаться во мракѣ, чтобы заставить умолкнуть противника,—лучшій способъ перейти отъ дѣла къ личности, выставить противника доносчикомъ и прикинуться жертвою... Люди, живущіе не своимъ умомъ, не понимаютъ, что въ наше время нужно несравненно болѣе мужества, чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ общественнаго мнѣнія, чѣмъ потворствовать ему, и чаще потворство бываетъ иногда очень выгоднымъ дѣломъ во всѣхъ отношеніяхъ. Простодушные добряки, они не замѣчаютъ, что теперь, напримѣръ, очень выгодно утвердить за собою репутацію безпардоннаго либерала. Ловкіе люди хорошо это понимаютъ и умѣютъ пользоваться этимъ фортелемъ“...

„Какой Аргусъ, говорилъ онъ въ другомъ мѣстѣ, можетъ услѣдить за тѣми безчисленными и разнообразными способами, какими смута проникаетъ въ умы? Для этого не нужно яснаго слова, для этого, напротивъ, нужно слово какъ можно менѣе ясное. Неуловимый оборотъ рѣчи, недоступный никакому контролю колоритъ сдѣлаютъ все, что нужно, и именно сдѣлаютъ тогда, когда ясному слову будетъ отказано въ правѣ. Чтобы запутать понятія и произвести въ нихъ броженіе, нужно темное слово. Коль скоро между людьми возникаетъ потребность обсужденія и начинается какая-нибудь ясность мысли, дѣло уже выпрыгаетъ дѣло уже выходитъ изъ смуты. Въ какихъ бы то ни было увлеченіяхъ, всякій начатокъ яснаго обсужденія отрезвляетъ умы,—и въ этомъ началѣ залогъ добраго исхода. Давай Богъ все, что можетъ способствовать ясности! Не вредныхъ мыслей должны мы опасаться,—мы должны опасаться мыслей неясныхъ, неточныхъ, несоотвѣтствующихъ нормѣ мышленія; только такія мысли и могутъ быть вредны“.

Въ первой статьѣ своей „Старые боги и новые боги“ Михаилъ Никифоровичъ обращается къ дѣятелямъ свисто-

пляски не только съ словомъ обличенія, но и съ увѣщаніемъ. Это было по поводу слѣдующаго пассажа.

Пишетъ г. Чернышевскій рецензію на книгу американскаго экономиста Каре. Вдругъ прерываетъ нить серьезнаго изложенія и разсказываетъ исторію молодой прекрасной непорочной вдовы „какой другой не видывали люди“. Вдова, повѣствуетъ онъ, неожиданно исчезла. Гдѣ она? А вотъ гдѣ: среди толпы безпутныхъ пьяницъ она ласкается къ какому-то господину, который, кажется, знатнѣе и богаче всѣхъ. Она искусно завлекаетъ его и овладѣваетъ мѣстомъ прежней его любовницы. Та осыпаетъ ее укорами. Входитъ старикъ, знавшій прежде эту погибшую вдову, и проклинаетъ ее. „Конечно, говоритъ авторъ, не легко переносить этотъ позоръ; но, дѣйствительно, она добровольно подверглась ему; она напередъ знала, что запятнаетъ свою честь и не пожалѣла запятнять ее“. „Какою новостью вздумали вы занимать насъ — прерываетъ авторъ свой странный разсказъ. Вы разсказываете драму Юдиѳь, въ которой весь Петербургъ видѣлъ игру Ристори.— Разумѣется, отвѣчаетъ авторъ самъ себѣ, я хотѣлъ только замѣтить, что Юдиѳь поступила не дурно“... „Историческій путь, продолжаетъ онъ, не тротуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣликомъ чрезъ поля то пыльныя, то грязныя, то чрезъ болота, то чрезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность“. Затѣмъ рецензентъ снова обращается къ тарифу и вопросу о свободной торговлѣ. Не трудно было прочесть въ этихъ строкахъ тотъ же подстрекающій призывъ молодежи къ политической дѣятельности, какой шелъ изъ лондонскихъ изданій и подпольными путями проникалъ въ массу учащагося юношества. Съ горечью обращается Михаилъ Никифоровичъ къ этимъ литераторамъ, взявшимъ на себя роль мутителей молодежи. „Но, о новыя Юдиѳи! говоритъ онъ, повѣдайте намъ, ради какихъ великихъ благъ пятнаете вы свою непорочную чистоту, какой другой не видывали люди? О, господа, не пятнайте себя понапрасну! Не приносите ненужныя жертвы! Не оправды-

вайте себя подвигомъ; никакого подвига не имѣется. Вы и себя обольщаете, и обманываете другихъ. Вы сами не знаете, сами не чувствуете, какая вы вредная задержка посреди этого общества съ неустановившимися силами, съ неокрѣпшею жизнію. Тѣмъ хуже, если вы—люди способные. Современемъ, можетъ быть, вы откажетесь отъ шарлатанства; ваши понятія станутъ яснѣе (начинаютъ же разъясняться мало по малу экономическія понятія г. Чернышевскаго, а это добрый задатокъ). Послѣ, вы хватитесь, но будетъ поздно. Съ презрѣніемъ оглянетесь вы на свое прошедшее и, можетъ быть, глубоко пожалѣете о шутовской роли, которую вы играете теперь".

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Годы общественнаго броженія, предшествовавшіе польскому возстанію 1863 года.

I.

Разсмотрѣнный періодъ можетъ быть названъ періодомъ полемической дѣятельности Михаила Никифоровича. Послѣдовавшій періодъ, продолжавшійся четверть вѣка, до смерти Михаила Никифоровича, былъ періодомъ дѣятельности политической. Онъ наступилъ съ переходомъ *Московскихъ Вѣдомостей* въ руки Михаила Никифоровича, совпавшимъ съ вѣчно-памятными событіями 1863 года. Заключительнымъ актомъ полемическаго періода и преддверіемъ новаго была появившаяся весною 1862 года знаменитая отрезвляющая статья Михаила Никифоровича о Герценѣ, подорвавшая политическій авторитетъ лондонскихъ агитаторовъ, лишивъ ихъ ореола политической честности, какимъ въ ту эпоху привыкли у насъ окружать ихъ революціонную дѣятельность. 1863 годъ ознаменовался великимъ подъемомъ народнаго духа. На сцену событій выступило новое лицо—русскій народъ, не только какъ сила, но и какъ разумъ.

Истолкователемъ его мысли и чувства явился Михаилъ Никифоровичъ, быстро ставшій на свое историческое мѣсто на стражѣ русскихъ интересовъ. Раскрылись глаза. Стало яснымъ и понятнымъ то, чего вчера нельзя было ни увидѣть, ни понять въ чаду и туманѣ невѣроятнаго политическаго легкомыслія и общей смуты, какими ознаменовались годы, предшествовавшіе событіямъ 1863 года.

Свершился великій переворотъ освобожденія крестьянъ. Въ немъ враги наши желали и надѣялись видѣть начало государственнаго крушенія. Зашевелились всѣ элементы разложенія. На всѣхъ парахъ шла журнальная пропаганда радикализма, о которой мы вели рѣчь выше. Революціонный *Колоколъ* сдѣлался силою въ русскомъ государствѣ. Нигилизмъ развернулся въ полномъ цвѣту, доставивъ художнику яркія черты типа Базарова.

Организовалось соціалъ-революціонное движеніе, темною полосою затѣмъ прошедшее чрезъ все царствованіе мученически почившаго Государя. Начались „студенческія исторіи“ небывалыхъ размѣровъ. *Колоколъ* усмотрѣлъ въ нихъ начало революціи и восторженно воскликнулъ: „исполинъ просыпается“. Оставшіеся неизвѣстными, поджигатели произвели огромные поджоги въ Петербургѣ. Подготовлялось и уже начиналось польское возстаніе, долженствовавшее, казалось, имѣть несомнѣнный успѣхъ, благодаря развращенію политическихъ и государственныхъ понятій, какое удалось посѣять въ русскомъ обществѣ. Для государственнаго единства и крѣпости готовились серіозныя опасности.

Изображеніе нашего общественнаго состоянія въ эти годы, предшествовавшіе польскому возстанію и эпохѣ пробужденія въ 1863 году русскаго національнаго чувства, кажется намъ необходимымъ для оцѣнки политической дѣятельности Михаила Никифоровича и услуги, оказанной имъ въ эту критическую эпоху.

Это были годы, когда лондонскій *Колоколъ*—сказали мы—считался силою и властью въ русскомъ государствѣ. Изданіе *Колокола* начато Герценомъ въ 1857 г. Первый нумеръ его вы-

шелъ 1 іюля этого года. Изданіе „Лондонской свободной печатни“ началось сравнительно въ умѣренномъ тонѣ. Политическая программа изданія выставлялась довольно скромная: добиваться освобожденія слова отъ цензуры, крестьянъ отъ помѣщиковъ, податнаго сословія отъ побоевъ. Разложеніе Россіи еще въ виду не имѣлось; даже любезная сердцу издателя революція („бывало, я это очень помню, вспоминаетъ самъ Герценъ въ статьѣ „Россія и Польша“ въ концѣ 1859 года,—при одномъ словѣ революція билось сердце“) откладывалась и не считалась непосредственно необходимою. „Мы не только наканунѣ переворота, но мы взошли въ него“, признавалъ издатель *Колокола* въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ: „но гдѣ же знаменія, обычно предшествующія революціи?“ и прибавлялъ: „да на что же эти знаменія?“ Переворотъ, оказывалось, могъ быть произведенъ правительственнымъ путемъ. Въ девятомъ листѣ *Колокола* (въ февралѣ 1858 года) Герценъ писалъ, обращаясь къ покойному Императору: „ты побѣдилъ Галилеянинъ“ и посылалъ привѣтъ „свободнаго слова“ по поводу рѣшимости Государя осуществить крестьянскую реформу. Это не помѣшало въ іюнѣ того же 1858 года объявить, что „Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи“. Тѣмъ не менѣе, къ концу года (въ № 27) появилось письмо къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, въ чувствительномъ тонѣ, съ увѣщаніями, какъ воспитывать наслѣдника престола. Главная сила *Колокола* ставилась въ изобличеніи высокопоставленныхъ лицъ и всякихъ неправдъ, въ разглашеніи того, что было неприкосновенной тайной для внутренней печати. Издатель явственно и вѣрно разсчитывалъ на чтеніе его органа въ высшихъ сферахъ. *Колоколъ* получилъ большое значеніе. Въ Россію онъ проникалъ, какъ выше упомянуто, свободно, и жадно читался молодежью. Запаса политической сдержанности хватило, однако, не надолго, и игра въ революцію на шампанскомъ, которою всю жизнь занимался Герценъ, утверждая и, можетъ быть, самъ думая, что его плечи ломятся отъ какой-то тягости („мои плечи ломятся, но еще несутъ“—писалъ онъ въ „Быломъ и думахъ“,

II, 242). Политическая мудрость изливалась въ хлесткомъ остроуміи, бросаемомъ направо и налѣво.

Въ концѣ 1858 года произошелъ любопытный эпизодъ, о которомъ стоитъ упомянуть. Съ разныхъ сторонъ получалъ Герценъ изъ Россіи письма и отзывы, иногда съ критическими замѣчаніями и укорами, но въ огромномъ большинствѣ сочувственныя, дружескія, „съ нашей стороны", какъ выражался издатель. Но пришло письмо за подписью *Ч.*, съ настояніемъ напечатать. Письмо написано было извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета, принадлежавшимъ къ кружку, долго сохранявшему дружескія личныя связи съ Герценомъ. Чего-либо дружественнаго не было, однако, въ письмѣ — и это было особенно чувствительно для Герцена, свидѣтельствуя о разрывѣ съ кружкомъ, который онъ считалъ себѣ дружественнымъ.

Значеніе *Колокола* авторъ письма не только признавалъ, но даже преувеличивалъ. „Въ вашемъ положеніи, говорилъ онъ, все, что вы говорите, имѣетъ значеніе, *вы сила, вы власть въ русскомъ государствѣ*. Какъ же вы исполняете свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?.. Упреки въ шаткости, легкомысліи, повторяются значительною частью мыслящихъ людей въ Россіи... Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Въ обществѣ нашемъ страстная политическая пропаганда вреднѣе, чѣмъ гдѣ-либо... Общество, воспитанное на остроумныхъ выходкахъ, становится неспособнымъ къ разумному рѣшенію тяготѣющихъ надъ нимъ вопросовъ... Истощайтесь, говорилъ г. *Ч.* въ концѣ письма, таковъ вашъ темпераментъ. Его не передѣлаешь... Но нечего этимъ величаться!.."

Отвѣтъ издателя *Колокола* былъ весьма слабый. Онъ упрекалъ г. *Ч.* въ недостаткѣ сердца, сухости отношеній; видѣлъ недружелюбіе въ требованіи, чтобы письмо было напечатано. Другія письма, даже заключая въ себѣ укоры, или, говорилъ издатель *Колокола*, „съ нашей стороны". „Это письмо писано съ совершенно противной точки зрѣнія административнаго прогресса, гувернементальнаго доктринаризма. Мы не представляли себя никогда ни правительственнымъ

авторитетомъ, ни государственными людьми. Мы хотѣли быть протестомъ Россіи, ея крикомъ освобожденія, ея крикомъ боли. Мы книгопечатники значительной части людей, страдающихъ въ Россіи".

Изъ Германіи отъ пребывавшей гдѣ-то тамъ русской колоніи революціоннаго настроенія и изъ русскихъ революціонныхъ трущобъ пришли къ издателю *Колокола* защитительные отвѣты. Характерно обращеніе къ молодежи, какимъ заключается отвѣтъ уполномоченнаго заграничной колоніи: „Къ вамъ, молодые люди, къ вамъ, сидящимъ на скамейкахъ и въ аудиторіяхъ, обращаюсь я теперь. Вамъ выпадаетъ на долю великое, небывалое дѣло. Вы будете призваны спасти міръ и осуществить истинное царство Христово. Начните съ того, что, изучая науки общественнаго устройства, по преимуществу касающіяся экономическихъ отношеній и естественныхъ правъ человѣка, не вѣрьте имъ, какъ бы онѣ, повидимому, ни удовлетворяли! Изучайте ихъ глубоко, чтобы убѣдиться, что въ нихъ забыто сердце. Изучайте для того, чтобы разрушить ихъ и создать новое зданіе. Не забывайте, что царство Христово еще нигдѣ не было на землѣ, что царствовала форма, а не сущность. Всѣ общества смѣются надъ истиной Христа; вездѣ душно, тѣсно сердцу. Только въ русскомъ крестьянскомъ полѣ, только въ русской деревнѣ отдыхаетъ сердце, становится широко и дышется свободно. Умрите, если будетъ нужно, умрите какъ мученики, умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму, умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю, умрите за общинное начало". Можно было бы посмѣяться надъ этимъ страннымъ обращеніемъ, приглашающимъ людей ни съ того, ни съ сего умирать за общинное начало. Но смѣхъ смѣняется негодованіемъ, если вспомнить, что подобныя легкомысленныя и шутовскія рѣчи были словомъ пагубнаго соблазна и преступнаго подстрекательства для множества несчастныхъ молодыхъ людей.

Въ разсматриваемый періодъ (1861—62 года) *Колоколъ* былъ уже исключительно органомъ подстрекательствъ молодежи и органомъ измѣны въ польскомъ дѣлѣ.

II.

То были годы процвѣтанія нигилизма и пагубной обработки умовъ молодаго поколѣнія, годы преступныхъ усилій, — сопровождавшихся значительнымъ успѣхомъ — обратить его въ орудіе противо-правительственныхъ и противогосударственныхъ цѣлей.

То явленіе, которое съ эпохи шестидесятыхъ годовъ принято называть нигилизмомъ, ведетъ свое начало изъ-далека. Въ запискахъ покойнаго Н. И. Пирогова, помѣщенныхъ въ *Русской Старинѣ* 1885 года, можно найти указанія на кружки молодыхъ людей, какіе были въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и въ которыхъ можно усматривать нигилизмъ древнѣйшей формаціи [1]), нигилизмъ сравнительно невинный и добродушный, не пріобрѣвшій остраго характера, какимъ отличается нигилизмъ позднѣйшій. Казенно коштные студенты Московскаго университета въ двадцатыхъ годахъ жили въ номерахъ.

„Чего я не насмотрѣлся и не наслышался, пишетъ Пироговъ, въ 10-мъ номерѣ!

„Представляю себѣ теперь, какъ все это видѣнное и слышанное тамъ дѣйствовало на мой 14—15-лѣтній умъ. Является, напримѣръ, какой-то гость студента Чистова, хромой, блѣдный, съ растрепанными волосами, вообще страннаго вида на мой взглядъ,—теперь его можно бы было, по наружности, причислить къ нигилистамъ,—по-тогдашнему это былъ только вольнодумецъ. Говорилъ онъ, какъ-то захлебываясь отъ волненія и обдавая своихъ собесѣдниковъ брызгами слюны. Въ разговорахъ быстро, скачками переходитъ отъ одного предмета къ другому, не слушая или не дослушивая никакихъ возраженій. „Да что Александръ I, куда ему; онъ въ (сравненіе) Наполеону не годится. Вотъ геній, такъ геній; а читали вы Пушкина „Оду на вольность?“ А? Это, впрочемъ, впингретъ какой-то. По нашему не такъ; révolution, такъ révolution, какъ французская, съ

---

[1]) На этотъ первообразъ нигилизма въ связи съ позднѣйшимъ его развитіемъ мнѣ случилось уже обратить вниманіе года три тому назадъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*.

гильотиною", и услыхавъ, что кто-то изъ присутствующихъ говорилъ другому что-то о бракѣ, либералъ 1824—1825 гг. вдругъ обращается къ разговаривающимъ: „да что тамъ толковать о женитьбѣ; что-за бракъ? на что его вамъ? кто вамъ сказалъ, что нельзя по-просту жить съ любою женщиною?... Вѣдь это все ваши проклятые предразсудки; натолковали вамъ съ дѣтства ваши маменьки, да бабушки, да няньки, а вы и вѣрите. Стыдно, господа, право стыдно!" А я-то, я стою и слушаю, ни одного слова не проронивъ.

„Вдругъ соскакиваетъ съ своей кровати Катоновъ, хватаетъ стулъ и бацъ его посрединѣ комнаты. „Слушайте, подлецы", кричитъ Катоновъ, „кто тамъ изъ васъ смѣетъ толковать о Пушкинѣ; слушайте, говорю",—вопитъ онъ во все горло, потрясая стуломъ, закатывая глаза, скрежеща зубами:

„Тебя, твой родъ я ненавижу,
Твою погибель, смерть дѣтей
Я съ злобной радостію вижу.
Ты ужасъ міра, стыдъ природы,
Упрекъ ты Богу на землѣ"...

„Катоновъ, восторженный обожатель Мочалова, декламируя, выходитъ изъ себя; не кричитъ уже, а вопитъ, реветъ, шипитъ, размахиваетъ во всѣ стороны поднятымъ вверхъ стуломъ; у рта пѣна, жилы на лбу переполнились кровью, глаза выпучились и горятъ. Изступленіе полное. А я стою, слушаю съ замираніемъ сердца, съ нервною дрожью; не то восхищаюсь, не то совѣщусь.

„Ревъ и изступленіе Катонова, наконецъ, надоѣдаютъ; на него наскакиваетъ рослый и дюжій Лобачевскій. „Замолчишь ли ты, наконецъ, скотина", кричитъ Лобачевскій, стараясь своимъ крикомъ заглушить ревъ Катонова. Начинается схватка; у Лобачевскаго ломается высокій каблукъ. Паденіе. Хохотъ и аплодисменты. Бросаются разнимать борющихся на полу.

„Не проходило дня, въ который я не услыхалъ бы или не увидѣлъ чего-нибудь новенькаго, въ родѣ описанной сцены, особенно памятной для меня, потому только, что она была для меня первою невидалью; потомъ, все вольнодумное сдѣлалось уже дѣломъ привычнымъ.

„За исключеніемъ одного или двухъ, обитатели 10-го нумера были всѣ изъ духовнаго званія и отъ нихъ-то, именно, я наслышался такихъ вещей о попахъ, богослуженіи, обрядахъ, таинствахъ и вообще о религіи, что меня на первыхъ порахъ, съ непривычки, морозъ по кожѣ подиралъ.

*

„Всѣ запрещенные стихи, въ родѣ „Оды на вольность“, „Къ временщику“ Рылѣева, „Гдѣ тѣ, братцы, острова“ и т. п., ходили по рукамъ, читались съ жадностію, переписывались и перечитывались сообща при каждомъ удобномъ случаѣ.

„Читалась и барковщина, но весьма рѣдко; ее замѣняла въ то время болѣе современная поэзія, подобнаго же рода, студента Полежаева.

„О Богѣ и церкви сыны церкви изъ 10-го № знать ничего не хотѣли и относились ко всему божественному съ пренебреженіемъ“.

Таковы черты, указываемыя Пироговымъ. Не смотря на ихъ неприглядность, онъ относится, однако, съ большимъ снисхожденіемъ и благодушіемъ къ этому кружковому быту, безъ надзора, какъ онъ выражается, и инспекціи, но съ значительнымъ, хотя и безпорядочнымъ, умственнымъ возбужденіемъ и дружнымъ товариществомъ. Онъ вспоминаетъ, какъ тотъ студентъ, что горланилъ „Оду на вольность“, сдѣлался потомъ „тишайшимъ штабъ-лѣкаремъ, женатымъ, игравшимъ довольно крѣпко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ“. Дѣйствительно, этотъ первобытный нигилизмъ, съ его подвигами матеріальнаго и нравственнаго буйства, не былъ, однако, такою злокачественною болѣзнію молодаго поколѣнія, какою явился нигилизмъ новѣйшаго времени.

Кто были эти казеннокоштные обитатели десятаго номера и другихъ номеровъ? Это были въ большинствѣ семинаристы; отчасти дѣти мелкаго чиновничества. Они пришли, многіе въ буквальномъ смыслѣ, съ разныхъ мѣстъ учиться. Они оставили позади себя среду, гдѣ родились и выросли. Вполнѣ отъ нея отчудились, сохраняя нѣкоторые, заимствованные въ ней, инстинкты, но въ сознаніи нося полное отъ нея отверженіе и не усматривая въ ней ничего, кромѣ самой неприглядной грубости. Отчудившись отъ этой сѣрой дѣйствительности, вчера ихъ окружавшей, съ ея работою, интересами, религіею, преданіями и предразсудками, они стремились войти въ новый міръ, являясь къ его преддверію голые нравственно. Міръ этотъ чудился имъ, какъ міръ науки. Но науки въ точномъ смыслѣ, серіозной школы не

было въ тогдашней университетской дѣйствительности. Были разсказы о наукѣ, не рѣдко исполненные курьезовъ. Пироговъ окончилъ курсъ медицины, не касаясь трупа. Было нѣсколько серіозныхъ, ученыхъ профессоровъ-иностранцевъ, но между ними и массою студентовъ была цѣлая бездна, и пользу отъ ихъ знанія могли получить лишь немногіе, при исключительно благопріятномъ стеченіи обстоятельствъ. Въ общемъ университетское ученіе было непрерывнымъ рядомъ курьезовъ. За неимѣніемъ дѣйствительнаго, учащіеся пришельцы создавали свой воображаемый міръ науки и высшихъ интересовъ. Составился пестрый наборъ идей, принесенныхъ разными вѣтрами. Здѣсь было кое-что изъ скуднаго матеріала лекцій, многое изъ усерднаго литературнаго чтенія и изъ посѣщенія театра, еще болѣе изъ смутныхъ свѣдѣній, прошедшихъ черезъ третьи руки объ ученіяхъ и вопросахъ, волнующихъ людей гдѣ-то далеко, подъ другимъ небомъ.

Идеи отрицательнаго характера, какъ наиболѣе доступныя и легко воспринимаемыя, понятно, преобладали въ таборѣ, и онъ имѣлъ нигилистическій оттѣнокъ, указываемый Пироговымъ, сравнивающимъ нѣкоторыхъ членовъ кружковъ тогдашняго времени и по наружности съ позднѣйшими нигилистами. Но была и громадная разница между кружками двадцатыхъ годовъ и нигилистами шестидесятыхъ. Тогда дѣйствительность порицалась и отрицалась во имя нѣкоторыхъ идеаловъ, хотя бы и фантастическихъ. Выйдя изъ своего лѣса и табором расположившись на полянѣ, люди эти вѣрили однако, что вдали, за горизонтомъ поляны, лежитъ обѣтованная страна, которой могутъ достигнуть счастливцы. Вѣрили въ науку, искусство, въ безусловное совершество нѣкоторыхъ формъ политическаго устройства. Всякому извѣстно, что сущность нигилизма, какъ ученія, есть именно отрицаніе идеаловъ. За горизонтомъ степи, гдѣ раскинулся новый таборъ, ничего нѣтъ.

Перерожденіе кружковъ двадцатыхъ годовъ въ кружки нигилистическіе свершилось длиннымъ путемъ. При строгомъ режимѣ Николаевскаго времени исчезъ разгулъ номер-

ной жизни, описываемый Пироговымъ. Рѣзкія проявленія кружковаго быта стушевались, но подъ прикрытою формою продолжалась внутренняя работа. Область отрицанія расширялась и предъ проповѣдью его была безсильна строжайшая цензура. Критика Бѣлинскаго наиболѣе производила дѣйствія, когда выступала въ оружіи отрицанія. „Статьи Бѣлинскаго, разсказываетъ Герценъ объ эпохѣ начала сороковыхъ годовъ, судорожно ожидались молодежью въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли „Отечественныя записки“. Тяжелый нумеръ рвали изъ рукъ въ руки—есть Бѣлинскаго статья?—Есть, и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... И трехъ, четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало!“

За уничтоженіемъ авторитетовъ или уваженій, какъ выражается Герценъ,—послѣдовало подъ перомъ критиковъ, считавшихъ себя преемниками Бѣлинскаго, истребленіе идеаловъ. Наступила эпоха свистопляски. Ученіе нигилизма быстро шло къ геркулесовымъ столпамъ нелѣпости. И будь нигилизмъ только ученіемъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, истребилъ бы себя собственнымъ абсурдомъ. Но дѣло въ томъ, что нигилизмъ явился не ученіемъ, а практикою, орудіемъ дѣйствія, оказавшимся въ рукахъ враговъ русскаго государства. Перерожденіе кружковъ двадцатыхъ годовъ въ нигилистическія шайки и коммуны свершилось черезъ присоединеніе новыхъ элементовъ, которыхъ не знали старые кружки. Народился элементъ остраго озлобленія. Система всяческихъ стѣсненій, дѣйствовавшая въ длинномъ рядѣ лѣтъ, вытравила то добродушіе, о которомъ вспоминаетъ Пироговъ. Но капитальное значеніе имѣло вторженіе политическаго элемента, происшедшее, какъ не трудно прослѣдить, черезъ польское посредство. Въ кружкахъ Пироговской и ближайшей къ ней эпохи бывали разговоры о масонахъ, затѣмъ о декабристахъ, но праздными рѣчами дѣло и ограничивалось. Герценъ силится доказать, что политическій элементъ внесенъ въ студентскіе кружки съ начала тридцатыхъ годовъ имъ и его пріятелями, но самъ же и опровергаетъ себя. „Про-

повѣдывали мы, говоритъ онъ,—вездѣ, всегда. Что мы собственно проповѣдывали—трудно сказать. Идеи были смутны. Мы проповѣдывали декабристовъ и французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и ту же французскую революцію; мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ". Но, прибавляетъ онъ,—„общества въ сущности никогда не составлялось". Духъ тайной организаціи политическихъ кружковъ внесенъ былъ въ среду учащейся молодежи польскими студентами въ періодъ, послѣдовавшій за усмиреніемъ мятежа тридцатаго года. Началось съ Вильны и Кіева; передалось и столицамъ. Долгое время польскія общества держались тайнымъ особнякомъ, захватывая болѣе и болѣе участниковъ, но нравственная зараза передавалась и въ массу. Самое хожденіе въ народъ, игравшее впослѣдствіи такую важную роль на сценѣ подвиговъ нигилизма, есть, какъ ниже буду имѣть случай указать, изобрѣтеніе кіевскихъ тайныхъ обществъ.

III.

То были годы, когда революціонное направленіе въ его служителяхъ поддерживалось убѣжденіемъ, что все уже достаточно подточено и переворотъ неотразимъ; что мятежныя явленія въ Польшѣ и Западномъ краѣ, безпорядки въ рядахъ учащейся молодежи, подпольная дѣятельность кружковъ и тайныхъ обществъ суть уже его начало. Для многихъ студентскія волненія представлялись какъ опытъ въ маломъ видѣ того, что должно произойти въ большомъ. Такая пророческая роль явленіямъ въ средѣ учащейся молодежи приписывалась и не въ этомъ только случаѣ. Гораздо позднѣе, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ эпоху конституціонныхъ вожделѣній, студентамъ хотѣли дать организацію въ родѣ,—какъ мнѣ случилось выразиться,—„потѣшнаго парламента", въ чаяніи, что онъ можетъ вызвать и настоящій, какъ изъ „потѣшныхъ" солдатъ Петра вышли полки гвардіи. Петербургскіе и Московскіе студентскіе безпорядки 1861 года были такою „потѣшною ре-

волюціею". Изъ *Колокола*—прибавимъ мимоходомъ—узнаемъ, что около того же времени въ Петербургскомъ университетѣ былъ „потѣшный судъ", долженствовавшій представить собою обращикъ будущаго всероссійскаго судопроизводства: на этотъ разъ пророчество сбылось. Кассиръ студентской кассы Б. растратилъ тысячу рублей общественныхъ денегъ. Подъ руководствомъ профессора уголовнаго права былъ устроенъ судъ. Были судьи, прокуроръ, присяжные, защитникъ, словомъ вся нынѣшняя обстановка суда. Обвиненіе и защита обмѣнялись горячими рѣчами; послѣднее слово предоставлено подсудимому; вынесенъ приговоръ—кажется, удаленіе изъ университета. Аудиторія, гдѣ разыгрывался судъ, ломилась отъ посѣтителей.

1861 годъ былъ по преимуществу годомъ студентскихъ волненій въ связи съ мятежнымъ броженіемъ въ Польшѣ и Сѣверо-западномъ краѣ. 21 февраля 1861 года въ Петербургѣ были похороны Шевченки, привлекшія массу молодежи. На похоронахъ одинъ студентъ объявилъ, что завтра въ католической церкви будетъ requiem по убіеннымъ въ Варшавѣ. Приглашеніе подѣйствовало, и на другой день польскій костелъ былъ переполненъ студентами, кадетами и всякою учащеюся молодежью польскаго и русскаго происхожденія. Было немало и постороннихъ. Были и профессора. Инспекторъ одного изъ военно-учебныхъ заведеній вздумалъ было переписывать присутствовавшихъ воспитанниковъ этого заведенія, но вынужденъ былъ удалиться. Когда потомъ стали въ университетѣ разузнавать, кто изъ русскихъ участвовалъ въ панахидѣ, триста русскихъ студентовъ заявили о своемъ участіи. Въ костелѣ присутствовавшіе пѣли польскій „погребальный гимнъ". Въ Москвѣ на подобной панихидѣ студентъ З—скій, чисто русскій происхожденіемъ, сынъ священника, на паперти костела говорилъ рѣчь о томъ, что у поляковъ и русскихъ одинъ врагъ—русское правительство. Я зналъ этого студента, усердно занимавшагося физикой, чрезвычайно добродушнаго, безконечно далекаго отъ интересовъ польскаго дѣла и, однако, сдѣлавшагося его слѣпымъ орудіемъ. Припоминаю, я видѣлъ его на другой день послѣ

этой рѣчи и онъ, не сообщая ея содержанія, не удержался. чтобы не упомянуть о ней, какъ о нѣкоторомъ подвигѣ молодечества. Впослѣдствіи его взяли и судили. Мы—я и бывшій тогда адъюнктомъ по каѳедрѣ физики К. А. Рачинскій,—навѣстили его въ заключеніи. Онъ содержался при Тверскомъ частномъ домѣ. Насъ впустили безъ затрудненія. Входимъ въ камеру. Она полна посѣтителями обоего пола, расположенными таборомъ на небольшомъ количествѣ тюремной мебели, въ облакахъ табачнаго дыма. Мы ретировались. З—скій вышелъ къ намъ въ корридоръ. Выраженія соболѣзнованія, съ какими мы пришли, какъ-то не ладились. Юноша бодрился, но при разставаніи не могъ удержаться, чтобы не сказать: „правы вы были, предостерегая меня“. Припоминаю, въ это же время занимался въ кабинетѣ студентъ польскаго происхожденія, С—кій, очень милый, изящный, сдержанный, державшійся, повидимому, совершенно въ сторонѣ отъ политики, полная противоположность съ распущеннымъ нравственно З—скимъ. Только булавка въ галстухѣ. съ изображеніемъ польскаго орла, была нѣкоторымъ выраженіемъ его тенденцій. Вскорѣ онъ исчезъ съ университетскаго горизонта, можно думать, на призывъ возстанія.

По показаніямъ, даннымъ въ 1863 году участниками возстанія,—бывшими слушателями университетовъ,—въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Петербургскомъ университетѣ было три студентскихъ общества: русское, польское и нѣмецкое. Постоянныхъ сношеній между ними почти не было, но въ дѣлахъ общаго интереса бывали сходки уполномоченныхъ. Въ польскомъ обществѣ было до 500 членовъ. Были партіи бѣлыхъ, умѣренныхъ и красныхъ. Послѣдніе отличались по виду небрежностію костюма, и такихъ было большинство. Партія красныхъ была въ согласіи съ „либералами“ русскаго общества и имъ симпатизировала. Многіе не кончали курса, и шли въ сельскіе писаря. Въ Москвѣ польское общество образовалось со времени закрытія Виленскаго университета. Въ шестидесятыхъ годахъ въ немъ было до 600 членовъ. Отъ членовъ требовался поль-

скій патріотизмъ; „безучастный космополитизмъ“ сильно преслѣдовался.

Главные безпорядки были въ осеннее полугодіе академическаго 1861—1862 года. Тогда произошли бурныя волненія въ Петербургскомъ университетѣ, съ памятнымъ шествіемъ студентовъ, на глазахъ изумленной публики, въ сопровожденіи военныхъ отрядовъ съ Васильевскаго острова по Невскому проспекту на Владимірскую улицу къ квартиру попечителя. Волненія эти, возникшія по поводу раздачи матрикулъ съ новоутвержденными правилами, повели къ временному закрытію университета, открытію „вольнаго университета“ въ залахъ городской думы и ко многимъ разнообразнымъ куріозамъ.

Относительно московскихъ безпорядковъ, которыхъ отчасти я и самъ былъ очевидцемъ, мнѣ случилось имѣть подъ руками записку лица, бывшаго въ то время инспекторомъ студентовъ и ближайшимъ наблюдателемъ происходившаго. Заимствуемъ нѣсколько чертъ весьма характерныхъ для очерка эпохи.

Какъ только былъ закрытъ Петербургскій университетъ, въ Москву прибыли эмиссары, чтобы волновать тамошнихъ студентовъ. 24 сентября 1861 г., послѣ лекцій на соединенныхъ двухъ курсахъ юридическаго факультета, студентъ польскаго происхожденія Г. говорилъ съ каѳедры возбуждающую рѣчь и быстро исчезъ при приближеніи помощника инспектора, слышавшаго, впрочемъ, слова: „пусть я погибну, только бы вы были спасены“. Со слѣдующаго дня начались сходки въ университетскомъ саду. „Явившись на первую сходку, пишетъ авторъ записки, я былъ пораженъ: отовсюду слышалась польская, быстрая, порывистая рѣчь“. Тактика собравшихся была довольно остроумна: къ сторонѣ, откуда приближалась инспекція, выдвигались незнакомыя ей лица, заслонявшія то, что происходило въ серединѣ. Не скрытое появленіе польскаго элемента на сходкахъ было свидѣтельствомъ сильно возросшей дерзости въ его средѣ. Основною системою его было выдвигать впередъ русскихъ.

На шумныхъ сходкахъ формулировались разныя требо-

ванія касательно корпоративнаго устройства и правъ студентовъ. Надо замѣтить, что въ Москвѣ не было никакого подобія корпоративнаго студенческаго устройства, и выставлявшійся въ Петербургѣ поводъ къ волненіямъ,—новыя постановленія, воспрещавшія сходки и студенческое депутатство,—въ Москвѣ не имѣлъ смысла, такъ какъ здѣсь ничто не отнималось. Ораторы сходокъ говорили: „помните, что Европа на насъ смотритъ, Наполеонъ III насъ поддерживаетъ“. Волненіе должно было клониться къ закрытію университета. „Вся Европа, убѣждалъ одинъ изъ ораторовъ, увидитъ, какъ обскурантно русское правительство и какъ необходимо для пользы цивилизаціи поддержать угнетенныя имъ національности“. Если вспомнить, что это было время, когда быстро подготовлялся польскій мятежъ 1863 года, разсчитанный на иностранное вмѣшательство, то не трудно сообразить, какая нить могла соединять воображеніе студентовъ, ораторствовавшихъ въ университетскомъ саду близъ Охотнаго ряда, со сфинксомъ Тюльерійскаго дворца. Требовали уничтоженія платы за слушаніе лекцій, права сходокъ, кассъ, выборовъ, участія черезъ депутатовъ въ избраніи профессоровъ и ректора, наконецъ, введенія въ государствѣ „независимаго гласнаго суда“! Бывали случаи поразительно характеристичные. Студентъ К., сынъ поляка, но воспитанный русскою матерью, сближался съ русскими и былъ за то ненавидимъ товарищами-поляками. Когда во время волненій онъ выходилъ разъ изъ анатомическаго театра, раздались крики: „шпіонъ, лазутчикъ, повѣсить его!“ И такой призывъ къ повѣшенію повторялся не разъ, въ предвѣщеніе будущихъ подвиговъ жандармовъ-вѣшателей. Въ толпѣ былъ полицейскій агентъ; его заподозрили, приступили съ вопросами—откуда онъ, какого курса? „юридическаго факультета, седьмаго курса“ отвѣчалъ онъ. „Повѣсить!“ крикнули въ толпѣ, но помощникъ инспектора успѣлъ вмѣшаться и отвести неумѣлаго агента къ инспектору. Вожаки держали стадо подъ великимъ страхомъ и имѣли надъ нимъ свой бдительный надзоръ. Инспекторъ открылъ подписной листъ для заявленій нежелав-

шихъ принимать участіе въ безпорядкахъ. Одинъ молодой скромный юноша, подписавшійся изъ первыхъ, прибѣжалъ къ инспектору, прося вычеркнуть его изъ списка. „Тѣ, говорилъ онъ,—грозятъ меня избить“. Для объясненія съ инспекторомъ, студенты приходили не иначе, какъ по-двое и по-трое, съ очевидною цѣлью взаимнаго наблюденія. Разъ около 12-ти часовъ ночи явился къ инспектору студентъ-медикъ посовѣтываться, что ему дѣлать. „Я, говорилъ онъ,—окончилъ курсъ въ семинаріи, пѣшкомъ пришелъ въ университетъ и пришелъ, чтобы учиться, но учиться мнѣ не даютъ, требуютъ, чтобы я на лекціи не ходилъ, принималъ участіе въ сходкахъ, шумѣлъ. За то, что не исполняю ихъ требованій, ругаютъ шпіономъ, подлецомъ. Научите, ради Бога, что мнѣ дѣлать. Вы видите, до чего я дошелъ. Я вынужденъ безпокоить васъ ночью, потому что днемъ боюсь идти, чтобы не подать повода къ обвиненіямъ“. И это былъ не юноша, а молодой человѣкъ двадцати шести лѣтъ!

4 октября совершилось шествіе на могилу Грановскаго. По Срѣтенкѣ и Мѣщанской тянулась процессія, человѣкъ изъ пятисотъ на Семеновское кладбище. Я видѣлъ эту процессію, встрѣтившись съ нею близъ Сухаревой башни. Впереди, неся широкій вѣнокъ, шелъ юноша, русскій студентъ,—нынѣ довольно извѣстный писатель,—въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ, имѣя ассистентами двухъ студентовъ въ чамаркахъ и чисто польскомъ одѣяніи [1]). Безпорядокъ вышелъ на улицу.

Въ университетѣ со стороны профессоровъ, безсмысленное волненіе встрѣтило единодушный и рѣшительный отпоръ. Но городская администрація сдѣлала часто повторяющуюся ошибку: принимая въ серьезъ аргументы, выдвигаемые на поверхность движенія и не замѣчая закулисной пружины, склонялась на путь уговариваній и переговоровъ,

---

[1]) Этотъ самый молодой человѣкъ съ двумя товарищами отправился въ Петербургъ и въ Петербургѣ, черезъ дежурнаго флигель-адъютанта, подалъ на имя Государя прошеніе отъ студентовъ. Непрошенные депутаты, во вниманіе къ ихъ молодости, отдѣлались выговоромъ.

приведшій къ извѣстному скандалу на Тверской площади, прозванному битвою подъ Дрезденомъ (на площади выходитъ гостиница „Дрезденъ“). Черезъ день или два послѣ дерзкой сцены съ попечителемъ, котораго напиравшіе ораторы почти прижали къ стѣнѣ въ профессорской комнатѣ, требуя объясненія, почему арестованы нѣкоторые изъ ихъ товарищей [1]), толпа отправилась къ дому генералъ-губернатора, настаивая, чтобы онъ принялъ депутатовъ, и, когда не разошлась по приглашенію полиціи, была захвачена и арестована. Мѣстные лавочники приняли участіе въ поимкѣ разбѣгавшихся и поставили въ неловкое положеніе издателя *Колокола*, вынужденнаго писать, что это были переодѣтые полицейскіе, а не „народъ“.

IV.

Колоколъ наполнялся статьями о студентскихъ безпорядкахъ, продолжая свое печальное дѣло подстрекательства молодежи. „Куда же вамъ дѣться, юноши? Въ народъ, въ народъ, вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки (?)!“ писалъ Герценъ объ исключенныхъ... „Хвала вамъ и наше дальнее благословеніе! О, еслибъ вы знали, какъ слезы готовы были литься, когда мы читали о *студенческомъ днѣ* въ Петербургѣ“, ломался онъ въ № 110 *Колокола*. Донесеніе совѣта Московскаго университета, написанное съ большимъ достоинствомъ и бывшее выраженіемъ общаго настроенія профессоровъ въ защиту порядка и академическаго мира—не помню, чтобы въ какомъ дѣлѣ было такое единодушное соединеніе профессоровъ, какъ въ этотъ разъ,—было доставлено въ Лондонскія газеты и напечатано подъ заглавіемъ „доносъ Московскихъ профессоровъ“ съ надлежащими комментаріями. И въ мнившихъ себя либеральными кружкахъ Москвы было ребяческое озлобленіе противъ профессоровъ—зачѣмъ дружно противодѣйство-

[1]) Живо помню эту сцену—я былъ тогда въ профессорской комнатѣ. Попечитель, Н. В. Исаковъ, принужденный шагъ за шагомъ отступать предъ напиравшею толпою, вторгнувшеюся въ комнату, обнаружилъ замѣчательное хладнокровіе.

вали безпорядкамъ. Въ одномъ литературномъ салонѣ, весьма уважаемая дама, помню, говорила о профессорѣ Соловьевѣ и другихъ бывшихъ преподавателями Цесаревича: „Они отъѣлись на царскихъ кормахъ!“ Кто-то робко высказалъ, что для унятія сходокъ, бушевавшихъ въ университетскомъ саду, не оставалось другаго средства, какъ призвать полицейскихъ и разогнать толпу—съ нимъ раззнакомились. Замѣчу, что у нѣкоторыхъ негодованіе при одной мысли о призывѣ полиціи въ стѣны университета проистекало изъ идеи о святости убѣжища науки. Припоминаю, какъ одинъ мой пріятель, докторантъ медицины, впослѣдствіи доцентъ, рано похищенный смертію, человѣкъ самаго мирнаго и привлекательнаго характера,—возмущаясь безпорядками,—въ то же время говорилъ мнѣ, что если бы онъ увидалъ полицейскаго, призваннаго на дворъ университета, то не выдержалъ бы и бросился бы на него съ кулаками.

Въ томъ же нумерѣ *Колокола*, гдѣ напечатано окончаніе „доноса Московскихъ профессоровъ“, помѣщена курьезная статейка, присланная, повидимому, изъ Москвы: „Еще о Московскомъ университетѣ“. Авторъ говоритъ объ отношеніяхъ, будто бы существовавшихъ между студентами съ профессорами въ эпоху конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ.

Показанія не отличаются точностію. „Заграницей, — говоритъ онъ объ эпохѣ новаго царствованія, — взошла *Полярная Звѣзда*, зазвонилъ *Колоколъ*, умеръ Императоръ Николай, за нимъ сошелъ въ могилу Грановскій, успѣвшій основать *Русскій Вѣстникъ*. Запищала наша доморощенная гласность, появились полумѣры и полуреформы; какъ съ неба свалился крестьянскій вопросъ“. Извѣстно, что Грановскій никакого отношенія къ основанію *Русскаго Вѣстника* не имѣлъ. *Русскій Вѣстникъ* далѣе авторъ называетъ органомъ Московскихъ профессоровъ и утверждаетъ, будто „масса учащейся молодежи добродушно смѣшиваетъ *Русскій Вѣстникъ*, органъ Московскихъ профессоровъ, съ *Полярною Звѣздою* и *Колоколомъ*, думая, что первый говоритъ цензурно то, что вторые говорятъ безъ цензуры“ (№ 127, апрѣль 1862 г.).

Наиболѣе курьезную и вмѣстѣ интересную часть статьи составляетъ легендарный діалогъ между профессорами и студентами, якобы характеризующій настроеніе тѣхъ и другихъ. Интересенъ онъ не потому, чтобы былъ сколько-нибудь вѣрнымъ изображеніемъ этихъ настроеній, но потому, что знакомитъ съ представленіями, какія о нихъ имѣлись въ кружкахъ, очевидно, не особенно посвященныхъ въ дѣла — иначе показанія были бы точнѣе — среди, напримѣръ, радикальной части студентовъ. Подобный діалогъ не могъ вести ни одинъ изъ профессоровъ Московскаго университета въ разсматриваемую эпоху, и студенты не были, кромѣ извѣстной шайки, такими революціонерами, какъ изображается. Это діалогъ между шайкою радикаловъ-нигилистовъ, крѣпко уже усѣвшеюся между учащеюся молодежью и пошлымъ, потворствующимъ злу либерализмомъ, въ томъ именно крайнемъ видѣ, какъ его понимала шайка.

„Слушайте насъ, дѣти, говорили будто бы воображаемые профессора-доктринеры конституціоннаго прогресса,— будьте спокойны и учитесь. Правительство, окончивъ свои важныя реформы, крестьянское дѣло и пр., непремѣнно дастъ конституцію, къ которой мы литературно будемъ приготовлять общество. Внушеній изъ Лондона не слушайте: иначе безполезное броженіе произведетъ реакцію, и мы вернемся къ временамъ Николаевскаго террора“.

Студенты-радикалы якобы отвѣчаютъ: „мы согласны учиться,—но, разумѣется, только не той мертвечинѣ, какую вы преподаете съ каѳедръ. Хотя конституція на манеръ Англійской неприложима къ Россіи и не удовлетворитъ нашихъ желаній, однако мы и ей, какъ движенію вообще, были бы рады и согласны вести себя смирно, разсчитывая потомъ дѣйствовать рѣшительно (милое обѣщаніе!). Но мы не вѣримъ, чтобы правительство согласилось на конституцію. Мы думаемъ, что вы ошибаетесь, но все-таки не теряемъ къ вамъ довѣрія, такъ какъ убѣждены, что свобода вамъ дорога. Но если вы поймете, что ошибаетесь и что надѣяться на правительство безумно, то пойдете ли вы путемъ революціоннымъ?“

Доктринеры возражаютъ: „Никогда! Мы не вѣримъ въ революціи. Если правительство не дастъ само конституцію, то это значитъ, что общество не доросло до нея. Такъ слѣдуетъ по теоріи умѣреннаго прогресса и историко-органическаго процесса“.

Далѣе слѣдуютъ комически выставляемые совѣты профессоровъ вызубрить десятокъ томовъ, ѣхать заграницу, выдержать магистерскій экзаменъ, получить мѣста профессоровъ, словомъ, сдѣлаться подобнымъ имъ, и тогда уже выступить воспитателями общества. „А иначе вы останетесь мальчиками, которые только и способны увлекаться бреднями разныхъ соціалистовъ или риторикою такихъ невѣждъ, какъ Герценъ, Прудонъ, Фейербахъ, Фохтъ, Молешоттъ и др.

— „И такъ вы отказываетесь отъ революціи. Хотите дождаться пока всѣ 70 милліоновъ русскаго народа будутъ въ состояніи выдержать магистерскій экзаменъ?.. Но мы живые люди. Революціонерами насъ дѣлаютъ не только убѣжденія, но сама натура (!)... Ведите насъ по революціонной дорогѣ. Мы пойдемъ за вами хотя для конституціи... Только одной уступки не можемъ сдѣлать: сидѣть сложа руки и читать ваши томы... Выбирайте: или революціонная дорога, или мы станемъ считать васъ императорскими чиновниками, и одни пробьемъ дорогу.

— „Пробивайте путь къ своей погибели, пустоголовые мальчишки. Помните, всѣ историческія бѣдствія не суть нѣчто существенное... Въ исторіи должна логически развиваться абсолютная идея... Не мѣшайте вашими страданіями и порывами сладкой игрѣ абсолютнаго духа... Да и не изъ чего горячиться, потому что абсолютная идея будетъ жива, да и вы не похудѣете“...

Мы говорили въ предыдущемъ о волненіяхъ въ университетѣ, такъ какъ волненія эти по преимуществу у всѣхъ были на виду. Но пропаганда не миновала и всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Сѣраковскій дѣйствовалъ въ академіи генеральнаго штаба; пропаганда работала въ инженерной и артиллерійской академіяхъ, въ офицерской

стрѣлковой школѣ и другихъ заведеніяхъ. Лавровъ обращалъ преподаваніе въ проповѣдь революціи и самъ потомъ заявилъ, что воспиталъ цѣлое поколѣніе революціонеровъ. Радикальная закваска въ „ученыхъ военныхъ“ была уже въ пятидесятыхъ годахъ, съ той поры когда тога уже перестала уступать оружію: вѣяло наоборотъ. Во время путешествія моего съ А. П. Богдановымъ (нынѣ извѣстнымъ профессоромъ Московскаго университета), по Швейцаріи въ сентябрѣ 1857 года, въ гостиницѣ на Шейдекѣ къ намъ въ комнату поздно вечеромъ вошелъ молодой полковникъ генеральнаго штаба г. С., выразившій желаніе побесѣдовать съ соотечественниками. Молодой стратегъ видимо желалъ порисоваться предъ нами, университетскими, и въ какую-нибудь четверть часа выложилъ, въ вычурныхъ фразахъ, столько радикализма, что мы долго дивились.

V.

Это были годы, когда начали заявлять себя украйнофильскія и иныя сепаратистскія стремленія. Политики *Колокола* уже дѣлили Россію. Принося отъ имени ея всяческое покаяніе въ раздѣлѣ Польши, унизительно изгибаясь предъ польскимъ патріотизмомъ, приглашая Польшу „разорвать наконецъ веревку, на которой держитъ ее Петербургъ“, они порѣшили было и на счетъ Украйны. „Украйну слѣдуетъ признать свободной и независимой страной“, писалъ Герценъ еще въ началѣ 1859 года. Кіевскіе сепаратисты посылали о томъ же предметѣ письма къ издателю *Колокола*. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, лѣтомъ 1860 года (№ 61 *Колокола*) говорилось: „либеральные великоруссы, или наслушавшись польскихъ доказательствъ и привыкнувъ считать націями только такіе народы, у которыхъ были государи, дворы и дипломаты—великодушно жертвуютъ Польшѣ этимъ краемъ, или же подъ вліяніемъ патріотизма, развитаго Устряловымъ, почитаютъ его неотъемлемою собственностью Россіи“. Откровеніе не лишенное интереса. Великодушные „либералы“

изъ великоруссовъ, оказывается, готовы были отдать Польшѣ не только Сѣверозападный край, но даже Малороссію!

Сепаратистскіе планы, зрѣвшіе въ кучкахъ мѣстныхъ политиковъ, поощряемыхъ *Колоколомъ*, имѣли болѣе комическое, чѣмъ серьезное значеніе. Но было явленіе, заслуживавшее вниманія и находившееся въ гармоніи съ этими стремленіями, какъ ни были они нелѣпы. Обнаружились усердныя и настойчивыя попытки къ созданію малороссійскаго языка не въ качествѣ простонароднаго говора, а въ качествѣ языка книжнаго, литературнаго, и къ разработкѣ малороссійской литературы.

Появился новый журналъ, *Основа*, долженствовавшій служить органомъ южной Руси и отчасти малороссійской литературы — помѣщеніемъ повѣстей на малороссійскомъ нарѣчіи. Къ изданію этому Михаилъ Никифоровичъ готовъ былъ отнестись вполнѣ сочувственно. Но мимоходомъ сказанное въ *Современной Лѣтописи* слово, что украинскіе литераторы *передразниваютъ* всѣ оттѣнки и типы народнаго говора, вызвало возраженіе въ *Основѣ*. Упоминая объ этомъ Михаилъ Никифоровичъ тѣмъ не менѣе привѣтствуетъ появленіе *Основы*. Ему непріятно было, высказываетъ онъ, „узнать, что мимоходомъ сказанное замѣчаніе могло показаться за выраженіе какого-то недоброжелательства къ малороссійской литературѣ и за укоръ ея дѣятелямъ". На нѣсколькихъ великолѣпныхъ страницахъ (въ статьѣ „Нашъ языкъ и что такое свистуны", 1861 г., Марта 1) развиваетъ онъ свой взглядъ на русскій литературный языкъ, названный *Основою* великорусскимъ. „Мы думали, говоритъ Михаилъ Никифоровичъ, что на свѣтѣ существуетъ только одинъ русскій языкъ и что этотъ языкъ не составляетъ исключительной принадлежности какой-нибудь части Россіи или какой-нибудь вѣтви русскаго народа, южной или сѣверной, великой или малой... Русская исторія, создала *одинъ* русскій языкъ, тотъ, на которомъ мы теперь говоримъ и пишемъ". Тѣмъ не менѣе Михаилъ Никифоровичъ никакъ не желалъ, чтобы слова его приняты были въ сколько-нибудь враждебномъ смыслѣ по отношенію къ дѣятельности

украинскихъ литераторовъ. Онъ охотно бралъ назадъ сорвавшееся слово „передразнивать“, почти извинялся въ сказанномъ.

„Не только не желаемъ мы, говорилъ онъ, чтобы украинскіе литераторы встрѣчали какое-нибудь, хотя маловажнѣйшее, внѣшнее препятствіе къ литературной разработкѣ своего роднаго нарѣчія; но мы совѣтовали бы не менѣе ихъ, еслибы такія препятствія оказались. Мы желаемъ имъ въ этомъ отношеніи самой полной свободы и самаго полнаго успѣха“.

Такъ далекъ еще, въ эту эпоху, былъ Михаилъ Никифоровичъ отъ мысли видѣть въ этомъ литературномъ движеніи политическое зло, какое въ немъ таилось и противъ котораго онъ выступилъ потомъ съ такою силою. Имъ руководило то чувство свободы, которое было присуще его натурѣ, хотя впослѣдствіи онъ казался нетерпимымъ и иногда, подъ давленіемъ неудержимаго желанія достичь цѣли, дѣйствительно бывалъ таковымъ.

Что въ украйнофильскихъ тенденціяхъ той эпохи Михаилъ Никифоровичъ не усматривалъ еще политическаго зла, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующій эпизодъ. Въ сентябрѣ 1862 года въ редакцію *Русскаго Вѣстника* прислано было изъ Кіева обширное коллективное письмо съ 21 подписью, озаглавленное „Общественные вопросы“, заключавшее въ себѣ протестъ подписавшихся противъ ходившихъ въ мѣстномъ обществѣ неблагопріятныхъ слуховъ о ихъ дѣятельности, состоявшей въ томъ, что они занимались этнографическимъ изученіемъ края и съ этою цѣлью вращались среди народа. Московская цензура затруднялась разрѣшеніемъ статьи къ печати и обратилась съ запросомъ въ центральное цензурное управленіе въ Петербургѣ. Чрезъ нѣкоторое время разрѣшеніе напечатать пришло, и статья, написанная въ самомъ благонамѣренномъ тонѣ, появилась въ *Современной Лѣтописи* съ весьма сочувственной замѣткой редакціи.

Между тѣмъ у дѣла была подкладка, оставшаяся, по всей вѣроятности, неизвѣстною и Михаилу Никифоровичу. Препро-

вождая статью въ Петербургѣ, Московская цензура слѣдующимъ образомъ характеризовала подписавшихся.

„Эти лица, принадлежащія, повидимому, къ малороссійскому дворянству, посвящающія свою дѣятельность образованію простаго народа, подверглись, по ихъ словамъ, упрекамъ и даже гоненію со стороны общества, которое видитъ въ нихъ нарушителей общественнаго спокойствія и приписываетъ имъ политическія тенденціи.

„Излагая въ этой статьѣ направленіе и характеръ своей дѣятельности, они ищутъ въ общественномъ судѣ защиты отъ такихъ несправедливыхъ нареканій.

„Хотя это изложеніе можетъ дѣйствительно послужить къ оправданію подписавшихся лицъ, но какъ комитету не извѣстно: чѣмъ именно было вызвано и какъ выразилось противъ нихъ общественное негодованіе, на которое они указываютъ; и главное, какъ смотритъ на ихъ общественную дѣятельность мѣстное начальство края, то комитетъ не счелъ возможнымъ допустить этого совокупнаго заявленія къ печати, и имѣетъ честь представить оное въ корректурныхъ листахъ на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства".

Министръ рѣшилъ послать запросъ о подписавшихся къ Кіевскому генералъ-губернатору, приложивъ и самую статью. Полученный отвѣтъ заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, заслуживающія вниманія и характеризующія состояніе умовъ въ краѣ.

„Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1860 года,—писалъ генералъ-губернаторъ,—доставлены были мнѣ свѣдѣнія, что студенты здѣшняго университета стараются сблизиться съ простымъ народомъ и дѣйствовать на него внушеніемъ вредныхъ понятій и мыслей; что между ними образовалось общество коммунистовъ, цѣль котораго состоитъ въ сближеніи съ простымъ народомъ, для обезпеченія себѣ его содѣйствія на случай возмущенія въ Польшѣ; что ради этой цѣли студенты сближаются съ крестьянами, проповѣдуютъ имъ равенство правъ всѣхъ людей, общее право всѣхъ на обладаніе имуществомъ, называютъ крестьянъ братьями, спятъ и ѣдятъ вмѣстѣ съ прислугою, и что общество коммуни-

стовъ, имѣя во главѣ бывшаго студента А. (изъ числа подписавшихся), состоитъ болѣе чѣмъ изо ста членовъ".

Изъ словъ „на случай возмущенія въ Польшѣ" можно бы заключить, что сообщество дѣйствовало въ польскихъ цѣляхъ. Но дальнѣйшее показываетъ, что дѣятельность его была направлена враждебно полякамъ и возбуждала ихъ ненависть и жалобы.

Молодые люди принадлежали къ „хохломанамъ"; коммунисты, о которыхъ упоминается въ отвѣтѣ генералъ-губернатора, а также приверженцы польскаго дѣла, были, полагать надо, сами по себѣ.

Секретное дознаніе подтвердило, что молодые люди, группировавшіеся около бывшаго студента А., дѣйствительно вращались среди народа, а одинъ въ имѣніи своего отца мутилъ крестьянъ, „разсказывая, что они ждутъ вольности, а между тѣмъ помѣщики всѣми силами стараются, чтобы ея не было, и совѣтуютъ дѣйствовать по примѣру дѣдовъ". За самимъ А. слѣдить было трудно, такъ какъ онъ постоянно переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто. При обыскѣ у сестры его найдены „принадлежащіе А. портреты Конарскаго въ цѣпяхъ, Искандера, а также студентовъ въ малороссійскихъ костюмахъ". А. (католикъ по вѣроисповѣданію) былъ призванъ въ слѣдственную коммиссію и объяснилъ свое поведеніе слѣдующимъ образомъ: „во время пребыванія въ университетѣ, онъ проводилъ вакаціонное время у родныхъ и знакомыхъ въ разныхъ мѣстахъ; съ цѣлью этнографическихъ изслѣдованій совершилъ нѣсколько поѣздокъ, вмѣстѣ съ товарищами, въ западныя и южнорусскія губерніи, а также въ Царство Польское. Онъ желалъ изучить народный бытъ, языкъ, нравы, обычаи, способы жизни и проч. По собраннымъ свѣдѣніямъ, онъ хотѣлъ изложить, въ видѣ журнальной статьи, очеркъ народнаго быта. Въ своихъ этнографическихъ экскурсіяхъ употреблялъ крестьянскій костюмъ, какъ по побужденіямъ чисто эстетической симпатіи, такъ и потому, что въ немъ гораздо выгоднѣе было собирать необходимыя для него свѣдѣнія. Причиною, побудившею его и товарищей къ сближенію съ

крестьянами, была наступавшая въ то время—крестьянская реформа. Понявъ, что съ наступленіемъ новыхъ гражданственныхъ положеній, предстоящій порядокъ вещей будетъ заключать въ себѣ болѣе гуманныхъ и сообразныхъ съ экономическими выгодами началъ, они предались изученію крестьянскаго вопроса въ отношеніи политико-экономическомъ и въ отношеніи примѣненія его къ жизни. Подобное изученіе требовало не письменныхъ матеріаловъ, но живаго источника — самихъ крестьянъ. Они и обратились къ нимъ, разспрашивали крестьянъ про всевозможныя мелочи и всѣ собранные факты сообщали другъ другу для общей пользы. Помѣщики смотрѣли на это направленіе студентовъ сперва съ недовѣрчивостью, потомъ съ недоброжелательствомъ. Въ ихъ глазахъ студенты были измѣнниками сословныхъ интересовъ, радовались ихъ разоренію, какъ они называютъ реформу. Когда же къ крестьянскому вопросу примкнулъ вопросъ научный, относящійся къ пониманію исторической судьбы здѣшняго края, то начала помѣщичьей неблагосклонности приняли видъ непримиримаго недоброжелательства. Установившееся въ польской публикѣ мнѣніе, что здѣшній край есть коренная польская провинція, находило отпоръ въ А. и его товарищахъ, которые, ссылаясь на доводы науки, старались доказать, что здѣшній край, по большинству своего населенія, есть южно-русскій. Они думали, что результатомъ несогласій будетъ журнальная полемика, но ошиблись: вмѣсто преній научныхъ ихъ предали всеобщей анаѳемѣ. Противники ихъ стали увѣрять, что студенты, по непріязни къ польскому дворянству, нарочно стараются снискать довѣріе народа, съ цѣлью уговорить его потомъ къ смертоубійству, грабежамъ и другимъ безчинствамъ. Общество, не любящее студентовъ за ихъ мнѣнія по крестьянскому дѣлу, вѣроятно представило и правительству подобное воззрѣніе за положительный фактъ“.

Задержанная переписка А. съ однимъ частнымъ лицомъ вообще подтверждала его показаніе. Въ ней онъ, между прочимъ, весьма логически доказывалъ „нелѣпость тенденцій поляковъ, мечтающихъ о возможности соединенія Юж-

ной Россіи съ Польшей". Вмѣстѣ съ тѣмъ оказалось, что обвиненія противъ А. и его товарищей возникли именно „изъ толковъ и слуховъ между помѣщиками-поляками". А. былъ освобожденъ отъ преслѣдованія. Дальнѣйшія наблюденія не обнаружили какихъ-либо неблагонамѣренныхъ стремленій А. и его единомышленниковъ. „Впрочемъ, слухи о нихъ продолжаются прежняго содержанія; только перемѣнили наименованіе: вмѣсто коммунистовъ ихъ называютъ хохломанами".

Въ заключеніе генералъ-губернаторъ говорилъ, что если смотрѣть на подписавшихся, какъ на лицъ, составившихъ нѣкоторое неразрѣшенное общество, то было бы неудобно разрѣшить печатаніе присланной ими статьи „Общественные вопросы".

„Впрочемъ, съ другой стороны, какъ лица, подписавшія статью, объявляя свои имена, вызываютъ своихъ обвинителей обличить ихъ въ неблагонамѣренныхъ стремленіяхъ путемъ печатнаго слова и рѣшить споръ гласнымъ обсужденіемъ, то было бы небезполезно напечатать это заявленіе, такъ какъ литературная полемика могла бы содѣйствовать правительству, въ настоящемъ дѣлѣ, раскрыть цѣль и уяснить духъ и направленіе лицъ, подписавшихъ статью. Кромѣ того, гласное заявленіе этими лицами своего образа воззрѣній и цѣли дѣятельности можетъ удерживать ихъ отъ неблагонамѣренныхъ дѣйствій потому, что на нихъ будетъ обращено вниманіе ихъ противниковъ, вызванныхъ печатно на судъ общественнаго мнѣнія".

Министръ просвѣщенія (А. В. Головнинъ) послѣдовалъ этому мнѣнію и статья, чрезъ Московскій комитетъ, возвращена была въ редакцію *Русскаго Вѣстника* съ разрѣшеніемъ къ печати.

VI.

Это были, наконецъ, годы, когда и явно, на глазахъ Россіи—ея правительства и общества,—и подпольно, тысячами путей подготовлялось польское возстаніе 1863 года и не

только подготовлялось, но уже наступило и проявлялось въ цѣломъ рядѣ всяческихъ демонстрацій, съ трауромъ на улицахъ, пѣніемъ гимновъ въ костелахъ, дворянскими заявленіями и адресами, оскорбленіемъ всего русскаго, наглыми требованіями, покушеніями и столкновеніями. Какъ же относилось къ этимъ явленіямъ русское общество? Какъ дѣйствовало правительство? Настроеніе общества—едва-ли бывалое въ исторіи—способно было поддерживать самыя несбыточныя надежды враговъ. Можно было подумать, что въ обществѣ этомъ изсякъ всякій патріотизмъ, утраченъ всякій историческій смыслъ. Извѣстія изъ Польши и западнаго края принимались съ крайнимъ равнодушіемъ и апатіею, какъ гдѣ-то далеко противъ правительственныхъ властей направленные безпорядки и покушенія. Мало того. Была масса людей, считавшихъ себя либералами, симпатизировавшихъ полякамъ, преклонявшихся предъ ихъ патріотизмомъ и готовыхъ съ легкимъ сердцемъ, не сознавая ни своего безумія, ни своей измѣны, отдать всѣ государственные и народные интересы въ жертву притязаніямъ, покушавшимся на самое историческое существованіе русскаго государства. Подъ уроками лондонскаго *Колокола* и петербургскихъ органовъ радикализма и нигилизма, русская учащаяся молодежь участвовала въ польскихъ демонстраціяхъ и получила благодарственный манифестъ отъ товарищей-поляковъ, самаго унизительнаго и презрительнаго характера. Манифестъ этотъ распространялся въ Польшѣ и западномъ краѣ, чтобы не подумалъ кто-нибудь, что студенты поляки могутъ въ самомъ дѣлѣ дружить съ русскими товарищами. „Не смотря,—сказано въ этомъ писаніи—на нашу симпатію къ русской молодежи, *жаждущей независимости Польши* (!?), мы должны смѣло сознаться, что причины нашей розни слишкомъ глубоко вкоренились въ души наши, слишкомъ тѣсно связаны съ нашими преданіями и различіемъ нашихъ относительныхъ положеній, чтобы могли быть устранены однимъ заявленіемъ вашего къ намъ сочувствія... Вы *прежде всего либералы, мы поляки.* Вы не понимаете, что Польша, претерпѣвшая столько въ Россіи... должна была выработать въ себѣ извѣстнаго рода *ненависть*,

которой и мы, хотя ваши искреннie друзья, *даже въ отношенiи къ вамъ противиться* не въ состоянiи".

Подпольная работа шла неустанно. Въ 1860 году тайныя польскiя общества объединились и были подчинены особоустроенному *центральному комитету*. Подъ сѣнью комитета образовалось нѣсколько собственно русскихъ революцiонныхъ кружковъ, слившихся въ одинъ подъ именемъ *Земля и Воля*. Огризко имѣлъ въ немъ постоянныхъ агентовъ. По свѣдѣнiямъ, доставленнымъ Варшавскому комитету [1]) однимъ изъ членовъ кружка, Утинымъ, въ составѣ русской революцiонной организацiи находились „лица высокопоставленныя въ обществѣ и даже лица занимающiя довольно важныя должности". По свѣдѣнiямъ издателя *Набата*, Ткачева, число членовъ общества *Земля и Воля* предъ польскимъ возстанiемъ доходило до 1.500 человѣкъ. „Послѣ неудачи возстанiя, говоритъ Ткачевъ, ареста многихъ изъ наиболѣе энергическихъ дѣятелей общества и начавшейся затѣмъ реакцiи, общество распалось или, лучше сказать, разложилось на нѣсколько самостоятельныхъ революцiонныхъ кружковъ. Такимъ образомъ эта тайная организацiя умерла, если можно такъ выразиться, своею естественною смертiю. Правительство, не смотря на всѣ поиски, ничего не открыло, ни одинъ изъ арестованныхъ членовъ не могъ быть судимъ за принадлежность къ ней. Большинство же изъ членовъ не только не подверглось никакимъ преслѣдованiямъ, но даже осталось и навсегда останется совершенно, абсолютно неизвѣстнымъ полицiи". (*Набатъ* 1878 г., стр. 39).

Въ Петербургѣ почти явно дѣлались приготовленiя къ польскому мятежу. По свидѣтельству г. Ратча (въ „Свѣдѣнiяхъ о польскомъ мятежѣ 1863 года въ сѣверо-западномъ краѣ", Вильна 1865) болѣе тысячи юношей, „въ Петербургѣ распорядителями были подготовлены, снабжены оружiемъ, обмундированы и отправлены въ Вильну съ выдачею де-

---

[1]) Какъ видно изъ дѣлъ виленской слѣдственной коммиссiи. извлеченiе изъ которыхъ было въ 1867 году опубликовано однимъ изъ ея членовъ, штабсъ-капитаномъ Гогелемъ.

негъ на подъемъ. Нѣсколько тысячъ револьверовъ доставлены были изъ Петербурга, гдѣ учащимися устроены были мастерскія для исправленія оружія, пріобрѣтавшагося на рынкахъ. Изъ Петербурга отправлены были огнестрѣльные припасы, повстанскіе сапоги для усиленія мѣстнаго заготовленія обуви для шаекъ".

Печать безмолвствовала. Сообщались лишь скудныя свѣдѣнія о рядѣ кровавыхъ покушеній на высшихъ представителей правительственной власти въ царствѣ Польскомъ.

Правительство шло по пагубному склону слабости, неувѣренности, уступокъ. Миражъ революціи, распаденія, стоялъ въ воздухѣ....

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ[1].

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Экскурсія въ область государственной теоріи и исторія о томъ, какъ сложились понятія, породившія политическій міражъ шестидесятыхъ годовъ.

I.

Въ предыдущей главѣ мы сдѣлали очеркъ того политическаго міража, который въ шестидесятыхъ годахъ игралъ на поверхности нашего общества, обозначаясь явленіями невѣроятнаго общественнаго легкомыслія. Можно сказать, вся „интеллигенція“ наша была въ нѣкоторомъ политическомъ чаду, мѣшавшемъ различать самыя ясныя вещи. Рѣзче всего сказалось это по отношенію къ польскому вопросу. Утратилось сознаніе того, что вопросъ этотъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ русскій, вопросъ быть или не быть Россіи; что окончательное разрѣшеніе его—капитальная задача нашей исторіи. Или Польша отъ моря до моря, а Россія—азіатская орда: или полное поглощеніе Польши въ русскомъ государственномъ морѣ. Все среднее есть перемиріе, а не разрѣшеніе вопроса. Пагубная утрата такого сознанія была причиною, что масса русскихъ образованныхъ людей считала благороднымъ либерализмомъ то, что въ сущности было измѣною, и не только русскому государству въ современномъ его строѣ, но и всему русскому народу, всей русской исторіи.

Такой разрывъ между историческими задачами эпохи и

---

[1]) См. Р. В. кн. IV, 1888 г.

политическимъ пониманіемъ образованной общественной массы—обнаруживавшійся и въ другихъ государственныхъ вопросахъ, кромѣ польскаго — былъ главнымъ условіемъ миража, болѣе или менѣе ярко изображеннаго нами. Описываемая эпоха знаменуется крайнимъ ослабленіемъ—и не въ обществѣ только, но и въ правительственныхъ сферахъ—государственнаго смысла. Въ этомъ ослабленіи главный источникъ поразительныхъ явленій того времени. Можно было подумать, что въ странѣ, всегда отличавшейся патріотизмомъ, качество это исчезло и въ приложеніи къ родинѣ своей стало предметомъ глумленія и презрѣнія, побуждавшихъ понимать и даже величать всякіе патріотизмы, кромѣ русскаго.

Государственный смыслъ, патріотизмъ! Чтобы быть яснымъ, необходимо строго опредѣлять понятія, которыми мы пользуемся. Безъ сомнѣнія, точныя опредѣленія по отношенію къ понятіямъ нравственнаго міра дѣло весьма не легкое. Здѣсь предметы не различаются съ такою рѣзкою опредѣлительностію, какъ предметы міра матеріальнаго или математическаго. Подъ тѣмъ же понятіемъ разными людьми разумѣются далеко не совпадающія между собою вещи. Въ этомъ богатый источникъ споровъ и толстыхъ книгъ съ малымъ содержаніемъ. Употребляются слова, съ которыми не соединяется опредѣленнаго смысла. Эпоха схоластики отличалась богатствомъ лексикона понятій, ускользавшихъ отъ точнаго опредѣленія. Науки точныя освободились отъ этого недостатка; онъ еще въ полной силѣ въ наукахъ политическихъ.

Въ политической области неясность понятій, особенно въ сферахъ правящихъ и власть имѣющихъ, имѣетъ не теоретическое только, но и важное практическое значеніе. Она ведетъ въ жизни къ самымъ нежелательнымъ послѣдствіямъ. Это зло практическое.

Что такое государство, государственныя начала, государственный смыслъ? Позволю себѣ остановиться на этихъ понятіяхъ. Заслуга, оказанная Михаиломъ Никифоровичемъ въ 1863 году, имѣла огромное государственное значеніе. Оцѣнить ее вполнѣ можно только при свѣтѣ этихъ понятій. Его краснорѣчивый призывъ къ истиннымъ государственнымъ началамъ и народному историческому чувству — инстинктивному источнику политической мудрости — вывелъ нашу политическую мысль изъ пагубнаго хаоса и разсѣялъ напускной чадъ, тяготившій умы.

Употребляя слово „государство“ въ смыслѣ отдѣльной

страны, какъ Россія, Англія, Франція, мы, очевидно, разумѣемъ подъ этимъ словомъ нѣкоторое собраніе людей, осѣдло соединенныхъ въ одно цѣлое. Говоримъ осѣдло, такъ какъ государство имѣетъ территорію. Но въ силу чего собраніе это должно быть признано государствомъ? Естественныя собранія живыхъ существъ въ цѣльную совокупность встрѣчаются и въ животномъ царствѣ. Уже стадо есть примѣръ такого соединенія, если подъ стадомъ разумѣть не случайное только множество существъ одного рода, но соединеніе, сопровождающееся ощущеніемъ принадлежности къ одному цѣлому и участія въ совокупной охранѣ. Улей, муравейникъ представляютъ собою соединенія живыхъ существъ въ весьма сложную организацію, въ силу инстинкта. Человѣческія общества въ простѣйшей формѣ: семья, родъ, племя, примитивное гражданское общество, суть также естественныя соединенія, сложившіяся не по сознательному уговору, а въ силу стремленій инстинктивнаго свойства. Разсудочное сознаніе присоединяется позже, порождая обычное право, требованія, обязанности, подчиненіе. Но это еще не государство. Чтобы соединеніе людей стало государствомъ, въ немъ требуется присутствіе сознанія особаго рода. Переходъ къ такому сознанію, какъ все въ человѣческомъ развитіи, совершается постепенно; минуту перелома уловить нельзя, и человѣкъ застаетъ себя въ государствѣ прежде, чѣмъ началъ мыслить, какъ оно сложилось. Въ чемъ же состоитъ сознаніе, дѣлающее соединеніе людей государствомъ? Сознаніе это состоитъ въ томъ, что соединеніе имѣетъ цѣль, и цѣль эта есть исполненіе его исторической задачи. Въ формѣ опредѣлительной сознаніе это присутствуетъ въ умахъ меньшинства, инстинктивно дѣйствуетъ въ массахъ. Государственная идея заключается именно въ немъ. Но что такое историческая задача? Историческое есть то, что мѣняется во времени. Во времени все мѣняется, подвигаясь въ неизбѣжное будущее. Любимѣйшая теорія нашего времени видитъ въ этомъ движеніи развитіе, прогрессъ, совершенствованіе и необходимо признаетъ, слѣдовательно, осуществленіе нѣкотораго разумнаго плана. Это та же мысль, какую вѣрующіе выражаютъ, говоря о свершающихся путяхъ Провидѣнія. Уразумѣть этотъ планъ въ его ширинѣ умъ не въ силахъ, ибо иначе мы знали бы будущее. Въ природѣ планъ этотъ осуществляется помимо нашего сознанія, въ человѣческомъ бытіи именно сознаніе есть то орудіе, при посредствѣ котораго движеніе впередъ

совершается. Есть планъ,—значитъ есть задача. Надо такъ или иначе сознать ее, чтобы сдѣлать шагъ. Историческая задача, во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, есть та, которая навязывается намъ наличною дѣйствительностью, тѣми явленіями, которыя совершаются не въ отвлеченіи, а среди живыхъ людей, насъ окружающихъ. Я пробудился къ жизни среди сложившагося уже государства, среди разнообразія установившихся отношеній, укрѣпившихся интересовъ, среди опредѣленнаго строя жизни, съ правительствомъ, законами, обязанностями, правами. Соединеніе людей, къ которымъ я принадлежу по волѣ Провидѣнія, есть государство, ибо въ немъ присутствуетъ сознаніе, что строй его, охраняемый закономъ, не есть случайное порожденіе настоящей минуты, что мы имѣемъ прошлое, обязывающее къ будущему. Народъ сознаетъ себя государствомъ, когда сознаетъ, что онъ есть единица среди другихъ единицъ того же порядка, имѣющихъ свое прошлое и свои виды на будущее, съ интересами которыхъ оно можетъ мириться и сталкиваться. Патріотизмъ есть обратившееся въ инстинктъ сознаніе моей неразрывной связи съ государственнымъ союзомъ, къ которому я принадлежу, и съ его историческими задачами. Какъ инстинктъ, онъ присущъ и массамъ, повинующимся его призывамъ,—преемственно переходящимъ отъ примѣра отцовъ и дѣдовъ,—и единицамъ, дающимъ себѣ отчетъ въ этихъ призывахъ, и вождямъ, творящимъ эти призывы, прозрѣвающимъ задачи. Государственный умъ есть тотъ, который въ состояніи уразумѣть ближайшую задачу историческаго бытія народа и усмотрѣть пути къ ея разрѣшенію. Проба государственнаго ума есть вѣрность въ оцѣнкѣ дѣйствительности. Государственный смыслъ выражается именно въ пониманіи предлежащей исторической цѣли и въ вѣрной оцѣнкѣ силъ для ея достиженія. Силы эти доставляются наличною дѣйствительностію, не съ неба свалившеюся въ данный день, а возросшею на почвѣ прошедшаго. Государственный умъ умѣетъ въ колеблющемся разнообразіи дѣйствительности усмотрѣть истинныхъ двигателей, корни и фундаменты, безъ которыхъ всякая государственная постройка можетъ быть только воздушнымъ замкомъ и вести не къ рѣшенію задачи и созданію, а къ смутѣ и разрушенію.

О Михаилѣ Никифоровичѣ не рѣдко съ насмѣшкою говорили, что онъ всюду видитъ измѣну и „колебаніе основъ“. Критики забывали, что измѣна не требуетъ непремѣннаго участія въ нѣкоторомъ замыслѣ и что колебать основы можно

и не будучи радикаломъ и революціонеромъ. Если дѣйствительные измѣнники и дѣйствительные революціонеры намѣчаютъ желательную для нихъ цѣль, а я изъ совсѣмъ иныхъ соображеній и побужденій, даже, можетъ быть, полярно противоположныхъ ихъ соображеніямъ и побужденіямъ, стою за ту же цѣль и содѣйствую ея достиженію, то я становлюсь подъ знамя измѣны и въ ряды колебателей основъ, хотя бы воображалъ себя самымъ преданнымъ служителемъ начала и самымъ правовѣрнымъ политикомъ. Такіе случаи бываютъ. Служеніе враждебнымъ цѣлямъ, вслѣдствіе отсутствія государственнаго смысла, умничанія, критиканства,—такъ свойственныхъ намъ во всякомъ дѣлѣ,—раздражало Михаила Никифоровича не менѣе, если не болѣе намѣреннаго имъ служенія. Иногда онъ не хотѣлъ даже вѣрить, чтобы оно было ненамѣреннымъ, и готовъ былъ усматривать замыселъ тамъ, гдѣ было лишь неразуміе.

Умъ негосударственный хотя бы высокій и философскій, перешагнувъ черезъ дѣйствительность, отправляется прямо къ нѣкоторой предполагаемой, дальнѣйшей задачѣ плана, осуществляющагося въ ходѣ исторіи. Задача ближайшая, въ тѣсномъ смыслѣ историческая,—есть задача, реально усматриваемая. Задача отдаленная,—есть необходимо задача сочиненная, выходящая не изъ дѣйствительности, какъ она есть, а изъ дѣйствительности воображаемой, чаемой, на дѣлѣ никогда не имѣющей и быть. Когда обсужденіе подобныхъ задачъ остается въ области теоріи, оно можетъ имѣть важное и поучающее значеніе; можетъ воспитывать свободу ума, способность смотрѣть сверху на совершающееся, порождать одушевленіе. Утопіи, идеализующія будущее или просто возможное, неосуществимы въ настоящемъ и дѣйствительномъ, но серьезная работа ума, раздѣляющаго и освѣщающаго понятія, придаетъ ему силу и въ области практическаго дѣйствія. Иное дѣло, когда теоретическія построенія принимаются за историческія задачи и когда дѣлаются попытки къ ихъ осуществленію. Теорія становится безуміемъ, дѣйствіе разрушительнымъ, революціоннымъ. Французскіе законодатели конца прошлаго вѣка возымѣли мысль осуществить на практикѣ ученіе о государствѣ, какъ свободномъ договорѣ равноправныхъ, предполагаемыхъ одинаково сознательными единицъ, именуемыхъ людьми или гражданами, и о законѣ, какъ выраженіи общей воли. Въ результатѣ вышло великое крушеніе, именуемое французскою революціею. Напротивъ того, государственное созна-

ніе, проницательное уразумѣніе дѣйствительной исторической задачи и средствъ къ ея осуществленію создало единую Германію и подняло ее на нынѣшнюю высоту.

Движеніе впередъ, исполненіе исторической задачи, есть, необходимо, борьба: по временамъ это есть неизбѣжное матеріальное столкновеніе, война въ тѣсномъ смыслѣ; это всегда—не дешево стоющая побѣда надъ внѣшними и внутренними, матеріальными и нравственными затрудненіями. Общіе законы человѣческой борьбы должны и тутъ имѣть свое мѣсто. Идея двигающей власти, вождя, есть первое условіе, дѣлающее возможнымъ правильный походъ. Идея государства есть потому идея государственной власти. Власть эта можетъ имѣть различныя формы, но въ ней движущая сила государства. Государство олицетворяется въ государственной власти, имѣющей въ этомъ смыслѣ право сказать—личная ли она или сборная—какъ Людовикъ XIV: „государство—это я“. Понижается значеніе власти, никнетъ государство. Съ идеею власти соединена другая столь же основная идея—службы. И правящіе, и управляемые служатъ государству, исполняя общее дѣло.

II.

Есть иное, повидимому, болѣе широкое воззрѣніе на государство, долженствующее, понятно, вести и къ инымъ выводамъ. Воззрѣніе это выходитъ отъ положенія, кажущагося аксіомою, что государственный союзъ имѣетъ цѣлью благо его членовъ. Государство есть организація, долженствующая доставить гражданамъ, на сколько возможно, благополучіе, и оградить его. Благополучіе, то есть личное счастіе, по-просту наслажденіе? Не желая впрочемъ признать, что подъ искомымъ благомъ разумѣется наслажденіе, понятію блага даютъ менѣе опредѣленное значеніе, иногда отождествляютъ его съ свободою. Знаменитый софистъ XVIII вѣка, Руссо, опредѣлялъ государство, какъ форму общественнаго союза, „ограждающую личность и имущество каждаго его члена, съ помощію которой каждый, соединяясь со всѣми, повиновался бы самому себѣ и оставался бы столь же свободнымъ какъ прежде“. Формула прельщала своею мнимою глубокомысленностію, хотя при дальнѣйшемъ размышленіи самого автора привела къ странному выводу, что если, при осуществленіи задуманной имъ организаціи, кто-нибудь все-таки не почувствовалъ бы себя свободнымъ, таковаго

надлежитъ „заставить быть свободнымъ“. Люди, дѣлавшіе откровенно послѣдовательные выводы изъ идеи искомаго благополучія, пришли къ заключенію, что для достиженія его требуется отсутствіе государственнаго союза, и потому предлагаютъ упраздненіе государства, какъ требующаго пожертвованій, тяготы, страданій; проповѣдуютъ раздробленіе человѣчества на мелкія свободныя группы и водвореніе благодѣтельной анархіи. Покойный Ав. Щаповъ на каѳедрѣ въ Казани и затѣмъ въ курьезной книгѣ своей мечталъ, какъ Россія раздѣлится на счастливыя общины, гдѣ, какъ наглядно выражался авторъ, „дѣвки и парни“, среди внѣшняго довольства, будутъ заниматься естествознаніемъ въ общинныхъ лабораторіяхъ и издавать журналы. Идея дикая, но представляющая собою выводъ изъ теоріи благополучія столь же послѣдовательный, какъ и болѣе пріодѣтые проекты безгосударственнаго блаженства, осуществимые не болѣе щаповской теоріи.

Есть еще воззрѣніе, точно также принимающее, какъ аксіому, идею общаго блага, но останавливающееся передъ послѣдовательностью выводовъ. Воззрѣніе это весьма способно вносить смуту и на практикѣ надѣлало не мало бѣдъ. Оно допускаетъ государственную организацію. Согласно ему, организація эта есть правительство. Но назначеніе правительства есть полицейское, въ высшемъ смыслѣ. На обязанности его лежитъ, чтобы гражданамъ было спокойно, и мало того, хорошо жить. Къ аксіомѣ о благополучіи присоединяется другая, кажущаяся столь же очевидною: правящіе существуютъ для правимыхъ, а не на оборотъ (при этомъ упускается изъ виду, что связь между двумя этими сторонами совсѣмъ инаго порядка и опредѣляется ихъ отношеніемъ къ третьему, которое и есть государство, и которому обѣ служатъ). Граждане составляютъ націю. Нація есть господинъ, правительство — это управляющіе, признанные или выбранные націею и имѣющіе пещись, чтобы нація была довольна. Не угодили,—ихъ надлежитъ смѣнить. Ученіе это чрезвычайно плѣняло умы въ эпоху, предшествовавшую первой французской революціи и ее породившую. Казалось, что если обратить правительство въ слугу націи, то государственная жизнь потечетъ свободно въ широкомъ руслѣ. Въ странѣ, гдѣ правительство было все, гдѣ отъ него привыкли требовать и дождь и вёдро, естественно было представлять себѣ его, какъ какой-то несокрушимый институтъ, лежащій надъ націею, и котораго давленіе слѣдуетъ только всячески ослабить, чтобы нація вошла въ полноту своего

дѣйствія. И вотъ, направились ожесточенныя усплія на всяческое ослабленіе правительственной власти. Пало правительство, но и нація потерпѣла страшное крушеніе. Вожаки движенія поздно уразумѣли тщету стремленія сохранить выгоды государственной организаціи, уничтоживъ законную и чрезъ то прочную государственную власть. Народамъ и правителямъ исторія дала поучительный урокъ. Но уроки легко забываются, и прельстительная идея раздѣленія націи и правительства, торгующихся между собою и заключающихъ между собою договоры, не безъ взаимнаго иногда надувательства, пережила событія и продолжаетъ сохранять силу во многихъ еще умахъ.

Нельзя не признать, что есть не мало привлекательнаго въ воззрѣніи на государство, какъ на организацію, имѣющую цѣлью общее благо. Есть дѣйствительно одна, постоянно присутствующая, общая историческая задача, или, точнѣе, одно постоянное условіе всякой исторической задачи: чтобы было лучше или, по крайней мѣрѣ, чтобы было сохранено то благо, какое имѣется. Общее благо прекрасная задача и великая цѣль. Но дѣло въ томъ, что не государству, какъ таковому, ее разрѣшить. Государство есть нѣчто болѣе тѣсное и спеціальное по своимъ цѣлямъ. Государственною организаціею вовсе не исчерпывается все бытіе людей, и отдѣльно каждаго, и въ союзахъ. Правда, благосостояніе есть условіе силы, необходимое для осуществленія каждой исторической задачи и, слѣдовательно, входитъ въ государственныя цѣли. Могущество, съ другой стороны, есть великое условіе благосостоянія и достиженіе могущества есть, слѣдовательно, въ извѣстной мѣрѣ и достиженіе благосостоянія. И государственный союзъ служитъ общей цѣли человѣческаго бытія, если признавать этою цѣлью общее благо; но не для этой цѣли прямо назначается: общее благо не есть спеціальная задача государственнаго союза. Повторяемъ, отношеніемъ человѣка къ государству не исчерпывается еще все его существованіе. Государство есть область власти и ея требованій въ исполненіи историческихъ задачъ. Но есть еще другая обширнѣйшая область — область знанія, вѣры, естественныхъ и частныхъ отношеній, нравственности. Для зрѣлаго духа—это область по преимуществу свободы. Свобода въ тѣсномъ смыслѣ есть понятіе отрицательное. Свобода есть отсутствіе запрета и болѣе ничего. Но для духа, ощущающаго свою независимость и жаждущаго ея, условіе это такъ существенно, что оно получаетъ значеніе стимула и пріобрѣтаетъ положитель-

ную силу; становится, какъ здоровье, драгоцѣннѣйшимъ изъ благъ. Государство требуетъ пожертвованій, можетъ потребовать пожертвованія всѣмъ, даже жизнью. Но пожертвованія эти, по существу своему, имѣютъ цѣлью не самоудовлетвореніе требующей власти, а исполненіе исторической задачи, относительно которой, по идеѣ Петра, сама власть имѣетъ служебное значеніе. Крѣпость государственнаго союза, сила власти никакъ не требуютъ поглощенія свободы, а возможны при самомъ широкомъ и цвѣтущемъ ея развитіи, способномъ облегчать, а не затруднять исполненіе предстоящихъ задачъ.

Власть и свобода существуютъ и уживаются между собою въ государствѣ не въ силу доктрины. Государственная область не есть область философіи, не есть даже область права, а по преимуществу область факта. Теоретическаго разрѣшенія противоположности власти и свободы не имѣется. Философскаго камня для этой цѣли не найдено. Ищущіе его мало обращаются къ практикѣ, дающей не безполезныя указанія. Въ какихъ условіяхъ оказывается наибольшее согласіе этихъ началъ? Не трудно усмотрѣть, что оно оказывается, когда подчиняющіеся дорожатъ и чувствуютъ себя удовлетвореннымъ тѣми учрежденіями, въ рамкахъ которыхъ поставлена ихъ дѣятельность. Тогда подчиненіе становится дѣйствительно свободнымъ. Когда и верхніе слои, и темный народный фундаментъ проходитъ сознаніе, что существующій государственный строй есть дорого купленный и подлежащій самому бережному охраненію результатъ тяжелой исторической работы, поднявшей страну, тогда, будетъ ли страна демократическою республикой или неограниченною монархіей, она чувствуетъ себя свободною. Когда это сознаніе мутится или его мутятъ, власть подвергается опасности, начинается революціонная эра. Не стоящая на высотѣ задачи власть падаетъ, но не для того, чтобы смѣниться царствомъ свободы, но чтобы перейти въ другія руки.

Наиболѣе логическіе изъ революціонеровъ, какъ напримѣръ Прудонъ, иначе рѣшаютъ задачу революціи: не какъ перемѣщеніе, а какъ упраздненіе государственной власти. Согласно ихъ ученію, есть два основныя начала: начало власти или авторитета и начало свободы. Задача революціи есть упраздненіе перваго начала и всецѣлая замѣна его вторымъ. Уничтоженіе всякаго правительства, упраздненіе церкви, администраціи, полиціи, войска, вообще разложеніе политическаго государства и замѣна всѣхъ государствен-

ныхъ и общественныхъ отношеній отношеніями экономическаго характера—вотъ задача. Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно и безъ обмана.

Представимъ себѣ однако, что, подчинившись утопіи, образованное человѣчество рискнуло бы осуществить идею безгосударственной блаженной анархіи. Войны нѣтъ, армія и флотъ лишь воспоминаніе прошлаго; пожертвованій не требуется; царитъ миръ и трудъ; политики не существуетъ; историческихъ вопросовъ нѣтъ болѣе. Всѣ донынѣ дѣйствовавшія условія историческаго существованія сданы въ архивъ. Не райское ли бы, въ самомъ дѣлѣ, было житье? Но вотъ приходятъ орды китайцевъ—они уже шевелятся, овладѣвая орудіями и средствами европейскихъ націй — и сметаютъ съ лица земли и цивилизацію нашу, и все чаемое блаженство мирнаго труда и преуспѣянія! Да и помимо китайцевъ, развѣ мало темныхъ, варварскихъ силъ и преступнаго руководительства въ собственной массѣ? Нѣтъ, не въ нашей власти упразднять исторію съ ея задачами.

Отъ теоріи обратимся къ исторіи и посмотримъ, какими путями слагались наши государственныя понятія.

III.

Понятіе о государствѣ какъ союзѣ, исполняющемъ историческія цѣли, проходитъ чрезъ всю нашу исторію. Великая историческая задача, сознанная и твердо поставленная Петромъ, была—сдѣлать изъ Россіи могущественное и образованное государство, равноправное въ семьѣ европейскихъ государствъ. Осуществлять эту задачу, мыслилъ Петръ, значитъ служить Россіи. Служба эта—обязанность и правительства, и народа. Петръ на самую верховную власть свою смотрѣлъ какъ на службу государству. Не преувеличенное понятіе о широтѣ неограниченной власти побудило его провозгласить право монарха завѣщать царство тому, кого найдетъ достойнѣйшимъ, а та же государственная идея. Государственный интересъ былъ для него выше даже идеи законнаго преемства власти, а въ тяжелой исторической драмѣ съ царевичемъ Алексѣемъ выше даже голоса человѣческихъ чувствъ.

Историческая задача велась къ осуществленію правительствомъ и примыкавшимъ къ нему меньшинствомъ, чувствовавшимъ себя болѣе или менѣе образованнымъ. Огромная масса относилась къ ней пассивно: включеніе Россіи въ

европейскую семью для нея не было потребностію. Но охранительная косность, выражавшаяся въ завѣщанномъ стариною сопротивленіи всякому раціонализму (въ смыслѣ заключеній на исключительномъ основаніи разума и разсужденія) не только религіозному, но и политическому, соединялась въ ней съ крѣпкимъ патріотическимъ инстинктомъ безусловнаго признанія государственной власти, исторически унаслѣдованнымъ отъ прошлаго,—главною задачею котораго было созданіе таковой власти. Это-то условіе и дѣлало возможнымъ осуществленіе задачи, сознанной Петромъ.

Съ точки зрѣнія Петровскаго государства въ странѣ два класса: чиновнослужащій и податной; одинъ несущій повинность государственно-чиновной, офицерской, духовной службы; другой платящій подать деньгами, или личнымъ трудомъ и солдатскою службою. Но есть и иная классификація элементовъ въ странѣ, основанная на ихъ естественной группировкѣ въ классы и сословія, въ силу однородности занятій, условій, интересовъ. Есть помѣщики, купцы, ремесленники, крестьяне и т. д. Государство застаетъ эти классы и не только признаетъ ихъ, но и организуетъ, надѣляетъ правами, облагаетъ обязанностями, устанавливаетъ ихъ взаимныя отношенія. Существованіе группъ усложняетъ простоту отношеній государства къ отдѣльнымъ лицамъ, но и облегчаетъ исполненіе задачи. Требованія для отдѣльныхъ единицъ доходятъ чрезъ группы, какъ коллективныя единицы высшаго порядка, и не одинаковы по отношенію къ разнымъ группамъ. Но отношеніе государства къ группамъ то же, что къ лицамъ: требованіе службы и повинности. Предоставленіе правъ группамъ дѣлается или съ цѣлями наилучшаго исполненія повинности или какъ облегченія этой повинности. Группа должна исполнять извѣстную повинность. Внутреннее распоряженіе по исполненію этой повинности предоставляется самой группѣ. Это облегчаетъ государство. Потому во всѣхъ классахъ исполненіе должностей по выбору всегда у насъ разсматривалось какъ исполненіе повинности, хотя почетъ, а иногда и выгоды, соединенныя съ нѣкоторыми изъ нихъ, побуждали охотно ихъ искать. Какъ на повинность смотрѣли на свое званіе и депутаты, вызывавшіеся въ прошломъ вѣкѣ въ законодательныя коммиссіи до екатерининской включительно. Таковы были начала, присутствовавшія и дѣйствовавшія въ жизни страны и не возбудившія какихъ-либо вопросовъ, сомнѣній, вообще обсужденія въ общественномъ сознаніи.

Въ прошломъ вѣкѣ, до французской революціи и въ

Европѣ монархическое начало стояло непоколебимо. А у насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо мысль о передѣлкѣ государственнаго строя была далека отъ умовъ. И для политиковъ-философовъ эпохи, какъ Вольтеръ и энциклопедисты, неограниченная монархія въ лицѣ Екатерины казалась наилучшимъ проводникомъ либеральныхъ идей, по крайней мѣрѣ по отношенію къ нашей странѣ. Многое измѣнилось съ эпохою французской революціи.

Царствованіе императора Павла было суровымъ, хотя и кратковременнымъ испытаніемъ для Петербурга и высшихъ классовъ. Сентиментальное воспитаніе его преемника — во французскомъ духѣ, подъ руководствомъ швейцарскаго гувернера, въ сотовариществѣ съ юнымъ польскимъ патріотомъ,—было обстоятельствомъ, готовившимъ Россіи испытанія другаго рода. Наступила эпоха политики презрѣнія собственной страны во всемъ кромѣ ея стихійныхъ силъ. Политика такъ отличная отъ мысли Петра, о которомъ съ полною справедливостью сказалъ поэтъ:

Не презиралъ страны родной:
Онъ зналъ ея предназначенье.

Между политическими идеями императора и его близкихъ и историческими условіями страны было мало гармоніи. Условія эти не сознавались и пренебрегались. Вопросъ о государственномъ переустройствѣ поднимался на правительственной вершинѣ и поднимался въ силу убѣжденія, что самодержавный строй есть низшая ступень государственной организаціи, съ которой надлежитъ подняться на слѣдующую—конституціонную. Съ этой точки зрѣнія мечтательный императоръ и его молодые друзья порѣшили-было преобразовать Россію, не стѣсняясь историческими преданіями. Положили начало многимъ учрежденіямъ, какъ министерства, государственный совѣтъ, которые время передѣлало въ формы, отступившія отъ начальныхъ очертаній [1]).

Между тѣмъ на историческую чреду выдвигались вопросы, для разрѣшенія которыхъ — упомянемъ о крѣпостномъ правѣ—недоговорный, самодержавный строй былъ наилучшимъ условіемъ разрѣшенія. Въ числѣ ихъ однимъ изъ капитальнѣйшихъ былъ вопросъ объ отношеніяхъ Россіи къ

---

[1]) Достаточно упомянуть, что въ проектѣ „наказа министерскаго“, какъ упоминаетъ Карамзинъ въ „Старой и Новой Россіи“, было введено постановленіе: „если государь издастъ указъ, несогласный съ мыслями министра, то министръ не скрѣпляетъ онаго своею подписью“.

Польшѣ. Въ екатерининскую эпоху великая задача русской исторіи, роковая борьба съ Польшею, разрѣшилась паденіемъ Польши. Распространеніе на Польшу русскаго государственнаго строя императору Александру, въ его кругѣ политическихъ идей, казалось немыслимымъ. Какъ распространять низшій строй на страну болѣе высокой культуры, какою казалась ему Польша, сравнительно съ Русью! Требованіемъ прогресса ему представлялась перемѣна строя въ самой Россіи. Великія событія отечественной войны подняли значеніе и могущество Россіи на небывалую высоту. Сліяніе Польши съ Россіею подъ одинъ строй зависѣло отъ одного слова русскаго царя. Александръ предпочелъ дать царству Польскому конституціонное устройство, предполагая постепенно распространить таковое же и на Россію, не замѣчая, что это значило бы перемѣстить государственный центръ тяжести вопреки историческому тяготѣнію. Во время польскаго возстанія 1863 года англійское правительство поставляло на видъ русскому планъ императора Александра, высказанный имъ въ разговорѣ съ лордомъ Кассльри—образовать изъ герцогства Варшавскаго и присоединенныхъ провинцій, прежде принадлежавшихъ Польшѣ, королевство, подъ властію Россіи, съ національнымъ управленіемъ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, около 1816 года и для Россіи былъ составленъ въ Варшавѣ Новосильцевымъ планъ конституціи при помощи какого-то французскаго юриста, на французскомъ языкѣ. По порученію Новосильцева французскій документъ этотъ былъ переведенъ на русскій языкъ княземъ Вяземскимъ и съ нимъ препровожденъ въ Петербургъ. Случайность попрепятствовала дальнѣйшему движенію плана, а чрезъ нѣкоторое время въ мысляхъ императора произошелъ поворотъ, и конституціонная затѣя была оставлена.

Если на правительственныхъ вершинахъ политическія идеи были такъ чужды истинному пониманію историческаго государственнаго интереса, нечего удивляться политическому легкомыслію, водворившемуся въ общественныхъ кругахъ и въ особенности между аристократическою, преимущественно гвардейскою молодежью. Много новыхъ впечатлѣній и идей было принесено изъ заграничныхъ походовъ. Образовалось направленіе, смотрѣвшее на русскую родину, какъ на страну отсталыхъ и варварскихъ формъ. Есть знаменательныя свидѣтельства общественнаго настроенія около двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Въ *Русской Старинѣ* въ іюлѣ прошлаго года приведено

было нѣсколько любопытныхъ писемъ, относящихся къ двадцатымъ годамъ, сообщенныхъ графомъ Д. А. Милютинымъ. Какой сумбуръ политическихъ понятій царилъ тогда въ умахъ, можно судить по этимъ письмамъ.

Вотъ предъ нами извѣстный талантливый партизанъ на войнѣ и въ литературѣ, Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, русскій генералъ, герой двѣнадцатаго года. И онъ преданъ культу революціи, увлекается идеями государственнаго переворота; благоговѣетъ предъ Михаиломъ-идеалогомъ, какъ онъ называлъ Михаила Ѳедоровича Орлова, брата всемогущаго затѣмъ при императорѣ Николаѣ Алексѣя Ѳедоровича Орлова. Идеалогъ неумолчно болталъ въ петербургскихъ гостиныхъ, развивая теоріи государственныхъ переворотовъ. Невоздержность его языка Давыдовъ сильно не одобрялъ. „Я ему говорилъ и говорю, пишетъ Давыдовъ къ Киселеву, что онъ болтовнею своею воздвигаетъ только преграды въ службѣ своей, которою онъ могъ бы быть истинно полезенъ отечеству". Но предъ культомъ революціи Давыдовъ преклоняется не меньше Орлова, хотя не согласенъ съ нимъ въ путяхъ и средствахъ. „Какъ военный человѣкъ, говорилъ онъ, я все представляю себѣ въ военномъ видѣ. Я представляю себѣ свободное правленіе, какъ крѣпость у моря, которую нельзя взять блокадою: приступомъ—много стоитъ! Смотри Франція: но рано или поздно поведетъ осаду и возьметъ ее осадою, не безъ урона рабочихъ въ силахъ, особенно у гласиса, гдѣ взрывы унесутъ не малое ихъ число. За то мѣста взрывовъ будутъ служить ложементами, и осада все будетъ подвигаться, какъ наконецъ войдетъ въ крѣпость и раздробитъ монументъ Аракчеева. Что всего лучше—это то, что правительство, не знаю почему, само заготовляетъ осаждающимъ матеріалъ—военнымъ поселеніемъ, рекрутскимъ наборомъ на Дону, соединеніемъ Польши, свободою крестьянъ(?) и проч. Но Орловъ объ осадѣ и знать не хочетъ: онъ идетъ къ крѣпости по чистому мѣсту, думая, что за нимъ вся Россія двигается—а выходитъ, что онъ, да бѣшеный Мамоновъ, какъ Ахиллъ и Патроклъ (которые вдвоемъ хотѣли взять Трою), предприняли приступъ. Но довольно объ этомъ".

Недовольный своимъ служебнымъ положеніемъ (онъ былъ тогда въ удаленіи отъ Петербурга, въ Кременчугѣ, начальникомъ корпуснаго штаба), Давыдовъ писалъ Киселеву:

„Теперь я какъ червонецъ въ денежныхъ погребахъ графини Браницкой! Но погоди, кто знаетъ, что будетъ. Можетъ быть переворотъ государственные вытащатъ сун-

дуки изъ-подъ сводовъ, и червонцы въ курсъ войдутъ“ [1]).

Упоминаемыя письма интересны тѣмъ, что вводятъ, хотя и чрезъ отрывочныя фразы, въ тотъ кругъ мыслей, изъ какого вышелъ декабристскій заговоръ, донынѣ недовольно еще разъясненный и удивляющій историка поразительнымъ легкомысліемъ и безпочвенностію замысла,—заговоръ, отъ котораго, не безъ холопства, ведутъ свою исторію всѣ наши дальнѣйшія революціонныя теченія. Чего желали эти люди, устроивая заговоръ, выходя на площадь; чего могли надѣяться? Они дѣйствовали въ чаду отвлеченныхъ заблужденій, не соображаясь съ дѣйствительностію. Это была опасная, но требовавшая отъ участниковъ не мало отваги и самоотверженія игра въ революцію людей, избалованныхъ русскою жизнію и въ то же время болѣзненно ощущавшихъ ея неприглядныя качества, лично отъ нихъ не страдая; носившихъ въ умѣ самые неясные политическіе идеалы, отчужденныхъ отъ народа и отъ исторіи своей страны. Въ письмахъ можно усмотрѣть яркія черты либеральнаго баловства мысли людей, которыхъ русская фортуна не скупясь надѣлила благами жизни.

Въ эпоху Александра I былъ впрочемъ человѣкъ обладавшій дѣйствительнымъ государственнымъ умомъ—знаменитый историкъ Карамзинъ, въ дѣятельности котораго можно найти не мало аналогическаго съ дѣятельностію Михаила Никифоровича. Онъ противостоялъ теченіямъ, возбуждая противъ себя не мало негодованія. Въ 1818 году появилась „Исторія Государства Россійскаго“. По словамъ князя П. А. Вяземскаго (въ письмѣ къ С. С. Уварову), увлеченная часть молодежи, „замышлявшая уже несбыточныя преобразованія Россіи съ чутьемъ вѣрнымъ и проницательнымъ тотчасъ оцѣнила важность *Исторіи Государства Россійскаго* Карам-

---

[1]) Слѣдуетъ отмѣтить, что письма П. Д. Киселева (впослѣдствіи министра государственныхъ имуществъ) свидѣтельствуютъ о серіозномъ умѣ. Киселевъ политическимъ смысломъ много превышаетъ и болтающаго идеалога Михаила и размашистаго партизана Давыдова, хотя, отдавая дань вѣку, и называетъ сужденія Орлова прекраснѣйшими. „Всѣ твои сужденія, пишетъ онъ, по теоріи прекраснѣйшія, на практикѣ неисполнимы“. Про свои мнѣнія Киселевъ говорилъ такъ: „Въ сужденіяхъ моихъ могу ошибаться, но цѣль моя благонамѣренная и потому одинакая съ твоею. Разница въ томъ, что ты даешь волю воображенію твоему, а я ускромняю свое; ты ищешь средствъ къ улучшенію участи всѣхъ и не успѣешь; я же нѣсколькихъ только—и успѣть могу. Ты полагаешь исторгнуть корень зла, а я хочу срѣзать дурныя вѣтви. Ты опредѣляешь себя къ великому, а я къ положительному“.

зина, которая была событіе и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою содѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система правленія, а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую по образу и подобію своихъ мечтаній. Колкіе отзывы, эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и на автора. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистымъ убѣжденіемъ совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію. Вспомнимъ еще, что Карамзинъ писалъ тогда исторію не совершенно въ духѣ Государя, что по странной перемѣнѣ въ роляхъ, писатель былъ въ нѣкоторой оппозиціи съ правительствомъ, являясь проповѣдникомъ самодержавія, въ то время какъ правительство въ извѣстной рѣчи при открытіи перваго польскаго сейма въ Варшавѣ, такъ сказать, отрекалось отъ своего самодержавія... Легко понять, какъ досаденъ былъ Карамзинъ симъ молодымъ умамъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота. Они признали въ писателѣ личнаго врага себѣ и дѣйствовали противъ него непріятельски.“

Князь Вяземскій далъ замѣчательное по своей мѣткости опредѣленіе возмущенію 14 декабря 1825 года, назвавъ его: „критикою вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, то есть на *Исторію Государства Россійскаго*“.

IV.

Наступило новое царствованіе. Пожилые люди нынѣ живущаго пóколѣнія еще помнятъ, какъ очевидцы, эту эпоху до-реформенной Россіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Не всѣ еще сошли въ могилу помнящіе и тридцатые годы. Время однако настолько уже далеко, что къ эпохѣ царствованія императора Николая можно относиться вполнѣ безпристрастно.

Государственное знамя было поднято высоко. Государственная власть проявляла себя твердо и настойчиво. Невольно припоминается величественная, рыцарская фигура императора, которому безъ лести слагалъ хвалу Пушкинъ. Цѣлая плеяда блестящихъ талантовъ въ литературѣ, наукѣ,

художествахъ свидѣтельствуетъ, что эпоха не была временемъ умственнаго застоя. Вспоминается видимое довольство и ширина жизни столичной и провинціальной, не только въ помѣщичьей средѣ, но и въ чиновной, и въ купеческой. Золото въ обиліи, жизнь дешева, ассигнаціи ходятъ съ лажемъ.

Но есть и оборотная сторона.

Безумная попытка безцѣльнаго бунта 14 декабря не могла не оставить въ душѣ молодаго императора глубокаго слѣда, возбудивъ въ немъ подозрительное недовѣріе ко всякой попыткѣ касаться внѣправительственнымъ путемъ области вопросовъ государственнаго и даже общественнаго интереса, и укрѣпивъ мысль о призваніи русскаго правительства не только бороться съ революціоннымъ началомъ въ своей странѣ, но и быть во главѣ союза монархическихъ элементовъ для борьбы съ этимъ началомъ во всей Европѣ [1]). Мысль эта побудила насъ впослѣдствіи идти тушить революцію въ Австріи, не будучи къ тому нисколько вызванными интересами Россіи. Создалась правительственная система, съ которой не могъ примириться ни одинъ независтный умъ, прилаживаться къ которой свободная мысль могла, лишь заглушая себя, скрываясь, побѣждая себя, сосредоточивая вниманіе на свѣтлыхъ сторонахъ—какихъ было не мало, и закрывая глаза на темныя, удовлетворяясь довольствомъ личнаго положенія, лицемѣря вольно или невольно, чтобы не прать противу рожна.

Государственная идея, высокая сама по себѣ и крѣпкая въ державномъ источникѣ ея, въ практикѣ жизни приняла исключительную форму „начальства“. Начальство сдѣлалось все въ странѣ. Все кесаревы; Боговы оставалось весьма не много. Все сводилось къ простотѣ отношеній начальника и

---

[1]) Мысль эта — наслѣдіе эпохи императора Александра I. Въ инструкціи, данной прусскимъ королемъ генералу Натцмеру, сопровождавшему въ 1817 году въ Петербургъ принца Вильгельма (будущаго германскаго императора) отмѣчено было о русской арміи и ея императорѣ слѣдующее: „истинная цѣль императора заключается, очевидно, въ желаніи быть посредникомъ въ Европѣ и чрезъ это играть первую роль, а чтобы имѣть возможность угрожать — ему хочется сохранить свои многочисленныя арміи“. („Русская Старина“, іюнь 1888 г., стр. 564). Послѣ одного изъ парадовъ Натцмеръ высказалъ императору—какое счастье, что всѣ эти войска принадлежатъ Его Величеству. „Комплиментъ, повидимому, понравился и государь возразилъ, что онъ никогда не употребитъ ихъ съ дурною цѣлью, но постоянно будетъ стремиться поддерживать ими спокойствіе въ Европѣ“.

подчиненнаго. Въ начальствѣ совмѣщались законъ, правда, милость и кара. Губернаторъ, при какой-то ссылкѣ на законъ взявшій со стола томъ свода законовъ и сѣвшій на него съ вопросомъ: гдѣ законъ? былъ лицомъ типическимъ, въ частности добрымъ и справедливымъ человѣкомъ. Купецъ торговалъ потому, что была на то милость начальства; обыватель ходилъ по улицѣ, спалъ послѣ обѣда въ силу начальническаго позволенія; приказный пилъ водку, женился, плодилъ дѣтей, бралъ взятки по милости начальническаго снисхожденія. Воздухомъ дышали потому, что начальство, снисходя къ слабости нашей, отпускало въ атмосферу достаточное количество кислорода. Рыба плавала въ водѣ, птицы пѣли въ лѣсу, потому что такъ разрѣшено было начальствомъ. Начальникъ былъ безотвѣтственъ въ отношеніяхъ своихъ къ подчиненнымъ, но имѣлъ, въ тѣхъ же условіяхъ, начальство и надъ собою. Для народа, несшаго тяготы и крѣпостныхъ и государственныхъ повинностей, со включеніемъ тяжкой рекрутчины, то было время не легкой службы. Военные люди, какъ представители дисциплины и подчиненія, имѣли первенствующее значеніе, считались годными для всѣхъ родовъ службы. Гусарскій полковникъ засѣдалъ въ синодѣ, въ качествѣ оберъ-прокурора. За то полковой священникъ, подчиненный оберъ-священнику, былъ служивый въ рясѣ, независимый отъ архіерея. Коллежскій ассесоръ Ковалевъ, у Гоголя, требовалъ, чтобы его звали маіоромъ. Коллежскіе совѣтники были довольны, если ихъ звали полковниками; дѣйствительныхъ статскихъ и доселѣ принято звать генералами. Всякая независимая отъ службы дѣятельность человѣка считалась развѣ только терпимою при незамѣтности и немедленно возбуждала опасеніе, какъ только чѣмъ-либо явно обнаруживалась. На неслужащаго дворянина смотрѣли косо, и славянофилы заботили третье отдѣленіе не менѣе какихъ-либо политически неблагонадежныхъ людей. Цензура вычеркивала „вольный духъ“ въ поваренныхъ книгахъ. Тѣлесныя наказанія считались главнымъ орудіемъ дисциплины и основою общественнаго воспитанія. Отъ ученія требовали только практической пригодности, наука была въ подозрѣніи. Съ 1848 года преслѣдованіе независимости во всѣхъ ея формахъ приняло мрачный характеръ.

Какое политическое воспитаніе могла получить мыслящая часть общества при такихъ условіяхъ? Отрицательное отношеніе къ наличной государственной дѣйствительности

сдѣлалось господствующимъ направленіемъ въ мыслящихъ кругахъ. Образовалось понятіе „оффиціальная Россія“, къ которой чувствовалось глубокое отчужденіе. Герценъ вѣрно подмѣтилъ черту, бывшую общею всѣмъ партіямъ, которыя считали себя носителями русской мысли въ описанную эпоху. „Главная черта всѣхъ ихъ, говоритъ онъ въ запискахъ своихъ, озаглавленныхъ „Былое и думы“ (II, 161) — глубокое чувство отчужденія отъ оффиціальной Россіи и отъ среды, ихъ окружавшей“ [1]). Что разумѣлось подъ именемъ оффиціальной Россіи? Разнородныя понятія смѣшивались въ одномъ смутномъ образѣ. Разумѣлась Россія правительственная, Россія военнаго могущества и военной выправки, государственной службы, начальства, чиновниковъ, присутственныхъ мѣстъ отъ низшихъ инстанцій до Правительствующихъ Сената и Синода включительно; Россія рекрутскихъ наборовъ и помѣщичьихъ правъ: Россія хвалебныхъ одъ Ломоносова, похвальныхъ словъ, торжественныхъ рѣчей, парадовъ; Россія газетъ Греча и Булгарина въ области журналистики, лекцій Шевырева и Устрялова на каѳедрѣ, патріотическихъ драмъ Полеваго и Кукольника на сценѣ.

Походъ на оффиціальную Россію шелъ съ двухъ сторонъ: съ одной во имя русской самобытности, съ другой во имя западной цивилизаціи. Въ одномъ лагерѣ желанная неоффиціальная Россія—въ противоположномъ оффиціальной, петербургской, императорской, бюрократической—представлялась какъ царская Русь, съ ея Кремлевскою стариною, оригинальнымъ строемъ, дѣдовскими обычаями, народными вѣрованіями, церковностію жизни, гуломъ московскихъ колоколовъ, монастырями, какъ средоточіями умственной дѣятельности; съ ея деревнею, боярствомъ и крестьянствомъ; съ ея міромъ, вѣчемъ, общиною, сходкою, приказами вмѣсто коллегій и министерствъ, думами и соборами вмѣсто совѣтовъ. Въ другомъ лагерѣ русская бытовая самостоятель-

---

[1]) Сказанное Герценомъ подтверждается свидѣтельствомъ К. С. Аксакова въ его „Воспоминаніяхъ студентства 1832 и 1835 годовъ“ помѣщенныхъ въ *Днь* (№ 39, 1862 г.). „Въ этомъ кружкѣ (рѣчь идетъ о кружкѣ Станкевича) — говоритъ онъ—выработалось уже общее воззрѣніе на Россію, на жизнь и литературу, на міръ,—воззрѣніе большею частію отрицательное. Искусственность россійскаго классическаго патріотизма, неискренность печатнаго лиризма породили справедливое желаніе простоты и искренности. Односторонніе всего были нападенія на Россію, возбужденныя казенными ей похвалами. Я былъ пораженъ такимъ направленіемъ и мнѣ было больно; въ особенности больны мнѣ были нападенія на Россію, которую любилъ я съ самыхъ малыхъ лѣтъ“.

ность отвергалась какъ варварство; цѣлью стремленій было обращеніе Россіи въ государство западнаго типа, чрезъ принятіе западныхъ формъ государственной и общественной жизни. Взаимныя столкновенія лагерей имѣли въ началѣ характеръ горячихъ, но дружественныхъ схватокъ. Правительственныя власти одинаково неблагосклонно смотрѣли на тотъ и другой лагерь.

Направленіе западничества породило то, что принято у насъ называть либерализмомъ, либеральною партіею и въ ея умѣренныхъ и въ ея крайнихъ стадіяхъ. Благодаря главнымъ образомъ, этому направленію, національное, патріотическое сознаніе, въ которомъ вся сила государства, ослабѣло въ поверхностныхъ слояхъ нашего общества. Въ значительной долѣ нашей интеллигенціи обнаружился какой-то патріодіумъ вмѣсто патріотизма. Покойный Хомяковъ, въ своей рѣчи по случаю возобновленія публичныхъ засѣданій Московскаго Общества любителей словесности въ мартѣ 1859 года, охарактеризовалъ русское самоотрицаніе, въ слѣдующихъ словахъ сформуловавъ безотрадное мнѣніе о русской землѣ не малой доли людей того времени, именовавшихся западниками. „Земля большая, рѣдко заселенная, прожившая или пострадавшая безсмысленную исторію, ничего не создавшая, не носящая никакихъ особенныхъ зачатковъ и сѣмянъ для человѣчества—вотъ Россія. По правдѣ сказать, на что́ такая земля нужна Богу и людямъ? Это или явленіе принадлежащее натуральной исторіи и фаунѣ сѣвернаго полушарія или много-много человѣческій матеріалъ, можетъ быть, пригодный на то, чтобы оживиться чужою мыслію и сдѣлаться проводникомъ этой чужой мысли къ другимъ еще болѣе удаленнымъ, къ еще скуднѣе одареннымъ племенамъ“.

V.

Есть поразительный фактъ, свидѣтельствующій о непатріотическомъ настроеніи нашей интеллигенціи въ эпоху севастопольскаго испытанія. Въ то время какъ на южной окраинѣ русская армія, плохо вооруженная, неумѣло предводимая, являла чудеса покорности патріотическому долгу, и пасынки морскаго вѣдомства, герои моряки черноморскаго флота съ ихъ Корниловыми, Нахимовыми, Истомиными, гибли за отечество,—въ центрѣ русской земли, среди старой Москвы, въ умахъ ея интеллигенціи царило печальное недоумѣніе. Кошелевъ въ посмертныхъ запискахъ своихъ

свидѣтельствуетъ о немъ съ легкимъ сердцемъ, въ лже-либеральномъ, чуть не хвастливомъ тонѣ. Занятое войною правительство, описываетъ онъ,—стало меньше заниматься внутреннимп дѣламп. Это возбудило въ кружкѣ Кошелева, по словамъ его, самыя отрадныя чувствованія. „Казалось, пишетъ онъ,—что изъ томительной мрачной темницы мы какъ будто выходимъ, если не на свѣтъ Божій, то по крайней мѣрѣ въ преддверіе къ тому, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крыму въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ, обложеніе Севастополя не слишкомъ насъ огорчали, такъ какъ мы были убѣждены, что даже пораженіе Россіи сноснѣе и даже для нея полезнѣе того положенія, въ какомъ она находилась въ послѣднее время“. Эти „мы“, по словамъ Кошелева, дышавшіе полною грудью и радовавшіеся при пораженіи своего отечества, были въ то же время исполнены, казалось, мистическаго культа земли и народа. Можно возразить, что въ разсказѣ этомъ авторъ записокъ, говоря за другихъ, внесъ, быть можетъ, слишкомъ много своего личнаго; но есть другое, не менѣе знаменательное, свидѣтельство изъ лагеря противоположнаго славянофильству. Его встрѣчаемъ въ біографіи Грановскаго, изданной въ 1869 г. г. Станкевичемъ. Въ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Грановскій, на войну союзниковъ съ Россіею смотрѣли какъ на войну цивилизаціи съ варварствомъ, и большинство легко мирилось съ пораженіемъ варварства, хотя варварство это было его отечествомъ. Русское чувство проснулось въ знаменитомъ историкѣ, желавшемъ видѣть, по выраженію его біографа, „въ своихъ соотечественникахъ готовность бороться и умереть за отечество, даже еслибы въ нихъ не было надежды на его торжество и желанія побѣды.“ Но отголосковъ на свои мысли онъ слышалъ мало. „Встрѣчаешься, писалъ онъ своему другу Фролову въ октябрѣ 1854 г., —съ людьми просвѣщенными, мыслящими, которыхъ знаешь давно, и съ удивленіемъ замѣчаешь безконечное разстояніе, раздѣляющее васъ въ самыхъ коренныхъ понятіяхъ и убѣжденіяхъ.“

Замѣчательно, что западническое, а отчасти и славянофильское направленіе, развившіяся въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ университетахъ и литературныхъ кругахъ, исходнымъ пунктомъ имѣли нѣмецкую философію въ связи съ поклоненіемъ чистому искусству. Берлинъ былъ Меккою философскаго культа. Скоро, однако, культъ философіи, въ западническихъ кругахъ, преобразовался въ культъ фран-

цузскихъ идей съ революціею включительно. Сойдя съ высотъ отвлеченной философіи, направленіе это въ лицѣ Герцена и послѣдователей революціонной секты, которой онъ былъ предводителемъ, превратилось въ политическую пропаганду. Въ „Былomъ и думахъ“ Герценъ—не безъ наивности, по отношенію къ себѣ и приснымъ,—заявляетъ, говоря о кружкахъ его времени въ университетѣ, что тогда „Россія будущаго существовала исключительно между мальчиками. Въ нихъ было наслѣдіе 14 декабря, наслѣдіе общечеловѣческой науки и чисто народной Руси“. Если и не Россія будущаго, то зародышъ русскаго радикализма, распустившійся въ нигилизмъ и соціалъ-революціонныя шайки, находился въ этихъ кружкахъ и именно въ той группѣ, которую Герценъ называетъ „нашъ кружокъ“, считая двумя другими группами кружки Станкевича и славянофиловъ. Другіе зародыши, и дѣйствительно плодотворные, были въ этихъ другихъ группахъ.

Тайный и весьма отвлеченный культъ революціи былъ силенъ въ молодомъ поколѣніи во всю эпоху царствованія императора Николая, хотя слово революція было подъ великимъ запретомъ и въ печати, и на каѳедрахъ. Въ мои студентскіе годы въ университетской библіотекѣ книги, гдѣ говорится о революціи, были отставлены въ особые шкафы. На сочиненіяхъ, авторы которыхъ болѣе или менѣе сочувственно относятся къ событію, красовался ярлыкъ „запрещено безусловно“. Ихъ не давали даже профессорамъ, развѣ потихоньку. На простыхъ повѣствованіяхъ о происшествіяхъ запрещенной эпохи, мемуарахъ, сборникахъ, документахъ, значилось: „запрещено для публики“. Эти не выдавались студентамъ и постороннимъ читателямъ. И всѣ эти запреты не помѣшали революціоннымъ идеямъ чрезъ всѣ преграды проникать въ мододые умы.

„Припоминаю—заимствую эти строки изъ перваго разговора въ моихъ очеркахъ *Противъ теченія*,—какое бывало наслажденіе доставлялъ добытый отъ какого-нибудь обладателя запрещеннаго плода, профессора или инаго счастливца, на самое короткое время опасный томъ какой-нибудь исторіи революціи, въ которомъ казалось и заключается самая-то скрываемая истина. Съ какою жадностью одолѣвали мы въ одну ночь томъ Мишле, Луи Блана, въ четыреста, пятьсотъ страницъ, понимаемый изъ пятаго въ десятое и по недостаточному знанію языка, и по отсутствію свѣдѣній вообще. Чѣмъ сочиненіе запрещеннѣе, тѣмъ казалось истиннѣе.

„Нашимъ юношескимъ увлеченіямъ не мало содѣйство-

вало то обстоятельство, что въ литературныхъ и профессорскихъ кружкахъ, имѣвшихъ наиболѣе вліянія на молодые умы, „культъ революціи“, если не въ подробностяхъ исполненія ея программы, то въ ея началахъ, идеяхъ, — неотразимо-де имѣющихъ осуществиться и отдѣлить новый міръ отъ стараго—принадлежалъ къ числу основныхъ убѣжденій.

„Наши литературные и научные руководители, при бо́льшихъ, конечно, познаніяхъ и бо́льшей опытности, чѣмъ какія мы имѣли,—были по отношенію къ политическимъ вопросамъ, и къ дѣлу революціи въ томъ числѣ, такіе же неопытные новички, какъ и мы юноши. Между практикой окружающей жизни и тѣмъ, что слагалось въ умахъ изъ книжнаго знакомства съ міромъ европейской цивилизаціи, была тогда цѣлая пропасть. Чувствовалось внутреннее раздвоеніе. Съ одной стороны, непроглядная дѣйствительность съ явленіями невѣжества, грубаго стѣсненія всего, что дорого человѣку, дорожащему свободой своей мысли; съ другой—фантастическій идеалъ свободнаго цивилизованнаго государства, осуществляемый на западѣ, и если не осуществленный еще, то лишь благодаря противодѣйствію именно тѣхъ же темныхъ силъ, которыя такъ давали себя чувствовать вокругъ. Для серьезной оцѣнки явленій жизни требовалась степень зрѣлости, какою не обладали ни мы, ни наши руководители“.

VI.

Миновали трудные дни Крымской войны. Съ новымъ царствованіемъ дыханіе мира и свободы пронеслось по русской землѣ. Началась эпоха преобразованій. Крѣпостная Россія отошла въ вѣчность. Возникалъ великій вопросъ, чѣмъ будетъ и должна быть Россія обновленная. Задача громадная, одушевленіе свѣтлое и всеобщее, но силы для разрѣшенія ея слабы и не подготовлены; предносившіеся идеалы крайне неопредѣленны, политическія сужденія легкомысленны. Крушеніе системы, отъ которой такъ много накипѣло въ душахъ, повело къ ослабленію самой идеи власти и государства. Самоотрицаніе сдѣлалось силою и получило доступъ къ дѣламъ. Рецептъ обновленія казался простымъ. Устраняйте всюду Россію оффиціальную, и Россія крѣпостная станетъ обновленною. Сбросимъ всякую форменную одежду и весело пойдемъ въ историческій плясъ. Въ преслѣдованіи неприглядаго образа оффиціальной Россіи и въ погонѣ за фантастическимъ призракомъ Россіи обновленной по раз-

нымъ образцамъ мы болѣе и болѣе утрачивали сознаніе Россіи дѣйствительной, *исторической*, по существу правительственной, государственной.

Намъ грозила утрата того истиннаго, практическаго патріотизма, въ которомъ заключается главная общественная сила.

Это-то непониманіе идеи исторической Россіи и было главнымъ источникомъ смуты нашихъ политическихъ понятій. Въ ясное созданіе идея эта пришла въ эпоху польскаго возстанія 1863 года и главнымъ образомъ благодаря Михаилу Никифоровичу.

Что такое Россія историческая?

Россія историческая есть Россія дѣйствительная, какъ завѣщана она нынѣшнему поколѣнію многовѣковою, тяжелою исторіею; Россія русскаго правительства и русскаго народа. Признавать историческую Россію — значитъ признавать, что можно стоять на высотахъ европейскаго просвѣщенія и оставаться русскимъ, вѣрнымъ своему государю и своему народу, не отрекающимся отъ исторіи своего государства и ея нелегкихъ задачъ, не отвергающимъ съ ребяческимъ легкомысліемъ выработаннаго страдою поколѣній государственнаго строя. Россія историческая, въ ея идеалѣ, есть Россія сильной правительственной власти, единичной и живой, а не коллективной и условной, и самой широкой свободы во всемъ, что лежитъ внѣ круга исполненныхъ передъ государствомъ обязанностей. Россія историческая есть та же правительственная, оффиціальная, но не въ смыслѣ Россіи эпохи Николая I, когда въ основѣ государственнаго дѣла лежала идея о державномъ помѣщикѣ среди крѣпостнаго населенія, трактующемъ съ другими помѣщиками, съ трудомъ управляющимися съ своими вольнонаемными подданными; и не въ смыслѣ эпохи Александра I, когда въ основѣ управленія была идея европейски просвѣщеннаго правительства, преслѣдующаго интересы Европы и цивилизаціи среди своего и помощію своего варварскаго народа. Россія историческая есть русское правительство и русскій народъ, стоящіе вмѣстѣ и дружественно на стражѣ русскихъ интересовъ.

Поднявшійся, и въ эту эпоху перелома не по днямъ, а по часамъ возраставшій польскій вопросъ явился великимъ испытаніемъ нашего политическаго разумѣнія, оселкомъ нашей политической мудрости. Испытаніе грозило оказаться не въ нашу пользу. Никогда обстоятельства не были такъ благопріятны къ повороту этого историческаго вопроса на гибель Россіи. Насколько человѣческое неразуміе можетъ

содѣйствовать ходу событій во враждебную національнымъ интересамъ сторону, все было сдѣлано съ нашей стороны.

Общественная масса, которая политическою системою предшествовавшаго царствованія воспиталась въ строжайшемъ отчужденіи отъ вопросовъ государственнаго интереса, долженствовавшихъ согласно этой системѣ быть исключительнымъ достояніемъ правительства и вполнѣ запретною областію для всякаго частнаго сужденія, почти ничего не знала о польскихъ дѣлахъ и ими не интересовалась. Когда запреты ослабли, въ неопытныхъ умахъ пробудились политическія сужденія, шаткія и безпочвенныя, готовыя повиноваться всякому вѣтру. Прежде отрицаніе оффиціальной Россіи проявлялось въ немногихъ, ибо проявленіе это соединялось съ значительнымъ рискомъ. Теперь загудѣла масса, подчинялась вліяніямъ, казавшимся либеральными, удовлетворяющими накопившейся потребности въ свободѣ. Овладѣвшее было мнѣніемъ меньшинство проникнуто было мыслію, что отношеніе Россіи къ Польшѣ есть историческая несправедливость, требующая всякаго покаянія. Оно преклонялось предъ польскимъ патріотизмомъ, отрицая русскій, близоруко не усматривало, что выдвигается вопросъ не о свободѣ, а о страшныхъ притязаніяхъ, долженствовавшихъ вернуть вспять русскую исторію и сдѣлать вопросомъ самое бытіе Россіи, какъ могущественнаго европейскаго государства. Люди, русскіе въ глубинѣ, умственно высоко стоявшіе дружили съ тайными агентами польскаго заговора и не подозрѣвали, съ кѣмъ имѣютъ дѣло. Люди несамостоятельные въ мысли, но претендующіе на мысль и сужденіе—а такихъ легіонъ — повторяли навѣянныя фразы. Образовалась атмосфера политическаго сумбура.

„Бѣда нашего общества“, писалъ Михаилъ Никифоровичъ въ одной изъ своихъ замѣтокъ въ концѣ 1861 г., „состоитъ въ томъ, что у нашихъ образованныхъ людей есть все, что хотите, но только въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, и очень мало въ какой-нибудь реальной цѣнности. У насъ наготовленъ такой страшный избытокъ словъ, словъ и словъ, такая бездна фразъ, что всякій признакъ мысли, чего-нибудь въ правду сознаваемаго или чувствуемаго, есть большая рѣдкость, которой не нарадуешься, если гдѣ-нибудь ее встрѣтишь. Мы усвоили себѣ всѣ наружные пріемы людей мыслящихъ, чувствующихъ, чѣмъ-нибудь занятыхъ; мы можемъ болтать обо всемъ на свѣтѣ, какъ люди все и весьма глубоко знающіе; намъ ни по чемъ никакія науки, никакія высокія мысли, и Хлестаковъ у насъ великій, все-

объемлющій типъ. Хлестаковство у насъ во всемъ, не только въ фельетонистахъ, не только въ безбородыхъ юношахъ, но и въ нашихъ soi-disant ученыхъ и въ маститыхъ старцахъ. Часто отъ людей, повидимому весьма порядочныхъ, даже поживщихъ на свѣтѣ и извѣдавшихъ кое-что, услышите вы вдругъ самыя безсовѣстныя рѣчи, обличающія совершенное отсутствіе чувства истины въ говорящемъ. Да, хлестаковство—нашъ общественный недугъ, и безсмертный типъ, созданный Гоголемъ, будетъ современемъ еще болѣе оцѣненъ. Даже то, что Хлестаковъ есть петербургскій чиновникъ, черта весьма глубокая и существенная въ этомъ типѣ. Случалось ли вамъ, читатель, въ нашей сѣверной Пальмирѣ встрѣчать этихъ весьма благоприличныхъ по наружности господъ, которые съ перваго разу обратятъ на себя ваше вниманіе бойкими, складными фразами о разныхъ предметахъ: слова безостановочно льются и вяжутся, обо всемъ высказывается мнѣніе готовое и рѣшительное; прекрасный слогъ, свѣдѣній пропасть, идеи блестящія. Но этотъ миражъ непродолжителенъ; вы скоро начинаете чувствовать, что передъ вами гробъ повапленный, что въ этомъ краснорѣчивомъ и мыслящемъ господинѣ ничего нѣтъ и никогда ничего не было". Такіе люди были не въ гостиныхъ только; они наполняли правительственныя сферы, концеляріи и департаменты и сильнѣйше содѣйствовали разливу политическаго легкомыслія. Какъ тогда нерѣдко отъ лицъ не малаго государственнаго значенія, но въ то же время не желавшихъ потерять мѣсто и въ табели о либеральныхъ рангахъ, можно было услышать, въ минуты откровенности, иногда въ разговорахъ съ тѣмъ или другимъ представителемъ печати, политическую исповѣдь самыхъ удивительныхъ свойствъ. „Я понимаю, разсуждалъ иной, что революція необходима, что она есть непремѣнное условіе прогресса, но общество должно быть приготовлено къ ней постепенно, исподволь, воспитаніемъ общественной мысли". „Господа, я самъ либералъ, заявлялъ болѣе кратко другой, но нельзя же такъ скоро". „Безъ сомнѣнія, ораторствовалъ третій, основаніе политическаго ученія есть „Общественный договоръ" (Contrat Social) Руссо. Это политическое евангеліе". Фразы эти невыдумка.

Въ высшихъ правительственныхъ кругахъ не было ни яснаго плана, ни устойчивости идей. Власть какъ величавость стояла на прежней высотѣ и цѣнилась. Но власть какъ начало и орудіе государственнаго дѣйствія, отчасти по естественной реакціи противъ потерпѣвшей крушеніе пред-

шествовавшей системы—ослабѣла. Мало того; русское чувство было непонятно не малой части вліятельныхъ лицъ. Нѣкоторымъ оно претило какъ нѣчто грубое и въ существѣ демократическое. Мысль о русскомъ государствѣ для русскаго народа казалась узко-національной. Впослѣдствіи въ подобныхъ лицахъ солидарность съ враждебною государству аристократіею, каковою была польская, оказывалась сильнѣе соображенія національныхъ интересовъ. Для нѣкоторыхъ, сепаратистскія стремленія всякаго рода не представляли ничего ужасающаго и даже имъ улыбались. Книга Шедо Феротти (Que fera-t-on de la Pologne), составленная (въ 1864 году) и распространявшаяся подъ покровительствомъ вліятельныхъ лицъ, служитъ тому доказательствомъ.

Отдѣльность Польши, полная административная, а затѣмъ, конечно, и политическая, въ родѣ финляндской, была предъ мятежемъ 1863 года дѣломъ рѣшеннымъ въ правительственныхъ сферахъ. Былъ уже сдѣланъ роковой шагъ: правительство приняло систему непонятаго и неоцѣненнаго своими Велепольскаго. Самое назначеніе намѣстникомъ царства польскаго русскаго великаго князя поставило управленіе царствомъ въ непосредственное приближеніе къ верховной власти, укрѣпляя его отдѣльность. Удайся планъ Велепольскаго, русская исторія была бы повернута вспять и потребовались бы новыя великія жертвы, чтобы выйдти на явственно указываемый исторіей путь. Насъ спасли — составившееся у враговъ нашихъ преувеличенное понятіе о нашей правительственной и государственной слабости и увѣренность въ неизбѣжности революціоннаго переворота внутри самой Россіи. Требовательность перешла всякую мѣру. Наконецъ всколыхалось и поднялось русское національное чувство, нашедшее въ Михаилѣ Никифоровичѣ своего выразителя. Возбужденный патріотизмъ разсѣялъ оба миража: и миражъ русской революціи, и миражъ польскаго государства, поднявшагося было во образѣ гальванизованнаго мертвеца, съ подпольнымъ правительствомъ, требовавшимъ жертвъ и повиновенія.

Та страшная ненависть, какую питали, въ теченіе его жизни, къ Михаилу Никифоровичу его политическіе противники, проистекала главнымъ образомъ именно изъ того, что патріотизмъ его былъ, какъ мы выше выразились, патріотизмъ практическій.

„Въ насъ видятъ, говорилъ Михаилъ Никифоровичъ по поводу оцѣнки его дѣятельности въ памфлетѣ Шедо Феротти, — какую-то уродливую случайность, а вся бѣда со-

стоитъ только въ томъ, что мы, чувствуя себя въ глубинѣ души русскими, нераздѣльно съ тѣмъ и также глубоко чувствуемъ свою связь съ европейскою цивилизаціей. Намъ простили бы, еслибы чувство русской народности было у насъ темнымъ фанатизмомъ, дикою страстью, или тѣмъ, что называется кваснымъ патріотизмомъ. На насъ не обратили бы вниманія, еслибъ это чувство развивалось у насъ въ фантазіи и вопреки здравому смыслу. Но намъ не могутъ простить то, что въ нашихъ понятіяхъ русское дѣло есть дѣло цивилизаціи и человѣчества, и что мы въ то же время остаемся въ предѣлахъ здраваго смысла и на землѣ. Такое сочетаніе кажется крайне неудобнымъ для всѣхъ нашихъ сепаратистовъ; оно является досадною неожиданностью. Допускается имѣть какіе угодно идеалы и цѣли; но отнюдь не можетъ быть допущено живое, искреннее и толковое убѣжденіе, что истинный прогрессъ въ Россіи возможенъ только на основаніи русской народности, что русское государство можетъ сохранить свою силу и пріобрѣсти желаемое благоустройство только въ качествѣ русскаго государства, что политика русскаго правительства можетъ не иначе вести ко благу, не иначе удовлетворять своему назначенію, какъ принимая все болѣе и болѣе національный характеръ".

VII.

Въ какой мѣрѣ въ нашемъ обществѣ по отношенію къ польскому вопросу утратилось тогда пониманіе его существа, можно судить по тому, какъ относился къ этому вопросу славянофильскій кружокъ, для котораго русская національность, славянство, православіе въ западномъ краѣ и судьба областей, возвращенныхъ отъ Польши, были, повидимому, нѣкотораго рода спеціальностію и самымъ живымъ интересомъ. Объявивъ себя за права русской народности въ западномъ краѣ, представители кружка съ какою-то изысканною деликатностію, какъ бы извиняясь, полемизировали объ этомъ предметѣ съ защитниками польскихъ притязаній, вызывая ихъ на дружественныя объясненія въ надеждѣ на непобѣдимость своихъ аргументовъ. Славянофилы рѣзко отдѣляли вопросъ о царствѣ польскомъ отъ вопроса о западномъ краѣ и, всячески убѣждая поляковъ отказаться отъ претензій на западный край, тѣмъ съ большею готовностію соглашались на всяческую политическую обособленность царства. Выразителемъ мнѣнія кружка явился г. Елагинъ въ газетѣ *День* И. С. Аксакова, заявив-

шаго полное согласіе редакціи съ г. Елагинымъ. Статья г. Елагина написанная по поводу помѣщеннаго въ *Днѣ* письма въ редакцію этой газеты польскаго писателя г. Грабовскаго. „Вамъ извѣстно, говорилъ г. Елагинъ, обращаясь къ той же редакціи (*День*, № 24, 1862 г.) какое радостное чувство (!) возбудила въ русской публикѣ статья г. Грабовскаго (исполненная польскихъ притязаній !). Мы, русскіе, цѣнимъ важность дѣльнаго и откровеннаго разговора между поляками и нами и уважаемъ нравственный подвигъ человѣка, который высказалъ намъ всю горькую правду,—и высказалъ такъ, какъ г. Грабовсскій".

Мнѣніе г. Елагина выражено весьма туманно, но общій смыслъ его достаточно ясенъ.

„Поляки, писалъ онъ, видятъ въ насъ не русскихъ людей, а русское *правительство* и его государственные замыслы: видятъ нападеніе на себя тамъ, гдѣ съ нашей стороны одна законная и необходимая оборона.

„Съ другой стороны, и мы въ нихъ видимъ одно только общество, слишкомъ притязательное, и *забываемъ о правахъ польскаго народа и польской земли*. Еслибы они повернулись къ намъ своею народною и государственною стороною, а мы бы оборотились къ нимъ нашею общественною, а не одною только простонародною и государственною, то тяжба была бы вѣроятно близка къ примиренію. Но это не легко, потому что вся ихъ сила въ обществѣ, а государство у нихъ мечта; вся наша—въ государствѣ и простомъ народѣ, а общество наше слабо. Съ обѣихъ сторонъ слишкомъ невыгодно обращаться къ противнику беззащитнымъ бокомъ... Укрѣпленіе общества у насъ и укрѣпленіе государства у нихъ поведутъ Россію и Польшу въ вѣчному миру".

Въ общемъ результатѣ—всякія политическія и государственныя уступки по отношенію собственно къ Польшѣ, но за то полное отклоненіе польскихъ притязаній на издревле русскія земли, съ приглашеніемъ поляковъ на искреннюю уступчивость по этому пункту и предложеніемъ за то съ своей стороны самой братской искренней дружбы.

День говоритъ въ свою очередь И. С. Аксаковъ,—уже довольно ясно опредѣлилъ свою точку зрѣнія на польскія дѣла. Въ силу того же начала, которое заставляетъ насъ такъ горячо отстаивать права русской народности противъ польскаго домогательства, въ силу этого же живаго начала стоимъ мы и за права польской народности въ предѣлахъ Польши,—Польши,а не Волыни, Подоліи, Бѣлоруссіиипроч.

„Намъ истинно жаль, прибавляетъ онъ, что польскіе дво-

ряне, возбуждавшіе всегда, несокрушимою живучестью своего патріотизма, наше искреннее уваженіе, обнаруживаютъ столько деспотической примѣси въ своемъ патріотизмѣ.

„Неужели же всѣ поляки таковы, какъ эти 300 дворянъ, написавшихъ адресъ волынскаго дворянства и придерживающихся деспотическихъ теорій Вѣнскаго конгресса? Еслибъ это могло быть,—было бы отчего придти въ отчаяніе за будущность Польши!

„Не упрекъ и брань должны видѣть поляки въ нашихъ словахъ, а дружески искренній совѣтъ и предостереженіе. Приглашаемъ ихъ снова, оставивъ поле внѣшняго политическаго дѣйствованія, вступить съ нами въ открытую борьбу въ области литературнаго слова: предлагаемъ имъ снова столбцы нашей газеты".

Вотъ какія иллюзіи были у людей, считавшихъ себя и считавшихся спеціалистами по польскому вопросу! Непріятелю и притомъ скрытому, съ которымъ и переговариваться нельзя, такъ какъ переговариваться не съ кѣмъ — гдѣ его уполномоченные? — дѣлается въ воздухѣ предложеніе: пусть дастъ обѣщаніе не переходить за извѣстную границу, за которой лежитъ главная цѣль кампаніи, и за это ему дозволяется у черты воздвигнуть крѣпость и возвести укрѣпленія такъ, чтобы въ будущемъ, когда ему вздумается не соблюсти обѣщанія, побѣда была ему вполнѣ обезпечена. Для возведенія укрѣпленій предлагается сочувствіе и содѣйствіе. Вотъ какая рекомендовалась дальновидная политика! И это въ то время, когда польскіе эмигранты въ одной изъ статей, наводнявшихъ иностранную печать, въ „Revue Contemporaine"—говорили: „антагонизмъ между Россіею и Польшею есть, быть можетъ, одна изъ роковыхъ необходимостей, которыхъ тайна извѣстна только божественному промыслу. Ваше назначеніе тяготѣть надъ міромъ, наше—бороться съ вами и *уничтожать* васъ."

Да и для самого Михаила Никифоровича польскій вопросъ въ эту эпоху не былъ настойчивою заботою мысли; опасность, грозившая единству Россіи, не представлялась съ достаточною ясностію. Съ украйнофильствомъ, какъ мы видѣли, онъ полемизировалъ еще какъ съ литературною попыткою. По польскому вопросу въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (въ декабрѣ 1861 г.) была одна обстоятельная статья П. К. Щебальскаго. И ея содержаніе касается главнымъ образомъ польскихъ притязаній на Бѣлую и Южную Русь. Начиная полемику авторъ оговаривается: „честно ли начинать споръ съ противникомъ, который отвѣчать не можетъ?" и отстаи-

ваетъ право полемики, ссылаясь на то обстоятельство, что произведенія польскихъ публицистовъ наводняютъ журналы и наполняютъ брошюрами и книгами книжныя лавки западной Европы. По адресу людей непримиримо враждебныхъ онъ говоритъ: „мы уважаемъ ваши несчастія и за нихъ многое очень многое, можетъ быть слишкомъ многое, безмолвно переносимъ.“

Что касается русской „революціонной партіи“, то она и въ заграничныхъ представителяхъ и въ тайныхъ членахъ общества „Земля и Воля“ была вся въ польскихъ рукахъ и дѣйствовала измѣннически по отношенію къ интересамъ Россіи. Достойно отмѣтить этотъ измѣнническій характеръ чаемой „русской революціи“. Французская революція, какъ бы ни судить ее, во всякомъ случаѣ была явленіемъ національнымъ. Какіе бы ни были раздоры классовъ и партій — она была во всякомъ случаѣ явленіемъ центростремительнымъ. Было нѣчто все соединявшее во едино. Это нѣчто была Франція. Единство Франціи скрѣпилось въ эпоху революціи. Явленіе федераціи 1790 года главный смыслъ свой имѣло какъ стремленіе къ единенію и уничтоженію провинціальной розни, еще довольно значительной до революціи. Въ революціонныхъ войнахъ, какъ отмѣтилъ знаменитый публицистъ эпохи революціи Малле дю Панъ, политическая рознь въ рядахъ войска не имѣла силы: монархисты и якобинцы, католики и атеисты одинаково вѣрно бились за Францію. Наша затѣваемая революція, отъ крайнихъ нигилистическихъ радикальныхъ безумій до самаго приглаженнаго доктринерства въ парламентарномъ вкусѣ, не отдѣлимаго отъ общаго потока чающихъ „измѣненія строя“—по существу, центробѣжная, по просту—измѣнническая. Цѣль ея—сознательная въ однихъ, безсознательная, близоруко не усматриваемая въ другихъ—разложеніе Россіи. Немного казалось бы требуется государственнаго смысла, чтобы замѣтить, что крѣпкая, единящая власть есть первое условіе государственнаго сплотненія, въ которомъ вся наша сила и которая и нынѣ есть главная историческая потребность эпохи. Сепаратизмъ вовсе не призракъ и не вѣтряныя мельницы, какъ старались доказать иные, отводя глаза отъ истиннаго положенія дѣла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отрезвляющее слово въ статьѣ о Герценѣ. Переходъ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ руки Каткова и Леонтьева.

I.

Первая политическая отрезвляющая статья Михаила Никифоровича, произведшая сильнѣйшее впечатлѣніе, была направлена противъ Герцена и его лондонской пропаганды. Статья появилась при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Это было лѣтомъ 1862 года. Общество находилось подъ тревожнымъ впечатлѣніемъ пожаровъ, угрожавшихъ опустошить Петербургъ. Откуда шли поджоги, осталось неразслѣдованнымъ, но ни у кого не было сомнѣнія, что шли они отъ революціонной партіи. Въ народѣ крѣпко держалась прискорбная мысль, что гнѣзда поджигателей находятся въ средѣ учащейся молодежи. Изъ Лондона и *Колокола* шли поджигательства другаго рода — непрерывное возбужденіе молодежи, толкаемой на революціонный путь. Въ *Современной Лѣтописи* „Русскаго Вѣстника“, въ № 23, въ статьѣ по поводу пожаровъ, редакція повела рѣчь о лондонской пропагандѣ—не безъ цензурныхъ затрудненій, такъ какъ имя Герцена было подъ строгимъ запретомъ.

„Недавно случилось намъ упомянуть о русскихъ агитаторахъ, проживающихъ комфортабельно за морями: развѣ то, что они дѣлаютъ, не тѣ же поджоги? Или такъ они невинны, что не понимаютъ, къ чему клонятся ихъ манифесты? Или они думаютъ, что возбуждать стихійныя страсти, которыя также мало разбираютъ свои жертвы, какъ и пожары, которыя также сопровождаются всеобщими бѣдствіями, падающими на бѣдныхъ и богатыхъ, на честныхъ и безчестныхъ и еще болѣе на первыхъ,—не значитъ поджигать, особенно когда проповѣдники живутъ весело въ сторонкѣ и еще менѣе обыкновенныхъ поджигателей рискуютъ своею особой. Развѣ это не одно и то же? Развѣ это еще не хуже? Развѣ нельзя ожидать всего отъ людей, которые дѣйствуютъ такимъ образомъ?

„Наши заграничные réfugiés (мы хорошо знаемъ, что это за люди) находятъ, что Европа отжила свое время, что революціи не удаются въ ней, что въ ней есть много всякаго хлама, препятствующаго прогрессу, какъ напримѣръ: наука, цивилизація, свобода, права собственности и личности, и

вотъ они возымѣли благую мысль избрать театромъ для своихъ экспериментовъ Россію, гдѣ, по ихъ мнѣнію, этихъ препятствій нѣтъ, или гдѣ они недостаточно сильны, чтобы оказать успѣшный отпоръ. Они пишутъ и доказываютъ, что Россія—обѣтованная страна коммунизма, что она позволитъ дѣлать съ собою, что угодно, что она стерпитъ все, что оказалось нестерпимымъ для всѣхъ человѣческихъ цивилизацій. Они увѣрены, что на нее можно излить полный фіалъ всѣхъ безумствъ и всѣхъ глупостей, всей мертвечины и всѣхъ отсѣдовъ, которые скоплялись въ разныхъ мѣстахъ и отовсюду выброшены, что для такой операціи время теперь благопріятно, и что ненадобно только затрудняться въ выборѣ средствъ. Всѣ эти прелести съ разными гримасами появлялись въ русскихъ заграничныхъ листкахъ, всѣ воспроизводятся и развиваются въ подметныхъ прокламаціяхъ, которыя появляются въ самой Россіи и которыя были бы невозможны нигдѣ кромѣ Россіи. Да, рабскіе инстинкты, нравственное несовершеннолѣтіе творятъ чудеса, они дѣлаютъ возможнымъ, что было бы невозможно нигдѣ. Благодаря имъ, даже скорбный поэтъ Огаревъ попалъ въ пророки“...

Придетъ время, указывалось далѣе въ статьѣ, когда „превратится въ смѣшное воспоминаніе тотъ чудовищный поразительный фактъ, оскорбляющій теперь до послѣдней глубины наше народное чувство, тотъ фактъ, что нѣсколько господъ, которымъ нечего дѣлать, нѣсколько человѣкъ неспособныхъ контролировать свои собственныя мысли, считаютъ себя въ правѣ распоряжаться судьбами народа, съ тысячелѣтнею исторіей (бѣдный тысячелѣтній народъ, за что̀ суждено тебѣ такое униженіе?), предписывая законы его неучащейся молодежи и его недоученымъ передовымъ людямъ. Въ далекой перспективѣ воспоминанія станетъ также смѣшенъ, а не отвратителенъ этотъ осторожный и благоговѣйный тонъ, съ которымъ говорятъ у насъ о вышеупомянутыхъ законодателяхъ даже тѣ изъ нашей пишущей братіи, которые въ душѣ или изподтишка осмѣливаются роптать и негодовать на нихъ“.

II.

Слова дошли по адресу и задѣли за живое издателей *Колокола*. На страницахъ его появилось рѣзкое, раздраженное письмо къ редакторамъ „Русскаго Вѣстника“. Въ письмѣ говорилось:

*

„Милостивые государи и ученые редакторы“!

„Еслибъ вы, въ вашей полемикѣ противъ насъ, держались въ общихъ сферахъ и въ общихъ грубостяхъ, я не позволилъ бы себѣ утруждать васъ письмомъ, съ одной стороны очень уважая многосложность вашихъ занятій, а съ другой вовсе не уважая ни васъ, ни вашихъ мнѣній.

„Но вы позволили себѣ публично сдѣлать намекъ, чрезвычайно неопредѣленный, но явно относящійся къ частной жизни нашей, и тѣмъ дали намъ и въ особенности мнѣ, какъ несчастному виновнику статьи, раздражившей васъ,— право требовать отъ васъ поясненія. Публичные намеки и клеветы имѣютъ большое неудобство предъ келейнымъ злословіемъ и служебными доносами, до поры до времени покрываемыми канцелярскою тайной“.

Далѣе приводились слова изъ статьи *Современной Лѣтописи*.

„Вы, вѣроятно, не станете отрекаться, продолжаетъ Герценъ, что подъ словомъ заграничные réfugiés (и при этомъ я долженъ признаться, что я до сихъ поръ думалъ, что всѣ réfugiés и эмигранты болѣе или менѣе заграничные), вы разумѣли насъ, издателей *Колокола* и потому позвольте васъ спросить:

„Какіе же мы люди, г. Катковъ?

„Какіе же мы люди, г. Леонтьевъ?

„Вы вѣдь хорошо знаете, какіе мы люди,—ну какіе же?

„Если въ васъ обоихъ есть одна малѣйшая искра чести, вы не можете не отвѣчать; не отвѣчая, вы меня приведете въ горестное положеніе сказать, что вы сдѣлали подлый намекъ, имѣя въ виду очернить насъ въ глазахъ вашей публики.

„Говорите все... въ нашей жизни, какъ въ жизни каждаго человѣка, жившаго не только въ латинскомъ синтаксисѣ и нѣмецкомъ учебникѣ, но въ толокѣ дѣйствительной жизни, есть ошибки, промахи, увлеченья, но нѣтъ поступка, который бы заставилъ насъ покраснѣть передъ кѣмъ бы то ни было, который бы хотѣли мы скрыть отъ кого бы то ни было.

„Если вы то же можете сказать, поздравляю васъ, г. Катковъ, поздравляю васъ, г. Леонтьевъ... хотя я и не сомнѣваюсь, что вы можете.

„Да, г.г. ученые редакторы, мы, поднявши голову, смотримъ въ ваши ученые глаза: кто кого пересмотритъ?“

Приведя затѣмъ, какъ Прудонъ въ 1849 году сказалъ съ трибуны Тьеру, что готовъ фактъ за фактомъ разсказать всю свою жизнь съ условіемъ, чтобы и противникъ сдѣлалъ то же, Герценъ заключаетъ:

„Затѣмъ позвольте надѣяться, что вы, милостивые государи, испросите у вашего начальства разрѣшеніе напечатать это письмо въ многоуважаемой *Лѣтописи* вашей. Вы слишкомъ любите гласность и англійскую ширь оправданія, чтобы намъ можно было сомнѣваться въ этомъ.

„Желаю въ заключеніе, чтобы письмо это застало васъ въ добромъ здоровьи.

Лондонъ. 10 іюня 1862 г. *А. Герценъ.*

Это-то письмо и подало поводъ къ знаменитой „Замѣткѣ для издателей *Колокола*“ (появившейся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* въ іюнѣ 1862 года), выставившей лондонскую пропаганду въ истинномъ ея свѣтѣ и снявшей съ издателей *Колокола* ореолъ политической честности.

Впослѣдствіи, въ 1864 году (*Моск. Вѣд.*, № 195), Михаилъ Никифоровичъ, по поводу книги Шедо-Феротти „Que fera-t-on de la Pologne“, говорилъ о происхожденіи и значеніи своей Замѣтки. На автора этой знаменательной для своего времени книги, подписывавшагося Шедо-Феротти (настоящее имя его баронъ Фирксъ), Михаилъ Никифоровичъ смотрѣлъ какъ на бойкое и искусное перо, находившееся на службѣ анти-русской интриги, имѣвшей приверженцевъ, не въ польскихъ только и заграничныхъ кругахъ, но и въ русскихъ вліятельныхъ сферахъ. На взглядъ Михаила Никифоровича и Герценъ со всею его пропагандою былъ лишь игрушкою той же интриги.

„Г. Герценъ, сказано въ статьѣ, былъ не столько причиною болѣзни, сколько ея симптомомъ. Положеніе вещей, которое нашло себѣ столь яркое выраженіе въ немъ, было создано не имъ, оно создано было причинами, несравненно болѣе могущественными. Печальный комизмъ агитаціи, производившейся г. Герценомъ, именно и заключается въ томъ, что онъ счелъ себя причиной и силой, тогда какъ онъ былъ только послѣдствіемъ и орудіемъ“.

Еще прежде статьи Михаила Никифоровича противъ Герцена выступилъ или, какъ думалъ Михаилъ Никифоровичъ, былъ выпущенъ Шедо-Феротти съ письмомъ на французскомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ, отпечатаннымъ въ Брюсселѣ и безпрепятственно пропущеннымъ въ Россіи. Авторъ расшаркивается съ своимъ противникомъ, находитъ, что Герценъ въ началѣ своего поприща отличался совсѣмъ иными свойствами, чѣмъ впослѣдствіи, и дѣйствовалъ прекрасно и плодотворно. „Читая письмо, говорилъ Михаилъ Никифоровичъ, мы подивились той ловкости, съ которою оно написано. Божество должно было остаться божествомъ

для поклонниковъ; нужно было только ущипнуть его, чтобъ оно не забывалось и не считало себя чѣмъ-либо само собою существующимъ и своею силой дѣйствующимъ. Г. Герценъ, въ то время, какъ писалъ къ нему краснорѣчивое посланіе г. Шедо-Феротти, дѣйствительно вообразилъ себя самостоятельнымъ и могущественнымъ дѣятелемъ, и началъ вступать въ разныя практическія сдѣлки и оказывать терпимость къ нѣкоторымъ предразсудкамъ цивилизаціи. Но этого не требовалось, и г. Герцену данъ былъ урокъ, долженствовавшій возвратить его къ первоначальной чистотѣ его идей, къ тому періоду его дѣятельности, когда онъ безкорыстно занимался великою задачей пересозданія мозговъ человѣческихъ, и имѣлъ другихъ корреспондентовъ. Полезное дѣйствіе г. Герцена должно было состоять въ развитіи чистаго нигилизма, отравою котораго онъ дѣйствовалъ на молодые умы, дѣлая ихъ ни къ чему негодными и отнимая ихъ у русскаго народа; онъ былъ хорошъ, когда, безъ всякихъ дальнѣйшихъ цѣлей, способствовалъ только къ подрыву въ русскомъ обществѣ тѣхъ основъ, на которыхъ держится и развивается цивилизація“.

„Нѣтъ никакого сомнѣнія, замѣчаетъ Михаилъ Никифоровичъ, что такой здравомыслящій и цивилизованный человѣкъ, какъ, напримѣръ г. Шедо-Феротти, никакъ не счелъ бы возможнымъ говорить почтительно о заслугахъ г. Герцена посреди общества, которое онъ уважаетъ; невозможно представить себѣ, напримѣръ, чтобъ онъ позволилъ себѣ сказать финляндской или лифляндской публикѣ, еслибы г. Герценъ представлялъ какой-нибудь интересъ для этихъ публикъ, что его изданія заслуживаютъ сочувствія, что они исполнены патріотизма“.

„Посланіе г. Шедо-Феротти, продолжалъ Михаилъ Никифоровичъ, было впущено въ Россію. Брошюрка, озаглавленная именемъ не изглаголаннымъ въ русской печати, появилась въ окнахъ магазиновъ, и это имя въ крупныхъ буквахъ запестрѣло въ газетныхъ объявленіяхъ. Всякій могъ законнымъ образомъ пріобрѣсти эту брошюрку, напечатанную по-французски и по-русски, и всякій могъ законнымъ образомъ читать въ ней о томъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ мыслитель и патріотъ, пребывающій въ изгнаніи, и какія великія заслуги оказалъ онъ оттуда Россіи, хотя онъ впослѣдствіи и испортился, перейдя въ другія руки,—перемѣнивъ своихъ корреспондентовъ, какъ тонко выразился г. Шедо-Феротти. Эти изысканно-почтительныя объясненія съ г. Герценомъ на французскомъ и русскомъ

діалектахъ, въ то время, когда русская печать не смѣла произнести его имя, производили странное впечатлѣніе. Г. Шедо-Ферроти, кажется, думаетъ, что въ 1862 году было разрѣшено писать о г. Герценѣ въ Россіи. Это не совсѣмъ точно. Въ Россіи пропущена была его брошюрка изъ-заграницы, но по внутренней цензурѣ не было сдѣлано никакого распоряженія о томъ, чтобы пропускать что-либо относящееся къ этому предмету. Тѣмъ не менѣе, когда эта брошюрка появилась въ русскихъ книжныхъ лавкахъ, мы сочли и себя въ правѣ заговорить. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, цензоръ нашъ (вскорѣ затѣмъ получившій другое назначеніе) пропустилъ статью".

Шедо-Феротти въ своей книгѣ превозноситъ дѣйствіе, оказанное на умы „Замѣткою" Михаила Никифоровича, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ весьма обычному у противниковъ его пріему, восхваленія заднимъ числомъ съ цѣлью тѣмъ сильнѣе поразить въ настоящемъ моментѣ. Вотъ-де какъ перемѣнился, а прежде мы-де были его самыми ревностными приверженцами. Авторъ „Que fera-t-on de la Pologne" находитъ что статья Михаила Никифоровича (употребляемъ его выраженія) „уничтожила всѣ вредныя сѣмена въ нашей молодежи и воодушевила ее лучшаго свойства энтузіазмомъ". „Много чести, говоритъ Михаилъ Никифоровичъ, и—это не вѣрно. Нашъ походъ на Герцена не имѣлъ такихъ послѣдствій... Если статья наша и произвела нѣкоторое дѣйствіе, но вовсе не то, какое приписываетъ ей г. Шедо-Феротти. Мы отнюдь не обращались къ молодежи, отнюдь не дѣйствовали на ея воображеніе. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и постоянно, мы обращались только къ здравому смыслу и разумѣнію людей зрѣлыхъ. Фальшивое обаяніе, соединявшееся съ именемъ издателя *Колокола*, было разрушено, потому что съ нимъ заговорили не какъ съ полубогомъ и даже не какъ съ важною особой, но какъ съ простымъ смертнымъ, безъ всякой пощады для его поддѣльнаго авторитета. Вотъ все, что было сдѣлано; но, повторяемъ, мы не разсчитывали плѣнить этимъ воображеніе учащагося юношества. Имя г. Герцена, дѣйствительно, утратило то странное, почти мистическое значеніе, которое было сообщено ему обстоятельствами; но настроеніе молодыхъ умовъ мало отъ того улучшилось. Мы были засыпаны пасквилями, съ бранью и угрозами, и противъ насъ озлобились не одни наивные поклонники г. Герцена, а еще болѣе тѣ, кто понималъ нелѣпость его идей, но пользовался ими для разныхъ своихъ цѣлей. Противъ насъ началась тогда глухая агитація, ко-

торую мы не скоро могли выразумѣть; принимались разныя мѣры, чтобы насъ компрометтировать, затруднить, запугать, привести въ уныніе; распускались слухи, что мы подкуплены, и какъ бы въ подтвержденіе этихъ клеветъ, г. Герценъ въ своемъ *Колоколѣ* возвѣстилъ объ одобреніи, которое статья наша о немъ заслужила въ высшихъ сферахъ, что̀, по разсчетамъ интригановъ, должно было непремѣнно уронить насъ во мнѣніи общества и особенно молодежи. Въ русскихъ журналахъ начали появляться противъ насъ ожесточенныя выходки“...

Нынѣ трудно еще рѣшить, имѣла ли анти-русская интрига,—захватывавшая и нѣкоторые русскіе, притомъ вліятельные элементы—такой организованный характеръ и такую разсчетливость дѣйствій, какую раскрывалъ Михаилъ Никифоровичъ, или былъ это скорѣе потокъ, вовлекавшій въ противо-національное теченіе струи самаго разнообразнаго свойства безъ сознательнаго ихъ соединенія,—въ особенности среди ихъ русской части, на какую намекалъ Михаилъ Никифоровичъ,—въ организованную интригу или заговоръ. Посланіе Шедо-Феротти къ Герцену могло и не быть плодомъ такого разсчета, какой усматривалъ Михаилъ Никифоровичъ. Оно могло быть во внушителяхъ или по крайней мѣрѣ патронахъ Шедо-Феротти, вызвано даже дѣйствительнымъ желаніемъ побороть вредное вліяніе лондонскихъ агитаторовъ. Но творилось все это подъ властью того чада понятій, который давалъ силу агитаціи, и разсѣять который предстояло Михаилу Никифоровичу.

III.

„Мы радуемся, говорилъ Михаилъ Никифоровичъ въ началѣ своей Замѣтки возможности поговорить съ г. Герценомъ. Мы давно этого добивались“.

Прежде всего Михаилъ Никифоровичъ выводитъ дѣло изъ міра сплетенъ и личныхъ отношеній, о которыхъ намекается въ письмѣ Герцена и прямо обращается къ печатной и публичной дѣятельности издателя *Колокола*.

„Никакихъ сплетень о немъ до насъ не доходило, ни о какихъ его личныхъ отношеніяхъ мы не говорили и говорить бы не стали. До него лично намъ нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Съ кѣмъ именно онъ находится въ сношеніяхъ, кого именно подущаетъ—обо всемъ этомъ мы никогда не справлялись. Мы говорили о дѣлѣ открытомъ; мы имѣли въ виду

его публичную дѣятельность, которая ни для кого не тайна. Этотъ острякъ, говорящій обо всемъ не иначе какъ съ плеча и фигурами, требуетъ скропулезнѣйшей бережности въ выраженіяхъ, когда рѣчь касается его...

„И такъ онъ умываетъ руки и объявляетъ, что онъ ничему не причастенъ, что его дѣло сторона, и что мы написали извѣтъ на него, доносъ въ III-е Отдѣленіе. Сколько благородства въ этихъ оправданіяхъ и сколько смысла въ этихъ обвиненіяхъ! Онъ ничему не причастенъ, онъ никого не подущаетъ!.. Да что же онъ дѣлаетъ въ своихъ лондонскихъ листкахъ? Что же онъ дѣлаетъ какъ не агитацію самую подкигательную? Онъ забылъ, что его писанія расходятся по свѣту, что самъ же онъ принимаетъ дѣятельныя мѣры къ распространенію ихъ, что они какъ запрещенная вещь не встрѣчаютъ себѣ никакого отпора въ беззащитныхъ, не зрѣлыхъ и разстроенныхъ умахъ, и увлекаютъ ихъ къ подражанію,—и эти люди дѣлаютъ у себя на родинѣ то самое, что дѣлаетъ онъ въ Лондонѣ; только онъ дѣлаетъ это комфортабельно и спокойно, сыто и весело, а они подвергаются безумной опасности и попадаютъ на каторгу. Онъ не пойдетъ въ Сибирь; но за то онъ будетъ встрѣчать и провожать рукоплесканіями этихъ бѣдныхъ актеровъ, которые разыгрываютъ его штуки на родинѣ, онъ будетъ съ озлабленіемъ шикать на тѣхъ, кто попытается образумить ихъ отрезвляющимъ словомъ“.

„Онъ пишетъ не подъ сурдинкой, а на свободѣ, продолжаетъ Михаилъ Никифоровичъ. Онъ этимъ хвастается передъ нами. Что онъ уѣхалъ заграницу, что онъ поселился въ Англіи, что у него есть деньги, въ этомъ онъ полагаетъ свою нравственную заслугу и этимъ онъ гордится... Какъ же воспользовался онъ свободой и тѣмъ значеніемъ, какое пріобрѣлъ, благодаря особымъ обстоятельствамъ нашего общественнаго положенія? Когда онъ началъ дѣйствовать, Россія вступала въ новую эпоху. Но онъ остался все тотъ же; онъ продолжалъ жеманиться какъ и въ то время, когда писалъ записки доктора Крупова, статьи объ изученіи природы и соціалистическія бредни „съ того берега“. Онъ остался все тотъ же — недоносокъ на всѣхъ поприщахъ, кипящій раздраженіемъ плѣнной мысли, безспорно утвердившій за собою только одно качество—качество бойкаго остряка и кривляки. Онъ остался все тотъ же, какимъ былъ во время своей юности, когда у него „синѣли ногти“ отъ размышленія о паденіи древняго міра и объ апостолѣ Павлѣ. Онъ остался все тотъ же, какъ и въ то время, когда въ своихъ статьяхъ

объ изученіи природы заставлялъ человѣчество совершать удивительный процессъ лежанія съ высунутымъ языкомъ и топтанія себя въ грудь своими же ногами.

„Всѣ эти капризы избалованной, изнѣженной, изломанной мысли, которая сама не знаетъ, чего хочетъ, весь этотъ фосфоръ, вся эта трескотня остротъ и фразъ, то жеманно рыдающихъ о мозгахъ человѣчества, то мефистофельски хохочущихъ надъ исторіей и надъ всѣми почтенностями, которыя она понадѣлала, то съ пророческимъ жаромъ возвѣщающихъ пришествіе новаго мессіи, и новое небо, и новую землю,—весь этотъ сумбуръ, вся эта сатурналія полумыслей, полуобразовъ, все это броженіе головокъ и хвостиковъ недодѣланной мысли, все это мозгобѣсіе было бы пожалуй хорошо въ досужемъ фельетонѣ, безъ претензіи на политическое вліяніе, на практическое дѣйствіе, безъ тѣхъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя окружаютъ нашего лондонскаго выходца, и которыя сразу должны были бы отрезвить его мозги...

„Результаты его дѣятельности на виду: было ли сказано въ его писаніяхъ хоть одно живое слово по тѣмъ реформамъ, которыя у насъ совершались, по тѣмъ вопросамъ, которые у насъ возникали? Что путнаго было сказано, напримѣръ, по поводу крестьянскаго дѣла, самаго капитальнаго и самаго труднаго? Ничего, кромѣ тупоумныхъ разглагольствованій г. Огарева и сценическихъ вскрикиваній г. Герцена. Они то ругались холопски, то съ приторною аффектаціей болѣе оскорбительною чѣмъ ихъ грубости, выражали свое сочувствіе. „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ“! кричалъ нашъ Мадзини, стоя на одной ногѣ какъ балетмейстеръ“.

Переходя къ письму Герцена и его грозному запросу: „какіе же мы люди, г. Катковъ? какіе же мы люди г. Леонтьевъ?“, Михаилъ Никифоровичъ говоритъ:

„Жалкій ломака! У него не достало нравственнаго такта и на то, чтобы понять все неприличіе этой выходки! „Какіе же мы люди, спрашиваетъ онъ,—ну какіе же?“ Пусть онъ успокоится. Моветонъ не значитъ мошенникъ, и свободный артистъ еще не значитъ шулеръ. Пусть онъ успокоится,—у насъ и въ мысляхъ не было назвать его чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Но пусть онъ также подумаетъ, прилично ли уважающему себя человѣку рыцарски хвастаться тѣмъ, что онъ не шулеръ, не воръ, не мошенникъ?

„Стыдно человѣку въ такихъ обстоятельствахъ, въ ка-

кихъ находится издатель *Колокола*, претендовать на уваженіе за то только, что онъ не нарушилъ крайней юридической нормы нравственности. Стыдно подлагать такой грубый смыслъ подъ слова, очевидно, его не имѣвшія. Недобросовѣстно замалчивать дѣло и замаскировывать его дешевымъ рыцарствомъ. Пусть онъ исчисляетъ свои домашнія добродѣтели и любуется ими; мы не будемъ мѣшать ему. Мы не имѣемъ привычки искать аргументовъ въ частной жизни человѣка и выводить на сцену его чисто-личныя обстоятельства; но мы не оспариваемъ этого права у другихъ, особенно не оспариваемъ его относительно себя. Мы не только не уклоняемся, а напротивъ приглашаемъ г. Герцена прервать созерцаніе своихъ прелестей и заняться нашимъ безобразіемъ; смѣемъ увѣрить его, что мы не сморгнемъ, глядя въ его ясныя очи, и что для этого намъ не нужно поднимать голову"...

Какіе же вы люди? обращается Михаилъ Никифоровичъ къ поставленному вопросу. „Да не совсѣмъ вы люди честные!" отвѣчаетъ онъ.

Разбивая агитаторскую дѣятельность самозваннаго „генерала отъ революціи", Михаилъ Никифоровичъ въ особенности останавливается на его поджигательной, и вмѣстѣ безду шной и безжалостной роли относительно молодежи. Между звонкими своими фразами Герценъ бросилъ слѣдующую по адресу русскаго общества, будто бы крайне устрашившагося прокламаціей „Молодой Россіи": „Чего испугались? Народъ этихъ словъ не понимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ. Крови отъ нихъ не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь—юношей-фанатиковъ. Въ чемъ же уголовщина?"

„Бездушный фразёръ, говоритъ на это Михаилъ Никифоровичъ,—не видитъ,въ чемъ уголовщина. Ему ничего, пусть прольется кровь этихъ „юношей-фанатиковъ!" Онъ въ сторонѣ,—пусть она прольется. А чтобъ имъ было веселѣе, и чтобъ они не одумались, онъ перебираетъ всѣ натянутыя струны въ ихъ душѣ, онъ шевелитъ въ нихъ всю эту массу темныхъ чувствованій, которая мутитъ ихъ головы, онъ поетъ имъ о „тоскѣ ожиданія, ростущаго не по днямъ, а по часамъ съ приближеніемъ чего-то велпкаго, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется и чего еще нѣтъ"; онъ поетъ имъ о „святомъ нетерпѣніи". Что жъ! пусть прольется ихъ кровь, онъ прольетъ о нихъ слезы; онъ отслужитъ о нихъ панихиду; шутовской папа, онъ совершитъ торжественную канонизацію этихъ японскихъ мучениковъ. У религіи

Христа, въ которую онъ не вѣритъ, онъ беретъ ея святыню, и отдаетъ имъ, этимъ несчастнымъ жертвамъ безумія, глупости и презрѣнныхъ интригъ. Онъ почтилъ ихъ титуломъ Шиллеровъ, онъ показываетъ имъ въ священной перспективѣ славу умершаго на Голгоѳѣ. Чтобы дать имъ предвкусіе ожидающей ихъ апоѳеозы, онъ поетъ молебенъ жертвамъ уже пострадавшимъ за подметные листки, и молитъ ихъ, чтобъ они „съ высоты своей Голгоѳы“ отпустили грѣхъ народу, который требовалъ ихъ головы.

„Вотъ вамъ человѣкъ! Что же онъ такое? И еслибъ еще былъ онъ на мѣстѣ, съ ними, съ этими „юношами-фанатиками“, еслибъ еще онъ самъ съ ними дѣйствовалъ и дѣлилъ ихъ опасности,—нѣтъ, онъ поетъ имъ изъ-за моря, и гнѣвно спрашиваетъ встревоженное русское общество: „чего же вы испугались? вѣдь прольется только ихъ кровь, юношей-фанатиковъ“.

„Замѣтку“ свою Михаилъ Никифоровичъ заключилъ словами: „Издатели *Колокола* спрашиваютъ насъ, какіе они люди. Мы сказали. Честными ни въ какомъ случаѣ назвать ихъ нельзя. Отъ безчестія имъ одна отговорка—помѣшательство“.

IV.

Въ журналистикѣ, считавшей себя въ большей или меньшей степени солидарной съ Герценомъ или по крайней мѣрѣ запгрывавшей съ нимъ, статья Михаила Никифоровича произвела ошеломляющее дѣйствіе. Опровергать аргументы было трудно, защищать Герцена прямо или косвенно было неудобно.

Нѣкоторые органы печати употребили такой оборотъ. Стали нападать не на содержаніе статьи—съ содержаніемъ, съ тѣмъ, что дѣятельность лондонскихъ издателей есть пагубная пропаганда, они спѣшили заявить согласіе,—а на принятый въ ней тонъ. Появилась удивительная „бонъ-тонность“, какъ замѣчено было въ *Современной Лѣтописи*, — по отношенію къ лондонскимъ агитаторамъ „въ эпоху, когда всяческіе „авторитеты“ отдѣлывались самымъ безцеремоннымъ образомъ и тонъ самыхъ грубыхъ нападокъ не останавливалъ на себѣ вниманія“. *Сѣверная Пчела*, въ которой въ особенности трактовалось о тонѣ и гдѣ помѣщено было анонимное письмо, особенно запальчиво обличавшее „тонъ“, въ то же время безцеремонно перепечатала у себя цѣликомъ статью Михаила Никифоровича.

Указавъ эту безцеремонность, *Современная Лѣтопись* осмѣиваетъ (№ 33, 1862 г.) благоговѣніе *Пчелы* предъ особою Герцена.

„*Сѣверная Пчела* не раздѣляетъ мнѣній г. Герцена; она не придаетъ ему значенія, она готова оспаривать его и проситъ только, чтобы дали ей развернуться. Да она и прежде не прочь была уколоть этого россійскаго Мадзини. Она отыскала гдѣ-то рѣчь, сказанную имъ во времена оны въ Перми, и напечатала ее какъ интересный документъ. Эта выходка надѣлала ей непріятностей, о которыхъ она и повѣствуетъ теперь публикѣ. Издатель *Колокола* заподозрилъ ее въ дурныхъ мотивахъ и поставилъ эту почтенную газету въ необходимость оправдываться. Но въ чемъ же оправдываться? Что же сдѣлала эта почтенная газета? Она осмѣлилась перепечатать изъ старыхъ губернскихъ вѣдомостей забытый документикъ, показавшійся ей интереснымъ, безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны. Вотъ и вся бѣда. И однако сколько по этому случаю потрачено было лиризма и философіи въ столбцахъ *Сѣверной Пчелы*, чтобъ умилостивить оскорбленный авторитетъ, ублажить „дворника“ и его зарычавшихъ „собачекъ“. Сколько поклоновъ, сколько курбетовъ! Почтенная редакція *Сѣверной Пчелы* справилась, какъ зовутъ г. Герцена по имени и по батюшкѣ. „Александръ Ивановичъ“! „Алексадръ Ивановичъ“! запестрѣло въ ея столбцахъ. Потомъ разбросали въ Петербургѣ извѣстную прокламацію „Къ молодой Россіи“. *Сѣверную Пчелу* пуще всего поразило въ ней то обстоятельство, что авторы этой прокламаціи выразились о г. Герценѣ, какъ о человѣкѣ отсталомъ. Рѣзкость и неприличіе этого выраженія совершенно сбили съ толку почтенную газету. „Какъ? восклицала она съ новымъ негодованіемъ: по мнѣнію этихъ господъ даже самъ Александръ Ивановичъ не болѣе какъ человѣкъ отсталый! Что же послѣ этого“?

V.

Рамки *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи* были тѣсны для политической дѣятельности ихъ издателей. Къ тому же *Лѣтопись* была въ убытокъ. Возникла мысль имѣть въ рукахъ большую ежедневную газету. Обстоятельства благопріятствовали намѣренію. Въ правительственныхъ сферахъ обнаружилось стремленіе,—общее въ то время относительно всего „казеннаго“,—сдать въ частныя руки нѣкоторыя изда-

нія, находившіяся въ казенномъ управленіи, какъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, *Московскія Вѣдомости*, *Русскій Инвалидъ*. Графъ Блудовъ, тогдашній президентъ Академіи наукъ, которой принадлежали *С.-Петербургскія Вѣдомости*, весьма желалъ, чтобы Катковъ и Леонтьевъ взяли это изданіе въ аренду и началъ съ ними переговоры по этому предмету. Начались сильныя колебанія. Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ болѣе полугода не давали никакого отвѣта и когда наконецъ рѣшились было принять предложеніе, оказалось, что соглашеніе съ искавшимъ аренды *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* В. Ѳ. Коршемъ (который былъ прежде помощникомъ Михаила Никифоровича, какъ казеннаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей*, а потомъ и самъ казеннымъ ихъ редакторомъ) подвинулось весьма далеко и выступить съ своимъ предложеніемъ значило бы перебить ему дорогу, чего Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ никакъ не желали.

Оставивъ мысль о перенесеніи дѣятельности въ Петербургъ, Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ рѣшились взять въ аренду *Московскія Вѣдомости*. Чтобы устранить другихъ конкуррентовъ, они предложили сумму 74 тысячи—болѣе чѣмъ вдвое превышавшую то, что университетъ имѣлъ отъ *Вѣдомостей* и типографіи при казенномъ управленіи. Другими конкурентами выступили профессора Бабстъ и Капустинъ. Третье заявленіе, г. Воронинскаго, было отклонено, какъ поступившее послѣ назначеннаго срока. Для обсужденія предложеній совѣтомъ университета была назначена коммисія изъ профессоровъ: Чичерина, Дмитріева, Полунина, Никольскаго и Ешевскаго. Докладчикомъ былъ профессоръ Дмитріевъ. Окончательное сужденіе объ отдачѣ газеты въ тѣ или другія руки происходило въ совѣтѣ университета въ субботу 15 сентября 1862 года. Профессоръ Дмитріевъ прочелъ докладъ. Коммисія отстранила отъ себя обсужденіе вопроса о нравственныхъ и редакторскихъ качествахъ искателей, предоставляя вопросъ этотъ усмотрѣнію совѣта. Относительно матеріальныхъ выгодъ предложеній, коммисія находила ихъ равносильными. При этомъ она не имѣла въ виду послѣдняго предложенія Каткова и Леонтьева, сдѣланнаго послѣ того, какъ она заключила свой докладъ.

Въ совѣтѣ была замѣтная партія, нерасположенная къ Каткову и Леонтьеву, какъ издателямъ *Русскаго Вѣстника* и *Современной Лѣтописи*. Поднялись пренія. Разбирался продолжительно вопросъ, какъ оградить университетъ отъ возможныхъ нападеній со стороны арендаторовъ. Еще по-

давно въ кружкѣ нерасположенныхъ къ Каткову и Леонтьеву профессоровъ былъ поднятъ шумъ по поводу одной статьи *Современной Лѣтописи*, гдѣ думали видѣть неблагопріятный намекъ на профессора Соловьева; чуть не состоялось коллективное заявленіе противъ профессора Леонтьева, какъ соиздателя *Лѣтописи*. (Статья съ подписью С. писана была лицомъ, не принадлежавшимъ къ редакціи и едва-ли имѣвшимъ въ виду намекъ, какой вычитали въ его строкахъ). Экстраординарный профессоръ Никольскій отражалъ нападенія.

Я, съ своей стороны, остановилъ вниманіе совѣта на сравнительной оцѣнкѣ предложеній, которая среди преній оказалась оставленною въ тѣни. Въ докладѣ выгоды признаны равноспльными. Между тѣмъ послѣднія предложенія Каткова и Леонтьева дѣлали ихъ предложеніе очевидно много болѣе выгоднымъ. Профессоры Бабстъ и Капустинъ давали несравненно меньшую арендную сумму, но предлагали, когда подписка перейдетъ за восьмую тысячу, съ каждаго подписчика нѣкоторую прогрессивно увеличивающуюся долю въ пользу университета. При сильно возросшей подпискѣ получаемая университетомъ сумма могла бы даже превысить предложенную Катковымъ и Леонтьевымъ. Я указывалъ на гадательность разсчета и утверждалъ, что при такихъ условіяхъ не было бы для арендаторовъ побужденія увеличивать число подписчиковъ, напротивъ было бы выгоднѣе держать ихъ на нѣкоторомъ опредѣленномъ уровнѣ. Профессоръ Чичеринъ вернулъ вопросъ къ редакторскимъ качествамъ и способностямъ арендаторовъ. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой нападалъ на Каткова и Леонтьева, какъ редакторовъ *Русскаго Вѣстника*, говорилъ о ихъ англоманіи, объ отношеніяхъ къ сотрудникамъ, о нападкахъ на университетъ и проч. Рѣчь не произвела благопріятнаго впечатлѣнія. Достоинства Каткова и Леонтьева, какъ редакторовъ, были слишкомъ очевидны. Профессору Чичерину возражали Бодянскій, Буслаевъ, Баршевъ, Никольскій, я. Дѣло было наконецъ пущено ректоромъ А. А. Альфонскимъ на голоса. Рѣшили подавать ихъ явно. Допущено было подавать голосъ за обѣ конкурирующія стороны. Въ результатѣ за Бабста и Капустина были профессоры: Чичеринъ, Дмитріевъ, Ешевскій, Киттары, Мильгаузенъ и Эйнбродтъ. За тѣхъ и другихъ, профессоры: Млодзѣевскій, Лясковскій, Кохъ и Анке. За Каткова и Леонтьева остальные: Альфонскій, Бѣляевъ, Буслаевъ, Бодянскій, Баршевъ, Брашманъ, Гиварговскій, Зерновъ, Меншиковъ, Матюшенковъ, Никольс-

скій, Поповъ, Полунинъ, Соколовъ, Швейцеръ, Щуровскій, Юркевичъ и я. Профессора Соловьева не было въ Москвѣ. Аренда осталась за Катковымъ и Леонтьевымъ. Разрѣшеніе изъ Петербурга не замедлило. Припоминаю, что на другой день послѣ совѣтскихъ выборовъ, Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ были у меня и у профессора Никольскаго, которымъ они приписывали особенно дѣятельное участіе въ передачѣ аренды въ ихъ руки.

VI.

Въ сентябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* (книжки его порядочно запаздывали въ то время) появилось объявленіе объ изданіи *Московскихъ Вѣдомостей* въ новыхъ условіяхъ, прилагавшееся также и къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Объявленіе начиналось словами: „Общественное мнѣніе стало въ нашемъ отечествѣ безспорною силой. Вліяніе его оказывается на всемъ; вездѣ оно присутствуетъ и дѣйствуетъ. Съ его усиленіемъ возросло значеніе печати, тѣмъ болѣе, что у насъ она служитъ почти единственнымъ органомъ общественыхъ интересовъ. А потому одна изъ самыхъ главныхъ потребностей нашихъ состоитъ теперь въ томъ, чтобы печать своими способами содѣйствовала этому новому положенію, въ которомъ она неожиданно очутилась. При томъ безостановочномъ движеніи, которое обнаруживается повсюду, при этомъ множествѣ возникающихъ вопросовъ и затронутыхъ интересовъ, при этомъ богатствѣ событій, сообщающихъ каждому проходящему дню отличительную физіономію, болѣе и болѣе возрастаетъ значеніе ежедневной печати, которая одна лишь можетъ поспѣвать за быстротою этого движенія и овладѣвать его полнотой и разнообразіемъ“.

Указавъ далѣе на фактъ и условія передачи изданія *Московскихъ Вѣдомостей* въ ихъ руки, новые издатели продолжаютъ: „образъ мыслей и дѣятельность редакціи *Русскаго Вѣстника* достаточно знакомы публикѣ, и публика сама можетъ судить, въ какой мѣрѣ новая редакція *Московскихъ Вѣдомостей* будетъ удовлетворять ея потребностямъ. Нижеподписавшіеся не хотятъ возбуждать преувеличенныя ожиданія; они довольствуются предъявленіемъ тѣхъ залоговъ, которые заключаются въ ихъ прежней общественной дѣятельности. Ежедневная газета только расширитъ сферу ихъ дѣятельности, только откроетъ имъ новые пути и дастъ

имъ способы еще въ большей мѣрѣ быть тѣмъ, чѣмъ они были доселѣ. Какъ при изданіи *Русскаго Вѣстника*, такъ и теперь при открывающемся новомъ изданіи *Московскихъ Вѣдомостей*, свое главное назначеніе полагаютъ они въ томъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно служить общественному мнѣнію, доставляя ему всѣ нужныя свѣдѣнія, возбуждая его энергію и способствуя правильности его сужденій. Затѣмъ они не имѣютъ никакихъ постороннихъ цѣлей, никакихъ затаенныхъ тенденцій; они не связаны ни съ какимъ кружкомъ, ни съ какою партіею и въ общественномъ дѣлѣ дорожатъ болѣе всего независимостью своихъ воззрѣній и своего слова".

Съ внѣшней стороны нелегко было новымъ издателямъ приступить къ печатанію *Вѣдомостей* въ новыхъ условіяхъ. Завѣдовавшій университетскою типографіею профессоръ О. М. Бодянскій, почтенный ученый, но человѣкъ въ личныхъ сношеніяхъ не особенно покладистый объявилъ, что не позволитъ новымъ арендатора ь шагу сдѣлать въ типографіи ранѣе наступленія срока аренды и отворилъ для нихъ ворота типографіи лишь въ полночь 1 января 1863 года. Въ первое время приходилось печатать *Московскія Вѣдомости* въ помѣщавшейся въ Армянскомъ переулкѣ типографіи *Русскаго Вѣстника*, не приноровленной къ изданію ежедневной газеты. Дѣятельному Павлу Михайловичу приходилось хлопотать цѣлые дни. Первый номеръ не вышелъ во́-время и не разосланъ правильно.

Прошло нѣсколько дней. Какъ громъ пронеслось извѣстіе о злодѣйскомъ ночномъ избіеніи русскихъ солдатъ въ Польшѣ. Столѣтняя Московская газета оказалась на высотѣ задачи, предъявленной русскому общественному мнѣнію. Наступила историческая дѣятельность Михаила Никифоровича и его нераздѣльнаго спутника, о которой память не умретъ и чрезъ вѣка.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

Ужь побѣлѣли неба своды...
Промчался рѣзвый вѣтерокъ...
Передразсвѣтный сонъ природы
Уже сталъ чутокъ и легокъ.

Блеснуло солнце: гонитъ ночи
Съ нея послѣднюю дрему—
Она—вздрогнувъ—открыла очи
И улыбается ему.

А. МАЙКОВЪ.

Изъ Байрона[1]).

Когда темнѣющія тучи
Въ морской дали заволокутъ
Священныхъ горъ лѣсныя кручи—
Аѳонскихъ иноковъ пріютъ,—

Въ вечерней мглѣ, подъ парусами,
Паломникъ, здѣсь познавшій рай,
Посмотритъ влажными очами
На этотъ облачный Синай:—

Изъ рая въ странствіе земное
Онъ осужденъ вернуться вновь,
Чтобъ вновь смѣнить земной враждою
Христа небеснаго любовь!..

П. ГНѢДИЧЪ.

---

[1]) „Чайльдъ-Гарольдъ“ пѣснь II.

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ[1].

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третій годъ.

I.

Подвигъ Михаила Никифоровича въ 1863 году еще не взвѣшенъ и не оцѣненъ достаточно. Въ этотъ годъ великаго испытанія Михаилъ Никифоровичъ явился истиннымъ выразителемъ русскаго общественнаго мнѣнія и народнаго чувства. Мало того: онъ вызвалъ это мнѣніе изъ глубинъ, гдѣ оно робко таилось, являясь на поверхности совсѣмъ въ иномъ видѣ. Онъ раскрылъ глаза обществу на событія, вывелъ само правительство изъ ослѣпленія и увлекъ его за собою, поддержанный могуче пробудившимся патріотизмомъ. Его голосъ всѣми почувствовался, какъ голосъ русской земли, русскаго народа, русской исторіи.

Едва десять номеровъ *Московскихъ Вѣдомостей* вышли подъ новою редакціею, какъ пришло потрясающее извѣстіе о нападеніи на русскихъ солдатъ, расквартированныхъ въ Царствѣ Польскомъ. „И такъ, читаемъ въ № 11 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 14 января 1863 года—кровь опять льется въ семейномъ спорѣ двухъ братскихъ племенъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ. Наши войска, отдѣльно расположенныя, были повсюду въ Царствѣ атакованы. Ихъ пытались сперва совратить съ пути долга, побудить къ нарушенію присяги; но эти попытки не удались, не смотря на увѣренія нашихъ заграничъ-

[1]) См. Р. В. кн. VII, 1888 г.

ныхъ патріотовъ, и теперь русскихъ солдатъ убиваютъ въ домахъ, по одиночкѣ. Это безуміе объясняется лишь совершеннымъ невѣдѣніемъ относительно расположенія умовъ въ Россіи. Еслибы польскіе демагоги знали чувствованія русскаго народа, они не дерзнули бы умерщвлять нашихъ солдатъ, исполнявшихъ долгъ; они не навлекли бы на свою страну неизбѣжныхъ послѣдствій злодѣйскаго пролитія братской крови. Польская агитація была въ Россіи причиной многихъ несчастій; она можетъ и у насъ считать свои жертвы. Всюду старалась она сѣять безсмысленное и безцѣльное раздраженіе и искажать народное чувство. Теперешній взрывъ будетъ имѣть для насъ послѣдствія грозы, очищающей атмосферу. Но что будетъ съ Польшею?..“

Чрезъ день были напечатаны слова Государя, сказанныя 13 января на разводѣ Измайловскаго полка.

„Послѣ столь благополучно совершившагося рекрутскаго набора, со 2 на 3 января въ Варшавѣ, сказалъ, между прочимъ, Государь,—съ 6-го числа стали появляться мятежническія шайки на обоихъ берегахъ Вислы, для разсѣянія которыхъ были немедленно посланы отряды. Наконецъ, въ ночь съ 10 на 11 число, по всему Царству, за исключеніемъ Варшавы, было сдѣлано внезапное нападеніе на войска наши, стоящія по квартирамъ, причемъ совершены неслыханныя злодѣйства; такъ, напримѣръ, около Сѣдлеца, атакованные солдаты оборонялись отчаянно въ одномъ домѣ, который мятежники подожгли, не видя средствъ имъ овладѣть...

„Но и послѣ сихъ новыхъ злодѣйствъ, Я не хочу обвинять въ томъ весь народъ польскій, но вижу во всѣхъ этихъ грустныхъ событіяхъ работу революціонной партіи, стремящейся повсюду къ ниспроверженію законнаго порядка“...

События въ Польшѣ вызвали—на то отчасти они и были разсчитаны—великій шумъ въ западно-европейскихъ державахъ. Въ англійскомъ парламентѣ всѣ партіи соединились въ осужденіи Россіи и требовали дипломатическаго вмѣшательства. Во Франціи, въ сенатѣ, принцъ Наполеонъ, поощряя польское возстаніе, произнесъ оскорбительнѣйшую рѣчь противъ русскаго правительства, позволивъ себѣ сказать, что мы послѣ Крымской войны являлись во Францію цѣловать руку, которая нанесла намъ наболѣе тяжкіе удары. Австрія ставила себя въ примѣръ. Готовился и состоялся общій дипломатическій походъ. Глава англійскаго кабинета первый прислалъ англійскому послу въ Петербургъ, лорду

Неппру, депешу для предъявленія русскому правительству, вмѣшиваясь въ отношенія Россіи къ Польшѣ на томъ основаніи, что объ устройствѣ ея упомянуто въ Вѣнскомъ трактатѣ 1815 году, въ которомъ одною изъ договаривающихся сторонъ было-де и Британское правительство. Въ депешѣ давался русскому правительству „дружескій совѣтъ“ такого содержанія:

„Отчего бы Его Императорскому Велпчеству, великодушныя чувства котораго признаны всѣми, не положить разъ навсегда конецъ кровавой борьбѣ, объявивъ полную амнистію всѣмъ инсургентамъ и возвѣстивъ въ то же время свое намѣреніе возстановить въ Царствѣ Польскомъ всѣ гражданскія и политическія права, дарованныя Александромъ I, въ исполненіе трактата 1815 г.? Еслибъ Его Величество поступилъ такимъ образомъ, то національный сеймъ и національная администрація удовлетворили бы, нѣтъ сомнѣнія, и самихъ поляковъ, и общественное мнѣніе Европы“...

Какъ же отозвалась на событіе русская печать? Какія мѣры приняло правительство?

Въ органѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, *Journal de St. Pétersbourg*, появилась статья, обращенная къ европейской публикѣ, написанная какимъ-то извиняющимся тономъ, какъ бы просящая о снисхожденіи для русскаго правительства. Она признаетъ рекрутскій наборъ, послужившій сигналомъ къ безпорядкамъ и кровопролитію, мѣрою ненормальною, даже незаконною, но извиняется тѣмъ, что строгая законность на всегда можетъ быть соблюдена и что глубокая политическая мудрость внушила когда-то одному правительству восклицаніе: „la légalité nous tue“ (законность насъ губитъ). „Нѣтъ не законность убиваетъ насъ—замѣчено въ статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей* 29 января—скажемъ мы нашему франко-русскому публицисту, которому зачѣмъ-то понадобилось и почему-то понравилось это изреченіе. Напротивъ, законность, понятая въ своемъ истинномъ и живомъ смыслѣ, можетъ одна поднять насъ и уберечь отъ разныхъ напастей. Нѣтъ, наша шаткость и несостоятельность, наша неувѣренность ни въ чемъ, даже неувѣренность въ собственномъ существованіи,—вотъ наша бѣда. А избыткомъ законности мы пока еще не страдаемъ“.

Русскіе органы печати, за исключеніемъ *Московскихъ Вѣдомостей*, не знали что сказать. Казеннымъ образомъ выразивъ негодованіе на злодѣйское убіеніе солдатъ, они спѣшили заявить свои заботы о Польшѣ: чтобы возстаніе не повредило

какъ-либо развитію дарованныхъ ей льготъ. Органъ славянофиловъ *День* молчалъ, ссылаясь на цензурныя затрудненія и ставилъ въ пустомъ квадратѣ: „Москва, такого-то числа“. Впослѣдствіи, въ концѣ августа 1863 года, когда настроенія и обстоятельства измѣнились, Михаилъ Никифоровичъ такъ говорилъ объ этихъ первыхъ минутахъ историческаго испытанія: „Читатели помнятъ, какое зрѣлище представляла русская журналистика при началѣ польскаго возстанія, какія въ русскихъ газетахъ печатались статьи, или какое странное „слышалось“ въ нихъ молчаніе. Мы помнимъ это печальное время, когда нашъ голосъ раздавался одиноко и когда насъ упрекали въ кровожадности за то, что мы старались припомнить и русскимъ людямъ, и полякамъ, и направшей на насъ Европѣ, что есть на свѣтѣ страна, называемая Россіей, что есть на свѣтѣ живой народъ, называемый русскимъ, народъ, который, что бы ни случилось, непремѣнно дастъ себя почувствовать. Онъ, наконецъ, и далъ себя почувствовать, и затѣмъ, въ скоромъ времени, измѣнилось зрѣлище, представляемое нашею журналистикой; нѣмотствующіе заговорили, и наши публицисты пошли писать патріотическія статьи“.

Слова эти задѣли за живое *День*. Редакція его съ негодованіемъ отрицала, по отношенію къ себѣ, ихъ справедливость. Дѣло, однако, дѣйствительно было такъ.

„*День*, писалъ по этому поводу Михаилъ Никифоровичъ (въ № 195 *Моск. Вѣд.*, 17 сентября 1863 г.), упрекаетъ насъ, зачѣмъ мы сказали, что голосъ нашъ, при началѣ польскаго мятежа, раздавался одиноко. Онъ видитъ въ этомъ похвальбу, и тутъ же съ жаромъ обращается къ публикѣ, настаивая, что и онъ имѣетъ право участвовать въ этой похвальбѣ. Боже мой! Есть чѣмъ хвалиться! Хвалиться тѣмъ, что русскіе журналисты подняли голосъ въ защиту русскаго дѣла! Не хвалиться этимъ можно, а огорчаться при мысли о печальномъ явленіи, которое дѣйствительно представляла наша журналистика въ то время, когда поднять голосъ въ защиту русскаго дѣла казалось со стороны русскаго удивительною отвагой. Мы помнимъ, какъ пріятели поздравляли насъ за первыя статьи наши по польскому дѣлу, какъ удивлялись нашей смѣлости! И это было посреди Русскаго Царства! Кто видѣлъ насъ въ тѣ, слава Богу, навсегда прошедшія минуты, тотъ знаетъ, радостно ли было у насъ на душѣ, и о лаврахъ ли мы помышляли... Мы нисколько не думали обидѣть газету *День*. Но проспимъ ее припомнить, какъ сама же она въ тѣ времена жаловалась, что во всей русской

журналистикѣ по польскому дѣлу раздается только голосъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Она ссылалась на какія-то препятствія, замыкавшія ея уста, и указывала на пустой квадратъ во главѣ своихъ нумеровъ, гдѣ большими буквами значилось: „Москва, такого-то числа“. Препятствія всегда были и всегда бываютъ; но когда поднимаются вопросы великіе, вопросы народные, отъ которыхъ содрагается каждая фибра въ живомъ человѣкѣ, тогда препятствія сглаживаются сами собою, а наконецъ, если нѣкоторыя наши фантазіи или даже и зрѣлыя мнѣнія не могутъ быть вполнѣ высказаны, то неужели та торжественная и вмѣстѣ такъ скорбная минута не могла пересилить самолюбія, не могла заставить отложить до другаго времени то, что встрѣчало себѣ препятствія? Не все же въ русскомъ чувствѣ, которое тогда прослилось наружу, не все же встрѣчало препятствія и не могло высказываться! Вѣдь нашла же газета *День* впослѣдствіи возможность говорить и о польскомъ вопросѣ, и о русскомъ народномъ чувствѣ...

„Странныя существа—люди! Древняя мудрость назвала человѣка ложью; новѣйшія наблюденія не опровергли этой истины. И ложь человѣческая состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что человѣкъ никогда въ дѣйствительности не бываетъ тѣмъ, чѣмъ хочетъ казаться въ своихъ ли, въ чужихъ ли глазахъ. Какъ скоро человѣкъ хочетъ чѣмъ-нибудь казаться, будьте увѣрены, въ немъ именно того-то и нѣтъ, что выставляется имъ на видъ. Выставляемое людьми на видъ, въ усладу себѣ или другимъ, большею частію служитъ обозначеніемъ того, чего въ дѣйствительности у людей не имѣется. Люди, напримѣръ, хотятъ доказать, что они глубоко и серіозно заняты общимъ дѣломъ, что они совершенно забываютъ себя въ немъ и совершенно свободны отъ всякихъ заботъ о своей особѣ,—и что же?—какъ всегда бываетъ, въ силу печальнаго закона человѣческой природы, эти-то самые люди и оказываются по преимуществу занятыми своею особой и мало готовыми заняться общимъ дѣломъ, какъ бы оно ни было важно, безъ примѣси личнаго чувства“.

Когда надпольная печать безмолвствовала, подпольная выбрасывала прокламаціи. 19 февраля 1863 г. разбрасывался по Москвѣ подметный листокъ со штемпелемъ *Земля и Воля*. Листокъ говорилъ отъ лица русскаго народа; взывалъ къ нашимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ, убѣждая ихъ покинуть свои знамена и обратить оружіе противъ своего отечества. Вотъ до чего доходило въ крайнихъ рядахъ тогдашнихъ „прогрессистовъ“! Михаилъ Никифоро-

впчъ видѣлъ въ этой прокламаціи несомнѣнное участіе польской руки. Это были послѣднія усилія польско-русской измѣны, успѣвшей, наканунѣ событій 1863 года, распространить, въ значительной части русскаго общества, сочувствіе къ польскому дѣлу, вмѣстѣ съ „мыслію о раздѣленіи Россіи на многія отдѣльныя государства, какъ о чемъ-то въ высшей степени необходимомъ въ интересахъ прогресса“. Въ эти дни смутъ „заговорить противъ польскихъ притязаній казалось дѣломъ не только самымъ непопулярнымъ, но и опаснымъ“.

Правительство, въ свою очередь, было въ недоумѣніи. Дипломатическій походъ „Европы“ смущалъ руководителей политики. Мерещился призракъ грозящей войны. А въ ожиданіи могущественная армія воевала съ ничтожными шайками. Въ видахъ же общаго улучшенія положенія ничего не предпринималось. Чувствовалась податливость на всяческія уступки, сознаніе слабости и почти паническій страхъ

Объ общемъ положеніи дѣлъ въ началѣ 1863 года Михаилъ Никифоровичъ впослѣдствіи (въ сентябрѣ 1864 года) говорилъ такъ:

„Мятежъ, кровопролитіе, тайныя политическія убійства, казни, безславіе и позоръ, унпчиженіе, какого Россія незапомнитъ; русское имя, преданное всеобщему поруганію; вопросъ, поднятый о самомъ существованіи русскаго государства и русскаго народа; удушливая атмосфера будто передъ грозою; самое несбыточное, казавшееся возможнымъ, самое очевидное, казавшееся недѣйствительнымъ. Всѣмъ казалось дѣломъ легкимъ заставить русское правительство дѣлать все, что ему предпишутъ, къ подрыву всѣхъ основъ своего государства. Люди самые серьезные, глубокіе политики, правители государствъ, считали возможнымъ обмануть насъ комедіей торжественныхъ заявленій цѣлой Европы и угрозами самой несбыточной европейской войны. Мы припомнимъ, что была увѣренность съ одной стороны, было тягостное опасеніе съ другой—въ неблагонадежности нашей военной молодежи... Вотъ въ какомъ положеніи находились русскія дѣла за первые мѣсяцы прошлаго года“.

II.

Свой взглядъ на польское дѣло Михаилъ Никифоровичъ высказалъ въ январьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, запоздавшей выходомъ и появившейся къ концу февраля,

(24 февраля) въ статьѣ „Польскій вопросъ“, произведшей огромное впечатлѣніе и въ обществѣ, и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

„Вопросъ о Польшѣ, говорилъ онъ, есть столько же русское, какъ и польское дѣло. Вопросъ о Польшѣ былъ всегда и вопросомъ о Россіи. Между этими двумя сопле-менными народностями исторія издавна поставила роковой вопросъ о жизни и смерти. Оба государства были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядомъ, врагами до конца. Между ними вопросъ былъ уже не о томъ, кому первенствовать, или кому быть могущественнѣе: вопросъ между ними былъ о томъ, кому изъ нихъ существовать. Независимая Польша не могла ужиться рядомъ съ самостоятельною Россіей. Сдѣлки были невозможны: или та, или другая должна была отказаться отъ политической самостоятельности, отъ притязанія на могущество самостоятельной державы. И не Россія, а прежде Польша почувствовала силу этого роковаго вопроса; она первая начала эту историческую борьбу, и было время, когда исчезла Россія, и наступило другое, когда исчезла Польша. На всегда ли удержитъ силу этотъ роковой вопросъ, или наступитъ время, когда при могущественной и крѣпкой Россіи можетъ жить и процвѣтать самостоятельная Польша? Объ этомъ можно размышлять на досугѣ, но въ минуту кризиса, посреди борьбы, поляку естественно отстаивать польское дѣло, а русскому естественно отстаивать русское дѣло. Польша утратила свою самостоятельность, но она не примирилась съ своею судьбой; польское чувство протестуетъ противъ этого рѣшенія, чувство своей народности еще живо и крѣпко въ полякѣ; оно всасывается съ молокомъ; оно ревниво охраняется и поддерживается; оно питается и усиливается страданіями. Утративъ политическую самостоятельность, полякъ не отказался отъ своей народности; онъ рвется изъ своего плѣна и не хочетъ мириться ни съ какою будущностью, если она не обѣщаетъ ему возстановленія старой Польши, со всѣми ея притязаніями. Ему недостаточно простой независимости, онъ хочетъ преобладанія; ему недостаточно освободиться отъ чужаго господства, онъ хочетъ уничтоженія своего восторжествовавшаго противника. Ему недостаточно быть полякомъ; онъ хочетъ, чтобъ и русскій сталъ полякомъ, или убрался за Уральскій хребетъ. Онъ отрекается отъ соплеменности съ нами, превращаетъ въ призракъ исторію, и на мѣстѣ нынѣшней Россіи не хочетъ видѣть ни-

кого, кромѣ поляковъ и выродковъ чуди или татаръ. Что не Польша, то татарство, то должно быть сослано въ Сибирь, и на мѣстѣ нынѣшней могущественной Россіи должна стать могущественная Польша по Кіевъ, по Смоленскъ, отъ Балтійскаго до Чернаго моря. Винить ли, осуждать ли польскаго патріота за такія притязанія? Что толку винить и осуждать! Логическіе аргументы ни къ чему не ведутъ въ подобномъ спорѣ; никакое краснорѣчіе не можетъ помочь его разрѣшенію; въ подобномъ спорѣ могутъ говорить только событія, только они обладаютъ убѣдительнымъ краснорѣчіемъ и неотразимою логикой. Въ подобномъ спорѣ рѣшаютъ не слова, а факты, и факты рѣшили. Но какъ бы то ни было, разумны или не разумны польскія притязанія, они понятны и естественны въ полякѣ. Осуждайте и оспаривайте ихъ, оспаривайте и словомъ и дѣломъ; но согласитесь, что даже въ крайностяхъ, даже въ безуміи своемъ, польскій патріотизмъ все-таки есть дѣло естественное въ полякѣ. Событія рѣшили, но полякъ подаетъ на апелляцію, онъ не теряетъ надежды и утѣшаетъ себя сочувствіями постороннихъ, не разбирая, много ли толку въ этихъ сочувствіяхъ, и точно ли въ нихъ есть сочувствіе къ нему, или только непріязнь къ его противнику. Ему рукоплещутъ, о немъ скорбятъ; но въ самомъ-то дѣлѣ только онъ одинъ въ цѣломъ мірѣ можетъ чувствовать призывъ своей народности. Ему нечего прибѣгать къ разнымъ теоріямъ; ему нечего толковать о правахъ народностей и о разныхъ другихъ истинахъ: ему достаточно назваться полякомъ, чтобы всякій могъ понять, чего онъ хочетъ или чего бы долженъ хотѣть. Благоразуміе и опытъ могутъ научить его лучше и вѣрнѣе понимать интересъ своей народности, и дѣйствовать съ большимъ смысломъ и съ большею для нея пользой. Но на истинныхъ или ложныхъ путяхъ, полякъ—естественно защитникъ своего дѣла. За отсутствіемъ поляка, кто же возьмется быть полякомъ?

„Такъ бы казалось. Но рокъ не до конца прогнѣвался на Польшу. Онъ поразилъ ее, но онъ же и судилъ ей рѣдкое счастіе: на противной сторонѣ, въ самомъ разгарѣ битвы, полякъ находитъ себѣ союзниковъ, которые готовы подписать, не разбирая, всѣ его условія. На русской сторонѣ находитъ онъ людей, которые съ трогательнымъ великодушіемъ готовы принести ему въ жертву интересы своей родины, цѣлость и политическое значеніе своего народа; находитъ людей, готовыхъ изъ чести послужить ему послушными орудіями,—людей готовыхъ съ энтузіазмомъ повторить

все, что скажутъ недруги русскаго имени, все, что можетъ обезславить и опозорить русское дѣло, все, что можетъ возвеличить и украсить противную сторону,—людей готовыхъ быть поляками не менѣе, если не болѣе, чѣмъ сами поляки“...

По поводу разбрасывавшихся по Москвѣ прокламацій общества „Земля и Воля“, Михаилъ Никифоровичъ высказался такъ:

„Польскіе агитаторы, говорилъ онъ, образовали у насъ домашнихъ революціонеровъ и, презирая ихъ въ душѣ, умѣютъ ими пользоваться; а эти пророки и герои русской земли (какъ польскіе агитаторы чествуютъ ихъ, льстя ихъ глупости) сами не подозрѣваютъ, чьихъ рукъ они созданіе. Въ самомъ дѣлѣ, подумайте, откуда бы они могли выйдти у насъ, къ чему могли бы они примкнуть, на чемъ бы они могли держаться? Что глупости у насъ довольно, въ томъ, конечно, нѣтъ сомнѣнія. Но одного этого качества было бы недостаточно, чтобы сгруппировать людей, возбудить ихъ къ дѣйствію, поселить въ нихъ убѣжденіе, будто они, ни съ того, ни съ сего, дѣйствуютъ во благо своего народа и отъ его имени, въ то время какъ они позорятъ его и посягаютъ на всѣ основы его историческаго существованія. Почему всѣ эти нелѣпости высказывались у насъ тономъ нѣкотораго убѣжденія и энтузіазма въ то самое время, когда русскій народъ возрождался къ новой жизни, когда каждый русскій долженъ былъ стоять на своемъ посту, честно исполняя свой долгъ? Нѣтъ, для этого одной глупости мало! Нужно было, чтобы къ туземной глупости присоединилось какое-нибудь чужое вліяніе, чтобы какая-нибудь ловкая рука поддержала это обольщеніе, дала этимъ нелѣпостямъ опору, гальванизировала эту гниль. Рука эта нашлась; она дѣйствовала искусно; она дѣйствуетъ и теперь; но результаты обманули ее. Наши враги перехитрили; они слишкомъ увлеклись своимъ презрѣніемъ къ русскому народу. Они дѣйствовали обманомъ на слабыя головы, но за то и сами жестоко обманулись. Считая Россію не только „больнымъ разслабленнымъ колоссомъ“, но разлагающимся трупомъ, они затѣяли свою кровавую шутку. Они въ самомъ дѣлѣ вообразили, что наши войска разбѣгутся или станутъ подъ ихъ знамена, какъ имъ сказали ихъ друзья. Они понадѣялись на разныя прокламаціи и адресы, будто-бы отъ русской арміи, и, понадѣявшись, подали сигналъ къ возстанію. Кто же виною этихъ прискорбныхъ событій, которыхъ театромъ стала теперь Польша?

„Авторы упомянутаго выше подметнаго листка упрекаютъ правительство тою кровью, которая тамъ теперь льется. Но кто бы они ни были, поляки или русскіе, пусть они подумаютъ: ближайшею виной этой крови были они сами. Если, къ стыду нашему, они дѣйствительно русскіе, то своимъ презрительнымъ ничтожествомъ они вовлекли польскихъ агитаторовъ въ гибельное для нихъ заблужденіе относительно истинныхъ силъ и чувствъ русскаго народа. Если они поляки, то сами же они поставили это ничтожество на ноги и сами обманули себя своимъ собственнымъ произведеніемъ.

„Авторы этой прокламаціи не соглашаются на то, чтобы Польша оставалась въ соединеніи съ Россіей. Какое право имѣемъ мы, восклицаютъ они, хозяйничать въ Польшѣ, когда она сама этого не желаетъ? Какое право! Вотъ до какой метафизики восходятъ наши патріоты! Все зло міра сего хотятъ они взыскать съ своего народа. Они не спрашиваютъ, по какому праву дѣлается что-нибудь въ другихъ мѣстахъ. Они не спрашиваютъ, по какому праву поляки владѣли и теперь хотятъ владѣть областями, исконно заселенными русскимъ народомъ, не спрашиваютъ, въ какомъ уложеніи написано это право, или какой потентатъ даровалъ его полякамъ. Этого они не спрашиваютъ, но за то они спрашиваютъ съ великодушнымъ негодованіемъ: зачѣмъ русскіе владѣютъ Польшей?

„Они требуютъ, чтобы Россія возвратила Польшѣ ея независимость? Возвратить независимость Польшѣ! Но что такое Польша, гдѣ она начинается, гдѣ оканчивается? Знаютъ ли это сами поляки? Спросили ли у нихъ объ этомъ наши патріоты? Сообразили ли эти жалкія жертвы своей глупости и чужаго обмана, что обладаніе Царствомъ Польскимъ совсѣмъ не радость для Россіи, что оно было злою необходимостью, такою же какъ и всѣ тѣ пожертвованія, которыя налагалъ на себя русскій народъ для совершенія своего историческаго дѣла. Но кто же сказалъ, что польскія притязанія ограничиваются нынѣшнимъ Царствомъ Польскимъ? Всякій здравомыслящій польскій патріотъ, понимающій истинные интересы своей народности, знаетъ, что для Царства Польскаго, въ его теперешнихъ размѣрахъ, несравненно лучше оставаться въ связи съ Россіей, нежели оторваться отъ нея и быть особымъ государствомъ, ничтожнымъ по объему, окруженнымъ со всѣхъ сторонъ могущественными державами и лишеннымъ всякой возможности пріобрѣсти европейское значеніе. Отдѣленіе Польши никогда не значило для поляка только отдѣленіе нынѣшняго Царства Поль-

*

скаго. Нѣтъ, при одной мысли объ отдѣленіи воскресаютъ притязанія передѣлать исторію и поставить Польшу на мѣсто Россіи. Вотъ источникъ всѣхъ страданій, понесенныхъ польскою народностью, вотъ корень всѣхъ ея золъ! Еслибъ она могла освободиться отъ этихъ притязаній, судьбы ея были бы совсѣмъ иныя, и Россія не имѣла бы надобности, держать Польшу вооруженною рукою. Но въ томъ-то и бѣда, что польскій патріотизмъ не отказывается отъ своихъ притязаній: онъ считаетъ Польшей всѣ тѣ исконно-русскія области, гдѣ, въ прежнее время, огнемъ и мечомъ и католической пропагандой распространялось польское владычество".

III.

Одиноко раздавшійся голосъ оказался, однако, выраженіемъ мысли и чувства милліоновъ. Въ краснорѣчивомъ словѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Русскаго Вѣстника* угадано было то, что молча таплось въ душахъ русскихъ людей. Замѣчательно, что первыя явленія пробужденнаго патріотизма обнаружились въ средѣ простой, куда тогда еще не проникало газетное слово. 28 марта въ 68 номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, въ передовой статьѣ заявлялось о знаменательномъ фактѣ.

„Они, сказано было въ статьѣ, собраній не имѣютъ, рѣчей не говорятъ и адресовъ никакихъ не посылаютъ. Они люди простые и темные. Они люди малые, люди бѣдные и нищіе духомъ. Но они русскіе люди, и они издалека, въ своей темной глубинѣ, прежде чѣмъ люди на горахъ, люди просвѣщенные и умные, говорящіе, и пишущіе, и правоправящіе,—они издалека заслышали голосъ отечества и отозвались на него, въ простотѣ и смиреніи сердца, тихою молитвой. Они не дѣлали торжественныхъ заявленій, они не имѣли намѣренія производить впечатлѣніе; они и слыхомъ не слыхали о политическихъ демонстраціяхъ. У нихъ одно прибѣжище, гдѣ пробуждается и говоритъ въ нихъ духовное начало, одно прибѣжище—храмъ, и тутъ ихъ политика, тутъ ихъ философія. Тысячи ихъ собрались въ храмы молиться за упокой русскихъ солдатъ, убитыхъ въ бояхъ противъ польскихъ мятежниковъ и молиться о ниспосланіи успѣховъ русскому оружію,—собрались въ то время, когда наши враги съ торжествомъ свидѣтельствовали о недостаткѣ патріотическаго духа въ нашемъ обществѣ, и указывали на

признаки разложенія и гніенія на его поверхности. И никому не были извѣстны эти громадныя заявленія, никто не зналъ, что въ Москвѣ до десяти тысячъ простаго народа изъ фабричныхъ рабочихъ собирались въ церквахъ служить панихиду по убитымъ русскимъ воинамъ и молебствіе о торжествѣ русскаго оружія. Это было въ первыхъ числахъ марта; никто тогда не думалъ ни о какихъ демонстраціяхъ. И до сихъ поръ это оставалось неизвѣстнымъ: пусть же судятъ о правдивости и искренности этого движенія. Какъ-то случайно дошло до насъ извѣстіе, что въ одной церкви рабочіе люди служили панихиду и молебенъ, и это извѣстіе поспѣшили мы огласить. Такое же отдѣльное извѣстіе встрѣтили мы послѣ еще въ одной газетѣ. Но мы не подозрѣвали, что это лишь ничтожная частица того, что происходило, и лишь теперь узнали мы, сколько простыхъ людей собиралось у алтаря, будто по одному манію, съ молитвой русскаго человѣка. Мы еще не знаемъ, полны ли собранныя нами свѣдѣнія. Но мы знаемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ первыхъ числахъ марта до десяти тысячъ фабричныхъ рабочихъ служили въ Москвѣ панихиды и молебны".

Въ концѣ марта раздался голосъ дворянства. Починъ принадлежалъ дворянству Петербургской губерніи, подавшему всеподданнѣйшій адресъ по поводу польскихъ событій. Затѣмъ, въ день рожденія Государя, представлены были всеподданнѣйшія письма отъ Московскаго дворянства, отъ Московской городской всесословной думы, въ первый разъ собравшейся по ея учрежденію, отъ живущихъ въ Москвѣ временно-обязанныхъ крестьянъ разныхъ губерній, отъ старообрядцевъ Рогожскаго кладбища, отъ старообрядцевъ Преображенскаго богадѣленнаго дома (безпоповщинскаго согласія) и отъ Московскаго университета. Михаилъ Никифоровичъ участвовалъ въ составленіи адреса Московскаго дворянства, а адресъ старообрядцевъ безпоповщинскаго согласія весь написанъ имъ. По всей видимости, ему принадлежатъ слова въ адресѣ дворянъ:

„Государь, мы всѣ передъ Вами какъ одинъ человѣкъ. Всѣ заботы смолкаютъ и падаютъ предъ всесильнымъ призывомъ отечества.

„Враги, возмутившіе западный край Вашихъ владѣній, ищутъ не блага Польши, а пагубы Россіи, призываемой Вами къ новой исторической жизни.

„Государь! Ваше право на Царство Польское есть крѣпкое право; оно куплено русскою кровью, много разъ пролитою въ оборонѣ отъ польскаго властолюбія и польской

измѣны. Судъ Божій рѣшилъ нашу тяжбу, и польское царство неразрывно съ Вашею державой“ [1]).

Адресъ Московскаго университета былъ писанъ С. М. Соловьевымъ; адресъ старообрядцевъ Рогожскаго кладбища, если не ошибаюсь, И. С. Аксаковымъ, участвовавшимъ также въ думскомъ адресѣ.

По почину столицъ, со всѣхъ сторонъ понеслись къ престолу патріотическія обращенія. Глазамъ представилось явленіе небывалое: непосредственное обращеніе, во имя народнаго чувства, къ державной власти всяческихъ группъ, помимо наложенныхъ рамокъ, поверхъ поставленныхъ заграждений. Заявленія эти, сдѣлавшія голосъ *Московскихъ Вѣдомостей* голосомъ Россіи, принимались властію и имѣли огромное значеніе. Они поддержали бодрость правительства, остановили политику, шедшую по пагубному склону уступокъ, заставили иностранныя державы сознать, что предъ нимп не валящійся колоссъ—какъ уже думали,—а живая, могущественная сила. Въ англійскомъ парламентѣ, гдѣ вчера раздавались оскорбительныя для Россіи рѣчи и требованія,

---

[1]) Адресъ старообрядцевъ исполненъ такой оригинальности, что его стоитъ припомнить вполнѣ:

„Великій Государь!

„Много голосовъ подъемлется къ Твоему престолу: дозволь и намъ сказать нашу правду. Измѣнники и возмутители хотѣли оклеветать насъ предъ цѣлымъ міромъ и прировнять насъ къ себѣ. Они лгали на насъ. Мы хранимъ свой обрядъ, но мы Твои вѣрные подданные. Мы всегда повиновались властямъ предержащимъ. Но Тебѣ, Царь-Освободитель, мы преданы сердцемъ нашимъ. Въ новизнахъ Твоего царствованія намъ старина наша слышится. На Тебѣ, Государь, почіетъ духъ нашихъ царей добродѣтельныхъ. Не только тѣломъ, но и душою мы русскіе люди. Россія намъ матерь родная; мы всегда готовы пострадать и умереть за нее. Наши предки были русскіе люди, работали на русскую землю и за нее умирали. Посрамимъ ли мы память отцевъ и дѣдовъ нашихъ и всѣхъ русскихъ христіанъ, отъ которыхъ кровь нашу приняли?

„Враги, злоумышляя противъ Твоей державы, возжигаютъ мятежъ въ Польшѣ и грозятъ намъ войною. Великій Государь! Десница Божія возвеличила державу Твоихъ предковъ! Она дастъ Царю-Освободителю одолѣніе на давнихъ враговъ и притѣснителей русской земли, которые народъ русскій отъ корня отрывали и вѣру его насиловали.

„Престолъ Твой и русская земля не чужое добро намъ, а наше кровное. Мы не опоздаемъ явиться на защиту ихъ и отдадимъ за нихъ все достояніе и жизнь нашу. Да не умалится держава Твоя, а возвеличится, да не посрамятся въ насъ предки наши, да возрадуется о Тебѣ старина наша русская.

„На Тебя всѣ надежды наши, а преданность наша Твоему престолу непоколебима. Царствуй долго, Великій Государь, на славу Россіи и на утѣшеніе Твоихъ вѣрныхъ подданныхъ!“

глава кабинета лордъ Россель заявилъ: „я убѣжденъ, что при теперешнемъ настроеніи русскаго правительства и еще болѣе русскаго общества, не можетъ быть и рѣчи объ отдѣленіи какой-либо части этой великой имперіи. Есть славныя воспоминанія, есть символы гордости и силы, связанные съ Россіей, на которые можно посягнуть, но которые едва-ли можно уничтожить безъ продолжительной, кровопролитной войны".

„Что же случилось,—спрашивалъ Михаилъ Никифоровичъ, указывая на неожиданную перемѣну европейскихъ воззрѣній (№ 96 отъ 4 мая),—въ небольшой періодъ времени между первыми назойливыми требованіями, не оставлявшими Россіи на выборъ ничего, кромѣ войны или позорныхъ, невозможныхъ уступокъ, которыя погубили бы ее вѣрнѣе всякой войны, и теперешнимъ, несравненно болѣе умѣреннымъ и разумнымъ взглядомъ на вещи, который обнаруживается въ лучшихъ сферахъ европейскаго общественнаго мнѣнія, который сказался и въ рѣчи графа Росселя? Что случилось? Ничего болѣе, какъ только то, что русскій народъ подалъ признаки жизни и духа, которыхъ въ немъ не ожидала введенная въ обманъ Европа. Тогда она думала, что Россія находится въ состояніи полнаго разложенія, что въ ея нѣдрахъ кипитъ безсмысленная революція, что русскій народъ утратилъ всякій смыслъ и духъ, что русское общество неспособно къ самостоятельной политической жизни, что каждый такъ-называемый образованный русскій есть измѣнникъ своему отечеству и готовъ продать его за безцѣнокъ. Такъ думали о насъ, такъ говорили, и мы безъ содраганія еще не можемъ вспомнить тѣхъ рѣчей, которыя говорились о Россіи и въ британскомъ парламентѣ, и въ этой породіи на парламентъ, въ этихъ жалкихъ законодательныхъ камерахъ Франціи. Тогда, со стороны Европы, казалось достаточнымъ одного добраго окрика, чтобы заставить насъ согласиться на все, хотя бы на самоубійство,—и тогда съ нашей стороны война казалась неизбѣжнымъ бѣдствіемъ, и народъ нашъ воспрянулъ съ полною рѣшимостью жертвовать всѣмъ для спасенія отечества. Теперь взглядъ Европы измѣнился. Она видитъ передъ собою не мертвую массу, а живую силу, съ которою должна считаться и которая не уступитъ ничего безъ жестокаго, смертнаго боя. Европа не можетъ сомнѣваться въ искренности того высокаго патріотическаго чувства, которое овладѣло у насъ всѣми классами общества и слило всѣхъ и все въ одно живое, крѣпкое, могущественное цѣлое".

„Что́,—писалъ Михаилъ Никифоровичъ впослѣдствіи въ статьѣ № 195 въ 1864 году (4 сентября), обозрѣвая событія предшествовавшаго года,—главнымъ образомъ произвело перемѣну къ лучшему въ русскихъ дѣлахъ? Не народное ли русское чувство, не патріотическое ли одушевленіе, пробудившееся повсюду, вверху и внизу, заговорившее тысячами голосовъ со всѣхъ концовъ русской земли? Не оно ли разсѣяло туманъ недоразумѣній, не оно ли разоблачило наши опасности, освѣтило намъ путь нашъ? Не оно ли пресѣкло тайную интригу, которая подкапывалась подъ основанія Русскаго Государства внутри? Не оно ли положило конецъ мистификаціи, которой подвергались мы извнѣ? Не оно ли возвратило намъ уваженіе Европы? Благодатныя минуты! скоро прошли онѣ, но кто испыталъ ихъ, тотъ не забудетъ, а ихъ испытала вся русская земля. Мы знаемъ силу ихъ по себѣ: мы помнимъ, какъ подъ ихъ вліяніемъ все въ нашей мысли очищалось и укрѣплялось. Впервые на памяти живущихъ людей все отъ мала до велика сходилось въ русскомъ чувствѣ, каждый русскій энергически чувствовалъ себя живымъ членомъ своего народа, каждый чувствовалъ его въ своемъ сердцѣ. Это было великое благотворное движеніе народнаго духа, которое имѣло только то несчастіе, что было недовольно продолжительно, и что Россія не успѣла имъ воспользоваться должнымъ образомъ для своего будущаго“...

IV.

Поворотъ въ правительствѣ выразился назначеніемъ генералъ-губернаторомъ въ сѣверо-западный край энергическаго Михаила Николаевича Муравьева, успѣвшаго въ короткое время дать новое теченіе дѣлу, не смотря на то, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ продолжала дѣйствовать политика прежняго времени. Полонофильствовавшая часть русской печати очутилась въ незавидномъ положеніи Приходилось или молчать, или слабо вторить движенію, или наконецъ, срывать неудовольствія на *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, всячески стараясь отдѣлить ихъ отъ патріотическаго движенія, предъ которымъ приходилось преклониться. *С.-Петербургскія Вѣдомости* выступили съ обвиненіемъ патріотизма Московскихъ газетъ въ „кровожадности“. Въ отвѣтъ на это обвиненіе, Михаилъ Никифоровичъ въ передовой статьѣ отъ 23 апрѣля 1863 г. (№ 86), возвращаясь къ печальнымъ явле-

нiямъ, обнаруживавшимся наканунѣ патріотическаго движенія, припоминаетъ, что тогда „любому иностранцу наблюдателю стоило немного прислушаться къ тому, что серьезно говорилось въ Петербургѣ, присмотрѣться къ тому, что днемъ дѣлалось вокругъ, чтобы вынести полное убѣжденіе въ совершенномъ разложенiи нашего общественнаго организма: могъ ли иностранный наблюдатель подозрѣвать, что атмосфера, въ которой онъ производилъ свои наблюденія—есть атмосфера фальшивая?“ „Посреди этихъ явленій, продолжаетъ: Михаилъ Никифоровичъ, заставлявшихъ иностранца видѣть въ насъ народъ разлагающійся и гніющій, раздалось нѣсколько голосовъ извнутри Россіи, въ которыхъ слышалось русское чувство, и которыхъ было бы гораздо больше, еслибы наша печать и вообще всѣ отправленія нашей общественной жизни находились подъ другими условіями—и вотъ русскій патріотизмъ упрекаютъ въ кровожадности, упрекаютъ его не французскія или нѣмецкія газеты, а *С.-Петербургскія Вѣдомости*—газета россійская! Въ чемъ же выразилась до сихъ поръ кровожадность русскаго патріотизма? Бѣдный русскій патріотизмъ осмѣлился противъ польскихъ притязаній, которыя заявляла противъ насъ вся Европа, увлекаемая разными враждебными намъ побужденіями,—выставить на видъ историческія права русской народности, и, въ отвѣтъ на ругательства, сказать нѣсколько словъ въ защиту своего народа, въ защиту, предоставляемую даже тяжкимъ преступникамъ. Русскій патріотизмъ позволилъ себѣ заявить, что русскій народъ будетъ стоять крѣпко за достоинство своего политическаго существованія. Въ этомъ петербургская газета видитъ кровожадность и свирѣпство“.

„Никто изъ русскихъ“, читаемъ далѣе, „въ комъ есть хоть искра стыда и чести, не можетъ не сочувствовать горячимъ изъявленіямъ русскаго патріотизма, который съ такою силой отзывается теперь во всѣхъ концахъ русскаго царства. Не изъ гнилой апатіи, не изъ равнодушія къ судьбамъ отечества можетъ возникнуть что-нибудь великое въ гражданской жизни, а изъ возвышеннаго народнаго чувства“.

Иначе, чѣмъ ребячески недальновидная, мнившая себя либеральною газета, отнеслись къ дѣятельности *Московскихъ Вѣдомостей* всѣ, въ комъ живо было русское чувство.

Можно безъ преувеличенія сказать, что на голосъ *Московскихъ Вѣдомостей* отозвалась вся русская земля. Никогда никакая газета не достигала у насъ такой популярности, какъ *Московскія Вѣдомости* въ эту эпоху. Заявленія сочув-

ствія редакторамъ шли со всѣхъ сторонъ. Въ 161 номерѣ газеты (отъ 25 іюля) Михаилъ Никифоровичъ счелъ необходимымъ, въ интересахъ дѣла, сказать публично нѣсколько словъ объ этихъ заявленіяхъ. „Съ разныхъ сторонъ, отъ лицъ самыхъ разнородныхъ по образованію и общественному положенію, получаемъ мы изъявленія горячаго сочувствія мнѣніямъ, которыхъ органомъ служитъ наша газета. Мы не можемъ не радоваться этимъ изъявленіямъ, они не могутъ не трогать, не потрясать насъ до глубины души. Люди самые разнообразные, чуждые другъ другу во всѣхъ отношеніяхъ, которымъ, можетъ быть, никогда не придется встрѣтиться и узнать другъ друга въ глаза, раздѣляемые огромными пространствами, соединяются между собою незримою симпатическою нитью, подаютъ другъ другу вѣсть какъ старые друзья. Всѣ эти личныя заявленія, на которыя мы не имѣемъ возможности отвѣчать, хранимъ мы про себя, какъ нашу собственность, какъ нашу личную драгоцѣнность. Мы не считаемъ себя обязанными печатать эти письма, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сами авторы ихъ изъявляютъ желаніе гласно заявить свое сочувствіе. Но мы не въ правѣ утаивать про себя то, что имѣетъ общественный характеръ; мы не имѣемъ права скрывать заявленія цѣлыхъ обществъ и сословій. Скромность въ подобныхъ случаяхъ была бы не скромностію, а жеманствомъ, дурнымъ выраженіемъ самолюбія, вреднымъ самому дѣлу. Мы не могли затаить изъявленій сочувствія, присланныхъ намъ отъ Симбирскаго дворянства; мы не можемъ скрыть изъявленія такого же сочувствія отъ дворянства Саратовской губерніи. Насъ радуютъ эти выраженія сочувствія, но положеніе, въ которое они приводятъ насъ, столь же затрудняетъ и смущаетъ насъ. Не вмѣняемъ себѣ въ заслугу или добродѣтель то чувство смущенія, которое мы испытываемъ. Мы не считаемъ честолюбія за какой-либо порокъ, отъ котораго должно было бы отрекаться; честолюбіе честолюбію рознь, и честолюбіе можетъ быть самаго благороднаго свойства. Но честолюбіе, принимаемое въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ, не есть наша добродѣтель, какъ не есть наша слабость. Популярность никогда не прельщала насъ, никогда не была предметомъ нашихъ исканій и цѣлью нашихъ дѣйствій. При нынѣшнихъ необыкновенныхъ обстоятельствахъ, намъ неожиданно довелось стать случайнымъ средствомъ, предлогомъ, поводомъ для общественныхъ заявленій, и каково бы ни было наше настроеніе, мы должны отложить въ сторону вопросъ о нашихъ личныхъ свойствахъ, предоставляя всякаго рода

благопріятелямъ нашимъ дѣлать о насъ какія имъ угодно заключенія".

Между заявленіями особенно видное мѣсто принадлежало заявленіямъ нѣкоторыхъ дворянствъ. 19 іюля пришла запоздавшая на пути телеграмма изъ Саратова:

„Саратовское дворянство, собравшись по случаю пріѣзда Государя Наслѣдника, сочувствуя мнѣніямъ вашимъ, пьетъ за ваше здоровье. Исправляющій должность губернскаго предводителя, Саратовскій уѣздный предводитель дворянства Слѣпцовъ. Уѣздные предводители: Зотовъ, Каракозовъ, Гладковъ, Обуховъ, Ершовъ, Персидскій, Степановъ, Аристовъ, Хардинъ, князь Прозоровскій-Голицынъ".

Помню, что я былъ въ кабинетѣ Михаила Никифоровича, когда была имъ получена эта телеграмма. Помню, какъ краска бросилась въ его лицо, когда прочелъ онъ бывшія неожиданностью строки. Помню, какъ въ тотъ день вечеромъ долго толковали мы съ Павломъ Михайловичемъ о томъ значеніи, какое вдругъ пріобрѣла дѣятельность Михаила Никифоровича въ эти трудные для Россіи дни. Вполнѣ забывая себя, Павелъ Михайловичъ восторженно говорилъ о личности и значеніи своего великаго друга, о томъ, какъ все держится имъ въ эту минуту. Онъ разсказывалъ мнѣ, какъ славился Катковъ между товарищами, когда былъ еще студентомъ; какъ легендарный инспекторъ П. С. Нахимовъ посылалъ студентовъ слушать отвѣты Каткова на экзаменѣ: „что болтаетесь, подите, слушайте, какъ Катковъ отвѣчаетъ"; вспоминалъ о горячности и рѣшимости Каткова.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Годы борьбы и испытаній. Эпизодъ о столкновеніи съ гласными Московской думы въ началѣ 1864 года.

I.

Съ этихъ дней началась та неустанная, ото дня къ дню непрерывная дѣятельность Михаила Никифоровича на стражѣ русскихъ интересовъ, которая поглотила все существо его, богатое силами и страстями, и которая окончилась лишь съ послѣднимъ его дыханіемъ. Лишь крѣпкая физически и нравственно натура могла выдержать постоян-

ное возбужденіе, въ какомъ четверть вѣка находился умъ великаго публициста. До этой эпохи Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ еще отдавали дань если и не житейской суетѣ, то обычному житейскому порядку. Они посѣщали близкихъ людей, часто бывали, напримѣръ, въ семействахъ друзей, А. С. Ершова, А. Н. Драшусова; имѣли у себя день, когда принимали сотрудниковъ и знакомыхъ, охотно пользовались удовольствіями дачной жизни. О послѣднихъ годахъ, предшествовавшихъ изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, Павелъ Михайловичъ вспоминалъ, какъ о наименѣе тревожномъ и наболѣе пріятномъ времени ихъ дѣятельности. Лѣто 1863 года, поднявшее эту дѣятельность на высоту историческаго значенія, внесло переломъ въ обычное теченіе жизни, обративъ ее въ незнающую роздыха государственную службу особаго рода, едва-ли когда-либо встрѣчавшуюся въ исторіи. Редакція московской газеты стала государственною инстанціею, голосъ которой сдѣлался необходимостью въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ сколько-нибудь серіозныхъ государственныхъ дѣлъ. Литературныя сношенія заняли второстепенное мѣсто, замѣнившись, на первомъ планѣ сношеніями съ государственными и общественными дѣятелями.

Кто былъ свидѣтелемъ наступившей съ эпохи польскаго возстанія неустанной политической дѣятельности Михаила Никифоровича и Павла Михайловича, тотъ долженъ придти къ убѣжденію, что геніальность не легкій даръ неба. Большинство предпочло бы, нѣтъ сомнѣнія, самую скромную долю этой напряженной отвѣтственной работѣ на высотахъ, безъ роздыха и радостей, кромѣ короткихъ минутъ удовлетворенія и побѣды, немедленно звавшихъ на новую борьбу. Значеніе, слава, почетъ дорогою были куплены цѣною. „Что мы? сказалъ мнѣ однажды Павелъ Михайловичъ,—казавшійся всегда такъ спокойнымъ по наружности,—мы несчастные!“ Исканіе популярности, наслажденіе популярностію были чужды характерамъ и Михаила Никифоровича, и Павла Михайловича. Они сторонились отъ всякой толпы. Будучи общественными дѣятелями въ самомъ обширномъ смыслѣ—они были однако людьми кабинета, а не собраній. Дѣятельность ихъ была въ точномъ смыслѣ подвижническая, особенно со стороны Павла Михайловича, вполнѣ забывавшаго о себѣ.

Михаилъ Никифоровичъ становился самимъ собою, когда въ тишинѣ глубокой ночи прохаживался по кабинету, забывая все кромѣ своей мысли; диктовалъ свои статьи секре-

тарю, машинально улавливавшему на бумагу рѣчь, твердо произносившуюся въ пространство, куда глядѣлъ, поверхъ и сквозь окружающаго, недвижный взоръ диктовавшаго. Когда случалось перемѣнить секретаря, Михаилъ Никифоровичъ въ первое время очень стѣснялся диктовать, предъ новымъ лицомъ. Диктовка происходила почти всегда ночью. Днемъ многочисленные посѣтители, редакціонныя хлопоты и всяческія дѣла отнимали время. Диктовать Михаилъ Никифоровичъ, сколько припоминаю, началъ уже въ 1863 году, такъ какъ состояніе зрѣнія дѣлало ему затруднительнымъ писаніе при свѣчахъ. Глаза въ смыслѣ оптическаго и нервнаго аппарата были у Михаила Никифоровича въ хорошемъ состояніи, но окружающія глаза наружныя оболочки легко раздражались, производя рѣзь и сильно утомляя зрѣніе. Дурной почеркъ и нѣсколько нервный способъ писанія, въ свою очередь, дѣлали внѣшнюю процедуру писанія не легкимъ трудомъ для Михаила Никифоровича. Написать письмо было для него всегда значительнымъ подвигомъ. Писемъ Михаила Никифоровича осталось не много. Любопытны изъ нихъ тѣ, которыя ему случалось писать, по дѣламъ, къ государственнымъ людямъ. Частная переписка Михаила Никифоровича была крайне ограниченна. Говорю о письмахъ самого Михаила Никифоровича, а не о письмахъ къ нему его корреспондентовъ, между которыми письма покойнаго Б. М. Маркевича, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ото дня къ дню сообщавшаго все, что ходило новаго въ высшихъ петербургскихъ сферахъ, имѣютъ большой историческій интересъ. Желательно, чтобы они были сбережены тщательно.

Статьи Михаила Никифоровича можно раздѣлить на два разряда. Однѣ, обыкновенно значительнаго объема, диктовались въ нѣсколько пріемовъ; послѣ набора подвергались значительнымъ измѣненіямъ; помѣщеніе ихъ нерѣдко откладывалось на нѣсколько дней, такъ какъ тѣ или другія частности, а иногда вообще своевременность печатанія, подвергались многимъ сомнѣніямъ и продолжительнымъ колебаніямъ. Михаилъ Никифоровичъ успокоивался, когда наконецъ статья появлялась. Въ отпечатанные экземпляры онъ избѣгалъ уже заглядывать, опасаясь встрѣтить какую-нибудь опечатку или неловкость. Другаго разряда статьи, обыкновенно короткія, были импровизаціями, вызываемыми или какимъ-либо событіемъ дня или случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Случалось, что въ часъ или два часа ночи, проснувшись послѣ вызваннаго утомленіемъ желаннаго сна,

Михаилъ Никифоровичъ, садясь за рабочій столъ, прочитывалъ заготовленныя сотрудниками и набранныя статьи, которыя не успѣлъ просмотрѣть днемъ. Онъ не доволенъ; ни одна его не удовлетворяетъ. Но не можетъ же номеръ выйдти безъ передовой статьи. Михаилъ Никифоровичъ зоветъ секретаря, начинаетъ самъ диктовать статью по какому-либо изъ текущихъ вопросовъ. Уже часа четыре, когда статья сдается въ наборъ; затѣмъ начинается чтеніе корректуры, исправленіе; статья едва поспѣваетъ къ сроку печатанія номера, а иногда и задерживаетъ печатаніе на часъ, на два. Эти импровизаціи иногда выходили особенно удачны своею горячностью и неподготовленностью, и производили сильное впечатлѣніе.

Припоминаю два случая съ ночною диктовкою. Утомленный секретарь ставилъ диктуемыя слова безъ особаго отчета въ ихъ смыслѣ. Когда потомъ принесли набранную корректуру, смыслъ во многихъ мѣстахъ оказался утраченнымъ. Одно мѣсто представляло даже совершенную загадку. Самъ Михаилъ Никифоровичъ долго не могъ догадаться, что было имъ продиктовано. Въ корректурѣ стояли слова: „древняя чашуща“. По связи удалось припомнить, что было продиктовано: „дремлющее чувство“. Секретарю послышалось „древняя чашуща“. Его такъ и прозвали, и прозвище это осталось за нимъ на довольно долгое время. Другой разъ, Михаилъ Никифоровичъ, начавъ диктовку, увлеченный теченіемъ мысли, долго диктовалъ, ходя по кабинету и не слѣдя за перомъ писавшаго секретаря. Наконецъ остановился и пожелалъ взглянуть на продиктованное. Что же оказалось? Утомленный секретарь, написавъ первыя строки, заснулъ. Незамѣчая того, Михаилъ Никифоровичъ продолжалъ диктовать и только подъ конецъ, къ утру, замѣтилъ, что статья осталась въ воздухѣ, не попавъ на бумагу. Пришлось замѣнить ее другою статьею и запоздать выходомъ газеты.

Трудъ Михаила Никифоровича былъ неустаннымъ трудомъ дня и ночи, въ буквальномъ смыслѣ слова. Умственное напряженіе было причиною безсонницы, много лѣтъ мучившей Михаила Никифоровича. Правильнаго сна онъ не зналъ; радовался, когда удалось заснуть отъ утомленія. Мучительнѣе всего было состояніе полусна, сопровождавшееся не прекращавшейся работою мысли. Бывало, что по недѣлямъ Михаилъ Никифоровичъ не зналъ сна въ точномъ смыслѣ слова: когда забывался, чрезъ голову проходили, какъ онъ разсказывалъ, десятки передовыхъ статей неуловимыхъ, но тревожныхъ; очнувшись не чувствовалъ

освѣженія. Случалось, что желанный сонъ проходилъ неожиданно, при какомъ-нибудь необыкновенномъ физическомъ положеніи, никакъ не въ постели, а гдѣ-нибудь на краѣ дивана, даже въ вагонѣ. Не разъ въ періоды безсонницы бывало, что, отправившись въ путь, Михаилъ Никифоровичъ неожиданно крѣпко засыпалъ подъ тряску вагона.

Съ гигіенической стороны весь образъ жизни былъ неправильный. Ночь всегда проходила въ работѣ. И сотрудники привыкли къ тому, что составленіе газеты есть работа почти исключительно ночная. Въ два, три часа ночи редакція имѣла оживленный видъ. Опредѣленныхъ часовъ завтрака, обѣда не существовало ни для Михаила Никифоровича, ни для Павла Михайловича; и для послѣдняго еще, можетъ быть, болѣе чѣмъ для перваго, особенно послѣ учрежденія Лицея. Нерѣдко охладѣлый супъ стоялъ на столѣ до десятаго часа вечера, когда, возвратившись изъ Лицея, Павелъ Михайловичъ садился за обѣдъ.

Обычное теченіе времени не имѣло силы для издателей *Московскихъ Вѣдомостей*. Они жили внѣ времени, или по крайней мѣрѣ относились къ нему весьма своеобразно и притомъ различно тотъ и другой. Михаилъ Никифоровичъ не различалъ моментовъ времени, всѣ часы дня были для него одинаковы. Опоздать, прибыть не въ опредѣленный часъ было для него самымъ обыкновеннымъ явленіемъ; въ бытность въ Петербургѣ онъ не рѣдко пріѣзжалъ къ близкимъ людямъ въ часъ ночи и позже, не замѣчая запоздалости визита. Еще въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній Петербурга, пріѣхавъ къ одному изъ пріятелей послѣ часа и узнавъ, что всѣ разошлись, хотѣлъ вернуться, но встрѣтилъ возвращавшагося ховяина, заговорилъ съ нимъ на тротуарѣ и, бесѣдуя проходилъ часа полтора, не замѣчая бѣгущаго времени. У Павла Михайловича была другая особенность. Съ точностію зная, который часъ, онъ за то не имѣлъ точнаго представленія о продолжительности времени. Мысленно опредѣлялъ на что-нибудь полчаса времени, увѣренный, что этого достаточно, а на дѣлѣ употреблялъ три, четыре часа. Только потребности сна удовлетворялъ онъ въ точности, но оригинальнымъ способомъ. Организмъ его требовалъ семи, восьми часовъ сна. И Павелъ Михайловичъ спалъ около восьми часовъ. Но какъ? Не сподрядъ, а въ разбивку. Сидя на креслѣ за рабочимъ, даже обѣденнымъ столомъ, онъ, закрывъ глаза, засыпалъ на десять минутъ, на полчаса и проснувшись продолжалъ занятія. Изъ этихъ отрывковъ сна составлялось требуемое число часовъ отдохновенія. Неточ-

ность въ опредѣленіи продолжительности времени отчасти происходила отъ желанія пользоваться временемъ возможно экономически, не теряя минуты. На поѣздку, напримѣръ, отъ дома типографіи до воксала желѣзной дороги Павелъ Михайловичъ, отправляясь въ Петербургъ, опредѣлялъ извѣстное число минутъ и не сдавался на увѣщанія окружающихъ поторопиться, чтобы не опоздать; и не рѣдко опаздывалъ. Разъ такимъ образомъ онъ три дня сряду примѣрялся попасть на поѣздъ и каждый разъ опаздывалъ. Наконецъ, на четвертый день собрался рано. Но тутъ вышелъ другой казусъ: натягивая сапоги, оборвалъ непрочное голенище. Послѣ такого указанія судьбы поѣздка была совсѣмъ отложена, и Павелъ Михайловичъ остался въ Москвѣ. Вообще собраться куда-нибудь было для него не легко. Въ 1870 году, доктора и друзья уговорили Павла Михайловича ѣхать лѣтомъ на воды заграницу. Послѣ разныхъ промедленій наступилъ наконецъ день отъѣзда. Мы провожали Павла Михайловича съ дачи изъ Петровскаго парка. Онъ сѣлъ уже въ коляску, когда подали телеграмму о возгорѣвшейся франзузско-прусской войнѣ. Пришлось измѣнить планъ и отказаться отъ поѣздки заграницу. Рѣшеніе состоялось быстро. Не выходя изъ коляски, Павелъ Михайловичъ отправился не въ Петербургъ и заграницу, а въ тульскую деревню на три недѣли.

Лѣтомъ 1863 г., установившаяся уже моя близость съ Павломъ Михайловичемъ и Михаиломъ Никифоровичемъ увеличилась тѣмъ дѣятельнымъ участіемъ, какое съ этого времени принялъ я въ ихъ редакторскихъ трудахъ. При обиліи занятій по *Московскимъ Вѣдомостямъ* книжки *Русскаго Вѣстника* сильно запаздывали. Михаилъ Никифоровичъ былъ весь поглощенъ польскимъ вопросомъ. Его статьи по этому вопросу въ *Русскомъ Вѣстникѣ* были плодомъ самой внимательной отдѣлки; проходили десятокъ корректуръ; взвѣшивалась каждая строка, возникали и улегались колебанія. Печатаніе всего остальнаго замедлялось. Въ сатирическомъ журналѣ, кажется въ *Искрѣ*, не безъ остроумія сообщалось, какъ одинъ подписчикъ *Русскаго Вѣстника*, прочтя на вышедшей въ позднюю осень книжкѣ: іюнь, повѣрилъ обозначенію, отправился въ ноябрѣ купаться и слегъ отъ простуды. Большой интересъ, какой обнаруживалъ я къ помѣщавшемуся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, довольно дѣятельное участіе въ ихъ изданіяхъ, особенно по вопросамъ народнаго просвѣщенія (мною между прочимъ ведена была имѣвшая

въ свое время большое значеніе продолжительная полемика [1]) съ предсѣдателемъ тогдашняго ученаго комитета министерства просвѣщенія, покойнымъ А. С. Вороновымъ), частыя бесѣды по поводу печатаемаго, особенно съ Павломъ Михайловичемъ, побудили издателей, неожиданно для меня, предложить мнѣ принять участіе въ редактированіи *Русскаго Вѣстника*. Я видѣлъ въ этомъ временное занятіе; но скоро втянулся въ дѣло; моею дѣятельностью были довольны, и редакторскія работы по печатанію *Вѣстника* почти цѣликомъ перешли ко мнѣ. Можно сказать, что въ теченіи многихъ лѣтъ ни Михаилъ Никифоровичъ, ни Павелъ Михайловичъ не читали *Русскаго Вѣстника*, кромѣ того, что я, колеблясь почему-либо, считалъ нужнымъ имъ показывать. Бывали впрочемъ статьи, редакторская корректура которыхъ тщательно дѣлалась самимъ Михаиломъ Никифоровичемъ. Такъ внимательно между прочимъ относился онъ къ помѣщенію того, что выходило изъ подъ пера графа Л. Н. Толстаго. Авторъ могъ быть спокойнымъ за такою редакторскою корректурою.

II.

Начало 1864 года ознаменовалось весьма прискорбнымъ событіемъ. Столкновеніе редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* съ нѣкоторыми членами Московской Думы, сопровождавшееся рядомъ недоразумѣній, повело къ дуели между П. М. Леонтьевымъ и старшиною дворянскаго сословія въ думѣ, С. Н. Гончаровымъ.

---

[1]) Статья „Труды ученаго комитета“ и послѣдовавшія за нею три статьи (помѣщены въ *Современной Лѣтописи Московскихъ Вѣдомостей* 1863 года) многими приписывались Павлу Михайловичу, участіе котораго ограничивалось тѣмъ, что нѣсколькими вставками, особенно во второй статьѣ, онъ усилилъ рѣзкость тона. Произошелъ даже небольшой куріозъ. По плану комитета въ гимназическую программу вводилась между прочимъ „физика земнаго шара съ описательною частію естественныхъ наукъ“. Павелъ Михайловичъ послѣ слова „физика земнаго шара“ вставилъ при корректурѣ въ скобкахъ „новая наука“. Это подало поводъ къ изобличенію автора статьи,— очевидно-де филолога и классика,—въ полной некомпетентности по части естествознанія. Въ 1863 и отчасти 1864 годахъ значительная часть статей по вопросамъ народнаго просвѣщенія писана мною (упомяну между прочимъ о полемикѣ по поводу учрежденія Петровской Земледѣльческій Академіи въ Москвѣ). Затѣмъ вопросъ объ учебной реформѣ гимназій сдѣлался предметомъ страстной заботы Михаила Никифоровича, раздѣлявшейся Павломъ Михайловичемъ. Мое участіе было уже незначительное.

Дѣло было такъ.

Въ № 10 *Московскихъ Вѣдомостей*, 14 января, въ статьѣ, гдѣ трактовалось о мировыхъ учрежденіяхъ и земскомъ управленіи, мимоходомъ было сказано и о городскомъ управленіи и неблагопріятно упомянуто о дѣятельности Распорядительной Думы по новому положенію. „Что сказать о Думахъ „Распорядительныхъ? Кому неизвѣстны петербургскія исто„ріи съ Распорядительною Думой? Въ Москвѣ дѣло еще до „того не дошло, и мы не хотимъ тревожить Московскую „Распорядительную Думу зловѣщими предсказаніями, хотя „не можемъ скрыть, что иные московскіе жители не находятъ „большаго различія между Распорядительною Думой, учреж„деніемъ новымъ, и, напримѣръ, Управой Благочинія, учреж„деніемъ, которое признается неудовлетворительнымъ и тре„бующимъ преобразованія. А какъ бы, кажется, не пріискать людей для Распорядительной Думы въ Петербургѣ „или Москвѣ, гдѣ людей такъ много и гдѣ есть столько „охотниковъ на каждое мѣсто? Не очевидно ли, что есть „какой-нибудь недостатокъ въ самомъ устройствѣ Распоря„дительныхъ Думъ?

Эти немногія слова, не заключавшія въ себѣ ничего особенно оскорбительнаго для общаго состава думскихъ гласныхъ (въ числѣ ихъ былъ и Михаилъ Никифоровичъ), и вытекшія отчасти именно изъ бесѣдъ редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* съ нѣкоторыми членами Думы и въ особенности съ С. Н. Гончаровымъ, часто бывавшимъ въ редакціи и находившимся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Михаиломъ Никифоровичемъ и Павломъ Михайловичемъ, вызвали однако цѣлую бурю. Въ Думѣ господствовалъ тогда кружокъ лицъ болѣе или менѣе близкихъ къ славянофильскому лагерю, въ которомъ, по словамъ Михаила Никифоровича, имѣлъ огромное значеніе „котелокъ самолюбія“, подогрѣтый еще участіемъ въ рѣшеніи крестьянскаго вопроса. Не расходясь съ *Московскими Вѣдомостями* въ существенныхъ вопросахъ патріотизма, нѣкоторые изъ членовъ лагеря чувствовали нѣкотораго рода ревность къ дѣятельности *Московскихъ Вѣдомостей*. На ихъ взглядъ,—какъ выразился Михаилъ Никифоровичъ въ одной изъ передовыхъ статей (№ 76, 1864 г.)—„*Московскія Вѣдомости* вмѣшиваются въ ихъ спеціальность, отбиваютъ отъ ихъ Россію, которую они считаютъ изобрѣтеніемъ и достояніемъ ихъ кружка“. Потому все, выходившее отъ *Московскихъ Вѣдомостей*, принималось въ кружкахъ, примыкавшихъ къ лагерю, съ особою чувствительностью и легко возбудимымъ раздраже-

ніемъ. Упорная неуступчивость въ разъ высказанномъ, проистекавшая изъ полноты и страстности убѣжденія, составлявшая характеристическую черту издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, разсматривалась въ ревнующихъ кружкахъ какъ претензія на непогрѣшимость и высокомѣріе. Присоединялись и счеты личнаго самолюбія въ нѣкоторыхъ лицахъ, непосредственно къ Думѣ не принадлежавшихъ, но имѣвшихъ вліяніе въ думскихъ и вообще въ московскихъ кружкахъ.

По поводу немногихъ словъ, сказанныхъ въ *Вѣдомостяхъ*, въ думѣ начались толки, можно было ждать демонстраціи. Чтобы умирить волненіе—такъ, по крайней мѣрѣ, объяснялъ С. Н. Гончаровъ,—и съ помощью малаго скандала избѣгнуть большаго, девять гласныхъ, со включеніемъ самого Гончарова, написали въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* письмо, не предназначавшееся, какъ они потомъ утверждали, къ печати. Сдѣлавъ выписку приведеннаго выше отзыва газеты о Распорядительной Думѣ, авторы письма продолжаютъ, обращаясь къ издателямъ:

„Произнося столь неблагопріятное сужденіе о Московской Распорядительной Думѣ, вы, безъ сомнѣнія, имѣли положительныя свѣдѣнія о такихъ злоупотребленіяхъ въ Распорядительной Думѣ, которыя низводятъ ее на степень присутственнаго мѣста, пользующагося самою неблаговидною извѣстностью. Въ этомъ убѣжденіи мы нижеподписавшіеся, какъ гласные, обязанные слѣдить за дѣйствіями Распорядительной Думы, обращаемся къ вамъ съ просьбою сообщить намъ тѣ факты и свѣдѣнія, которыя побудили насъ подвергнуть публичному осужденію едва сложившееся городское учрежденіе. Мы надѣемся воспользоваться вашими сообщеніями съ дѣйствительною пользою для общественнаго дѣла.

„Примите и проч. (за тѣмъ слѣдуетъ девять подписей). 27 января 1864 года".

Письмо подписали: Н. Щепкинъ, Н. Киселевъ, П. Самаринъ, А. Кошелевъ, Д. Шумахеръ, Н. Кетчеръ, М. Демидовъ, В. Кашкадамовъ, С. Гончаровъ.

Письмо сильно раздражило Михаила Никифоровича. Слухи о затѣвавшейся демонстраціи дошли уже до него. Онъ усматривалъ въ этомъ возбужденіи, по поводу нѣсколькихъ строкъ, руку людей лично враждебныхъ. Подписавшія письмо лица, къ которымъ онъ вообще относился вполнѣ уважительно, были на его взглядъ игрушкою интриги и сдѣлались ея орудіями, сами того не замѣчая. Онъ высказалъ Гончарову, что напечатаетъ письмо и разоблачитъ интригу. Гончаровъ былъ человѣкъ расположенный, и объясненія съ

*

нимъ были самыя откровенныя и дружественныя. Но именно это обстоятельство и послужило къ осложненію дѣла. С. Н. Гончаровъ старался умиротворить обѣ стороны. Михаилу Никифоровичу и Павлу Михайловичу онъ въ смягченномъ видѣ передавалъ то, что поручали его думскіе товарищи, и въ свою очередь старался смягчить горячія объясненія Михаила Никифоровича, передавая ихъ своимъ товарищамъ. Когда затѣмъ при печатныхъ взаимныхъ препирательствахъ всякое сказанное слово начало пріобрѣтать документальное значеніе, положеніе С. Н. Гончарова сдѣлалось крайне затруднительнымъ. И когда ему пришлось рѣшительно принять сторону думскихъ товарищей, онъ вынужденъ былъ объявить неточными и невѣрными ссылки на него издателей *Вѣдомостей*. Припоминаю, что при самомъ началѣ объясненій Михаилъ Никифоровичъ говорилъ Гончарову: „помяните мои слова; всѣ останутся въ сторонѣ, а мы съ вами, какъ два пѣтуха, явимся одинъ противъ другаго“. Такъ и случилось.

Вечеромъ наканунѣ выхода № 25 *Московскихъ Вѣдомостей* (отъ 31 января), въ которомъ Михаилъ Никифоровичъ напечаталъ съ своимъ возраженіемъ письмо девяти гласныхъ, не приводя именъ подписавшихся, — издатели *Вѣдомостей* еще разъ видѣлись съ С. Н. Гончаровымъ. „Мы сказали ему, пишутъ они въ своемъ *Объясненіи* (напечатанномъ въ № 40 газеты, 18 февраля), что завтра письмо появится съ нашимъ объясненіемъ, но что мы желали бы опустить по крайней мѣрѣ имена. Мысль эта встрѣтила одобреніе со стороны г. Гончарова, и на другой день появилась въ № 25 *Московскихъ Вѣдомостей* извѣстная публикѣ передовая статья съ письмомъ девяти гласныхъ безъ обозначенія ихъ именъ“.

О первомъ разговорѣ съ С. Н. Гончаровымъ въ *Объясненіи* передается такъ. „Онъ сообщилъ намъ, что лица, подписавшіяся подъ письмомъ, не хотѣли дѣлать никакой непріязненной намъ демонстраціи, что главные зачинщики всей исторіи остались въ сторонѣ, и что письмо написано съ цѣлію предупредить меньшимъ скандаломъ большій, и что относительно вопроса о печатаніи статьи онъ отъ своихъ товарищей не имѣлъ никакого опредѣленнаго полномочія“.

Впослѣдствіи С. Н. Гончаровъ, въ напечатанномъ черезъ недѣлю въ № 20 *Русскихъ Вѣдомостей* (25 февраля) опроверженіи девяти гласныхъ, отвергъ эти показанія *Московскихъ Вѣдомостей*. „Г. Гончаровъ, сказано въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, опровергая самымъ рѣшительнымъ образомъ ссылку, сдѣланную на него *Московскими Вѣдомостями*, положительно

утверждаетъ, что онъ никогда, ни единымъ словомъ не давалъ разумѣть г. Каткову, чтобы первое письмо девяти гласныхъ предназначалось къ печати; что, по прочтеніи этого письма, самъ г. Катковъ разразился угрозой произвести *скандалъ и дать рѣзкій отпоръ*,—но не объяснилъ, какого рода скандалъ и отпоръ онъ имѣлъ въ виду, и что онъ, г. Гончаровъ, въ этомъ отношеніи оставался въ неизвѣстности до кануна того дня, когда вышелъ № 25 *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ этотъ день, при встрѣчѣ въ Думѣ, г. Катковъ объявилъ ему, что на другой день появится въ его газетѣ рѣзкая статья противъ девяти гласныхъ, вмѣстѣ съ ихъ письмомъ, но безъ ихъ именъ. Совѣта г. Гончарова не требовалось, и онъ отвѣтилъ только: „Ваше дѣло, дѣлайте, какъ знаете“.

Такое рѣшительное заявленіе редакторы *Московскихъ Вѣдомостей* не могли принять иначе какъ за обвиненія во лжи. Это повело къ печальной развязкѣ, о которой скажемъ ниже.

III.

Статья въ 25 № *Московскихъ Вѣдомостей* (31 января) написана въ сильно поднятомъ тонѣ и нѣкоторыя выраженія ея, между прочимъ, о томъ, что вмѣшивающимся не въ свое дѣло „грозитъ непріятность быть отведенными назадъ, въ надлежащія границы“, сильно раздражили авторовъ писемъ, хотя лично о нихъ въ статьѣ говорилось весьма уважительно и Михаилъ Никифоровичъ упиралъ на то, что дѣла есть результатъ закулисной интриги.

„Гласность, свобода мнѣній, общественныя права, все это,—сказано было въ статьѣ,—еще слишкомъ новое у насъ дѣло, обо всемъ этомъ еще не успѣли установиться вполнѣ отчетливыя понятія даже въ добросовѣстныхъ и серьезныхъ умахъ, и при начинающейся у насъ болѣе широкой общественной жизни, всякаго рода интриганы, дѣйствующіе обыкновенно за кулисами, могутъ легко употреблять во зло эту неопредѣленность общественныхъ понятій и смущать не только недалекихъ, но и умныхъ и серьезныхъ людей“.

„Въ Московской Распорядительной Думѣ, говорилъ Михаилъ Никифоровичъ далѣе, намекая, очевидно, на С. Н. Гончарова,—есть люди, отличающіеся образованнымъ умомъ и здравыми понятіями о дѣлѣ общественнаго управленія. Намъ случалось провѣрять наши мнѣнія объ этомъ дѣлѣ сужденіями этихъ лицъ, и мы съ удовольствіемъ можемъ засвидѣтельствовать, что наши взгляды на общественное

управленіе и организацію относящихся къ нему учрежденій раздѣляются ими".

У Михаила Никифоровича, при составленіи статьи № 25, не было въ намѣреніи раздражать лицъ подписавшихъ письмо. Безъ случайнаго обстоятельства возможно, что нѣкоторыя строки его появились бы въ печати въ смягченномъ видѣ или безъ возможности примѣненія къ подписавшимся. Михаилъ Никифоровичъ имѣлъ намѣреніе еще разъ перечесть корректуру, но не сказалъ о томъ Павлу Михайловичу и заснулъ. Павелъ Михайловичъ пустилъ статью, считая ее окончательно вычитанною. Это и дало ему поводъ впослѣдствіи принимать на себя въ особенности отвѣтственность за послѣдствія, вызванныя статьею Полеваго. Статья раздражила участниковъ письма. На Михаила Никифоровича посыпались обвиненія, что онъ напечаталъ письмо безъ вѣдома писавшаго. Была составлена протестація для напечатанія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Начались новые переговоры съ редакціею, въ которыхъ кромѣ Гончарова, приняли участіе гг. Кошелевъ и Шумахеръ. Михаилъ Никифоровичъ, не соглашаясь на печатаніе протестаціи, шелъ однако на уступки и предлагалъ, чтобъ была напечатана передовая статья, которая разсѣяла бы недоразумѣнія. Начались новые переговоры и сношенія. Гончаровъ, Кошелевъ и Шумахеръ были ознакомлены съ текстомъ предполагавшейся статьи. Въ ней объ объясненіяхъ съ С. Н. Гончаровымъ было сказано такъ: „Принимая письмо, мы изъявили доставившему его лицу наше сожалѣніе о непріятномъ объясненіи, къ которому оно могло подать поводъ, и выразили желаніе опустить въ печати имена, на что̀ не послѣдовало протеста и что̀ мы исполнили.

„Но такъ какъ,—продолжалъ Михаилъ Никифоровичъ,—вся эта исторія оказалась теперь сцѣпленіемъ недоразумѣній, то намъ остается только пожалѣть о происшедшей случайности, а вмѣстѣ и порадоваться, что, благодаря устраненію именъ, наши замѣчанія оказываются брошенными на вѣтеръ, потому что въ нихъ вовсе не нуждались лица, писавшія письмо и не придававшія ему того значенія, какого не могли не придать ему мы".

Послѣ переговоровъ съ товарищами, г. Шумахеръ, возвращая текстъ статьи, предложилъ въ немъ перестановки и измѣненія. Такъ слова „наши замѣчанія оказываются брошенными на вѣтеръ" были поставлены въ другомъ окруженіи, на которое редакція не могла согласиться. Вообще дѣло сводилось къ тому, что Михаилъ Никифоровичъ и

Павелъ Михайловичъ хотѣли, чтобы объясненіе ихъ и уступка были ихъ свободнымъ актомъ. Противники хотѣли объясненію придать характеръ извиненія, а уступку редакціи желали разсматривать какъ принятое ею на себя обязательство. Пойти на сдѣлку такого рода издатели *Московскихъ Вѣдомостей* отказались и прервали переговоры.

Тогда въ № 20 *Русскихъ Вѣдомостей* (отъ 15 февраля) появился протестъ девяти гласныхъ, съ ихъ подписями. Въ протестѣ, обращенномъ къ издателямъ *Московскихъ Вѣдомостей*, говорилось:

„Въ № 25 *Московскихъ Вѣдомостей* вы напечатали частное письмо, полученное вами отъ насъ, девяти гласныхъ. Вы не имѣли права его печатать: оно, какъ вамъ извѣстно, вовсе не предназначалось для гласности.

„Напечатавъ его безъ нашего согласія, вы скрыли наши имена; вы были введены въ заблужденіе вамъ свойственнымъ „*чувствомъ деликатности*“. Проще и вѣрнѣе было бы руководствоваться въ этомъ случаѣ всюду принятыми правилами литературнаго общежитія.

„Но вмѣсто спокойнаго, серьезнаго, товарищескаго отвѣта на наше письмо, вы написали статью болѣе чѣмъ странную и напечатали ее въ видѣ передовой въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Вы обращаетесь къ намъ тономъ наставника. Вы считаете своимъ долгомъ подвергнуть насъ непріятности „*быть отведенными назадъ, въ надлежащія границы*“. Вы даже не остановились передъ обвиненіемъ въ намѣреніи съ нашей стороны „запустить руки въ вашъ архивъ“. Мы, конечно, не будемъ отвѣчать на эту выходку. Цѣль ея слишкомъ очевидна: прикрыть отступленіе гг. редакторовъ, и въ томъ числѣ одного главнаго, подъ защиту укрѣпленій управы благочинія“.

Къ протесту присоединено было письмо г. П. Самарина, въ которомъ ходъ послѣднихъ переговоровъ передавался такимъ образомъ:

„Редакція, по полученіи этого письма (то есть первой протестаціи девяти гласныхъ), пожелала остановить возбужденный ею споръ съ нами и предложила напечатать, въ ближайшемъ нумерѣ своей газеты, передовую статью, которая бы могла насъ удовлетворить и устранить всякій поводъ къ дальнѣйшимъ объясненіямъ. Мы приняли миролюбивое предложеніе редакціи и послѣ долгихъ переговоровъ установили, по обоюдному соглашенію, содержаніе статьи, въ которой редакція признавала брошеннымъ на вѣтеръ все сказанное ею относительно перваго нашего письма; вслѣд-

ствіе этого соглашенія, редакція возвратила наше, прилагаемое при семъ, письмо и обязалась напечатать безотлагательно въ своей газетѣ обѣщанную передовую статью. Но статья въ печати не явилась, а почтенная редакція дала намъ, наконецъ, знать, что она отказывается исполнить принятое ею передъ нами обязательство, а равно и напечатать наше письмо".

По появленіи въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* протеста гласныхъ, издатели *Московскихъ Вѣдомостей* въ № 40 газеты (отъ 18 февраля) напечатали длинное и подробное „Объясненіе" хода всего дѣла. Въ „Объясненіи" этомъ объ изложеніи хода переговоровъ, о письмѣ П. Самарина было сказано такъ:

„Тутъ все невѣрно отъ перваго слова до послѣдняго. Мы никому не изъявляли желанія остановить споръ съ девятью гласными, а говорили о необходимости устранить недоразумѣніе. Мы никому не дѣлали предложенія, что напечатаемъ въ ближайшемъ нумерѣ нашей газеты передовую статью, которая могла бы удовлетворить гг. девятерыхъ. Дѣло шло не объ удовлетвореніяхъ, а о разрѣшеніи недоразумѣнія. Мы вовсе не вели переговоровъ съ девятью гласными и не устанавливали, по обоюдному соглашенію, содержанія статьи. Гг. Гончаровъ и Кошелевъ должны очень хорошо помнить, что, по нашему мнѣнію, это было рѣшительно невозможно. Мы не „обязывались" напечатать безотлагательно въ своей газетѣ обѣщанную передовую статью: объ этомъ г. Самаринъ можетъ узнать отъ гг. Гончарова и Шумахера".

Объ общемъ характерѣ дѣла въ „Объясненіи" издателей *Московскихъ Вѣдомостей* говорилось такъ:

„Пусть не предубѣжденныя лица сообразятъ главныя обстоятельства дѣла, независимо отъ нашего разсказа и рѣшатъ, могли ли мы дѣйствовать иначе. Характеръ нашей общественной дѣятельности извѣстенъ публикѣ давно,—пусть же всякій рѣшитъ, можно ли было по поводу нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ нами въ статьѣ, писанной для разъясненія общаго вопроса, каково устройство земскихъ учрежденій и городскихъ думъ,—словъ, не заключавшихъ въ себѣ никакого личнаго намека,—словъ, изъ которыхъ могъ бы извлечь ядъ только тотъ, кто предварительно внесъ бы его самъ въ нихъ,—можно ли было по поводу этихъ словъ, еслибъ они въ самомъ дѣлѣ были несправедливы или преувеличены, замышлять общественную демонстрацію? Мы готовы вѣрить, что лица, участвовавшія въ этомъ заявленіи,

не имѣли никакихъ затаенныхъ непріязненныхъ побужденій; но, какъ нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствовали намъ сами, заявленіе ихъ было предпринято съ цѣлью предупредить другую, дѣйствительно, непріязненную демонстрацію и скандалъ. Значитъ, въ основаніи всего этого дѣла все-таки были темныя интриги. Наконецъ, въ самомъ этомъ заявленіи девяти гласныхъ, какими бы добрыми намѣреніями ни были одушевлены они, могли ли мы не видѣть слѣдствіе той же интриги. Во всякомъ случаѣ, могли ли мы видѣть въ подобномъ заявленіи частное дружелюбное письмо, ожидавшее отъ насъ, какъ намъ говорятъ, товарищескаго отвѣта? Кто когда-нибудь называлъ частнымъ письмомъ заявленіе, писанное въ публичномъ мѣстѣ, выставленное для подписанія въ многочисленномъ собраніи, заявленіе, которому дана уже была гласность, прежде чѣмъ оно пришло въ наши руки, заявленіе, писанное оффиціальнымъ тономъ, адресованное не къ лицу, а въ редакцію газеты? Оставить безъ должнаго отпора подобный случай значило бы до нѣкоторой степени признать его законность, и такимъ образомъ дать впослѣдствіи всякаго рода интригамъ удобное орудіе дѣйствовать уже не вопреки своимъ намѣреніямъ, а въ полномъ согласіи съ ними".

Параллельно съ объясненіями издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, шла полемика съ лицомъ, не принадлежавшимъ къ составу думы, но въ которомъ Михаилъ Никифоровичъ подозрѣвалъ главнаго возбудителя думскихъ неудовольствій и протестовъ. По поводу строкъ статьи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ 31 января, гдѣ говорилось, что собранія нигдѣ не имѣютъ такого права контроля надъ дѣйствіями своихъ членовъ, на какое заявляются претензіи въ Думѣ, и дѣлалась ссылка на англійскій парламентъ, лицо, подписавшееся „Негласный", выступило въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 15) съ рѣзкимъ и насмѣшливымъ обличеніемъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей* въ невѣжествѣ по части англійскаго парламента, по закону имѣющаго, какъ утверждалъ г. Негласный, даже право въ извѣстныхъ случаяхъ поставить члена на колѣни. *Московскія Вѣдомости* отвѣчали длинною статьей, на которую послѣдовало возраженіе Негласнаго. Новый отвѣтъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 43 отъ 22 февраля) начинался насмѣшливыми словами: „Г. Негласный отозвался. Онъ находитъ, будто нашею замѣткою (см. № 38 *Московскихъ Вѣдомостей*) имѣлось въ виду поставить его на колѣни. Если онъ такъ думаетъ, то мы возражать ему не будемъ. Но если онъ желаетъ спросить насъ, можно ли ему, послѣ его второй статейки, перемѣнить

положеніе, то мы, къ сожалѣнію, должны отвѣчать отрицательно".

Въ статьѣ были рѣзкіе намеки на участіе Негласнаго въ думскомъ возбужденіи.

О подозрѣніяхъ Михаила Никифоровича касательно закулисной интриги, изъ которой, по мнѣнію его, вышла вся исторія, въ послѣднемъ протестѣ девяти гласныхъ (№ 24 *Русскихъ Вѣдомостей* 25 февраля 1863 г.) говорилось такъ:

„Г. Гончаровъ свидѣтельствуетъ также, что онъ никогда не говорилъ г. Каткову ни объ *интригахъ*, *ни о главныхъ зачинщикахъ*, *оставшихся въ сторонѣ*, и не говорилъ этого по той простой причинѣ, что ни объ интригахъ, ни о зачинщикахъ никакого понятія не имѣлъ, а слышалъ объ этомъ только отъ самого г. Каткова, который, повидимому, не допускаетъ и мысли, чтобы можно было не покоряться безусловно приговорамъ издаваемой имъ газеты подъ вліяніемъ какихъ-либо иныхъ побужденій, кромѣ темныхъ интригъ".

IV.

Послѣ заявленія С. Н. Гончарова, которое издатели *Московскихъ Вѣдомостей* не могли принять иначе, какъ за обвиненіе во лжи, дѣло вышло изъ области литературной полемики. Чрезъ нѣсколько дней, въ № 47 *Московскихъ Вѣдомостей* появилась замѣтка нѣсколько загадачнаго для публики характера.

„Послѣ заявленія", сказано было въ замѣткѣ, „сдѣланнаго девятью гласными Московской Думы въ № 24 *Русскихъ Вѣдомостей*, споръ нашъ съ ними не могъ ни продолжаться въ предѣлахъ литературной полемики, ни представлять достаточнаго интереса для публики. Онъ получилъ характеръ совершенно личный. Одинъ изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей* имѣлъ по этому поводу объясненіе съ С. Н. Гончаровымъ, какъ съ лицомъ, принимавшимъ главное участіе въ переговорахъ съ нами, и объясненіемъ этимъ мы считаемъ себя вполнѣ удовлетворенными".

Подъ упоминаемымъ объясненіемъ разумѣлась дуель между Павломъ Михайловичемъ и С. Н. Гончаровымъ.

Во вторникъ 25 февраля, на масляницѣ, я вечеромъ, въ редакціи, долго разговаривалъ съ Павломъ Михайловичемъ и вернулся домой весьма встревоженнымъ. Столкновеніе съ девятью гласными и въ особенности съ С. Н. Гончаровымъ,

какъ главнымъ посредникомъ въ переговорахъ, приняло,— говорилъ Павелъ Михайловичъ,— такой оборотъ, что выходъ изъ него становится невозможнымъ безъ дуели. Таково, говорилъ онъ, убѣжденіе Михаила Никифоровича, который посылаетъ завтра вызовъ Гончарову. О томъ, что онъ предупредилъ уже намѣреніе Михаила Никифоровича и послалъ уже вызовъ отъ себя, Павелъ Михайловичъ мнѣ не сказалъ, хотя и говорилъ о готовности принять задачу на себя, еслибы можно было склонить Михаила Никифоровича. Въ моихъ бумагахъ сохранилось нѣсколько строкъ, набросанныхъ по возвращеніи домой послѣ разговора съ Павломъ Михайловичемъ. „Воротился изъ редакціи разстроенный, записалъ я. Неужели возможно, что чья-нибудь злосчастная рука лишитъ Россію человѣка, котораго все сердце, все существо болитъ за Россію и котораго не цѣнятъ и не знаютъ достаточно. Не теряю надежды, что дѣло приметъ еще добрый исходъ. Говорилъ съ Павломъ Михайловичемъ. Какъ любитъ онъ Михаила Никифоровича и собою готовъ жертвовать“.

Дуель состоялась въ Петровскомъ паркѣ утромъ въ среду, 26 февраля. Секундантомъ Павла Михайловича былъ покойный П. К. Щебальскій (имѣвшій въ свою очередь нѣкогда дуель, за которую былъ отправленъ на Кавказъ); Сергѣя Николаевича Гончарова—одинъ изъ сыновей Пушкина (С. Н. Гончаровъ братъ жены поэта). Противники обмѣнялись выстрѣлами, давъ промахъ. Секунданты не допустили до втораго выстрѣла, признавъ дѣло чести удовлетвореннымъ. Павелъ Михайловичъ говорилъ мнѣ потомъ, что стрѣлялъ не цѣлясь. Полагаю, что также стрѣлялъ и Гончаровъ: рѣдко, конечно, бывали два противника, которые столь мало желали бы убить одинъ другаго, какъ эти два противника, прискорбнымъ недоразумѣніемъ поставленные на барьеръ.

Михаилъ Никифоровичъ ничего не зналъ. Утромъ, придя въ комнату Павла Михайловича, не нашелъ его. Отсутствіе въ необыкновенный часъ удивило его. Родилось подозрѣніе. Михаилъ Никифоровичъ сталъ догадываться о причинѣ отсутствія и страшно взволновался. Куда броситься не зналъ; приходилось ждать. Михаилъ Никифоровичъ говорилъ потомъ, что никогда не забудетъ того получаса, который провелъ въ тревожномъ ожиданіи. Наконецъ вернулся Павелъ Михайловичъ, съ его спокойнымъ взоромъ и словомъ. Михаилъ Никифоровичъ накинулся на него съ радостію, упреками, слезами.

Подробности о случившемся я узналъ, придя вчера въ редакцію. Въ этотъ день мною писана была передовая статья

для слѣдующаго номера: помню — о французскихъ школахъ.

Слухи о происшедшемъ распространились, но такъ какъ дуель обошлась благополучно, то дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій.

Прибавимъ, что, во время полемики съ гласными, Московская Управа Благочинія напечатала въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* заявленіе противъ отзыва гласныхъ, выставлявшихъ сравненіе съ Управою какъ оскорбленіе и позволившихъ себѣ выразиться объ этомъ учрежденіи, какъ о „присутственномъ мѣстѣ, пользующемся самою неблаговидною извѣстностію“, и грозила лицамъ, подписавшимъ письмо, судебною отвѣтственностью.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

III.

Завтра вотъ эти стихи тебѣ показать принесу я.
Сядемъ мы рядомъ; опять разовью завѣтный я свитокъ;
Голову нѣжно ко мнѣ на плечо ты снова приклонишь,
Почеркъ затѣйливый мой на свиткѣ съ трудомъ разбирая.
Съ робостью тайной въ душѣ и трепетомъ сладкимъ объятый,
Взора не смѣя поднять на тебя, притаивши дыханье
Буду безмолвно внимать; угадывать буду стараться
Все, что въ этихъ стихахъ ты осудишь и все, что похвалишь.
— Каждую темную мысль, неловкое слово, неровность
Голоса звукъ оттѣнитъ, невольное выдастъ движенье.
Если-жъ все до конца дочитаешь ты безъ запинки—
Въ очи тебѣ загляну я и въ нихъ приговоръ прочитаю.
Ласковой, ясной меня озаришь ты быть можетъ улыбкой...
Мнѣ-ль благодарнымъ не быть вдохновенью за эту улыбку?
О! еслибъ только оно меня осѣняло почаще!

К. Р.

Іюнь, 1888 г.

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ [1].

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Годы испытаній и борьбы. Сепаратизмъ—книга Шедо-Ферроти.

I.

Знамя, высоко поднятое *Московскими Вѣдомостями* въ годъ великаго испытанія Россіи польскимъ возстаніемъ 1863 года, было знамя единства русской земли и національной политики. Какова была у насъ тогда скудость и шаткость понятій и государственнаго смысла,—можно судить уже по тому, что такія основныя истины, какъ государственное единство и необходимость имѣть маякомъ русской внѣшней и внутренней политики исключительно интересы страны, именуемой Россіей, приходилось горячо проповѣдывать и мужественно отстаивать какъ новыя откровенія и небывалый въ русской политикѣ духъ. Преданность такимъ началамъ всюду зовется патріотизмомъ. Для насъ придумано было новое слово: ультра-патріотизмъ. Чувствовать себя русскимъ въ Россіи, по тогдашней терминологіи, значило быть ультра-патріотомъ, принадлежать къ „русской партіи“. Никто не рѣшился бы говорить объ англійской партіи въ Англіи, французской во Франціи или нѣмецкой въ Германіи. Но о русской партіи въ Россіи можно было говорить безъ опасенія быть уличеннымъ въ нелѣпости.

Идеи, которыя слѣдовало назвать измѣнническими по отношенію къ своей странѣ, въ интеллигентныхъ и высшихъ кругахъ этой страны встрѣчали со стороны однихъ равнодушіе, со стороны другихъ потворство, даже сочувствіе. Это дѣлало

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“ кн. X, 1888 г.

то, что не только понятія были шатки, но шатко было самое положеніе дѣлъ.

Великое патріотическое движеніе 1863 года, выразителемъ и возбудителемъ котораго явился Катковъ, пронеслось какъ могущественный потокъ свѣжаго воздуха, вторгнувшійся въ атмосферу, полную міазмовъ, и подняло Россію предъ лицомъ всего міра. Въ началѣ 1864 года въ газетѣ *Times*, по поводу праздника въ Петербургскомъ англійскомъ клубѣ въ честь князя А. М. Горчакова, было сказано между прочимъ: „Польское возстаніе пробудило въ русскомъ народѣ глубокое патріотическое чувство; оно представило Россіи случай стать предъ Англіей и Франціей съ поднятымъ челомъ, со смѣлымъ взглядомъ и рѣдкимъ словомъ на устахъ, къ величайшему торжеству ея собственнаго народа и, быть можетъ, къ удовольствію значительной части европейской публики... Невозможно отказать въ нѣкоторомъ чувствѣ уваженія и удивленія къ народу, обнаруживающему такой духъ, какой обнаруживаютъ теперь русскіе“.

Патріотическое направленіе въ дѣлахъ, провозглашенное *Московскими Вѣдомостями*, имѣя корни въ глубинахъ народа и въ его исторіи, —явилось на государственной и общественной поверхности тѣмъ не менѣе новою силою среди другихъ еще вчера господствовавшихъ и владѣвшихъ полемъ. Послѣ минутъ торжества наступили часы и дни тяжелой борьбы, требовавшей неослабной настойчивости. При дѣлахъ были тѣ же люди, подъ рукою которыхъ государственный корабль предъ началомъ польскаго возстанія шелъ, направляясь къ крушенію. Интеллигентный кругъ, мнившій себя либеральнымъ, былъ ошеломленъ, но еще не обращенъ. Всѣ вѣтры и теченія, какія влекли къ крушенію, могли снова возымѣть дѣйствіе. Открытое возстаніе не удалось, но политическій обманъ еще могъ, казалось, достичь цѣли. Кто были люди, орудовавшіе обманомъ, какіе планы они составляли, какими путями они дѣйствовали, быть можетъ, раскроется когда-нибудь. Нынѣ можно отмѣтить лишь тѣ явленія, которыя происходили на глазахъ у всѣхъ. Рѣдкимъ свидѣтельствомъ настроеній и теченій во вліятельныхъ кругахъ того времени, раскрывать и разоблачать которыя Михаилъ Никифоровичъ считалъ долгомъ публициста, было появленіе лѣтомъ 1864 года книги „Que fera-t-on de la Pologne?“ („Что сдѣлаютъ съ Польшей“) бельгійскаго публициста, подписывавшагося, подъ своими политиче-

скими брошюрами,—а ихъ было уже не малое число и въ числѣ прочихъ письмо о Герценѣ, о которомъ мы выше упоминали—именемъ Шедо-Ферроти. Авторъ брошюры, баронъ Фиркъ, былъ русскій чиновникъ, агентъ финансоваго вѣдомства, хорошо знакомый съ русскими дѣлами, находившійся въ сношеніяхъ съ вліятельными лицами и подъ ихъ внушеніемъ. Убѣжденія барона Фиркса, если таковыя были, большаго интереса не представляютъ. Но это было несомнѣнно ловкое перо способное быть проповѣдникомъ тѣхъ или другихъ идей и внушеній. Нѣкоторыя изъ его брошюръ были прямо польскаго происхожденія: съ его предисловіемъ издано было между прочимъ письмо какого-то фантастическаго повстанца очень сомнительной достовѣрности. Книга „Que fera-t-on de la Pologne?“ написана также въ интересахъ польскаго дѣла, и еще болѣе въ интересахъ того теченія внутренней нашей политики, которое господствовало въ шестидесятыхъ годахъ, дало надежду безумнѣйшему изъ возстаній и внушило западнымъ державамъ увѣренность, что въ Россіи все расшатано, и она находится наканунѣ разложенія; теченія, которое и во время самаго возстанія препятствовало его прекращенію и позволяло мятежу длиться въ Царствѣ Польскомъ, когда мѣрами Муравьева, возбуждавшими неистовые крики, западный край былъ уже умиротворенъ. Повидимому, имѣлось въ виду книгою Шедо-Ферроти оказать вліяніе въ высшихъ сферахъ и подорвать то патріотическое направленіе, выразителемъ котораго являлись *Московскія Вѣдомости*. Авторъ книги самъ говоритъ въ концѣ сочиненія, что одна изъ главнѣйшихъ его цѣлей: „доказать тѣмъ изъ русскихъ государственныхъ людей, которые колебались бы, куда подать свой голосъ, что ультра-русскія вожделѣнія московской печати суть пустыя мечтанія безъ отзыва въ массахъ и что такимъ образомъ, подавая голосъ за автономію и умиреніе Польши, они могутъ только сдѣлать себя популярными какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи“ [1]). Странно и оскорбительно звучатъ подобныя рѣчи

[1]) Чтобы сохранить оттѣнки, приводимъ куріозное заключеніе въ оригиналѣ: „De prouver à ceux parmi les hommes d'état russes qui seraient incertains sur le vote à émettre, que les aspirations ultra-russes de la presse moscovite ne sont que des rêves creux sans écho dans les masses et qu' ainsi, en votant pour l'autonomie et la pacification de la Pologne, ils ne peuvent que se rendre populaires tant en Pologne qu' en Russie“.

нынѣ! Русскимъ „государственнымъ людямъ“ не въ насмѣшку предлагается искать популярности въ Россіи, чрезъ заботы объ автономіи въ Польшѣ! Какое унизительное надо было имѣть представленіе о Россіи и о русскихъ государственныхъ людяхъ, чтобы выступить съ подобнымъ увѣщаніемъ и выступить при томъ съ надеждою на успѣхъ! Чтобы дать понять о томъ, какое политическое ученіе предлагалось русскимъ государственнымъ и негосударственнымъ людямъ, приведемъ слѣдующую куріозную аргументацію барона Фиркса. Дѣло идетъ не много, не мало—объ устройствѣ Россіи. Россія—видите ли есть нѣчто совсѣмъ не похожее на другія державы. Это цѣлый-де особый міръ. „Каковъ бы ни былъ нашъ личный взглядъ,—заявляетъ свое безпристрастіе авторъ,—мы должны сознаться, что всякій русскій (замѣтьте—русскій) имѣетъ право раздѣлять чувства г. Каткова, говоря себѣ, что счастіе жителей покоренныхъ странъ есть вопросъ совершенно второстепенный, аргументъ, имѣющій самую малую силу, когда дѣло идетъ о какой-либо мѣрѣ способной увеличить силу и славу господствующей національности—національности русской... Хотя мы доказали, что въ массахъ нѣтъ враждебнаго къ инородцамъ чувства, однако не считаемъ себя въ правѣ упрекать тѣхъ, въ комъ коренится это чувство. Всякій русскій можетъ ненавидѣть нѣмцевъ, завидовать либеральнымъ учрежденіямъ финляндцевъ. Всякій русскій могъ бы безъ обремененія совѣсти предложить отмѣну финляндскихъ вольностей, уничтоженіе автономіи въ Польшѣ, отмѣну спеціальныхъ законовъ касательно балтійскихъ провинцій—всякій русскій, кромѣ *одного*. Для счастія странъ, присоединенныхъ къ имперіи, этотъ одинъ есть *Императоръ*.

„Призваніе, Провидѣніемъ указанное государямъ, сидящимъ на тронѣ Петра I и Екатерины II, слишкомъ велико, чтобы допустить менѣе возвышенную точку зрѣнія, чѣмъ соображенія общечеловѣческаго характера (un point de vue moins élevé que celui des considérations humanitaires). Русскій Императоръ царствуетъ не надъ страною, но надъ цѣлою частію свѣта. Онъ повелѣваетъ не націею, а двадцатью различными народами. Его патріотизмъ въ томъ, чтобы любить равною любовью тѣхъ, чья участь ввѣрена ему небомъ. Всякій русскій, кромѣ Императора, отправляясь въ Финляндію, въ Лифонію, въ Польшу, на Кавказъ, ѣдетъ въ иностранную землю. Императоръ, прибывая въ эти страны, находится у себя, *въ своемъ отечествѣ*,

между дѣтьми своими, сдѣлать счастіе которыхъ онъ принялъ на себя предъ Богомъ и совѣстью. Пусть патріотизмъ поляковъ состоитъ въ томъ, чтобы любить только самихъ себя; русскихъ, по крайней мѣрѣ приверженцевъ г. Каткова, въ томъ, чтобы ненавидѣть инородцевъ, финляндцевъ проявляется желаніемъ удалить русскихъ отъ себя, патріотизмъ русскаго Императора, Короля Польскаго, Великаго Герцога Финляндскаго можетъ быть лишь въ томъ, чтобы держать вѣсы равновѣсія между всѣми его подданными, думать о благѣ всѣхъ этихъ странъ, изъ коихъ каждая есть его отечество. Поставленный Провидѣніемъ на высоту, куда не могутъ достичь ни духъ партіи, ни противоборство племенъ, онъ не можетъ пожертвовать Польшею требованіямъ ультра-русской партіи (coterie ultra-russe de Moscou), какъ не можетъ пожертвовать жизненными интересами Россіи утопическимъ мечтаніямъ польскихъ патріотовъ. Для него русскіе, финны, поляки, черкесы равно имѣютъ право на мѣсто подъ его солнцемъ; ни одно изъ этихъ племенъ не можетъ быть жертвою въ пользу другаго.

„Требуется, чтобы каждое могло продолжать жить въ условіяхъ, вытекающихъ изъ его природы географическаго положенія страны, имъ обитаемой; историческихъ воспоминаній, имъ сохраненныхъ; религіозныхъ вѣрованій, какія имъ приняты. Единственная солидарность, какая можетъ быть между ними,— въ томъ, чтобы совокупно содѣйствовать защитѣ территоріи и не возмущать мира общаго отечества притязаніями, несогласными съ правами другихъ. Подъ условіемъ уважать государственный порядокъ (respecter l'ordre public), и киргизы, и калмыки, и финны, и поляки заслуживаютъ той же заботы, какъ русскіе. Императору остается лишь утвердить приговоръ народнаго мнѣнія и сказать о жителяхъ присоединенныхъ странъ, какъ говоритъ народъ русскій: „poust jiwout mirno po swoemou sakonou (пусть живутъ мирно по своему закону)“. Такъ, будто-бы народъ говорилъ о полякахъ.

Вотъ съ какою доктриною можно было обращаться, послѣ всѣхъ уроковъ исторіи и даже послѣ послѣдняго даннаго мятежемъ 1863 года, къ „русскимъ государственнымъ людямъ“ и вообще къ русской интеллигенціи въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за тѣмъ подъемомъ народнаго духа, который возбужденъ былъ польскими притязаніями и истолкователемъ котораго явился Михаилъ Никифоровичъ. Вотъ ученіе, которое

вынужденъ былъ онъ разъяснять и разоблачать и которое такъ нагло разсчитано было на тотъ, по выраженію Михаила Никифоровича, „безмысленный, презрѣнный лжелиберализмъ особаго рода, состоящій въ измѣнѣ своему народу, небреженіи къ его живымъ интересамъ и требованіямъ“, какой онъ съ отвращеніемъ усматривалъ въ петербургскихъ сферахъ того времени.

„Давно уже пущена въ ходъ, —писалъ онъ въ одной изъ статей по поводу книги Шедо-Ферроти (въ ноябрѣ 1864 года, № 246 *Московскихъ Вѣдомостей*)—одна доктрина, нарочно сочиненная для Россіи и принимающая разные оттѣнки, смотря по той средѣ, гдѣ она обращается. Въ силу этого ученія, прогрессъ русскаго государства требуетъ раздробленія его области по-національно на многія чуждыя другъ другу государства, долженствующія тѣмъ не менѣе оставаться въ тѣсной связи между собой. Эта мысль можетъ проникать во всевозможныя трущобы; она же, перемѣнивъ костюмъ, можетъ занять мѣсто въ весьма благопристойномъ обществѣ, и люди самыхъ противоположныхъ міровъ, сами, не замѣчая того, могутъ черезъ нее подавать другъ другу руку; она возбуждаетъ и усиливаетъ всѣ элементы разложенія, какіе только могутъ оказаться въ составѣ русскаго государства, и создаетъ новые. Людямъ солиднымъ, она лукаво шепчетъ о громадности Россіи, о разноплеменности ея народонаселенія, объ удобствахъ управленія, будто-бы требующаго не одной административной, но и политической децентрализаціи; людямъ либеральныхъ идей она съ лицемѣрною услужливостью объявляетъ, что въ Россіи не возможно политическое благоустройство иначе какъ въ формѣ федераціи; для молодыхъ неокрѣпшихъ или попорченныхъ умовъ она соединяется со всевозможнымъ вздоромъ, взятымъ изъ революціоннаго арсенала.

„Припомнимъ, что воззванія къ революціи, какія появлялись у насъ, прежде всего требовали раздѣленія Россіи на многіе отдѣльные государственные центры. Еще въ прошломъ (1863) году, въ маѣ мѣсяцѣ, въ то самое время, когда началось въ обществѣ патріотическое движеніе, появился подметный листокъ, въ которомъ чья-то искусная рука сумѣла изложить эту программу такъ, что въ ней нашлось мѣсто и для идеи царя, и для самаго нелѣпаго революціоннаго сумбура. Первое мѣсто въ этой программѣ будущаго устройства Россіи занимаетъ, конечно; Польша, сверхъ того, кромѣ Фин-

ляндіи, помнится, призывались такимъ же образомъ къ отдѣльной жизни Прибалтійскій край, Украйна, Кавказъ. Въ другихъ программахъ появлялась еще Сибирь“[1]).

II.

Не только враги Михаила Никифоровича, но и люди, относившіеся съ сочувствіемъ и доброжелательствомъ къ его дѣятельности, но склонные къ критиканству, не рѣдко обвиняли горячія обличенія великаго публициста въ крайностяхъ и преувеличеніяхъ. Говорили, что ему всюду чудится измѣна и что онъ склоненъ каждаго несоглашающагося съ его мнѣніемъ объявить врагомъ отечества и колебателемъ основъ. Враги на всѣ лады кричали, что въ статьяхъ своихъ онъ читъ сыскъ и пишетъ доносы. На этихъ обвиненіяхъ стоитъ остановиться. Полемическая борьба Михаила Никифоровича была горячая, страстная, но велась съ открытымъ забраломъ. Да и какое значеніе мотивы самолюбія могли имѣть въ человѣкѣ, который, защищая какое-либо дѣло, предавался ему цѣликомъ, забы-

---

[1]) Сепаратистская идея занимала одно изъ главныхъ мѣстъ среди мнимо-либеральныхъ увлеченій молодежи шестидесятыхъ годовъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Русской Мысли* помѣщенъ разсказъ г. Короленко „Съ двухъ сторонъ“. Авторъ обращается къ своимъ юношескимъ воспоминаніямъ и времени, когда онъ учился въ Петровской Земледѣльческой Академіи (очерки быта этого заведенія авторъ въ своихъ разсказахъ дѣлаетъ съ большою правдивостью и наблюдательностію). Сепаратистъ Урмановъ изъ Архангельска, мечтающій объ отдѣленіи самоѣдскаго народа, представленъ въ нѣсколько каррикатурномъ изображеніи, быть можетъ, въ виду соображеній цензурнаго свойства. Но суть дѣла отъ этого не измѣняется. Авторъ о себѣ говоритъ, что онъ даже сочинилъ поэму на тему объ Урмановѣ, пробуждающемъ самоѣдовъ отъ вѣковаго сна. Закончилась поэма слѣдующей картиной: „сѣверное сіяніе слабо играетъ надъ безконечною равниной, снѣга отливаютъ огнями, полозъ нарты скрипитъ, быстро бѣгутъ олени: то гонецъ-самоѣдъ, съ полнымъ сознаніемъ своей миссіи везетъ воззванія Урманова къ великому самоѣдскому народу“. Это было бы забавною каррикатурою на сепаратистскія стремленія, еслибы авторъ не прибавилъ весьма характерныхъ словъ: „Не смѣйтесь, господа! Молодость всегда мечтаетъ. Можетъ быть, когда нибудь эти мечты станутъ умнѣе, практичнѣе; но честнѣе и лучше—едва ли?“ Въ чемъ же тутъ, однако, честность? Авторъ и послѣ опыта жизни не замѣчаетъ, повидимому, что стремленіе къ разложенію Россіи на какіе-то отдѣльные народы есть стремленіе измѣнническое, а не честное, и что предаваться такимъ мечтамъ, хотя бы въ молодости, дѣло далеко не доброкачественное.

вая все остальное и прежде всего самого себя. Въ людяхъ несогласныхъ съ его политическимъ исповѣданіемъ и его патріотической проповѣдью онъ видѣлъ измѣнниковъ своему отечеству. Но что же другое, какъ не измѣна родной землѣ, было въ образѣ мыслей и дѣйствій русскихъ людей, сторонившихся отъ патріотическаго потока, при знамени котораго шелъ Катковъ, или даже противившихся этому теченію, спасавшему Россію? Развѣ не расшатывалось, особенно въ молодыхъ умахъ, представленіе объ основахъ нашей государственной жизни чрезъ враждебное, отрицательное или хотя равнодушное, а подъ часъ ироническое отношеніе къ тѣмъ началамъ, которыя провозглашались *Московскими Вѣдомостями*, какъ начала, руководящія въ борьбѣ за единство, крѣпость, самое существованіе Россіи какъ могущественнаго государства?

Вспомнимъ все шатаніе въ умахъ и дѣйствіяхъ въ обществѣ и правительствѣ, въ эту смутную эпоху, сдѣлавшее возможнымъ польское возстаніе и длившее его. Тогда быть либеральнымъ значило склонять ухо къ измѣнѣ; быть яко-бы цивилизованнымъ, мнить себя европейцомъ среди русскаго варварства—значило предавать и продавать свое отечество, быть измѣнникомъ. Михаилъ Никифоровичъ смѣло назвалъ измѣну ея собственнымъ именемъ и вызвалъ бурю негодованія.

Весь верхній слой общества былъ наводненъ людьми, которыхъ можно назвать людьми съ вытравленнымъ патріотизмомъ.

Народившійся нигилизмъ, обрекая разрушенію весь современный строй жизни, особенно государственной, дѣлалъ легіоны своихъ несчастныхъ новобранцевъ сотрудниками и орудіемъ всякаго рода измѣны. Что такое нигилизмъ? Въ теоріи это есть возведенное въ философію понятіе поджога; на практикѣ,—дѣйствительный поджогъ и родственныя съ нимъ дѣянія—въ матеріальной и нравственной области,—съ прозою и поэзіею поджигательства и разбоя. Гдѣ тутъ мѣсто для патріотизма въ общепринятомъ смыслѣ слова, хотя бы поджогъ и рекомендовался для общенароднаго и общественнаго блага?

Въ средѣ такъ называемой читающей публики, чиновной и нечиновной, особенно петербургской, была масса людей, смотрѣвшихъ на явленія съ точки зрѣнія петербургской журналистики, почти сплошь бывшей враждебною къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Эта масса была равнодушна къ московской газетѣ и къ интересамъ, которые она защищала; о направленіи и мысляхъ газеты узнавала изъ передачи ихъ въ петербург-

скихъ изданіяхъ, не читая московскаго изданія въ подлинникѣ. *С.-Петербургскія Вѣдомости* покойнаго Корша съ жалкою наивностью принимали измѣну за либерализмъ и усердно дѣйствовали въ руку польской партіи. *Голосъ* былъ въ колебаніяхъ, какого „общественнаго мнѣнія“ выгоднѣе держаться, и срывалъ сердце на тѣхъ же *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Программы *Московскихъ Вѣдомостей* держался лишь *Русскій Инвалидъ* подъ вліяніемъ патріотическаго настроенія военнаго министра, Дмитрія Алексѣевича Милютина, тогда поддерживавшаго и привѣтствовавшаго Каткова. Либерализмъ среды, питавшейся петербургскою журналистикою того времени и въ ней находившей свое выраженіе, былъ несомнѣнно либерализмомъ измѣны.

Особенно важно было теченіе въ правительственныхъ сферахъ, враждебное духу и дѣятельности *Московскихъ Вѣдомостей*. Теченіе вызывалось отчасти отношеніемъ партій, отчасти взглядами и симпатіями тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ. Признакомъ, позволявшимъ различать партіи, было отношеніе къ лицу и дѣятельности графа М. Н. Муравьева въ западномъ краѣ. Противники Муравьева являлись и противниками системы, нашедшей самую горячую поддержку въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, тогда какъ противоположная система, какая велась въ Царствѣ Польскомъ, имѣла въ Катковѣ самаго рѣшительнаго противника. Система эта была, несомнѣнно, пагубна и, однако, находила сильныхъ приверженцевъ и защитниковъ въ правительственныхъ сферахъ. По поводу книги Шедо-Ферроти Михаилъ Никифоровичъ говорилъ объ этой системѣ,—для защиты которой и написана главнымъ образомъ книга,—и говорилъ весьма оригинальнымъ способомъ. Въ отвѣтъ на обвиненія во зловредности *Московскихъ Вѣдомостей*, Михаилъ Никифоровичъ спрашиваетъ: какое же однако зло причинено ими? Помѣшали ли *Московскія Вѣдомости* правительству съ честью выйти изъ затрудненій 1863 года? Говорили ли онѣ что-нибудь въ пользу пагубной системы, принятой-было въ польскомъ дѣлѣ? „Развѣ мы говорили—спрашиваетъ онъ—что-нибудь въ пользу этой системы? Развѣ мы, съ полною искренностью, какъ прилично честнымъ людямъ, которымъ позволено было говорить въ дѣлѣ столь важнаго общественнаго интереса, не высказали откровеннаго мнѣнія о томъ, что представлялось намъ съ полною ясностью и что должно было представляться всякому, на основаніи фактовъ, доходившихъ до общаго свѣдѣнія? Развѣ

мы говорили что-нибудь въ пользу системы управленія края посредствомъ польскихъ чиновниковъ въ то время, когда край находился подъ властью подземнаго правительства и когда эти самые чиновники были въ то же время и агентами тайной организаціи?

„Опытъ показалъ, что всякія мѣры, какого бы онѣ ни были свойства, принимаемыя для подавленія мятежа, не могутъ быть дѣйствительны, если оставляютъ въ силѣ его внутреннюю организацію, а падаютъ только на людей, которые волею или неволею служатъ ей. Развѣ мы когда-нибудь говорили, что надобно щадить внутреннюю организацію мятежа и, не устраняя тѣхъ условій, которыя благопріятствуютъ ему, поражать его жертвы? Развѣ мы выражали удовольствіе при чтеніи этихъ потрясающихъ бюллетеней, изъ которыхъ мы узнавали, что въ такомъ-то лѣсу, при такой-то встрѣчѣ, со стороны войскъ убито два нижнихъ чина, а мятежниковъ полегла тысяча? Развѣ мы изъявляли удовольствіе, читая о томъ, какъ толпы несчастныхъ повстанцевъ, согнанныхъ въ лѣса жандармами-вѣшателями, бросали оружіе и на колѣняхъ просили пощады при встрѣчѣ съ войсками? Развѣ мы могли безъ содраганія читать показанія этихъ бѣдняковъ передъ слѣдственными коммиссіями о тѣхъ страшныхъ насиліяхъ, которыми они привлекались къ участію въ бандахъ? Развѣ эти сцены ужаса и крови радовали насъ? Развѣ онѣ могли кого-нибудь радовать? Развѣ не вырывалось у насъ невольное восклицаніе: нѣтъ, лучше бросить этотъ несчастный край, лучше вывести изъ него войска!.. Читая въ *Журналѣ военныхъ дѣйствій* извѣстія о томъ, что такого-то числа, въ такое-то мѣсто, отправлялся отрядъ войскъ для приведенія крестьянъ къ повиновенію ихъ помѣщику, въ то время, когда всѣ или почти всѣ помѣщики-поляки, волею или неволею, должны были способствовать мятежу, развѣ мы радовались этому? Развѣ мы старались поддерживать то заблужденіе, которое выгодно было распространять польскимъ патріотамъ, что дѣло ихъ есть народное дѣло? Развѣ мы доказывали, что польскіе крестьяне симпатизируютъ дѣлу польскаго патріотизма, что они чувствуютъ себя поляками, жаждутъ возстановленія польской національности и враждебно расположены къ Россіи? Развѣ мы выражали увѣренность, что въ средѣ даже пановъ, чиновниковъ и городскихъ обывателей все само собою пламенѣло мятежемъ, что въ объятыхъ имъ классахъ не было множества людей, совершенно равнодушныхъ

къ національнымъ и политическимъ вопросамъ, и что всѣ они дѣйствовали по собственному побужденію, а не подъ страхомъ тайной организаціи и ея жандармовъ?“

Помимо партій, съ неизбѣжными столкновеніями, борьбою, замыслами и интригами, не мало имѣлъ значенія космополитизмъ, въ который легко впадаетъ русскій человѣкъ, сознающій себя цивилизованнымъ. Въ высшихъ слояхъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо космополитизмъ этотъ поддерживался связями съ инородческими элементами—по происхожденію, родству, личной близости, не русскому воспитанію. Для сановниковъ съ космополитическимъ складомъ мыслей русскій патріотизмъ былъ чѣмъ-то въ родѣ оффиціальной скучной обязанности, парадным мундиромъ, неизбѣжною личиною, какую приходилось надѣвать, внутренно относясь къ ней съ ироніею. Для людей такого склада условія цивилизаціи и русская дѣйствительность—величины крайне разнородныя. Представьте себѣ—въ лучшемъ случаѣ—Евгенія Онѣгина на министерскомъ постѣ. Какъ смотрѣлъ бы онъ на русскія дѣла? Въ Онѣгинѣ, впрочемъ, въ концѣ концовъ сказалась бы русская струя. Но вообразите на чредѣ государственныхъ дѣятелей лицъ, смотрящихъ на русскія дѣла и интересы, какъ смотрѣлъ иной помѣщикъ,—чувствовавшій себя европейцемъ, — на свою крѣпостную собственность: съ брезгливымъ презрѣніемъ, но и съ неяснымъ сознаніемъ, что отъ нея зависитъ все его существованіе.

Гдѣ тутъ было мѣсто патріотизму! А гдѣ онъ не видѣлъ патріотизма, въ минуты когда все зависѣло отъ патріотизма, Михаилъ Никифоровичъ усматривалъ измѣну русскому дѣлу. Слово измѣна грубое слово. Но понятіе измѣна—можетъ быть весьма тонкимъ. Измѣна не есть непремѣнно злоумышленное соглашеніе, заговоръ. Измѣна, какъ и обманъ, можетъ дѣйствовать въ людяхъ безконечно далекихъ отъ сознательнаго злоумышленія. Возможно, что въ горячности защиты русскаго дѣла, Михаилъ Никифоровичъ готовъ былъ усматривать заговоръ тамъ, гдѣ не было умышленной измѣны. Онъ не имѣлъ у себя тайной полиціи, чтобы слѣдить за путями польской и всяческой интриги, и долженъ былъ относиться къ явленіямъ, какъ зритель, смотрящій издали. Когда онъ видѣлъ дѣйствія, казавшіяся ему пагубными, онъ смѣло говорилъ о злоумышленіи, хотя злоумышленіе, быть можетъ, участвовало въ томъ дѣйствіи лишь косвенно. Враждебной сторонѣ онъ склоненъ былъ приписывать тонкіе планы и глубокія соображенія, воз-

можность которыхъ представлялась его уму и тревожила его. Тревоги, волненія, которыя онъ переживалъ, отражались въ горячности его слова. Но слово это дѣйствовало не потому, что было словомъ страсти, лирическимъ изліяніемъ, а потому, что вмѣстѣ съ тѣмъ было словомъ трезваго разума, анализовавшимъ явленія и ставившимъ ихъ въ яркомъ освѣщеніи со всѣми закоулками тайныхъ путей.

III.

Кромѣ проповѣди сепаратизма, возведеннаго въ цѣлую доктрину, придуманную спеціально для нашего отечества, книга Шедо-Ферроти имѣла и другія, болѣе практическія цѣли. Имѣлось въ виду, какъ выше упомянуто, составить апологію мѣропріятій, дѣйствовавшихъ въ Царствѣ Польскомъ, въ противоположностьсистемѣ Муравьева, и спасти, чрезъ увѣщанія, устыженія, застращиванія и заклинанія что̀ только возможно для польскаго дѣла отъ крушенія, которое оно понесло. А такъ какъ главнымъ препятствіемъ къ достиженію цѣли были *Московскія Вѣдомости* съ ихъ убѣдительнымъ словомъ, то главною задачею книги было дискредитировать, уронить въ глазахъ правительства Каткова.

Теорія и апологія шиты въ книгѣ довольно грубыми нитями. Въ нападеніяхъ на Каткова публицистъ обнаружилъ значительную ловкость.

Прежде всего онъ старается доказать, что значеніе и сила *Московскихъ Вѣдомостей* есть лишь оптическій обманъ. Ничего-де не стоитъ за Катковымъ. Общественнаго мнѣнія нѣтъ въ Россіи, и правительству—по теоріи долженствующему быть свободнымъ отъ русскаго патріотизма,—нечего считаться съ такимъ не существующимъ факторомъ. „Въ Россіи“, говоритъ баронъ Фиркъ, „нѣтъ еще общественнаго мнѣнія. Оно, безъ сомнѣнія, образуется и укрѣпится со временемъ, но было бы иллюзіей и обманомъ самого себя или другихъ увѣрять, что оно есть въ настоящее время. Въ Россіи масса еще только готовится учиться читать; значительная доля учится читать, но еще не умѣетъ; нѣкоторые читаютъ, но безъ разбора и вѣрятъ всему печатному и гдѣ бы оно ни было напечатано; другіе выбираютъ журналъ, но разъ выбравъ, имъ и клянутся; наконецъ, послѣдняя доля, численно крайне слабая, независима въ своихъ сужденіяхъ, но не имѣетъ досуга дѣятельно

вмѣшиваться въ печатныя пренія. На сколько же послѣ этого велико участіе *русскаго общества* въ томъ, что̀ гг. журналисты выставляютъ какъ *русское общественное мнѣніе?* Участіе это, очевидно, равно нулю или почти нулю". Журналистовъ авторъ книги насчитывалъ шестьдесятъ пять. Журналисты „наиболѣе ловкіе" (читай—издатели *Московскихъ Вѣдомостей*) обращаются будто бы къ подписчикамъ съ увѣреніемъ: „не я это говорю,—я выражаю, любезные читатели, лишь ваши идеи; на столбцахъ моего изданія отражается общественное мнѣніе". „Тогда, описываетъ баронъ Фиркс, „энтузіазмъ не знаетъ границъ Собираются на большое кулинарное торжество, кричатъ vivat academia! vivant professores! пьютъ много шампанскаго и когда оно начинаетъ дѣйствовать, посылаютъ редактору телеграмму:—такое-то собраніе пьетъ за ваше здоровье—и штука сыграна".

Чтобы сугубо дискредитовать Каткова въ глазахъ правительства, ловкій авторъ книги всячески старается набросить тѣнь на побужденія Михаила Никифоровича, но не своими устами,—что до него: онъ-де вѣритъ патріотизму Каткова—а помощію того, что о Катковѣ говоритъ и что ему приписываютъ; съ своей же стороны разсчетливый обличитель усиленно проводитъ параллель московскаго публициста съ Герценомъ.

„Если, какъ полагаютъ враги Каткова,—разсуждаетъ онъ, умывая руки—пружинами дѣятельности его служатъ лишь тщеславіе, духъ господства, писательская гордыня, честолюбіе, кажущее его глазамъ портфель министра, то нельзя было бы найти словъ довольно сильныхъ, чтобы заклеймить такое поведеніе, ибо ураганъ ненависти, какой старается онъ поднять противъ инородныхъ національностей, подозрѣніе, недовѣріе, какія онъ внушаетъ противъ Петербурга, могли бы произвести печальныя возмущенія (perturbations déplorables), будь его слова столь вліятельны, какъ онъ предполагаетъ. Но Катковъ вѣритъ въ силу своего слова, онъ убѣжденъ, что толпа его слушаетъ, массы за нимъ слѣдуютъ. Для него нѣтъ сомнѣнія: народное движеніе, какъ онъ желаетъ, существуетъ, и онъ его направляетъ. Чтобы достичь цѣли, онъ, видимъ мы, готовъ пожертвовать національностью, вѣрованіями, благосостояніемъ провинцій присоединенныхъ къ Россіи. Онъ возбуждаетъ антагонизмъ между старой Россіей и новой ея столицей, силясь низложить Петербургъ въ пользу Москвы. Мы въ правѣ спросить: какую цѣль преслѣдуетъ г. Катковъ? Идетъ ли дѣло о Россіи, или о немъ самомъ? Что это? Печальное ослѣпленіе или преступное често-

любіе? Величіе ли своего отечества или собственное хочетъ онъ обозначить? Между противорѣчивыми отвѣтами на эти вопросы съ одной стороны—приверженцевъ *Московскихъ Вѣдомостей*, съ другой враговъ г. Каткова, безпристрастному критику остается слѣдовать латинской поговоркѣ quivis praesumitur bonus, donec probatur contrarium. То, что мы знаемъ о г. Катковѣ, т. е. его газета—не можетъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, чтобы обвинять его въ эгоистическихъ заднихъ мысляхъ. Подобно ему, Герценъ вдавался въ крайнія теоріи; подобно ему, лондонскій соревнователь его въ разрушеніяхъ своихъ дошелъ до того (s'etait fait cassant au point de devenir sanguinaire), что сдѣлался кровожаднымъ и радовался при мысли объ убійствахъ, какихъ можно ждать отъ возвращенія въ Россію солдатъ, привыкшихъ грабить дворянскіе замки. И однако же, никто никогда не сомнѣвался, что Герценъ былъ вполнѣ честный человѣкъ. Примѣръ лондонскаго публициста показываетъ, что проповѣдь вопіющихъ политическихъ безобразій (enormités) вовсе не есть доказательство нравственной извращенности и эгоистическаго расчета".

Болѣе всего желалъ бы назойливый авторъ заручить правительство. На разные лады старается онъ завѣрить, что не можетъ же оно, въ самомъ дѣлѣ, принять нелѣпости, проповѣдуемыя Катковымъ! „Теперь, говоритъ баронъ Фиркъ, когда возстаніе окончательно потушено и когда уже извѣстны рѣшенія правительства касательно Польши, невозможно, чтобы ультра-русская партія не видѣла, что большая часть надеждъ ея исчезаетъ. Невозможно же, чтобы въ Петербургѣ согласились принять проектъ обрусѣнія присоединенныхъ провинцій столь же утопическій и недопустимый, какъ и проектъ добровольнаго ихъ отдѣленія (cession volontaire), какой предлагался *Колоколомъ*. Положеніе адептовъ г. Каткова окажется подобнымъ тому, въ какомъ нѣкогда находились приверженцы г. Герцена. „Мы готовы потому допустить, что не тщеславіе и честолюбіе подстрекаютъ г. Каткова, но что его одушевляетъ патріотизмъ не по разуму (patriotisme mal éclairé)".

Чтобы укрѣпить мысль о революціонномъ характерѣ дѣятельности Каткова, авторъ книги фразу Михаила Никифоровича въ передовой статьѣ № 281 *Московскихъ Вѣдомостей* (25 декабря 1863 года) о петербургской атмосферѣ и о нашей внутренней язвѣ тлетворнаго лжелиберализма: „противъ нея остается

одно средство—могущественное заявленіе народнаго духа“ переводитъ словами: „il ne reste qu'un seul moyen à employer— celui d'une *puissante manifestation du vouloir populaire*“ и говоритъ, что Катковъ накликаетъ революцію [1]).

IV.

Борьба съ сепаратизмомъ не была борьбою съ вѣтреными мельницами. Это была борьба съ великимъ зломъ, грозившимъ странѣ распаденіемъ и разложеніемъ. Сепаратистскія стремленія были формою того теченія, въ которомъ главная опасность для нашего отечества. Въ государственной жизни нашей, въ нашихъ дѣлахъ и внѣшней и внутренней политики замѣчаются два теченія: одно къ единству и крѣпости, другое—центробѣжное, къ ослабленію, разложенію, распаденію; одно создающее, другое—расшатывающее. По роковому недоразумѣнію, и чрезъ ошибки, и чрезъ обманъ, центробѣжное въ существѣ своемъ измѣнническое—теченіе, въ глазахъ множества людей получило значеніе либеральнаго, цивилизаторскаго, долженствующаго привлекать образованные умы.

---

[1]) Фраза вырвана изъ передовой статьи, гдѣ именно говорится о томъ, какъ революціонныя затѣи исчезаютъ предъ появленіемъ народнаго духа. Непосредственно за искаженною фразою слѣдуютъ слова:

„Недавно, когда Россія находилась въ незаслуженномъ уничиженіи, когда въ ея предѣлахъ разлился мятежъ, изумивъ все русское общество, ничего не подозрѣвавшее въ своемъ затишьѣ и полуснѣ, когда посреди русскаго народа вдругъ невѣдомо откуда взялась какая-то революціонная организація, когда наконецъ вся Европа ополчилась на насъ, и враги Россіи ждали съ часу на часъ—вотъ и вотъ она рушится сама собою, — что спасло Россію отъ этого кошмара, что оживило, подняло и что заставило ее крѣпко почувствовать свои государственныя границы, что снова пріобрѣло ея не фальшивое, а истинное уваженіе Европы, что заставило Россію почувствовать въ себѣ источникъ новыхъ силъ, начатки новой жизни и великаго плодотворнаго развитія? Этотъ ли лжелиберализмъ, который былъ готовъ великодушно жертвовать единствомъ и цѣльностію своего отечества, который готовъ былъ преклоняться предъ всякимъ безуміемъ и всякою глупостью, лишь бы только они заявляли себя съ достаточною наглостію и нахальствомъ, который губилъ бѣдную молодежь, кокетничая съ нею и привѣтствуя гимназистовъ въ качествѣ передовыхъ мудрецовъ и преобразователей; который отзывъ иностранца ставилъ выше народнаго чувства своей страны?.. Твердая, ничѣмъ несовратимая національная политика внутри и внѣ—вотъ наше спасеніе. Только на наши народныя силы можемъ мы благонадежно опереться и въ нашемъ консерватизмѣ, и въ нашемъ либерализмѣ!“

Отсюда пагубное потворство и сочувствіе тому что направлено ко вреду и пагубѣ для страны. Этому теченію безумно служили нашъ нигилизмъ и все наше революціонное движеніе; ему помогалъ нашъ слѣпотствующій либерализмъ въ обществѣ, въ чиновничествѣ, на каѳедрахъ, въ журналистикѣ; ему могущественно содѣйствовали, — въ сферахъ власть имѣющихъ, — нашъ космополитизмъ, наше непониманіе и презрѣніе русскихъ интересовъ. Словомъ оно захватывало все, въ чемъ былъ вытравленъ патріотизмъ, какъ мы выше выразились.

Послѣ громаднаго переворота, совершившагося въ государственной жизни чрезъ освобожденіе крестьянъ, все сдѣлалось задачею въ Россіи. Сама Россія въ глазахъ враговъ, надѣявшихся, что страна не выдержитъ такого потрясенія, стала задачею. Все центробѣжное поднялось и готово было предъявить свои требованія. И уже предъявляло. Чтобы убѣдиться, съ какою наглостію могли тогда заявлять себя центробѣжныя стремленія, достаточно прочесть строки письма на имя графа Замойскаго, отъ 11 сентября 1862 года, составленнаго, въ отвѣтъ на прокламацію Великаго Князя намѣстника, польскими дворянами, собравшимися въ Варшавѣ, чтобы публично протествовать противъ покушеній на политическія убійства [1]) „Мы можемъ—говорили почти въ глаза русскому правительству съ непостижимою для нынѣшняго слуха дерзостью составители адреса—поддерживать правительство, только когда оно будетъ польскимъ и когда всѣ провинціи, составляющія наше отечество, будутъ соединены вмѣстѣ, получатъ конституцію и либеральныя учрежденія. Если мы любимъ отечество, то любимъ его въ границахъ, начертанныхъ Богомъ и освященныхъ исторіею". А дворяне Подольской губерніи, не только польскаго, но и русскаго происхожденія, открыто требовали присоединенія юго-западнаго края къ Царству Польскому, имѣя въ виду его автономію и даже полное отдѣленіе. Нашимъ спасеніемъ былъ польскій мятежъ. Онъ открылъ глаза на пропасть, къ какой мы шли. Что бы сталось, еслибы система Велепольскаго продолжалась и достигла цѣли?

Когда мятежъ былъ подавленъ, все враждебное стало стремиться уединить это событіе, отречься отъ него, но сохранить потокъ, котораго оно было преждевременнымъ порожденіемъ. Какъ сильно было теченіе къ автономіямъ, представительствамъ, можно видѣть уже изъ того, что въ самый разгаръ польскаго

[1]) Шедо-Ферроти, стр. 67.

мятежа признано было своевременнымъ возобновить финляндскій сеймъ. Онъ былъ открытъ въ сентябрѣ 1863 года словно въ награду за хорошее поведеніе и въ назиданіе другимъ. Вели-де себя хорошо, не возмущались—вотъ имъ и дали конституцію. На сеймѣ немедленно обнаружились дѣйствія ярко сепаратическаго характера. Поднятъ былъ вопросъ, могутъ ли принимать участіе въ сеймѣ тѣ члены финляндской аристократіи, которые состоятъ на русской службѣ. А финляндскія газеты наполнились горячими статьями о томъ, что Финляндія есть отдѣльное отъ Россіи государство. „Чего же болѣе,—говорилъ Михаилъ Никифоровичъ въ отвѣтъ на сдѣланное газетами изображеніе отдѣльности Финляндіи,—чего же не достаетъ Финляндіи, чтобы при столкновеніяхъ Россіи съ другими державами она не объявила намъ войну или по крайней мѣрѣ не сохранила грознаго, вооруженнаго нейтралитета? Но не будемъ слишкомъ винить финляндцевъ-патріотовъ за ихъ увлеченіе сепаратизмомъ. Вѣдь вино, которымъ они упиваются, въ такомъ ходу и такъ дешево“.

Петербургскія газеты: *Голосъ*, *С.-Петербургскія Вѣдомости* были въ восторгѣ отъ открытія сейма въ Гельсингфорсѣ и привѣтствовали его какъ радостное для Россіи событіе. Хотя не наша, но все-таки конституція!

Въ 1864 году открылся лифляндскій сеймъ хотя и безъ законодательнаго характера. Генералъ-суперинтендентъ, докторъ Вальтеръ произнесъ при открытіи сейма рѣчь о германизаціи края, объявляя его нѣмецкимъ и мало скрывая ненависть и презрѣніе къ Россіи. Рѣчь была на текстъ: „инъ есть сѣяй, а инъ есть жняй“. Сѣять значило онѣмечивать край: пожнутъ потомки. „Укрѣпляясь въ своей народности,—обращался ораторъ къ слушателямъ,—можете вы съ отрадою помышлять о вашихъ потомкахъ, которые войдутъ въ трудъ вашъ, и можете заранѣе радоваться, что они въ свое время, съ благодарностію къ вамъ, будутъ радоваться своимъ нѣмецкимъ языкомъ, нѣмецкимъ образованіемъ, нѣмецкимъ обычаемъ, нѣмецкою вѣрностію, и, если Богу будетъ угодно, своею вполнѣ нѣмецкою родиною“. Такимъ образомъ на собраніи, которое не должно было имѣть въ тѣсномъ смыслѣ политическаго значенія, можно было высказывать надежды на отложеніе отъ Россіи и измѣну ей называть нѣмецкою вѣрностію.

А украйнофильство и польская работа въ юго-западномъ краѣ? Не ладно шли дѣла и въ этомъ краѣ. Здѣсь, по словамъ

Михаила Никифоровича, „интригѣ надобно было добиться того чтобы русское населеніе края возненавидѣло москалей на ряду съ ляхами“. „Въ русскихъ чиновникахъ (передовая статья 19 ноября 1863 года) польскіе интриганы должны поддерживать гуманность и космополитизмъ, какъ противоядіе русскому патріотическому чувству; въ мѣстной молодежи и вообще въ элементахъ общества, имѣющихъ нѣкоторую наклонность къ утопіямъ, они должны развивать воспоминанія о мѣстной старинѣ, чтобы такимъ образомъ тайкомъ подмѣнить здоровое чувство любви къ дѣйствительному отечеству безплоднымъ стремленіемъ служить фантастическому государству, которое не существуетъ въ дѣйствительности и не можетъ существовать. Но всего важнѣе для интриги отравить патріотическія чувства въ крестьянахъ, и въ эту сторону должны быть направлены ея главнѣйшія усилія“. Михаила Никифоровича до отчаянія доводила мысль, что всѣ эти губительныя для Россіи измѣнническія, центробѣжныя теченія не встрѣчали надлежащаго отпора въ интеллигентныхъ кругахъ, не оцѣнивались, не сознавались въ настоящемъ ихъ значеніи; а въ административныхъ и правительственныхъ сферахъ встрѣчали потворство, а подъ часъ даже поддержку.

V.

Книга Шедо-Ферроти имѣла значеніе не по тому, что въ ней содержалось, а потому, что за нею стояло. Не нападенія бельгійскаго публициста, хотя бы и ловкія, были важны, важно было то, что въ нападкахъ этихъ выразилась борьба съ *Московскими Вѣдомостями* теченія, имѣвшаго значительную силу въ правительствѣ. Книга, по всѣмъ признакамъ, писана была по заказу и, по появленіи своемъ, оказалась подъ особымъ покровительствомъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ людей и главнымъ образомъ тогдашняго министра народнаго просвѣщенія покойнаго А. В. Головнина. Книга, въ большомъ количествѣ, оффиціально разсылалась по учебнымъ заведеніямъ. Впечатлѣніе ея было сильное и тревожное для людей, сохранившихъ русское чувство. По поводу этого памфлета писалъ Михаилъ Никифоровичъ въ передовой статьѣ 29 сентября 1864 года: „мы получаемъ съ разныхъ сторонъ заявленія, но по нѣкоторымъ причинамъ мы затруднены печатаніемъ ихъ, хотя они исполнены самаго лучшаго духа и иныя изъ нихъ вполнѣ

заслуживаютъ быть доведенными до свѣдѣнія публики. Съ тѣмъ вмѣстѣ, особенно изъ провинціи, получаемъ мы запросы отъ многихъ почтенныхъ лицъ, встревоженныхъ извѣстіемъ о распространеніи этого памфлета по учебнымъ заведеніямъ. Они спрашиваютъ насъ, совершенно ли вѣренъ этотъ слухъ. Къ сожалѣнію, мы должны отвѣчать утвердительно. Экземпляры этой книжки, дѣйствительно, разсылались по университетамъ и гимназіямъ, и при томъ какъ мужскимъ, такъ и женскимъ. Какъ мы слышали, многіе директоры гимназій крайне смущены этимъ даромъ и не знаютъ, что съ нимъ дѣлать; Московскій университетъ, учрежденіе болѣе самостоятельное, единогласно постановилъ въ своемъ совѣтѣ возвратить, по принадлежности, экземпляры этой книги, какъ памфлета „оскорбительнаго для русскаго народнаго чувства и, очевидно, принадлежащаго перу, враждебному Россіи". Такое единогласное постановленіе совѣта достаточно для того, чтобъ успокоить родителей за духъ и направленіе старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ".

Отсылка Московскимъ университетомъ памфлета Шедо-Ферроти состоялась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Мысль возвратить присланный памфлетъ обратно въ министерство пришла одному изъ моихъ товарищей по университетской службѣ, извѣстному профессору Б—ну. Онъ выразилъ ее въ разговорѣ со мною. Мысль эта, переданная мною Михаилу Никифоровичу и Павлу Михайловичу Леонтьеву, встрѣтила въ нихъ одобреніе. Я отправился къ тогдашнему ректору университета С. И. Баршеву, отзывчатому на всякое патріотическое движеніе, ревностному приверженцу *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ и большинство тогдашнихъ профессоровъ Московскаго университета. Сергѣй Ивановичъ взялъ на себя поднять вопросъ въ совѣтѣ университета. Въ ближайшемъ засѣданіи совѣта онъ сообщилъ, что нѣкоторые члены, возмущенные содержаніемъ присланной изъ департамента народнаго просвѣщенія, безъ объясненія назначенія, книги „Что сдѣлаютъ съ Польшею", предлагаютъ отослать ее обратно. Ректоръ былъ поддержанъ огромнымъ большинствомъ. Немногіе, изъ партіи, дѣйствовавшей противъ С. И. Баршева, какъ ректора, и не расположенные къ издателямъ *Московскихъ Вѣдомостей* высказались противъ отсылки, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что въ библіотекѣ университета могутъ быть всякія книги, хотя бы самыя враждебныя, какъ историческій матеріалъ. Но и они присоединились къ рѣшенію большинства. Въ защиту содержанія памфлета не

было ни одного голоса. Осужденіе книги было единогласное. Дѣло прошло въ совѣтѣ тѣмъ легче, что составленная мною редакція отзыва, при которомъ предлагалось возвратить книги, исключала всякую возможность какого-либо выраженія неудовольствія со стороны министерства. Книга, какъ выше сказано, была прислана изъ департамента безъ всякаго объясненія. Въ бумагѣ, при которой памфлетъ былъ возвращенъ, было сказано: „Считая присылку даромъ автора и находя, что книга эта есть памфлетъ, оскорбительный для русскаго народнаго чувства и, очевидно, принадлежащій перу явно враждебному Россіи, совѣтъ университета препровождаетъ присланные экземпляры обратно въ департаментъ съ просьбою возвратить ихъ по принадлежности".

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Годы испытаній и борьбы. Намѣреніе отказаться отъ изданія «Московскихъ Вѣдомостей». Собраніе московскаго дворянства въ началѣ 1865 года и отношеніе къ нему Михаила Никифоровича.

I.

Мнѣ случилось уже говорить о затрудненіяхъ со стороны цензуры, какія встрѣчала горячая, небывало смѣлая рѣчь Михаила Никифоровича. Приходилось пробиваться чрезъ цензурныя препятствія. Изъ членовъ цензурнаго вѣдомства многіе, какъ предсѣдатель цензурнаго комитета въ Москвѣ, сенаторъ Щербининъ, цензоръ Петровъ и другіе сами душевно сочувствовали направленію *Московскихъ Вѣдомостей*, но не могли давать цензурную санкцію независимымъ сужденіямъ публициста о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, правительственныхъ лицахъ. Происходили непрерывныя недоразумѣнія. Михаилъ Никифоровичъ печаталъ не пропущенныя цензурою строки, и эти строки наиболѣе электризовали русское общество и само правительство на его высотахъ! Ненормальное положеніе печати, необходимость новыхъ постановленій бросались въ глаза. Но съ дѣломъ не легко было справиться, и оно

тянулось. Въ іюлѣ 1864 г., вышло распоряженіе, устанавливавшее штрафы за напечатаніе мѣстъ, непропущенныхъ цензурою, въ случаѣ если мѣста эти сами по себѣ не представляли чего-либо зловреднаго. Михаилъ Никифоровичъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгать къ такому средству и печатать не пропущенныя статьи, платя штрафъ. Большинство статей о книгѣ Шедо-Ферроти были оплочены штрафомъ. Въ цензурномъ вѣдомствѣ выходилъ нѣкоторый скандалъ. Скандалъ производили также, хотя и очень еще сдержанно выраженныя, нападенія на главнаго начальника юго-западнаго края и на министра народнаго просвѣщенія [1]).

Столкновенія съ цензурою отравляли работу Михаила Никифоровича. Онъ сталъ говорить о переселеніи въ Дрезденъ, чтобы издавать тамъ газету въ истинно русскомъ духѣ безъ цензурнаго ярма. Горячо защищать русскіе народные интересы и само монархическое начало оказывалось невозможнымъ въ Россіи.

Дѣло дошло до того, что въ началѣ 1864 года, редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* рѣшился отказаться отъ аренды этого

---

[1]) Впослѣдствіи, когда газета была освобождена отъ предварительной цензуры. Михаилъ Никифоровичъ, въ передовой статьѣ, 26 сентября 1865 года, такъ говорилъ о взысканныхъ штрафахъ и своихъ отношеніяхъ къ цензурѣ вообще.

„Цензура отнюдь не дѣлала намъ поблажекъ, но, въ виду интересовъ высшаго свойства, мы рѣшались брать на свой страхъ то, что́ въ нашихъ статьяхъ запрещалось цензурой. Бо́льшая часть статей нашихъ въ 1863 году испытывала цензурныя затрудненія, за которыя мы не сѣтуемъ на цензоровъ, лицъ подначальныхъ, къ тому же очутившихся въ положеніи совершенно новомъ, еще не предусмотрѣнномъ законами, въ то время когда событія импровизовали у насъ политическую печать и возложили на нее нравственную обязанность обсуждать дѣла и вопросы первостепенной государственной важности, какъ по внутренней, такъ и по внѣшней политикѣ Россіи. Нарушеніе цензурныхъ правилъ повлекло за собою репрессивныя мѣры. *Московскія Вѣдомости* (за исключеніемъ *Вѣсти*) были, кажется, единственною газетой, съ которой взысканы были штрафы администраціей. Штрафовъ взыскано было съ насъ шесть въ теченіе одного мѣсяца, всего на сумму 950 рублей, что́ безъ малаго, сколько мы знаемъ, равняется ежемѣсячному казенному жалованію, которое получалъ тогда издатель *Голоса* за услуги, оказываемыя его газетой или отечеству, или Россіи, ибо эти два термина, по сужденію нѣкоторыхъ остроумныхъ политиковъ у насъ, не совпадаютъ между собою“.

изданія и сдать газету Московскому университету, которому она считалась принадлежащею. 30 декабря 1864 г. была заготовлена и набрана статья, заявлявшая, что редакторы *Московскихъ Вѣдомостей*, Катковъ и Леонтьевъ, отказываются отъ продолженія своей редакторской дѣятельности и сдаютъ изданіе Московскому университету.

У меня сохранился корректурный листокъ, съ помарками Михаила Никифоровича, статьи, какою предполагалось сдѣлать объявленіе о передачѣ *Вѣдомостей* университету. Вотъ что̀ хотѣлъ напечатать Михаилъ Никифоровичъ:

„Заключая истекшій 1864 годъ, мы испытываемъ чувство и отрадное и грустное вмѣстѣ. Намъ отрадно вспомнить о пройденномъ пути, какъ о долгѣ, добросовѣстно исполненномъ; но мы не можемъ подавить въ себѣ то грустное чувство, которое остается въ насъ послѣ напряженной и изнурительной дѣятельности среди обстоятельствъ совершенно исключительныхъ. Мы радуемся, что направленіе, которому мы служили усердно, пріобрѣло силу въ умахъ, но мы не можемъ не видѣть, какъ еще далеко оно отъ своего полнаго торжества, какъ еще много неясности повсюду и съ какими трудностями, съ какими опасностями еще остается ему бороться. Это сознаніе тѣмъ для насъ прискорбнѣе, что мы находимся вынужденными покинуть нашу дѣятельность и выйдти изъ борьбы, прежде нежели можно привѣтствовать полное торжество того дѣла, которому мы служили. Пусть другіе явятся намъ на смѣну; пробудившееся общество встрѣтитъ ихъ, мы увѣрены, съ живымъ сочувствіемъ. Тѣ многочисленныя общественныя заявленія сочувствія, которыя получали и получаемъ мы отовсюду, принимались и принимаются нами не въ личномъ смыслѣ. Это множество лицъ разныхъ знаній, изъ разныхъ мѣстъ Россіи, привѣтствовали направленіе нашей дѣятельности и признавали его своимъ. Они хотѣли ободрить и укрѣпить насъ въ этомъ направленіи. „Подобно вамъ, сказано въ одномъ изъ этихъ писемъ, покрытомъ тысячью подписей, мы не можемъ себѣ представить Россію, наше дорогое отечество, иною, какъ единою и великою, крѣпкою единствомъ національнымъ и политическимъ ея сыновъ, могущественною преданностію вѣрѣ ея предковъ и любовью къ своему Царю“. Точно также не относимъ мы къ себѣ лично и того раздраженія, которое возбуждала наша дѣятельность: дѣло, которому мы служили, имѣетъ много враговъ.

„Слухи о скоромъ прекращеніи нашей дѣятельности распространялись въ послѣднее время съ особеннымъ усердіемъ. Пущенъ былъ слухъ, что мы будто-бы тяготимся условіями, заключенными нами съ Московскимъ университетомъ, и потому будто-бы желали, чтобы правительство само расторгло ихъ устраненіемъ насъ отъ изданія. Клевета эта такъ безмысленна, что мы упоминаемъ о ней только для того, чтобы показать, какъ мало враги наши затрудняются въ выборѣ средствъ и какіе еще возможны у насъ наглые разсчеты на легковѣріе публики. Направленіе, которому мы слѣдовали, мнѣнія, которыя мы отстаивали, могли ли послужить средствомъ для достиженія этой недостойной цѣли? То ли публика встрѣчала въ нашей газетѣ, что слѣдовало писать и печатать для того, чтобы навлечь на нее правительственное запрещеніе? Требовалось ли для этого отстаивать самые дорогіе для всякаго правительства интересы? Что касается до заключеннаго нами съ университетомъ контракта, то условія его, хотя и очень высоки, никогда не были для насъ обременительны. Для того, чтобы вести изданіе и уплачивать въ казну арендную сумму 74 тысячи, мы разсчитывали только на 8 тысячъ подписчиковъ, на 55 тысячъ рублей сбора съ объявленій и на 12 тысячъ рублей чистаго дохода отъ университетской типографіи, а мы уже теперь имѣемъ до 12 тысячъ подписчиковъ, 64 тысячи сбора съ объявленій и до 16 тысячъ чистаго дохода отъ университетской типографіи. Были вѣрные признаки, что въ наступающемъ 1865 году доходъ по всѣмъ этимъ статьямъ долженъ былъ увеличиться. При такомъ ходѣ дѣлъ мы не имѣли никакого основанія желать отмѣны нашего контракта съ университетомъ. Напротивъ, продолженіемъ изданія въ будущемъ году мы могли бы окончательно покрыть долги, оставшіеся отъ нашей прежней журнальной дѣятельности, когда усиленная конкурренція требовала усиленныхъ расходовъ и отъ перваго года нашей аренды, когда было необходимо сдѣлать значительныя затраты, въ виду постепеннаго возмѣщенія ихъ въ будущемъ. Не продолженіе нашей дѣятельности по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, а прекращеніе ея можетъ быть для насъ разорительно. Тѣмъ не менѣе мы добровольно прекращаемъ ее, потому что не видимъ возможности продолжать ее съ успѣхомъ и пользой. Въ началѣ наступающаго года *Московскія Вѣдомости* будутъ возвращены нами Московскому университету, которому онѣ принадлежатъ“.

Встревоженный рѣшеніемъ Михаила Никифоровича и Павла Михайловича, я сообщилъ о немъ въ профессорской средѣ. Покойный С. М. Соловьевъ принялъ живое участіе въ событіи. Благодаря содѣйствію ректора С. И. Баршева, Московскій университетъ вступился въ дѣло. Заготовленное объявленіе было пріостановлено, и приведенная статья не увидѣла свѣта.

Мы остановились на планѣ ходатайствовать отъ имени совѣта университета объ изъятіи *Московскихъ Вѣдомостей* отъ обыкновенной цензуры съ возложеніемъ цензурной отвѣтственности на редакторовъ газеты и на университетъ, въ лицѣ его ректора. Въ самый новый годъ, 1 января 1865 года, состоялось экстренное засѣданіе университетскаго совѣта, въ которомъ выслушано было прошеніе редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей* почетнаго члена Императорскаго Московскаго университета Каткова и исправляющаго должность ординарнаго профессора Леонтьева, слѣдующаго содержанія (черновая прошенія сохранилась у меня): „Приступая къ изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, мы рѣшились на этотъ важный шагъ въ твердой увѣренности, что въ непродолжительномъ времени будетъ отмѣнена предварительная цензура. Ожиданія эти, какъ извѣстно, не исполнились, и еще въ 1863 году первыя же наши статьи, вызванныя польскимъ мятежемъ, подверглись запрещенію со стороны цензурнаго комитета и затѣмъ большая часть послѣдующихъ нашихъ статей того же содержанія печатались среди величайшихъ затрудненій со стороны цензуры и нерѣдко вопреки ея запрещеніямъ, хотя эти статьи и не противорѣчили нисколько Высочайше утвержденнымъ цензурнымъ правиламъ. Благодаря чрезвычайнымъ обстоятельствамъ времени, мы не подверглись за то никакой отвѣтственности; но въ концѣ года просили министра внутреннихъ дѣлъ о томъ, чтобы этотъ ненормальный порядокъ былъ замѣненъ освобожденіемъ насъ отъ предварительной цензуры, изъявляя полную готовность подчиняться системѣ предостереженій. Въ случаѣ какихъ-либо препятствій къ исполненію этой нашей просьбы, мы прямо заявляли о невозможности съ нашей стороны продолжать изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* на прежнихъ основаніяхъ. Г. министръ внутреннихъ дѣлъ успокоилъ насъ сообщеніемъ, что новый законъ о печати будетъ изданъ въ самомъ непродолжительномъ времени. Только въ виду этой надежды, мы продолжали изданіе въ истекшемъ 1864 году. Между тѣмъ дѣло оставалось все въ томъ же положеніи, и наши отношенія къ цен-

зурѣ становились все болѣе и болѣе невыносимыми. Находя нынѣ продолженіе нашей дѣятельности на прежнемъ основаніи еще менѣе возможнымъ, чѣмъ въ концѣ 1863 года, и не рѣшаясь прекращать ее безъ крайней необходимости, обращаемся къ Совѣту Императорскаго Московскаго университета съ просьбою ходатайствовать о томъ, чтобы отвѣтственность за печатанныя нами въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* статьи возложена была исключительно на насъ самихъ, подъ надзоромъ университета въ лицѣ его ректора, при чемъ, какъ само собою разумѣется, мы будемъ строжайше соблюдать Высочайше утвержденныя правила. При семъ имѣемъ честь присовокупить, что до 1852 года, одинъ изъ насъ издавалъ уже *Московскія Вѣдомости* подъ собственною отвѣтственностію, внѣ надзора общей цензуры".

Ходатайство университета не получило разрѣшенія. Дѣло доходило, впрочемъ, до Комитета министровъ. *Московскія Вѣдомости* нашли тамъ горячихъ защитниковъ. Было признано, что Катковъ и Леонтьевъ изданіемъ *Вѣдомостей* оказали заслуги Россіи. Самый эпизодъ сильно подвинулъ дѣло объ изданіи новыхъ цензурныхъ постановленій, отмѣнявшихъ подъ извѣстными условіями предварительную цензуру періодическихъ изданій. 4 сентября 1865 года вышелъ первый безцензурный номеръ *Московскихъ Вѣдомостей*.

II.

Въ началѣ 1865 года происходило въ Москвѣ собраніе губернскаго дворянства. Какъ только разнесся слухъ о намѣреніи Каткова отказаться отъ изданія газеты, поднятой имъ на такую высоту, среди дворянства родилась мысль обратиться къ редакторамъ *Вѣдомостей* съ сочувственнымъ заявленіемъ и просить о продолженіи дѣятельности. Возбужденное на одномъ изъ засѣданій объ этомъ предложеніе было передано въ уѣздные столы. Но такъ какъ редакторы не выражали публично намѣренія отказаться отъ изданія *Московскихъ Вѣдомостей*, то, изъявляя дворянству благодарность за сдѣланную честь, они въ письмѣ къ губернскому предводителю просили не давать этому дѣлу дальнѣйшаго хода и отнюдь не возводить его на степень постановленія. Письмо было прочтено въ засѣданіи. Дворянство уважило просьбу издателей, но, на основаніи уже сдѣланныхъ по уѣздамъ постановленій, гу-

бернскій предводитель обратился къ нимъ съ письмомъ, отъ лица дворянства, выражая желаніе, чтобы письмо это было напечатано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Письмо было слѣдующаго содержанія:

Издателямъ „Московскихъ Вѣдомостей".

„Вслѣдствіе распространившихся слуховъ о томъ, что вы намѣреваетесь отказаться отъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, въ собраніи московскаго дворянства 5-го сего января было сдѣлано предложеніе о томъ, чтобы дворянство заявило вамъ объ искреннемъ желаніи его видѣть продолженіе вашей дѣятельности по изданію старѣйшей русской газеты, сдѣлавшейся, при руководствѣ вашемъ, выраженіемъ образа мыслей тѣхъ, кто истинно любитъ отечество и дорожитъ его благосостояніемъ, цѣльностью и честью.

„Такое предложеніе не могло не возбудить полнаго сочувствія въ дворянствѣ московскомъ, и я, какъ предводитель дворянства, пріятнымъ долгомъ считаю просить васъ, отъ лица его, не покидать честнаго дѣла, которому вы, среди трудныхъ обстоятельствъ, переживаемыхъ Россіей, посвятили ваши отличныя дарованія, оживленныя чувствомъ высокаго патріотизма.

„Надѣясь, что настоящему моему письму, какъ выраженію чувствъ и мыслей всего благороднаго дворянства московскаго, будетъ вами дана печатная гласность, прошу принять увѣреніе" и пр.

Князь Гагаринъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ состоялась, достигшая крупной суммы, подписка на поднесеніе Михаилу Никифоровичу подарка отъ имени московскаго дворянства. Поднесена была чернильница великолѣпной художественной работы.

Въ петербургской журналистикѣ слухи о намѣреніи редакторовъ отказаться отъ *Московскихъ Вѣдомостей*, о поддержкѣ оказанной имъ университетомъ и дворянствомъ породили цѣлый коробъ сплетней.

Голосъ повѣствовалъ, что на дворянскихъ выборахъ въ Москвѣ какая-то партія пожелала имѣть *Московскія Вѣдомости* своимъ органомъ и будто-бы съ этою цѣлію изъявила желаніе, чтобы Катковъ и Леонтьевъ продолжали свое изданіе. Уступая этому желанію, они будто-бы принялись хлопотать объ устраненіи разныхъ не зависящихъ отъ нихъ причинъ, препятству-

ющихъ продолженію ихъ дѣятельности. Но послѣ безуспѣшныхъ попытокъ устранить эти препятствія, были будто-бы вынуждены обратиться къ дворянству съ письмомъ, въ которомъ отказались отъ предложенной чести.

„Разныя петербургскія газеты, писалъ Михаилъ Никифоровичъ въ передовой статьѣ 16 января 1865 года (№ 12), особенно *С.-Петербургскія Вѣдомости* заговорили о какихъ-то нашихъ планахъ и домогательствахъ, о томъ, что мы хотимъ прекратить нашу дѣятельность, о томъ, что мы добиваемся пріобрѣсти привилегированное положеніе, о томъ, что мы вступаемъ въ разные союзы. Въ газетѣ *Вѣсть* сказано, что мы вступаемъ въ союзъ съ разрушительными доктринами; въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* было заявлено, что мы вступаемъ въ союзъ съ мечомъ; въ сегодня-полученномъ номерѣ *Голоса* утверждается, что мы вступаемъ въ союзъ съ какою-то неизвѣстною намъ партіей крѣпостниковъ (быть можетъ, польскою или нѣмецкою). И такъ, мы въ одно и то же время находимся въ союзѣ и съ разрушительными ученіями демократіи и соціализма, и съ партіей ретроградовъ, и еще съ мечомъ! Сколько аллегорій, сколько разнообразныхъ взглядовъ, какое невозможное положеніе! *С.-Петербургскія Вѣдомости*, приводя насъ въ связь съ мечомъ, заключаютъ при этомъ, что мы отъ меча и погибнемъ; въ своей наивности это дитя природы, этотъ *enfant terrible* петербургской журналистики, *С.-Петербургскія Вѣдомости* присовокупляютъ, что не онѣ пожалѣютъ о насъ, если мы погибнемъ. „Не мы пожалѣемъ!“ восклицаютъ эти *Вѣдомости*“.

III.

Дворянское собраніе 1865 года само по себѣ представляетъ любопытный политическій эпизодъ, заслуживающій того, чтобы на немъ остановиться.

Россію только-что спасло патріотическое настроеніе народа, проникнувшее всѣ общественные слои, захватившее правительство, давшее крѣпость рѣшеніямъ на его вершинѣ. Настроеніе это по существу своему было шире и глубже чѣмъ то, что принято называть общественнымъ мнѣніемъ, ибо оно обнимало собою и народные политическіе инстинкты, и сердце царя. Но будучи вызвано къ проявленію печатнымъ словомъ и громкими заявленіями сословій и всякихъ общественныхъ группъ, настроеніе это въ умахъ современниковъ естественно

отождествлялось съ общественнымъ мнѣніемъ. Явленіе представлялось въ такомъ видѣ. Общественное мнѣніе указало правительству путь; правительство оперлось на общественное мнѣніе. Общественное мнѣніе есть слѣдовательно могущественная и благодѣтельная сила. Желательно призвать ее къ постоянной дѣятельности, какъ новый факторъ нашей государственной жизни.

Идея о призывѣ и правильной организаціи общественнаго мнѣнія увлекала нѣкоторое время самого Михаила Никифоровича, и онъ высказалъ ее въ статьѣ *Русскаго Вѣстника*, о которой намъ случилось уже говорить. Впослѣдствіи онъ оставилъ эту идею и сдѣлался, въ условіяхъ нашей государственной жизни, ея противникомъ.

Политическая метафизика общественнаго мнѣнія необходимо приводитъ къ идеѣ о представительствѣ, постоянномъ или временномъ, къ той или другой формѣ. По теоріи, дѣло представляется просто. Выборные излюбленные люди явятся предъ правительствомъ уполномоченными представителями этого мнѣнія. При этомъ предполагается, что мнѣніе уже существуетъ готовое, и они только носители его. На самомъ дѣлѣ однако нѣтъ реальной вещи, которую можно бы назвать общественнымъ мнѣніемъ. Въ собраніе приносятся самые разнородные и обыкновенно болѣе или менѣе неопредѣленные мотивы. Носители мнѣнія становятся и его творцами. Начинается борьба не безплотныхъ мнѣній, а живыхъ людей, соединяющихся въ партіи. Словомъ все превращается въ борьбу партій. Но борьба партій есть борьба за власть. Требуется соединеніе особыхъ условій, чтобы государственный корабль могъ плыть, когда у кормила его происходитъ непрерывная борьба, и множество рукъ, отталкивая однѣ другія, хватаются за руль. Въ Англіи лишь многовѣковой опытъ, при условіи аристократическаго устройства страны, при особенностяхъ національнаго характера, подъ связующимъ дѣйствіемъ монархическаго начала, прочнаго, оцѣненнаго,—могъ обратить борьбу партій въ правильную и сильную правительственную систему.

Мысль о представительствѣ всегда была популярною въ нашихъ разсуждающихъ и пишущихъ кругахъ, а иногда и въ правительствѣ, что̀ не мѣшало ей въ примѣненіи къ нашимъ условіямъ быть плодомъ большой политической близорукости.

Эпизодъ съ дворянскимъ собраніемъ 1865 года можетъ служить тому хорошею иллюстраціей. Мысль о представитель-

ствѣ улыбалась, казалось, всѣмъ партіямъ. И однако первое серьезное заявленіе ея въ сословномъ собраніи немедленно послужило источникомъ раздоровъ и ожесточенія, свидѣтельствующихъ о центробѣжномъ значеніи идеи этой, въ нашихъ условіяхъ долженствующей вести не къ укрѣпленію, а къ разложенію. Не забудемъ, что московское дворянство 1865 года въ политическомъ и государственномъ смыслѣ было настроено наилучшимъ образомъ и исполнено было патріотизма. И однако предложеніе его встрѣтило раздраженныя нападенія не только въ средѣ принципіальныхъ противниковъ дворянства, какъ сословія, и людей съ демократическими тенденціями, но и во всѣхъ кругахъ, считавшихъ себя либеральными. Мало того, оно встрѣтило противодѣйствіе одновременно и въ средѣ либеральнаго чиновничества, и въ средѣ чиновничеству этому самой, казалось, враждебной—въ славянофильствѣ.

Только-было попробовали—да и не устроять, а только проектировать устроеніе государства на началахъ представительства, какъ обнаружились самая непримиримая рознь и раздоры.

Какая собственная Болгарія создалась бы у насъ, еслибъ въ самомъ дѣлѣ пойти по указанному пути! Не забудемъ, что предложеніе, какъ оно выработалось въ собраніи, никакъ не было олигархическимъ и даже тѣсно сословнымъ, ибо предлагались двѣ палаты выборныхъ людей. Между тѣмъ въ дворянскомъ предложеніи одни усмотрѣли затаенные крѣпостническіе замыслы, другіе находили его противнымъ демократическому принципу, въ который вѣровали; славянофилы видѣли въ проектѣ подражаніе западному строю, а въ людяхъ, отъ которыхъ шло предложеніе, усматривали своихъ противниковъ по крестьянской реформѣ.

Осуществить идею въ нашихъ условіяхъ значило бы возвести партіи—и какія притомъ неопредѣлившіяся, сбивчивыя, легкомысленныя партіи—въ государственную силу и дать имъ оружіе въ руки для истребительной борьбы не только между собою, но и на гибель общимъ государственнымъ интересамъ. А окраины, а инородцы? Какой вихрь центробѣжныхъ стремленій былъ бы необдуманно вызванъ безъ пользы и цѣли!

Въ эпизодѣ или точнѣе по поводу эпизода съ дворянскимъ предложеніемъ обнаружилось столкновеніе двухъ партій, двухъ теченій—тѣхъ, которые уже боролись между собою въ эпоху рѣшенія великаго крестьянскаго вопроса. Съ одной стороны сословно-дворянская партія, обзываемая ея врагами крѣпостниче-

скою, съ политическими идеалами въ образѣ аристократической конституціи, съ ненавистью ко всему демократическому, съ злобнымъ раздраженіемъ противъ бюрократическаго и чиновничьяго элемента, съ значительнымъ презрѣніемъ къ народу; партія газеты *Вѣсть*, какъ называлъ ее потомъ Михаилъ Никифоровичъ, въ началѣ расположенная къ Каткову, сдѣлавшаяся потомъ—когда стала во имя аристократическаго принципа на сторону пановъ,—его яростною противницею.

Другая партія -- та къ услугамъ которой былп баронъ Фиркъ и столбцы корреспонденцій въ иностранныхъ газетахъ; которая чествовала себя названіемъ либеральной, которая въ эпоху, предшествовавшую польскому возстанію, готова была предать всѣ государственные интересы; которая дышала легкомысленною ненавистію къ дворянству, въ польскомъ дѣлѣ поддержпвала систему, дѣйствовавшую въ Царствѣ Польскомъ, всячески порицала Муравьева, злобилась противъ Каткова. Въ московскомъ собраніи партія эта не имѣла явныхъ представителей; она дѣйствовала внѣ собраніи, въ петербургскомъ обществѣ и особенно въ журналистикѣ, отчасти нашей, а главное иностранной, куда летѣли корреспонденціи, фальшиваго тона и содержанія, о происходившемъ въ Москвѣ.

Вотъ какія былп, партіи сбправшіяся, каждая по-своему. двинуть государственный корабль!

Что касается большинства московскихъ дворянъ, то настроеніе его было, какъ сказано, вполнѣ доброкачественное политически, глубоко-патріотическое. Принятіе предложенія было послѣдствіемъ увлеченія, самаго пскренняго, заманчивыми идеями объ общественномъ мнѣніи, голосѣ народа, выборныхъ людяхъ, правдѣ, доходящей безпрепятственно до престола.

Починъ предложенія принадлежалъ лицу, бывшему въ 1859 году самымъ рѣзкимъ противникомъ главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, М. А. Безобразову. Въ этомъ году, въ запискѣ, поданной Государю Александру Николаевичу, М. А. Безобразовымъ, высказана была мысль, что главною опорою самодержавія должны быть выборные люди. Записка, составленная въ минуты острыхъ отношеній между вызванными отъ дворянства депутатами и редакціонной коммиссіей по крестьянскому дѣлу, исполнена крайняго раздраженія противъ бюрократіи. „На стражѣ вокругъ престола стоптъ бюрократія въ сообщничествѣ,—сознательно и безсознательно—съ

такъ называемыми красными и поражаетъ всѣхъ улавливаемыми Высочайшими повелѣніями. Попытки разныхъ возмутителей не удались у насъ въ свое время, потому что у нихъ не было достаточныхъ связей въ правленіи. Послѣдователи ихъ воспользовались уроками опыта: постепенно тайно подвигая другъ друга, они овладѣли нѣкоторыми отраслями управленія, заняли сперва не видныя, но самыя нужныя должности, взобрались выше и теперь силою управленія дѣлаютъ то, чего хотѣли, но не смогли сдѣлать ихъ предшественники. Отнявъ у дворянъ возможность дать труду, на нихъ возложенному, правильное развитіе, стиснувъ этотъ трудъ въ форму совершенно непрактической программы, спеленавъ губернскіе комитеты вліяніемъ членовъ отъ правительства и вмѣшательствомъ власти административной, всемудрые преобразователи порицаютъ теперь трудъ дворянства, обвиняютъ его въ недобросовѣстности и въ намѣреніи уклониться отъ исполненія желаній Государя и клеймятъ людей, противоставляющихъ какую-либо препону революціоннымъ направленіямъ, пошлыми прозвищами крѣпостниковъ и плантаторовъ, себя величаютъ именемъ передовыхъ, постигнувшихъ потребности вѣка, тогда какъ они волочатся по колеѣ, прорытой сумазбродами, приговоренными предъ судомъ разума міра просвѣщеннаго. Въ личныхъ проявленіяхъ царской воли блистаетъ яркій, согрѣвающій лучъ высокихъ чувствъ; ко всякому его проблеску жадно обращаются взоры русскихъ, исполненныхъ надежды и упованія. Но тучи бюрократическія скоро его заволакиваютъ, подобно тучамъ саранчи, затмѣвающимъ солнце“ [1]).

Записка Безобразова произвела весьма неблагопріятное впечатлѣніе на покойнаго Государя. Онъ сдѣлалъ нѣсколько рѣзкихъ отмѣтокъ на ея поляхъ и въ концѣ, гдѣ авторъ записки обращается къ Государю, призывая его убѣдиться въ чувствахъ преданности дворянства, написалъ: „онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе“. Записка была передана на обсужденіе въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу и, вслѣдствіе заключенія его, Безобразовъ былъ временно удаленъ изъ столицы въ свои имѣнія Пермской губерніи.

На дворянскомъ собраніи 1865 года тотъ же М. А. Безобра-

---

[1]) Записка М. А. Безобразова помѣщена въ № 12 *Русскаго Архива*, за 1888 годъ.

зовъ выступилъ съ предложеніемъ ходатайствовать передъ верховной властью о призваніи выборныхъ изъ дворянъ къ участію въ законодательныхъ работахъ. Идея исключительно дворянскаго представительства вызвала сильное противодѣйствіе въ средѣ самихъ дворянъ. Но идея о представительствѣ вообще встрѣчена съ сочувствіемъ. Начались замѣчательныя пренія. Многіе изъ говорившихъ обнаружили блестящіе ораторскіе таланты, между прочими, молодой предводитель Звенигородскаго уѣзда, Д. Д. Голохвостовъ. Рѣчи Безобразова, графа Орлова-Давыдова, проникнутаго благоговѣніемъ къ англійскимъ учрежденіямъ и съ виду походившаго на англійскаго лорда, Голохвостова—выслушивались съ жаднымъ вниманіемъ. Московская публика толпилась на хорахъ громадной залы Благороднаго Собранія. Засѣданіе имѣло необычайно оживленный видъ. Нападки на бюрократію и министерство внутреннихъ дѣлъ вызывали нерѣдко шумныя одобренія. Между ораторскими эффектами было презрительное произношеніе словъ: министръ или министерство внутреннихъ дѣлъ (припоминаю, какъ очевидецъ, такъ какъ былъ въ числѣ публики на одномъ изъ засѣданій). „Предоставляется представить министру внутреннихъ дѣлъ“, произносили съ особою интонаціею ораторы, вызывая смѣхъ. Не мало эффекта произвело также слово опричина, приложенное молодымъ ораторомъ къ высшей бюрократіи.

Партія, вызывавшая ходатайство о представительствѣ, имѣла органъ въ печати. Органомъ этимъ была петербургская газета *Вѣсть*, издававшаяся г. Скарятинымъ. Газета, безъ разрѣшенія цензуры, сообщила подробности о засѣданіяхъ и цѣликомъ напечатала нѣкоторыя изъ произнесенныхъ рѣчей, (главнымъ образомъ рѣчь гр. Орлова-Давыдова); напечатала наконецъ и самый текстъ дворянскаго адреса на Высочайшее имя. Газета безъ сомнѣнія знала, что она рискуетъ закрытіемъ. И дѣйствительно, по распоряженію цензурнаго вѣдомства послѣдовала остановка изданія *Вѣсти* на восемь мѣсяцевъ.

Какъ выше упомянуто, предложеніе о представительствѣ исключительно дворянскомъ встрѣтило сильное противодѣйствіе. Многочисленные голоса поднялись за представительство всесословное. Лишь немногіе робко высказались о несвоевременности всего движенія; и не были услышаны. Промоторы предложенія пошли на уступку. Выработался планъ двойственнаго представительства,—двухъ палатъ. На необходимости имѣть

не одно, а два представительныхъ собранія особенно настаивалъ въ своей рѣчи графъ Орловъ-Давыдовъ. Онъ утверждалъ, что земскія учрежденія въ развитіи своемъ должны привести къ нѣкоторому общему всесословному собранію, но при томъ высказывалъ, что одно такое собраніе было бы пагубою.

„Для меня, говорилъ онъ (*Вѣсть*, 1865 г. № 4, января 14) ясно и неминуемо, что когда земскія учрежденія, которыя только-что вводятся, постепенно и повсюду разовьются, отдѣльныя земскія собранія почувствуютъ необходимо нужду въ одномъ центрѣ. Этотъ центръ, или соборъ, непремѣнно состоится; но если онъ будетъ одинъ, если не будетъ другаго собранія, которое могло бы служить ему перевѣсомъ, тогда въ этомъ центрѣ или соборѣ будетъ выварень такой чистый демократическій спиртъ, что онъ загорится отъ одного соприкосновенія съ чистымъ воздухомъ (*Сильное одобреніе*). Элементы перевѣса существуютъ у насъ въ Россіи, и это тѣ именно, которые указаны въ проектѣ г. Безобразова“ (*Сильное одобреніе*).

Изъ словъ и дѣйствій графа Орлова-Давыдова, человѣка, вращавшагося въ высшихъ и придворныхъ кругахъ, многіе заключали, что московскія предложенія и наверху встрѣтятъ благосклонный пріемъ. О партіи, дѣйствовавшей въ духѣ ненависти къ дворянству, какъ сословію, Орловъ-Давыдовъ отзывался самымъ рѣзкимъ образомъ.

„Я могу васъ увѣрить, что въ самыхъ высокихъ сферахъ петербургскаго общества и на скамьяхъ самаго высокаго совѣта дѣлятъ ваше и мое сердечное отвращеніе къ тѣмъ измѣнникамъ не только своему сословію, но и своему отечеству, которые проводятъ коммунистическія начала (*сильное одобреніе*) и согласны, чтобы сами крестьяне были раззорены общиною, лишь бы дворяне также раззорились“.

Адресъ на Высочайшее имя былъ принятъ въ собраніи 11 января. „Признаюсь, писалъ редакторъ *Вѣсти*, въ жизни моей я испыталъ весьма сильныя ощущенія, но никогда сердце мое не било такой тревоги, какъ въ ту минуту, когда начали считать шары. Я просто не могъ вынести этого волненія и ушелъ въ другой залъ. Вдругъ, громкое ура! троекратно повторенное, долетѣло до моего слуха. Я бросился въ залъ собранія и узналъ, что адресъ принятъ 270 голосами противъ 36. Ура, дворянство! воскликнулъ и я въ свою очередь, и притомъ изъ глубины сердца“.

Относительно лицъ, оставшихся въ меньшинствѣ, *Вѣсть* (№ 4, января 14-го) выразилась такимъ образомъ:

„Соединились всѣ силы, враждебныя дворянству и составляющія его язву: и чиновническая партія, и люди боязливые, и, какъ вѣнецъ всего этого, славянофилы. И что же? Все это, взятое вмѣстѣ, составило только 36 голосовъ!“

Въ адресѣ, дворянство, свидѣтельствуя о своей преданности Престолу и привѣтствуя начатыя преобразованія, говорило:

„Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите Вашему вѣрному дворянству, съ этою же цѣлію, избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство всегда было твердою опорою русскаго престола.

„Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди, по самымъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять, драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства, нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, Государь, Вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ. Вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, Вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣмъ и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны. Правда будетъ доходить безпрепятственно до Вашего престола, внѣшніе и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовію окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла ни откуда проникнуть“.

Адресъ не дошелъ по назначенію. Воспользовавшись формальною неправильностію, допущенною въ составѣ собранія, правительствующій сенатъ призналъ составъ этотъ неудовлетворяющимъ требованіямъ закона и чрезъ то кассировалъ всѣ рѣшенія собранія. Московскому дворянству въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя министра внутреннихъ дѣлъ выражено было косвенное порицаніе. „Мнѣ не безъизвѣстно, сказано въ рескриптѣ, что во время своихъ совѣщаній Московское губернское дворянское собраніе вошло въ обсужденіе предметовъ, прямому вѣдѣнію его не подлежащихъ, и коснулось вопро-

совъ, относящихся до измѣненія существенныхъ началъ государственныхъ въ Россіи учрежденій.

„Благополучно совершившіяся, въ десятилѣтнее Мое царствованіе и нынѣ по Моимъ указаніямъ еще совершающіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о Моей постоянной заботливости улучшать и совершенствовать, по мѣрѣ возможности и въ предопредѣленномъ Мною порядкѣ, разныя отрасли государственнаго устройства. Право вчинанія, по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія, принадлежитъ исключительно Мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, Богомъ Мнѣ ввѣренною. Прошедшее, въ глазахъ всѣхъ Моихъ вѣрноподанныхъ, должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать Мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ законнаго права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя, передъ Мною, ходатайство объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять Меня въ исполненіи Моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направляемы. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ Престоломъ и Отечествомъ Мнѣ всегда памятны и которому Мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ“.

IV.

Кружокъ славянофиловъ, въ политическомъ лексиконѣ котораго понятія: земство, выборные люди, соборъ занимали такое видное мѣсто, высказался, однако, противъ адреса. Адресъ, говоря старообрядческимъ терминомъ, былъ не ихъ толку и вышелъ не изъ ихъ согласія. Замѣчательно, что кружокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и къ патріотическому настроенію общества, рѣзко сказывавшемуся въ дворянскомъ собраніи, относился не только сдержанно, но даже съ ироніею. Котелокъ самолюбія, о которомъ давно уже говорилъ Михаилъ Никифоровичъ въ полемикѣ *Русскаго Вѣстника* съ славянофилами, склонность мудрить, воспитанная безконечными спорами и преніями, рев-

ность къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* были не безъ участія въ этомъ отрицательномъ отношеніи.

„Восхищаться, говорилъ редакторъ *Дня* (въ № 4, отъ 16 января 1865 г.)—каждымъ проявленіемъ „русскаго патріотизма“, умиляться при словахъ „народъ“, „земство“, „православные“, кѣмъ бы и когда бы они ни были произнесены,—при каждомъ намекѣ на древнюю Русь, при каждомъ внѣшнемъ признакѣ русскаго національнаго чувства и нѣжной симпатіи къ „русскому мужичку“, приходить въ ярый восторгъ, — это, казалось бы, по нашей части! Такъ, по крайней мѣрѣ, давно порѣшила за насъ публика.

„Потому многіе были удивлены, продолжаетъ газета, скудостію нашихъ восторговъ патріотическими восторгами русскаго общества. Имъ казалось страннымъ, что мы не безусловно присоединяемся къ тому хору похвалъ, которымъ само себя такъ громко и безцеремонно тѣшило и еще не перестаетъ тѣшить русское общество... Оно ли не заслуживало полнаго сочувствія всякаго патріота, а тѣмъ болѣе тѣхъ, кого общество называетъ славянофилами, — оно ли, которое внезапно такъ горячо схватилось любить единство и цѣлость Россійской Имперіи, что и Финляндія пошла у него вдругъ за-одно съ Тамбовскою губерніей, и финскій языкъ, замѣна которымъ шведскаго только-что предъ этимъ была, со стороны общества, превознесена похвалами, признанъ вдругъ имъ неумѣстнымъ и долженъ, согласно съ новѣйшимъ воззрѣніемъ, замѣниться, по указу, русскимъ!. А между тѣмъ, *День* имѣлъ безтактность постоянно напоминать обществу, что, горячась кстати и не кстати за внѣшнее единство, оно не перестаетъ, въ то же самое время, подрывать внутреннюю, духовную и нравственную цѣльность коренной русской земли, и съ любовью къ имперіи мало соединяетъ искренней любви къ русской народности и народу“.

Газета, съ ироніею и прозрачными намеками на *Московскія Вѣдомости*, говоритъ, что общество, не уразумѣвая теоріи славянофиловъ, зоветъ ихъ „мудреными людьми“ и предпочитаютъ ихъ понятіямъ о русской народности другія, доставляющія „широкую удобь положенія“. „Тутъ, по словамъ *Дня*, есть мѣсто всѣмъ чинамъ и рангамъ, тутъ можно и во главѣ народа постоять, и за народъ, отъ его имени пошумѣть, и либераломъ прослыть, и получить даже прозваніе ультрарусской партіи,—и все это не обязываясь ничѣмъ относительно

народности, ничего не лишаясь, ни отъ чего не отрекаясь, ни даже отъ англо-или галломаніи; тутъ можно, пользуясь выгодами своей патріотической позиціи, подъ общій гулъ возгласовъ за единство и цѣльность, и звуки „національнаго гимна“, доставить, пожалуй, торжество и своимъ теоріямъ о патронатствѣ надъ мужиками и патримоніальномъ правѣ, и своей антипатіи къ надѣленію крестьянъ собственностью, къ крестьянской поземельной общинѣ и къ крестьянскому самоуправленію, и своимъ аристократическимъ тенденціямъ и тому подобнымъ русскимъ народнымъ началамъ“ [1])!

Изъ мнившаго себя либеральнымъ петербургскаго лагеря, враждебнаго дворянству и еще болѣе враждебнаго патріотическому настроенію и національной политикѣ во внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ, шли корреспонденціи въ белгійскій журналъ *Independance Belge*, представлявшія московскій эпизодъ въ извращенномъ видѣ. „Со времени польскаго возстанія,—говорилось въ одномъ изъ такихъ писемъ,—зловредныя испаренія ультра-русской реакціи заразили политическую атмосферу и теперь не безъ прискорбія замѣчаютъ, что Россія сильно отодвинулась назадъ впродолженіе этого кризиса преувеличеннаго патріотизма“. Московское событіе изображалось какъ узко сословное движеніе съ олигархическими замыслами. Слова адреса на Высочайшее имя переданы были умышленно фальшиво. Въ адресѣ говорилось о двухъ собраніяхъ и сказано:

„Довершите же, Государь, основанное Вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской, для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству.

---

[1]) Статья оканчивалась воззваніемъ въ духѣ обычной фразеологіи покойнаго И. С. Аксакова.

„Пусть же оставятъ народъ въ покоѣ эти непризванные опекуны! Пусть не мѣшаютъ ему въ его медленномъ жизненномъ подъемѣ,—не кладутъ ему новыхъ преградъ на его трудномъ пути, не налагаютъ на русскую почву новый слой лжи и всякаго хлама. Ему нужно одно: свобода жизни, свобода совѣсти и слова, свобода внутренняго духовнаго развитія. Пусть отойдутъ отъ него прочь лицемѣры и фарисеи народности, которые, подъ видомъ народности, хотятъ привить къ могучему дереву народной жизни свои узкія теоріи, взлелѣянныя не на нашей землѣ и не подъ нашимъ солнцемъ, и навязать ему, во имя свободы, тѣсноту западнаго соціальнаго устройства! Они могутъ говорить отъ имени націи, могутъ создать внѣшній видъ народной политической организаціи, но это будетъ лженародъ, какъ и лженародность: народъ будетъ не съ ними“.

Повелите Вашему вѣрному дворянству, съ этою же цѣлію, избрать изъ среды себя лучшихъ людей". Въ корреспонденціи слова эти переданы такъ: „Couronnez donc, Sir, l'édifice commencée en convoquant une assemblée générale des élus de la Russie pour l'examen des besoins communs à tout l'empire. Ordonnez à Votre fidèle noblesse *de choisir ces élus dans son sein*".

Происхожденіе ходатайства московскихъ дворянъ корреспондентъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. „Во всемъ этомъ актѣ есть очень любопытная вещь, не замѣченная въ началѣ ультрапатріотической агитаціи, а нынѣ становящаяся явною. Партія *Московскихъ Вѣдомостей* или, точнѣе, партія, избравшая эту газету своимъ органомъ, а ихъ редактора своимъ орудіемъ, есть не иное что, какъ старая партія дворянъ недовольныхъ демократическими и военными тенденціями нынѣшняго царствованія. Въ эпоху освобожденія крестьянъ она не осмѣливалась обнаруживать своего недовольства, теперь же, подъ сѣнію преувеличеннаго патріотизма, старается возвратить себѣ прежнее вліяніе на правительство".

Подобная мысль развита была потомъ въ статьѣ г. Мазада „Александръ II", помѣщенной въ мартовской книжкѣ *Revue des deux Mondes* и составленной явственно по матеріаламъ, доставленнымъ изъ Петербурга и притомъ изъ того же лагеря, откуда шли корреспонденціи *Independance Belge* и произведенія Шедо-Ферроти.

Вотъ партіи, которыя боролись и дѣйствовали. Было ли что-нибудь серьезнаго въ этихъ партіяхъ и было ли что-нибудь, кромѣ этихъ партій, серьезнаго во всей парламентарной затѣѣ 1865 года, наиболѣе все-таки серьезной изъ всѣхъ бывавшихъ у насъ затѣй этого рода?

Какъ относился Михаилъ Никифоровичъ къ эпизоду, разыгравшемуся на собраніи московскаго дворянства 1865 года? Хотя въ ту эпоху общественнаго возбужденія Михаилъ Никифоровичъ и самъ увлекался мыслію о правильной, какъ онъ выражался, „организаціи общественнаго мнѣнія" и о совѣщательномъ участіи общественныхъ представителей въ государственныхъ дѣлахъ, онъ не былъ однако ни въ числѣ вчинателей, ни въ числѣ участниковъ обсуждавшагося предложенія и стоялъ въ сторонѣ отъ происходившаго въ дворянскомъ собраніи. Но патріотическій духъ, обнаруживавшійся въ рядахъ дворянства по отношенію къ государственнымъ вопросамъ эпохи, пользо-

вался всею его симпатіею и находилъ въ немъ горячую поддержку.

Осенью 1865 года вновь созвано было дворянское собраніе. Въ огражденіе себя отъ клеветъ и искаженій, какимъ подвергся въ иностранной и въ русской печати описанный эпизодъ, дворянство внесло въ свои протоколы указанія на чистоту намѣреній, какія оно имѣло при составленіи адреса. „Дворянство, сказано было тамъ, было далеко отъ всякихъ личныхъ или сословныхъ стремленій. Упоминая объ услугѣ, которую можетъ оказать престолу голосъ выборныхъ людей, оно отнюдь не брало на себя предопредѣлять права и обязанности этихъ выборныхъ людей, ожидая съ полнымъ довѣріемъ предначертанія этихъ правъ и обязанностей отъ верховной власти. Это подтверждаютъ всѣ протоколы бывшаго собранія, всѣ рукописные акты, свидѣтельствующіе объ его существованіи. Съ этою исключительно цѣлью дворянство просило призвать его къ участію вмѣстѣ съ общимъ собраніемъ выборныхъ людей отъ всей земли русской для обсужденія нуждъ общихъ всему государству".

По поводу этого заявленія Михаилъ Никифоровичъ писалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 251, ноября 16-го 1865 года).

„Духъ русскаго дворянства есть патріотическій духъ, и именно потому онъ возбуждаетъ такое озлобленіе въ злоумышленникахъ Россіи и вообще въ людяхъ неблагонамѣренныхъ, а съ ихъ голоса клеветы повторяются и нѣкоторыми честными людьми, не привыкшими къ самостоятельной провѣркѣ чужихъ рѣчей. Съ особеннымъ обиліемъ посыпались клеветы на московское дворянство по поводу несостоявшихся январьскихъ выборовъ. О ходѣ дѣлъ на этихъ выборахъ можно имѣть различное мнѣніе; можно оспаривать благовременность и пользу предположеннаго тогда всеподданнѣйшаго прошенія; можно упрекать въ увлеченіи его составителей; въ особенности можно возставать противъ его подробностей. Но на этомъ ли остановилась критика? Чего не писалось въ петербургскихъ корреспонденціяхъ иностранныхъ газетъ? Не приписывались ли московскому дворянству крѣпостническіе виды? Не возводилось ли на него обвиненіе въ желаніи захватить политическія права въ свои руки, въ ущербъ другимъ сословіямъ и даже священному принципу верховной власти? Пользуясь недостаткомъ гласности, клевета прибѣгала къ самымъ разнообразнымъ способамъ, чтобы представить дѣло въ фальшивомъ свѣтѣ и

внести смуту въ отношенія, которыя именно въ настоящую минуту русской исторіи должны быть ясны какъ день. Въ общемъ государственномъ интересѣ нельзя не желать, чтобъ эта злокозненная ложь какъ можно скорѣе разсѣялась передъ свѣтомъ истины".

Н. ЛЮБИМОВЪ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Стихотворенія А. А. Фета.

I.

Что-за зной! Даже тутъ подъ вѣтвями
Тѣнь слаба, и открыто кругомъ...
Какъ сошлись и какими судьбами
Мы одни на скамейкѣ вдвоемъ?

Такъ молчать намъ обоимъ неловко,
Что ни стань говорить—не впопадъ,
За тяжелой косою головка
Словно хочетъ склониться назадъ.

И какъ-будто истомою жадной
Насъ весна на припекѣ прожгла;
Только въ той вонъ аллеѣ прохладной
Средь полудня вечерняя мгла...

II.

Сегодня всѣ звѣзды такъ пышно
Огнемъ голубымъ разгорались,
А ты промелькнула неслышно,
И взоры твои преклонялись.

МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ [1].

(ПО ЛИЧНЫМЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ).

(Окончаніе).

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Годы испытаній и борьбы. Нападеніе на „Московскія Вѣдомости“ въ совѣтѣ по дѣламъ печати въ началѣ 1865 года.

I.

Въ то время какъ московское дворянство чествовало редакторовъ „*Московскихъ Вѣдомостей*“, въ совѣтѣ главнаго управленія по дѣламъ цензуры поднималась цѣлая буря противъ московской газеты.

Бурю поднималъ членъ совѣта, тайный совѣтникъ Пржецлавскій, человѣкъ польскаго происхожденія, проведенный къ высшимъ должностямъ бывшимъ министромъ просвѣщенія старымъ адмираломъ Шишковымъ, къ концу жизни женившимся на молодой полькѣ, родственникомъ которой былъ Пржецлавскій. Еще въ октябрѣ 1864 года тайный совѣтникъ Пржецлавскій составилъ, въ видѣ записки, обвинительный актъ противъ московской газеты. Записка доложена была въ совѣтѣ управленія 14 января 1865 года. Обвиненіе дѣлается по общему шаблону нападеній, какія чинились на Михаила Никифоровича въ разныя времена и съ самыхъ различныхъ сторонъ. Заслуги, достоинства отрицать нельзя. И вотъ заслуги эти и достоинства переносятся въ прошедшее; настоящее же клеймится какъ нѣчто преступное.

„Возобновляющіяся постоянно замѣчанія чиновника, наблюдающаго за ежедневною газетою „*Московскія Вѣдомости*“, особыя распоряженія гг. министра и управлявшаго министер-

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“ кн. II, 1889 г.

ствомъ, вызванныя статьями этой газеты, повторявшіяся въ послѣднее время нарушенія ею общаго цензурнаго правила и наконецъ общая объ ней молва—заставляютъ обратить особое вниманіе на духъ и направленіе этого изданія тѣмъ болѣе, что необыкновенное распространеніе его показываетъ и соотвѣтственное вліяніе на общество.

„Обозрѣвая дѣятельность газеты за два послѣдніе годы и слѣдя за постепеннымъ развитіемъ этого вліянія, оказывается слѣдующее:

„Послѣдній польскій мятежъ естественно вызвалъ во всемъ русскомъ народѣ чувства сильнѣйшаго негодованія и пламеннаго патріотизма, и чувства эти также естественно выразились во всѣхъ органахъ современной прессы. Вскорѣ однако жъ одинъ изъ нихъ, именно газета „*Московскія Вѣдомости*“, занялъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, по замѣчательному искусству въ составленіи передовыхъ статей, отличающихся необыкновеннымъ одушевленіемъ, смѣлостію воззрѣній, настойчивостію требованій, во имя русскихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ. Это доставило упомянутой газетѣ популярность, какой до того, быть можетъ, не было въ русской журналистикѣ примѣра“.

Но за періодомъ такой „естественной“ популярности, по словамъ обвинителя, послѣдовалъ періодъ популярности *искусственной*. Газета стала будто-бы „сама изыскивать и даже создавать новые матеріалы, могущіе въ равной степени заинтересовать народное чувство... Съ этого же времени начался рядъ столкновеній съ цензурою и властію, ожидавшими газету на этомъ скользкомъ пути“.

Такъ изображаетъ г. Пржецлавскій заслугу и дѣятельность „*Московскихъ Вѣдомостей*“.

Пламенный патріотизмъ обуялъ всю журналистику. Одна газета пошустрѣе стала писать особенно искусныя передовыя статьи. Вотъ и вся исторія участія Каткова въ патріотическомъ движеніи 1863 г.

Затѣмъ, тщательно обходя всякій вопросъ о патріотизмѣ, о народномъ чувствѣ, обвинитель развиваетъ цѣлую доктрину,—приложивъ ее къ настоящему случаю,—о томъ, что существованіе такой газеты, какъ „*Московскія Вѣдомости*“ было бы „естественно и законно лишь въ государствахъ конституціонныхъ“ и есть „разительный диссонансъ“ съ строемъ нашихъ установленій.

„Въ политическихъ обозрѣніяхъ она свободно и даже не-

обыкновенно развязно трактуетъ предметы высшей дипломаціи, оцѣняетъ и комментируетъ по-своему акты нашего правительства, позволяя себѣ даже давать совѣты и собственныя указанія. Во внутреннемъ обозрѣніи она также не стѣсняется въ разборѣ дѣйствій правительства, удѣляя ему своихъ совѣтовъ, нерѣдко въ наставительномъ тонѣ, иногда же прямо осуждаетъ дѣятельность высшихъ должностныхъ лицъ, не отступая въ этихъ случаяхъ и предъ публичнымъ скандаломъ. Минуя многіе менѣе выдающіеся примѣры, можно найти образцы такого поведенія, въ прежнее время,—въ явномъ осужденіи дѣйствій главнаго начальника юго-западнаго края, а въ послѣднее, въ томъ, что газета позволила себѣ съ однимъ изъ гг. министровъ, по случаю брошюры Шедо-Ферротп, подъ предлогомъ собственной защиты."

Ревностный членъ цензуры береть на себя защищать принципъ монархической власти вообще и самодержавной въ особенности противъ нападеній издателей „*Московскихъ Вѣдомостей*", которыхъ обвиняетъ въ демагогическихъ стремленіяхъ, цѣль и результаты которыхъ, по словамъ обвинителя: „униженіе власти въ общественномъ мнѣніи и возвышеніе на ея счетъ и настолько же значенія самой газеты".

По доктринѣ обвинителя, нормальное положеніе печати въ странахъ чисто монархическихъ, какъ наша, „представляется въ слѣдующемъ видѣ":

„У насъ законодательная власть составляетъ исключительный, неприкосновенный аттрибутъ особы монарха, народъ же, по сословіямъ, пользуется лишь правомъ представленія о своихъ нуждахъ (droit de pétition), но не иначе, какъ установленнымъ для этого порядкомъ. Поэтому дискуссія въ журналахъ, по предстоящимъ законодательнымъ вопросамъ, не можетъ быть допущена и лишь въ особыхъ случаяхъ разрѣшается, по инпціативѣ самой же верховной власти, какъ это имѣло мѣсто по судебной реформѣ, когда просвѣщенное общество призывается къ изъявленію своихъ соображеній. То же самое распространяется и на вопросы высшей администраціи; разсужденія о нихъ въ газетахъ, кромѣ главныхъ уваженій *a priori*, не могутъ имѣть мѣста по одному уже этому, что онѣ всегда были бы болѣе или менѣе односторонни, и что на этомъ пути не могли бы повести къ законному окончательному рѣшенію.

„Министры и другія высшія правительственныя лица, которымъ ввѣряется управленіе отдѣльною частію или краемъ,

назначаются непосредственно Государемъ Императоромъ, по личному Его Величества къ нимъ довѣрію. Они дѣйствуютъ не только въ силу единожды даннаго имъ уполномочія, но во всѣхъ общихъ распоряженіяхъ, каждый разъ по указанію или съ одобренія верховной власти.

„Поэтому и у насъ, и во всѣхъ монархическихъ правленіяхъ публичное порицаніе дѣйствій кого-либо изъ этихъ лицъ всегда должно отразиться на той неприкосновенной власти, отъ которой они уполномочены, и слѣдовательно не можетъ быть признано позволительнымъ ни въ какомъ случаѣ. Допущеніе противнаго повело бы къ тому, явно нелѣпому результату, что тогда какъ конституціонный государь огражденъ отъ всякой отвѣтственности за управленіе государственными дѣлами, напротивъ того, въ чисто монархическихъ странахъ, Онъ, въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, былъ бы безпрестанно привлекаемъ къ отвѣтственности предъ судъ публики".

Отъ потрясенія власти до сѣянія революціи шагъ небольшой. Обвинитель, понятно, не упускаетъ случая предупредить власть объ опасномъ, въ революціонномъ отношеніи, характерѣ дѣятельности издателя московской газеты. „Одно существованіе у насъ, говоритъ онъ, факта слишкомъ свободнаго сужденія частной газеты о матеріяхъ государственныхъ и выходокъ противу лицъ, занимающихъ высшія служебныя положенія, имѣетъ въ самомъ себѣ силу разлагающую, такъ какъ общество не можетъ не видѣть въ нихъ уклоненія отъ законнаго порядка. Продолжительность и безнаказанность такого уклоненія вовлекаетъ и самое общество все болѣе и болѣе въ привычку неуваженія и установленныхъ властей, и закона, и законности вообще; привычка же эта—величайшее зло, какое можетъ зародиться въ нравственномъ и умственномъ организмѣ народа, и она есть источникъ всякой деморализаціи. Это относится до большинства, естественно воспріимчиваго и безсознательно радующагося подобнымъ явленіямъ. Но въ средѣ общества найдутся и мыслящіе люди, которые по этому ненормальному положенію зададутъ себѣ серьезные вопросы. Тогда они, по невозможности допустить, что явленіе не замѣчается властію, вынуждены будутъ предположить одно изъ двухъ: или, что уклоненіе *согласуется* съ ея видами и въ такомъ случаѣ предвѣщаетъ близкое измѣненіе тѣхъ коренныхъ основъ устройства, которымъ противорѣчитъ, или, что

всего хуже, что уклоненіе дѣлается помимо вовсе власти, которая въ этомъ *уступаетъ* силѣ обстоятельствъ. Изъ этой дилеммы нѣтъ логически-возможнаго исхода. Объ основательности или неосновательности перваго предположенія, конечно, не можетъ быть рѣчи въ настоящемъ разсужденіи; но если оно неправильно, то вредное вліяніе втораго слишкомъ очевидно, чтобы объ немъ распространяться; должно только сказать, что, единожды установившись въ обществѣ, оно можетъ повести его очень далеко".

Обвинительный актъ свой Пржецлавскій заключилъ словами:

„По всѣмъ изложеннымъ замѣчаніямъ и соображеніямъ въ исполненіе обязанности, лежащей на совѣтѣ по дѣламъ книгопечатанія, наблюдать за общимъ направленіемъ журналовъ и объ немъ представлять господину министру внутреннихъ дѣлъ, признается необходимымъ довести до свѣдѣнія его высокопревосходительства о замѣченномъ и подробно описанномъ здѣсь характерѣ направленія газеты *Московскія Вѣдомости*, составляющаго явленіе ненормальное, несогласное съ существующими коренными основами государственнаго устройства".

II.

Записка была разослана остальнымъ членамъ совѣта и обсуждалась въ засѣданіи 14 января 1865 г. Къ чести совѣта пристрастное нападеніе встрѣтило рѣшительный отпоръ. Всѣ другіе члены совѣта, Тихомандрицкій, Варадиновъ, Туруновъ, Никитенко (нынѣ всѣ покойники), а также И. А. Г-въ высказались всѣ и противъ доктрины, и противъ заключенія, но въ весьма различномъ тонѣ.

Это разногласіе въ совѣтѣ цензурнаго управленія одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ столкновенія въ самихъ правительственныхъ сферахъ, какъ и въ обществѣ, двухъ потоковъ—одного, который шелъ въ направленіи, проповѣдуемомъ *Московскими Вѣдомостями*, и другаго, который мы назвали центробѣжнымъ.

Наиболѣе замѣчательныя возраженія Александра Никитича Тихомандрицкаго и Николая Васильевича Варадинова. Въ нихъ сказалось горячее патріотическое чувство. Это былъ голосъ истинно русскихъ людей.

Записка Пржецлавскаго признала *Московскія Вѣдомости* явленіемъ ненормальнымъ, несогласнымъ съ существующими основами нашего государственнаго устройства. „Но коренныя основы, говоритъ А. Н. Тихомандрицкій, русскаго государственнаго устройства составляютъ: православіе и самодержавіе. Значитъ, *Московскія Вѣдомости* дѣйствуютъ несогласно съ этими основами; духъ и направленіе ихъ противны и враждебны православію и самодержавію! Обвиненіе неимовѣрно важное!“

„Не будемъ говорить объ отношеніяхъ московской газеты къ православію; недавнее вниманіе къ редактору ея нашего маститаго московскаго Архипастыря отвергаетъ всякую мысль подобнаго обвиненія. Поэтому обратимъ вниманіе на другую коренную основу русскаго государственнаго устройства—самодержавіе, на которомъ зиждется весь внѣшній, политическій строй государственной жизни; и съ той-то стороны преимущественно и направлены обвиненія на редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*. Какія же могли быть побужденія редакціи дѣйствовать вопреки этой основѣ? Въ чемъ проявлялась такая ея дѣятельность?“

А. Н. Тихомандрицкій обращаетъ вниманіе, что репутація и значительная уже популярность издателя *Московскихъ Вѣдомостей* установились не съ дней только польскаго возстанія. Онъ давно извѣстенъ какъ редакторъ *Русскаго Вѣстника*. „Можно ли же допустить въ редакторѣ *Московскихъ Вѣдомостей* желаніе и стремленіе популярничать—и чѣмъ же?—дѣйствованіемъ вопреки кореннымъ основамъ русскаго быта! Возможно ли въ редакторѣ, такъ блистательно доказавшемъ свое пониманіе русскихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ, такъ торжественно заявлявшемъ свои патріотическія и монархическія чувствованія и снискавшемъ такое огромное значеніе въ обществѣ единственно потому, что онъ дѣйствовалъ въ духѣ и во имя истинно понятыхъ и глубоко прочувствованныхъ русскихъ народныхъ и государственныхъ интересовъ,—возможна ли въ такомъ человѣкѣ столь быстрая перемѣна, что онъ унизится до жалкаго и постыднаго популярничанья и какъ же?—дѣйствуя вопреки тѣмъ же интересамъ, подрывая тѣ же самыя основы, сильное заявленіе которыхъ доставило ему такое значеніе? Нѣтъ,—мы отвергаемъ это,—нужно прежде допустить полное отсутствіе ума въ человѣкѣ, и потомъ уже приписать ему такое явное противорѣчіе въ дѣйствіяхъ“.

Записка утверждаетъ, что редакція *Московскихъ Вѣдомостей*

„по уничтоженіи польскаго мятежа и умиротвореніи страны стала сама изыскивать и даже создавать новые матеріалы, могущіе въ равной степени—какъ и польскій мятежъ—заинтересовать народное чувство; и—будто-бы послѣ этого начался рядъ столкновеній съ цензурою и властями". „Не будемъ,—отвѣчаетъ Тихомандрицкій,—распространяться о томъ, дѣйствительно ли польскій мятежъ былъ вполнѣ подавленъ и страна умиротворена тогда, когда редакція, по мнѣнію записки, стала отыскивать и создавать новые матеріалы для своихъ патріотическихъ заявленій, но обратимъ вниманіе на то, точно ли эти матеріалы были ею отысканы и даже созданы. Припомнимъ, что открываемые при усмиреніи польскаго мятежа планы дальнѣйшихъ революціонныхъ операцій, издававшіеся и досе́лѣ издаваемые заграницею польскіе журналы и газеты, отзывы и разныя клеветы заграничной прессы, покровительствующей и поддерживающей польскія стремленія, заявленія вождей возстанія и даже нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, сочиненія истинныхъ или мнимыхъ друзей Польши и т. п. давали много матеріаловъ готовыхъ,—ихъ не нужно было отыскивать и тѣмъ менѣе создавать. Нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ указали на существованіе другихъ, столько же важныхъ для русскаго патріотизма вопросовъ, въ чемъ редакція могла, впрочемъ, убѣдиться и изъ другихъ источниковъ. Такимъ образомъ, борьба *Московскихъ Вѣдомостей* съ такъ называемыми украйнофилами поддерживалась указаніями польскаго мятежа; полемика съ Остзейскою нѣмецкою прессою вызвана не самою редакціею,—припомнимъ рѣчь д-ра Вальтера и Митавское Педагогическое собраніе. Споры на бывшемъ Финляндскомъ сеймѣ и законы Финляндіи—странно назвать вновь открытыми или созданными матеріалами. Заявленія о заграничныхъ желаніяхъ раздробить Данію и сепаратическія стремленія нѣкоторыхъ не могутъ удивить читателя, внимательнаго къ современнымъ политическимъ фактамъ и пр."

Записка утверждаетъ, что существованіе въ Россіи такой газеты, какъ *Московскія Вѣдомости*, есть аномалія. „Да,—отвѣчаетъ Тихомандрицкій,—дѣйствительно онѣ составляютъ аномалію въ мірѣ русской журналистики, аномалію своимъ высокимъ патріотизмомъ и искреннею преданностію славѣ и величію самодержавія, среди преобладающихъ у насъ направленій или индифферентизма и общечеловѣчности или рьянаго либерализма и нигилизма; дѣйствительно *Московскія Вѣдомо-*

сти—аномалія, такъ энергически возстающая противъ истинно разрушительныхъ силъ—апатизма, матеріализма, іезуитизма!“

Далѣе, „записка утверждаетъ, что, редакція *Московскихъ Вѣдомостей* иногда прямо осуждаетъ дѣятельность даже высшихъ должностныхъ лицъ, не отступая въ этихъ случахъ и предъ публичнымъ скандаломъ“.—Но обратимъ,—говоритъ Тихомандрицкій,—вниманіе на всю нашу современную литературу, или хотя на такъ называемую обличительную,—эти *Искры*, *Занозы*, *Развлеченія*, каррикатурные альбомы и пр., какихъ предметовъ и внутренней и внѣшней жизни—частной и общественной—не касаются они? Что избѣжало ихъ обличеній, каррикатуръ, насмѣшекъ, поруганій? Какихъ скандаловъ грязныхъ, отвратительныхъ не выставляли они на позоръ всего читающаго міра! Остаются виновными однѣ *Московскія Вѣдомости*,—однѣ онѣ дѣйствуютъ вопреки кореннымъ основамъ русскаго государственнаго устройства!—почему? потому что серьезно, съ достоинствомъ, безъ фиглярства и цинизма, разсматриваютъ и обсуждаютъ всѣ вопросы и явленія современной жизни; потому что горячо принимаютъ къ сердцу всё выходящее отъ единодержавной власти, ясно видятъ въ ея велѣніяхъ и учрежденіяхъ благо Россіи и пламенно желаютъ и въ орудіяхъ исполненія ихъ видѣть чистую полнѣйшую преданность интересамъ самодержавной, нераздѣльной, могущественной и славной Россіи!“

III.

Не менѣе полную и горячую защиту *Московскихъ Вѣдомостей* представляла собою обширная отповѣдь покойнаго Николая Васильевича Варадинова. Указавъ, что въ литературѣ нашей не разъ уже выдавались личности и изданія, имѣвшія вліяніе на общество, и упомянувъ о Карамзинѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ, о значеніи въ свое время *Телеграфа* Полеваго, онъ переходитъ къ характеристикѣ *Московскихъ Вѣдомостей* и доказываетъ, что названная газета „во-первыхъ патріотическая, во-вторыхъ монархическая, въ третьихъ выражающая общественное мнѣніе Россіи“.

„Ни одно частное періодическое изданіе,—говоритъ онъ,—не высказывало такъ постоянно нераздѣльную преданность престолу, какъ *Московскія Вѣдомости*... Все, что сколько-нибудь

явно или затаенно, прямо или косвенно, съ сознаніемъ или по ошибкѣ, шло въ разладъ съ этимъ началомъ, встрѣчало порицаніе въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ логическое слѣдствіе твердости ихъ монархическихъ началъ. Поэтому самыя ошибки этого изданія въ этомъ отношеніи, самыя иногда преувеличенныя стремленія, самое не всегда безусловно полезное, но никогда не вредное рвеніе должны подавать скорѣе поводъ къ поощренію на пути монархическихъ идей, чѣмъ нареканіямъ. Источникъ самыхъ этихъ ошибокъ, преувеличенныхъ стремленій и рвенія есть во всемъ своемъ объемѣ монархическое начало и нераздѣльное съ нимъ благо отечества. Не смотря на это, *Московскимъ Вѣдомостямъ* ставлялись въ вину ихъ промахи цензурнымъ вѣдомствомъ, что̀ и подало поводъ редактору ихъ высказать, какъ слышно, мысль, будто въ Россіи нельзя издавать патріотическаго повременнаго органа, и что онъ, побуждаемый интересами отечества, а съ ними вмѣстѣ своими монархическими убѣжденіями, предполагаетъ переселиться заграницу, въ Дрезденъ, и тамъ приступить къ безпрепятственному изданію патріотическо-монархическаго журнала Россіи.

„Представляю себѣ изумленіе и оцѣпенѣніе Европы, еслибы редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* привелъ мысль свою въ исполненіе, еслибы хотя началъ изданіе русской монархическо-патріотической газеты въ Дрезденѣ. Представляю себѣ, въ какое недоумѣніе стала бы Европа, при такомъ неслыханномъ событіи, событіи, которое должно быть выражено такъ: русская монархическо-патріотическая газета, изгнанная изъ Россіи за свои монархическія идеи и направленіе въ пользу отечества!“

О значеніи газеты, какъ выразительницы общественнаго мнѣнія, Н. В. Варадиновъ говорилъ слѣдующимъ образомъ: „Каждый читатель встрѣчаетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* въ большей или меньшей степени собственные взгляды; каждый читатель находитъ въ нихъ удовлетвореніе оскорбленному чувству своему, выраженному въ приличной и строго послѣдовательной формѣ; всякому пріятно читать въ нихъ то, что онъ желалъ бы сдѣлать извѣстнымъ, и передать публично своимъ соотечественникамъ. Согласованіе мнѣній *Московскихъ Вѣдомостей* съ общественнымъ мнѣніемъ извѣстно каждому, кто сколько-нибудь прислушивался къ разностороннимъ толкамъ, доходившимъ изъ всѣхъ кон-

цовъ Россіи въ столицу; но еще болѣе согласованіе это видно изъ тѣхъ многочисленныхъ заявленій сочувствія къ редакціи этого изданія, которыя передавались ей не отдѣльными лицами, а цѣлыми корпораціями. Такъ Московскій и Кіевскій университеты удостоили г. Каткова званія почетнаго члена; такъ Московскій университетъ удостоилъ главнаго сотрудника Каткова, г. Леонтьева, степени доктора; такъ многія городскія общества и дворянскія корпораціи заявляли г. Каткову при разныхъ случаяхъ свою признательность, сообщая ее или посредствомъ телеграммъ или посредствомъ коллективныхъ адресовъ; такъ высшій и средній классъ Москвы еще недавно почтилъ его небывалымъ до того и неслыханнымъ у насъ выраженіемъ своего уваженія, въ день именинъ его. Самое духовенство наше, всегда держащее себя въ сторонѣ отъ дѣлъ житейскихъ, приняло участіе въ этихъ торжественныхъ заявленіяхъ. Даже высокопреосвященный митрополитъ московскій, этотъ маститый іерархъ отечественной церкви, переживший такъ много поколѣній и отечественныхъ событій, призналъ себя обязаннымъ передать г. Каткову знаки своего уваженія и благословеніе церкви. Ни одинъ изъ нашихъ писателей не удостоивался такихъ почестей, и потому безошибочно можно утверждать, что ни одинъ изъ нихъ не былъ столько популяренъ, какъ г. Катковъ. Популярность г. Каткова истекаетъ не изъ новости идеи, которая утверждала вліяніе на общество писателей, поименованныхъ въ началѣ моей записки, а изъ выраженія г. Катковымъ мнѣній и стремленій большинства. Если поэтому Катковъ ошибался и увлекался, то прежде его ошибалось и увлекалось большинство Россіи, а Катковъ былъ только представителемъ народнаго увлеченія, или вѣрнѣе, выражалъ увлеченіе народа и его ошибки. Если въ этихъ ошибкахъ виновенъ Катковъ, то, прежде его, вина падаетъ на всю Россію или на большинство ея, на общественное мнѣніе, представителемъ котораго, по стеченію обстоятельствъ, особенно вслѣдствіе патріотическаго и монархическаго направленія своего, сдѣлалась редакція *Московскихъ Вѣдомостей*. Вотъ съ какой точки зрѣнія должно смотрѣть на это изданіе и на редактора ея".

IV.

Инымъ характеромъ и тономъ отличаются записки Никитенки и Г—ва. Оба не согласны съ заключеніями Пржецлавскаго, но оба далеки отъ увлеченія заслугами и направленіемъ московской газеты.

И. А. Г—въ отвергаетъ всѣ взводимыя запиской обвиненія, твердо защищаетъ дѣятельность *Московскихъ Вѣдомостей* отъ нападеній, но въ то же время, не выдѣляя дѣла *Московскихъ Вѣдомостей* изъ общаго дѣла нашей журналистики, высказываетъ весьма скептическій, отчасти ироническій взглядъ на наше общественное мнѣніе и на то значеніе, какое можетъ у насъ имѣть газета.

„Я отнюдь не берусь, говоритъ онъ, быть адвокатомъ собственно *Московскихъ Вѣдомостей*, къ которымъ я расположенъ, какъ большинство петербургской публики, т. е. довольно равнодушно; я имѣю въ виду только выразить свое мнѣніе о томъ, что обвиненія, которыя обращены на *Московскія Вѣдомости* и которымъ подлежатъ почти всѣ прочія газеты, не такъ важны, какъ они представляются автору *Записки*; что тѣхъ вредныхъ послѣдствій, какія онъ пророчитъ или на какія намекаетъ, ни отъ настоящаго, ни отъ дальнѣйшаго вліянія газеты на общественное мнѣніе быть не можетъ“...

„Г. Пржецлавскій, говоря объ излишней „конституціонной“, такъ сказать, смѣлости *Московскихъ Вѣдомостей*, между прочимъ, ставитъ имъ въ вину, *что онѣ свободно и развязно трактуютъ предметы высшей дипломаціи, оцѣниваютъ и комментируютъ по-своему акты правительства* и т. д. Но какимъ же образомъ, дѣлая оплотъ европейской журналистикѣ, напримѣръ, по польскому вопросу, могла газета обходить „предметы высшей дипломаціи“, когда вся цѣль ея, вся борьба состояла въ томъ, чтобъ опровергнуть эту „высшую дипломацію“ европейской прессы, т. е. обличить ея безстыдство? Какъ же было обойти молчаніемъ правительственные акты, начиная съ актовъ вѣнскаго конгресса и кончая нотами князя Горчакова? Даже скромная наука и та подала энергическій голосъ въ этой политической борьбѣ, чтобъ опровергнуть нелѣпость и ложь польскихъ притязаній и опозорить невѣжество подкупленныхъ публицистовъ.

„Напрасно его превосходительство тревожится громкой популярностью г. Каткова и его настоящимъ и будущимъ влія-

ніемъ на общественное мнѣніе. Прежде всего надо опредѣлить, какое общественное мнѣніе? У насъ ихъ нѣсколько, или, вѣрнѣе, два: московское и петербургское. Но послѣднее относится къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* холодно, а журналистика петербургская непріязненно, можетъ быть, между прочимъ, par rivalité du métier; первенствующее же общественное мнѣніе въ Россіи все-таки петербургское. О другихъ краяхъ Россіи я не говорю, потому что населеніе наше не такъ велико, чтобы разсѣянные по разнымъ угламъ Россіи читающіе образованные люди могли гдѣ-нибудь образовать мыслящую, да еще опасную для существующаго порядка массу!..

„Что касается до Москвы, то, не смотря на свою старость, она подвержена юношескимъ увлеченіямъ и нерѣдко творила себѣ кумиры, къ которымъ потомъ сама же охладѣвала. Грибоѣдовъ навсегда и вѣрно опредѣлилъ характеръ ея волненій и увлеченій въ нѣсколькихъ стихахъ: *И о привительствѣ иной разъ такъ толкуютъ* и т. д. до стиха: *Поспорятъ, пошумятъ и разойдутся.*

„Ужели авторъ *Записки* серьезно вѣритъ въ какое-нибудь волненіе, демонстрацію, опасность и т. п. со стороны почитателей *Московскихъ Вѣдомостей? Поспорили и разошлись* бы, по словамъ Грибоѣдова. Полевой былъ въ свое время очень популяренъ въ Москвѣ; *Телеграфъ* ходилъ по рукамъ, и за редакторомъ точно также ухаживала Москва. *Телескопъ* любили тамъ; въ новое время *Современникъ* пріобрѣлъ огромную популярность (года три тому назадъ) во всемъ молодомъ поколѣніи, и всѣ эти журналы подвергались временнымъ или совершеннымъ запрещеніямъ, и власть не встрѣтила никакого протеста, ни нареканія“.

Относительно нарушенія *Московскими Вѣдомостями* цензурныхъ правилъ И. А. Г—въ находилъ, что „высшее цензурное начальство, не лишая газету по-прежнему возможности быть полезною обществу, имѣетъ въ своемъ распоряженіи много энергическихъ средствъ напомнить забывчивой редакціи черту, за которой кончается снисхожденіе правительства“.

А. В. Никитенко, устраняя, въ свою очередь, обвиненія Пржецлавскаго и отдавая справедливость направленію и заслугамъ московской газеты, вмѣстѣ съ тѣмъ, если и не обнаруживаетъ нерасположенія къ ея редакторамъ, то, во всякомъ случаѣ, выказываетъ къ нимъ мало симпатіи. Онъ старается не выдѣлять *Московскихъ Вѣдомостей* изъ сонма другихъ газетъ

и журналовъ, трактуетъ о журналистикѣ вообще, а собственно о московской газетѣ говоритъ слѣдующее:

„Есть нѣчто въ этой газетѣ, судя по тону разныхъ руководящихъ и политическихъ статей ея и вообще по пріемамъ и духу многихъ ея сужденій, что̀ заставляетъ не довѣрять ея публицистическому благоразумію и той мужественной сдержанности, какую налагаетъ на себя всякій общественный дѣятель. Это особенно видно изъ того, какъ она обходится съ своимъ успѣхомъ, этимъ пробнымъ камнемъ умовъ человѣческихъ, дарованій и характеровъ. Она, очевидно, не умѣетъ съ нимъ сладить и, почерпая въ немъ значительную долю высокомѣрія и вѣря въ свою непогрѣшительность, даже тамъ, гдѣ очень ошибается, видя въ немъ полномочіе въ какую-то умственную диктатуру, по крайней мѣрѣ, въ глазахъ многихъ простодушныхъ, не слишкомъ глубокомысленныхъ ея читателей и почитателей. Поэтому, присвоивая себѣ, вопреки самой свободѣ мыслей, исключительное право рѣшать всѣ вопросы внутренней и внѣшней политики тономъ оракула, не терпящаго ни чьихъ другихъ воззрѣній и идей, она легко можетъ заходить далѣе, чѣмъ удобно будетъ допустить это правительству. Говоритъ здѣсь о томъ, какія, въ подобномъ положеніи, которое можетъ и не случиться и чего, конечно, надобно желать для пользы публики и самого изданія, какія должны быть приняты новыя сдерживающія и болѣе строгія мѣры, по моему мнѣнію, было бы совершенно не своевременно и неумѣстно. Проектъ новыхъ законовъ о печати находится нынѣ, какъ извѣстно, на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта и, какъ всѣ законы о печати, стремится къ одному — къ предотвращенію злоупотребленій, то, безъ сомнѣнія, тамъ будутъ указаны и средства, приложимыя ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ, а слѣдовательно, и къ *Московскимъ Вѣдомостямъ*“.

Членъ совѣта Туруновъ въ запискѣ своей также высказался противъ заключеній Пржецлавскаго.

Обвинительный актъ остался безъ послѣдствій.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Годы испытаній и борьбы. Предостереженіе 1866 года.

I.

Переходимъ къ описанію событія, имѣвшаго огромное вліяніе на дальнѣйшую дѣятельность Михаила Никифоровича. Событіе это—столкновеніе съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ по случаю даннаго въ концѣ марта 1866 года *Московскимъ Вѣдомостямъ* правительственнаго предостереженія. Послѣ освобожденія газеты, въ силу новаго закона о печати, въ сентябрѣ 1865 года, отъ предварительной цензуры, и направленіе, и тонъ *Московскихъ Вѣдомостей* остались безъ измѣненія. Освобожденіе дало лишь возможность болѣе открыто, чѣмъ прежде, высказаться объ отношеніяхъ редакторовъ къ министерству просвѣщенія и о тѣхъ вспомоществованіяхъ, которыя изъ этого министерства шли тогда въ нѣкоторыя изъ газетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ трудъ составленія передовыхъ статей сдѣлался спокойнѣе для редакторовъ, избавивъ ихъ отъ переговоровъ съ цензорами.

Между тѣмъ въ правительственныхъ сферахъ, съ бо́льшею и бо́льшею рѣзкостью, обнаруживалась противоположность двухъ теченій, двухъ партій. Одно теченіе, потворствовавшее сепаратизму, равнодушное къ русской національной политикѣ и подъ часъ ей враждебное, тѣсно связанное съ системою, дѣйствовавшею въ Царствѣ Польскомъ предъ мятежемъ, находило союзниковъ на самыхъ противоположныхъ полюсахъ: въ инородческой аристократіи, польской и иной, и въ мірѣ нигилизма, уже рождавшаго изъ себя, подъ уроками польской организаціи мятежа, революціонный потокъ, такъ широко развившійся впослѣдствіи. Люди, охваченные этимъ теченіемъ разными нитями, нерѣдко ими самими незамѣчаемыми, были связаны съ инородческими партіями, плотно организованными, согласными, сознательно враждебными Россіи, и главнымъ образомъ съ сильною еще тогда польскою партіей. Эти партіи имѣли къ своимъ услугамъ заграничную печать; на нихъ работала и значительная часть русской печати, работала, въ большинствѣ случаевъ не сознавая приноснмаго вреда. Другое теченіе,—его

назвать партіею ни въ какомъ смыслѣ нельзя,—не представляло собою чего-либо соединеннаго и согласнаго. Это были отдѣльно дѣйствовавшія правительственныя лица или въ немногихъ случаяхъ кружки—какъ кружокъ Н. А. Милютина,—которыхъ едпнило русское чувство и поднпмало патріотически настроенное общественное мнѣніе. За ними стояли тысячи людей, но внѣ правительства. Правительственное большинство было не за нихъ. Ихъ главная опора была въ горячемъ заявленіп истпннаго мнѣнія русскихъ людей, безспорнымъ выразителемъ котораго были *Московскія Вѣдомости*. Заявленіе это получало главную силу отъ того, что къ нему прислушивались съ высоты трона.

Правительственныя лица этой категоріи прямо или косвенно входили въ сношеніе съ Катковымъ. Я видѣлъ, припоминаю, у Михаила Никифоровича Н. А. Милютина. Генералъ Безакъ, генералъ-губернаторъ юго-западнаго края, проѣзжая чрезъ Москву въ февралѣ или мартѣ 1866 г., посѣтилъ Каткова и долго съ нимъ бесѣдовалъ. „Вы ищете поддержки журналиста Каткова“ говорили въ Петербургѣ изъ протпвоположнаго лагеря генераламъ Кауфману (генералъ-губернаторъ сѣверо-западнаго края) и Безаку.—„А ваше высокопревосходительство успѣли въ Москвѣ забѣжать къ Каткову“, говорилъ одпнъ сановникъ съ претензіями на европеизмъ генералу Безаку. „Вы находитесь во внутреннпхъ губерніяхъ: неужели вы вѣрите, что въ Россіи есть общественное мнѣніе?“—„Я презираю общественное мнѣніе, плюю на него“, говорило съ раздраженіемъ тому же Безаку, другое высоко-стоявшее лицо. Это Катковъ и еще пять, шесть такихъ же негодяевъ, какъ онъ“.

Противники старались всячески дискредитировать дѣятельность лицъ, проводившихъ русскую политику на западныхъ окраннахъ. Каждый промахъ, каждая ошпбка преувеличивались, раздувались. Агенты, чрезъ которыхъ приходилось власти дѣйствовать, изображались какъ свора людей съ грубыми пнстинктами и нпзменной нравственностію. Идея обрусенія подвергалась осмѣянію. Ненавистное обрусеніе это представлялось въ польскихъ органахъ, какъ дпкая оргія наѣхавшей орды. Имъ вторили и наши сознательные и безсознательные враги національнаго дѣла. Умышленно закрывали глаза на то обстоятельство, что общество, неподготовленное къ трудной задачѣ, не могло дать изъ себя достаточное количество элементовъ, способныхъ

провести несомнѣнное историческое требованіе, неотложенную задачу исторіи—съ цивилизаторскими пріемами, какъ культурную миссію. Дѣло шло не объ общечеловѣческой культурѣ, а о защитѣ интересовъ, отъ которыхъ зависѣло существованіе Россіи, какъ государства. Припоминаю разговоръ съ Михаломъ Никифоровичемъ въ двадцатыхъ числахъ марта 1866 года. Въ это время шли большія нареканія на дѣйствія властей по отношенію къ крестьянамъ-католикамъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края; разсказывалось о притѣсненіяхъ, будто-бы испытываемыхъ такими крестьянами, и даже объ обращеніи въ православіе нагайкою. Михаилъ Никифоровичъ говорилъ о необходимости рѣзкаго раздѣленія вопроса религіознаго отъ вопроса политическаго въ этомъ краѣ и совѣтовалъ, что мы иногда сами ихъ сливаемъ. „Съ другой стороны,—говорилъ онъ,—быть можетъ, всѣ разсужденія разума безсильны предъ логикою событій. Исполненіе болѣе тонкихъ задачъ было бы не по силамъ нашимъ. Идти на проломъ найдутся дѣятели. Это надо помнить. Милютинъ (Н. А.), не смотря на нелѣпость многаго, не выступаетъ противъ, чтобы не повредить дѣлу... Нѣтъ ни одной партіи, съ какой можно бы было дѣйствовать за одно“, прибавилъ Михаилъ Никифоровичъ.

Въ описываемую эпоху начала 1866 года возникло горячее практическое столкновеніе двухъ направленій. Столкновеніе было на почвѣ важнаго вопроса о землевладѣніи въ западномъ краѣ. Въ декабрѣ 1865 года вышло законоположеніе, имѣвшее цѣлью всячески поощрять переходъ землевладѣнія въ западныхъ губерніяхъ изъ польскихъ въ русскія руки. Указанныя мѣропріятія, разумною и твердою рукою проведенныя, могли бы положить конецъ польскимъ притязаніямъ и совершить великое дѣло обрусенія искони русскаго края. Понятно, что съ противной стороны поднялись всѣ вѣтры противъ осуществленія такихъ мѣропріятій.

„Въ Петербургъ, какъ слышно,—писалъ Михаилъ Никифоровичъ въ № 58 *Московскихъ Вѣдомостей*,—съѣхалось теперь много польскихъ помѣщиковъ изъ западнаго края. Мы увѣрены, что многіе салоны нашей сѣверной столицы оглашаются теперь горячими толками о святости принципа собственности, о землевладѣніи, о пріостановкѣ акта *Habeas corpus* въ нашемъ западномъ краѣ, о гнусности чиновниковъ, которые суть не что иное, какъ революціонеры, соціалисты и демагоги. Нѣтъ ни-

какого сомнѣнія, что еслибъ Огрызко жилъ по-прежнему въ Петербургѣ на свободѣ и въ чести, то онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ горячихъ ораторовъ въ подобныхъ бесѣдахъ, и ему было бы это тѣмъ удобнѣе, что онъ дѣйствительно понималъ всю важность и землевладѣнія, и права собственности, ибо, какъ значится изъ показаній слѣдственной коммиссіи, онъ на польской почвѣ принадлежалъ къ партіи такъ-называемыхъ бѣлыхъ. Его убѣжденіямъ были противны тѣ доктрины, которыя слывутъ подъ именемъ красныхъ. Но, какъ узнаёмъ мы изъ тѣхъ же показаній слѣдственной коммиссіи, онъ въ русскомъ обществѣ былъ распространителемъ именно этихъ красныхъ доктринъ и поддерживалъ кредитъ *Колокола*, гдѣ, какъ извѣстно, и матеріализмъ, и соціализмъ, и атеизмъ доходили до послѣдней степени сумасбродства. Тогда было нужно подкапываться подъ основанія русскаго общества и обезсиливать на русской почвѣ начало собственности теперь требуется спасать польское землевладѣніе“.

Всѣ элементы и силы, благодаря которымъ возникло и которыми держалось польское возстаніе 1863 года, вновь пришли въ напряженіе. Требовалось во что бы то ни стало парализировать объявленныя мѣры и, въ случаѣ удачи, открывалась перспектива поворота дѣла въ сторону и къ цѣлямъ, противнымъ тѣмъ, на которыя указывали и которымъ служили *Московскія Вѣдомости*, выражая русское чувство. Мѣры парализировать удалось съ первыхъ же шаговъ, а въ особенности впослѣдствіи, но общаго поворота достигнуть, къ счастью, не пришлось.

II.

Въ мартѣ 1866 года враждебный *Московскимъ Вѣдомостямъ* лагерь чувствовалъ себя побѣдителемъ. Явилась надежда, что въ высшихъ сферахъ его совѣты, внушенія, устрашенія воспреобладаютъ. Дни политической дѣятельности Каткова казались сочтенными. Продолженіе ея, еслибы надежда партій осуществилась, было бы немыслимо. Тема, которую годъ назадъ развивалъ въ своемъ мнѣніи членъ совѣта по дѣламъ печати, Пржецлавскій, вновь вышла на свѣтъ въ формѣ болѣе искусной и внушительной. Требовалось и, казалось, удавалось убѣдить, что патріотическое возбужденіе,

выразителемъ котораго служатъ *Московскія Вѣдомости*, бывшее полезнымъ въ эпоху мятежа, теперь, когда все будто-бы умиротворилось и вошло въ обычное теченіе, можетъ быть только помѣхою правительству и спокойному теченію дѣлъ; что нетерпѣливая и заносчивая требовательность московской газеты, ея рѣзкія нападки на правительственныхъ лицъ роняютъ достоинство правительства.

Заграничная печать, по обыкновенію, явилась къ услугамъ партіи. Около 10 марта прибыла въ Петербургъ вторая мартовская книжка *Revue des Deux Mondes* со статьею на первомъ мѣстѣ: „Россія при царѣ Александрѣ II. Русское общество и русское правительство со времени польскаго возстанія“. (Le Russie sous le tzar Alexandre II.—La societé et le gouvernement russes depuis l'insurrection polonaise“). Статья принадлежала извѣстному публицисту г. Шарлю де-Мазаду. Французскій авторъ, по всѣмъ признакамъ, былъ лишь редакторомъ доставленныхъ ему свѣдѣній и внушеній.

Статья во всемъ существенномъ была польскаго и петербургскаго происхожденія. За недѣлю до ея прибытія, о ней толковали и ее ожидали. На нее разсчитывали, какъ на рѣшительный ударъ. Не пущенная въ массу публики—не для массы она и писалась,—статья распространялась въ высшихъ кругахъ. Въ гостиныхъ разгадывали и называли лицъ, которыя могли быть участниками въ составленіи статьи. Статья вся была направлена противъ русской національной политики вообще и противъ Каткова въ особенности.

Французскій авторъ рисуетъ даже портретъ московскаго публициста. „Тусклый видъ, свѣтло-русые волосы, глаза голубые, почти бѣлые (apparence terne, des cheveux d'un blond clair, des yeux bleus presque blancs), внѣшность скромная и задумчивая, и вмѣстѣ съ тѣмъ неукротимыя страсти, натура деспотическая и крайне подозрительная; упорство, которое всякое противорѣчіе раздражаетъ и выводитъ изъ себя, ненависть ни предъ чѣмъ не останавливающаяся, даже предъ доносомъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы поразить врага. И не забудемъ, что могущество свое, какъ писателя, г. Катковъ пріобрѣлъ, въ этотъ періодъ, идущій отъ польскаго возстанія, не столько достоинствами своими, какъ своею запальчивостью и своими неистовствами“.

Михаилъ Никифоровичъ принялъ брошенный ему вызовъ и отвѣчалъ въ большой горячей статьѣ, (№ 65, отъ 25 марта).

„Назадъ тому почти три вѣка“,—такъ начинаетъ Катковъ свой сильный отвѣтъ,—„Россія также переживала смутное время. Тогда такъ же, какъ и нынѣ, впсѣлъ надъ нею польскій вопросъ. Есть нѣкоторая аналогія между тѣмъ, что происходило тогда, и тѣмъ, что происходитъ теперь; но существенная разница въ томъ, что тогда дѣйствовала простая сила, и дѣла дѣлались грубо, а теперь они пропсходятъ въ неосязаемой стихіи мнѣнія, гдѣ вмѣсто силы дѣйствуетъ обманъ. Въ ту давнюю пору, пришлые враги владѣли русскою столицей, ихъ дружины расхаживали по русской землѣ и открыто жгли, грабили и били. Но предки наши не въ пришлыхъ врагахъ видѣли главное зло. Въ сказаніяхъ того времени встрѣчается сильное слово „русскіе воры“. Никто въ ту пору не сомнѣвался въ существованіи домашнихъ воровъ, или, какъ теперь говорится, внутреннихъ враговъ. Предательство и не думало прятаться, и русскіе воры дѣйствовали безъ всякаго обмана, по-просту безъ затѣй. И въ настоящую пору дѣла, конечно, не обходятся безъ домашнихъ воровъ; теперь, какъ и тогда, и теперь еще болѣе, въ нихъ-то вся и бѣда. Въ эти три послѣдніе года русская публика имѣла возможность слѣдить за маневрами, которые пропзводились неутомимо и систематически. Едва-ли когда-нибудь, едва-ли гдѣ-нибудь пускалось въ ходъ столько обмановъ и дѣлалось столько разсчетовъ на несообразительность людскую, какъ у насъ въ эти три истекшіе года. Интрига не унывала ни при какихъ обстоятельствахъ и, несмотря на то, что обманы ея разоблачались одинъ за другимъ, она не утомлялась и продолжала дѣйствовать еще настойчивѣе. Какъ ни въ чемъ не бывало, поднимала она послѣ всякой неудачи свое безстыжее лицо, прилаживалась къ новымъ обстоятельствамъ и не слабѣла въ увѣренности, что поле останется за нею“.

По словамъ Михаила Никифоровича, статья подписанная именемъ г. де-Мазада, есть колоссальный пуфъ, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не зная всѣхъ обстоятельствъ, въ какихъ находятся наши дѣла.

„Мы узнаемъ изъ этого сказанія, что послѣ подавленія польскаго возстанія, въ Россіи появилась повальная болѣзнь хуже холеры. Это такъ называемое русское національное чувство, которое думаетъ, что Россія есть Россія, и которое г. де-Мазадъ называетъ не иначе какъ ультра-русскимъ. Изъ статьи явствуетъ, что это ультра-русское чувство, овладѣвъ те-

перь и общественнымъ мнѣніемъ, и правительствомъ, стало источникомъ самыхъ возмутительныхъ и опасныхъ явленій. Въ этихъ оргіяхъ русскаго или ультра-русскаго патріотизма разыгрывается самый дикій демократизмъ, соціализмъ, матеріализмъ, атеизмъ. Правда, назадъ тому три-четыре года, замѣчались проявленія всего этого въ такъ называемомъ нигилизмѣ; но нигилизмъ былъ тогда явленіемъ спорадическимъ и обнаруживался лишь въ видѣ исключеній... Правда, въ Россіи пользовались тогда авторитетомъ доктрины *Колокола*, а *Колоколъ* имѣлъ нѣкоторый революціонный оттѣнокъ; но что̀ значитъ этотъ бѣдный *Колоколъ* въ сравненіи съ нынѣшнею русскою печатью, особенно съ *Московскими Вѣдомостями*, которыя захватили его мѣсто?“

Вся статья,—обличаетъ Михаилъ Никифоровичъ,—написана въ интересахъ польскаго дѣла; въ ней все обсуждается съ точки зрѣнія этихъ интересовъ.

„Кто измѣняетъ русскому дѣлу и способствуетъ польскому, или вообще анти-русскому, тотъ находится на правомъ пути. Что̀ бы таковой ни говорилъ, ни дѣлалъ, все будетъ одобрительно, все будетъ хорошо. Кто напротивъ будетъ въ Россіи мыслить и дѣйствовать въ русскомъ смыслѣ, тотъ проклятъ и что́ бы таковой ни говорилъ, все будетъ омерзительно и дурно“.

Русское правильство рѣшило измѣнить національный характеръ землевладѣнія въ западномъ краѣ. Этого было довольно, чтобъ измѣнить тактику анти-русскихъ партій.

„Еще такъ недавно нельзя было вымолвить слово не только о дворянствѣ и землевладѣніи, но и о простой собственности, не подвергаясь укорамъ и обвиненію въ крѣпостничествѣ, а теперь все въ Россіи сверху до низу подвергается обвиненію въ демократизмѣ, всѣ чиновники въ соціализмѣ и генералъ-губернаторы въ революціонномъ духѣ“.

Приведемъ любопытныя строки, въ которыхъ Михаилъ Никифоровичъ характеризуетъ публицистическую дѣятельность свою и своего товарища по изданію.

„Другіе,—говоритъ онъ,—болѣе насъ способные, могли бы дѣйствовать лучше насъ, но нельзя было дѣйствовать усерднѣе и съ болѣе серьезнымъ чувствомъ долга. Политическій характеръ нашей дѣятельности поняли мы въ самомъ обязательномъ для себя смыслѣ и ни на минуту не забывали, чего требуетъ отъ всякаго честнаго человѣка дѣятельность политиче-

скаго свойства. Мы немедленно отказались бы отъ нея, еслибы почувствовали, что не можемъ вести ее въ строгомъ соотвѣтствіи съ долгомъ русскаго подданнаго. Обстоятельства нашего развитія, особенности нашего личнаго положенія, къ счастію, не затрудняли, а облегчали нашу задачу съ ея нравственной стороны. Мы могли относиться ко всѣмъ возможнымъ интересамъ съ полнымъ безпристрастіемъ и полною независимостью, потому что ни въ одномъ не имѣли и не имѣемъ ни малѣйшей личной доли. Обо всемъ подвергавшемся публичному обсужденію, могли мы судить исключительно съ точки зрѣнія русской государственной пользы. Наши мнѣнія могли быть ошибочны, но мы не прежде рѣшались высказать то или другое, какъ убѣдившись, что оно соотвѣтствуетъ интересамъ Россіи, и чѣмъ глубже убѣждены были въ этомъ, тѣмъ рѣшительнѣе и настойчивѣе считали своимъ долгомъ высказываться.

„Насъ укоряютъ въ горячности, съ которою мы высказываемся. Въ усиліяхъ, которыя употребляемъ мы для того, чтобы явственнѣе выставить вопросъ, подлежащій обсужденію, въ настойчивости, съ которою мы обращаемся къ одному и тому же, хотятъ видѣть нашу притязательность или нетерпимость. Но пусть пересмотрятъ тѣ вопросы, по которымъ случалось намъ высказывать наши мнѣнія; ни съ однимъ изъ нихъ не связано ни наше честолюбіе, ни какой-либо свой личный интересъ: мы говоримъ это во всеуслышаніе; пусть, кто можетъ,— уличитъ насъ въ неправдѣ. Во многихъ случаяхъ, можно сказать, въ бо̀льшей части случаевъ, почти во всѣхъ, русскому публицисту было бы легче, безопаснѣе и правильнѣе дѣйствовать во всякомъ другомъ, только не въ русскомъ государственномъ интересѣ: такъ еще странно поставлено въ Россіи ея національное дѣло. Мы никогда не добивались популярности черезъ потворство господствующимъ мнѣніямъ. Большею частію намъ приходилось высказываться наперекоръ тому, что̀ было въ модѣ, и за то подвергаться поруганіямъ,— точно также какъ приходилось высказываться наперекоръ тому, что̀ могло нравиться вліятельнымъ лицамъ, и тѣмъ навлекать на себя весьма серьезныя непріятности. Ни съ однимъ изъ тѣхъ лицъ, съ кѣмъ приходилось намъ сталкиваться въ сужденіяхъ, не были мы ни въ какихъ личныхъ счетахъ. Самымъ пріязненнымъ отношеніямъ никогда мы не дѣлали ни малѣйшей уступки ни въ смыслѣ, ни въ тонѣ нашихъ сужденій. Насъ упрекаютъ въ упрямствѣ и злопамятствѣ: предоставляемъ судить объ этихъ

нашихъ свойствахъ людямъ, знающимъ насъ изъ личныхъ отношеній; что же касается до нашей публичной дѣятельности, о которой только и стоитъ говорить, то мы ни мало не думаемъ протестовать противъ этого укора. Мы полагаемъ, что черное назовемъ мы упорно черным завтра какъ нынче; мы полагаемъ, что дурное не становится лучше отъ того, что оно длится болѣе, и обманъ не становится честнѣе отъ того, что продолжаетъ дѣйствовать и прибѣгаетъ къ новымъ уловкамъ. Въ дѣлахъ общаго интереса никто не имѣетъ права быть уступчивымъ. Говорятъ, что въ борьбѣ съ нашими противниками мы неразборчивы и прибѣгаемъ даже къ доносамъ. Нѣтъ, никто не осмѣлится сказать, чтобы мы нарушили чье-нибудь довѣріе и выдали чью-нибудь тайну—не только властямъ, но и кому бы то ни было. Ловкіе люди называютъ насъ доносчиками за то, что мы обличаемъ ихъ публичные обманы: они хотятъ, чтобы никто не считалъ себя въ правѣ раскрывать сущность мнѣній, которыя ими самими высказываются во всеуслышаніе; они хотятъ, чтобы никто не смѣлъ оцѣнивать по достоинству ихъ общественныя дѣйствія, которыя у всѣхъ на виду; они хотятъ, чтобы всѣ отступали передъ зажигателемъ и воромъ, уважительно давали имъ дорогу, и такимъ образомъ были ихъ пособниками. Даже протестъ противъ злоупотребленій правительственной власти ловкіе люди хотятъ причислить къ категоріи доносовъ".

Аттака въ заграничной журналистикѣ не ограничилась статьею г. де-Мазада.

Другой французскій литераторъ, г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, получилъ, какъ самъ откровенно заявилъ, документы для статей въ „*Journal des Débats*". Въ *Le Nord* помѣщена была корреспонденція изъ Петербурга, находившаяся въ самой тѣсной связи съ такимъ внезапнымъ ополченіемъ французской журналистики, и которая, какъ объявила редакція, прислана была лицомъ безпристрастнымъ и *уполномоченнымъ*.

„Всѣ подобныя произведенія о русскихъ дѣлахъ,—замѣчаетъ Михаилъ Никифоровичъ,—выходящія заграницей, имѣютъ въ виду не столько поученіе своей ближайшей публики, сколько практическое дѣйствіе въ самой Россіи. Авторы или заказчики подобныхъ издѣлій разсчитываютъ произвести на нѣкоторыя лица, въ нѣкоторыхъ сферахъ, впечатлѣніе пригодное для ихъ цѣлей. Они надѣются, что лица, на которыхъ надобно подѣйствовать, не сообразятъ, откуда идетъ дѣйствіе и не поймутъ его мотивовъ".

III.

Не смотря на разоблаченія Михаила Никифоровича, статья г. де-Мазада и родственныя съ нею писанія произвели, повидимому, свое дѣйствіе.

Горячій отвѣтъ Михаила Никифоровича, его указаніе на „внутреннихъ воровъ", быть можетъ, даже усилили впечатлѣніе. Публицистическую дѣятельность Каткова не трудно было представить въ глазахъ Государя какъ крайность, требующую сдержки. Прозрачныя нападенія на правительственныхъ лицъ, стоящихъ на довѣренныхъ постахъ, должны были,—при извѣстномъ освѣщеніи—представляться какъ разыгрывающійся предъ глазами всего общества скандалъ, вызванный раздраженіемъ безъ мѣры и удержу. Наступили можно было сказать—дни умиротворенія; требуется спокойное теченіе дѣлъ; правительственная работа идетъ своимъ чередомъ безъ нетерпѣливой спѣшности, могущей оказаться лишь вредною, а Катковъ возбуждаетъ всяческія опасенія, бьетъ тревогу, какъ будто отечество въ опасности. Могли ли не дѣйствовать подобные аргументы? А между тѣмъ отечество дѣйствительно было въ опасности. Выстрѣлъ Каракозова доказалъ это чрезъ нѣсколько дней. Вновь стало яснымъ, что наша сила, наше спасеніе въ томъ патріотическомъ чувствѣ и движеніи, возбудителемъ и указателемъ которыхъ былъ Катковъ, будившій и общество и правительство отъ усыпленія, желаннаго для проведенія враждебныхъ цѣлей. Но объ этомъ послѣ.

А пока побѣда надъ Катковымъ казалась обезпеченною. Въ высшемъ управленіи цензуры, съ вѣдома, безъ сомнѣнія, Государя, было порѣшено дать редакторамъ *Московскихъ Вѣдомостей* предостереженіе. Со времени освобожденія газеты отъ предварительной цензуры въ совѣтѣ по дѣламъ печати не разъ возбуждались сужденія по поводу различныхъ статей, появившихся въ *Вѣдомостяхъ*. Рѣшалось—принять къ свѣдѣнію и имѣть въ виду на будущее время. При этомъ члены обыкновенно указывали, что статьи газеты того же духа и направленія были и допускались въ ней въ теченіе двухъ лѣтъ и потому не представляется основанія въ томъ или другомъ новомъ случаѣ возбуждать преслѣдованіе.

Появленіе статьи де-Мазада ускорило рѣшеніе. Но предосте-

реженіе было дано не за отвѣтъ на статью де-Мазада. Оно было рѣшено еще прежде появленія этого отвѣта. Въ засѣданіи совѣта по дѣламъ печати обсуждалась статья, помѣщенная въ № 61 *Московскихъ Вѣдомостей*, въ которой, по поводу сравненія армій прусской и австрійской, говорилось о значеніи духа патріотизма и національнаго чувства въ войскахъ и было высказано слѣдующее:

„Этотъ духъ патріотизма и это національное чувство, которыхъ ничѣмъ нельзя замѣнить, были всегда главною силой нашей арміи, благодаря которой она одерживала свои великія побѣды надъ самыми лучшими арміями въ мірѣ. И вотъ, однако, намъ изыскиваютъ способы, какъ бы лучше превратить Россію въ Австрію. Вліятельныя партіи употребляютъ всѣ усилія, чтобы ввести въ нашъ государственный организмъ принципъ національнаго раздѣленія. Насъ увѣряютъ, что Россія можетъ продолжать свое существованіе, если правительство примѣнитъ ко всѣмъ ея частямъ то самое начало, на основаніи котораго соединяется съ нею Финляндія. Не предлагались ли намъ планы какой-то невозможной конфедераціи, въ которую должна будто-бы обратиться Россія и которая была бы ничѣмъ инымъ, какъ личнымъ соединеніемъ многихъ отдѣльныхъ и чуждыхъ другъ другу государствъ подъ общею верховною властью? Не преподаются ли у насъ доктрины, что верховная власть можетъ имѣть различный національный характеръ по отношенію къ различнымъ частямъ своихъ владѣній? Не дѣлаются ли попытки приводить эти доктрины въ дѣйствіе? Еслибы подобные планы задумывались и приводились въ исполненіе отъявленными врагами Россіи, то это было бы совершенно въ порядкѣ вещей. Но въ порядкѣ ли вещей то, что эти планы встрѣчаютъ сочувствіе и поддержку въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ? Не странное ли дѣло, что мысль о государственномъ единствѣ Россіи должна прокладывать себѣ путь съ тяжкимъ усиліемъ, подвергаться всевозможнымъ поруганіямъ, какъ галлюцинація, какъ бредъ безумія, какъ злой умыселъ, какъ демократическая революція, и встрѣчать себѣ неутомимыхъ и ожесточенныхъ противниковъ въ сферахъ вліятельныхъ,—противниковъ, не отступающихъ ни передъ какими средствами“... Это мѣсто показалось достаточнымъ поводомъ, чтобы дать предостереженіе. Въ совѣтѣ за предостереженіе было, впрочемъ, лишь два голоса — предсѣдателя, знавшаго, безъ сомнѣнія, намѣреніе министра, и одного изъ членовъ.

Во вторникъ 29 марта Московскій генералъ-губернаторъ пригласилъ къ себѣ Михаила Никифоровича и сообщилъ о присланномъ изъ министерства внутреннихъ дѣлъ предостереженіи. Вечеромъ предостереженіе было предъявлено въ редакцію полиціймейстеромъ Полемъ. Редакторы долго колебались, дать ли требуемую росписку о полученіи предостереженія, въ которой слѣдовало обозначить, что редакторы обязуются въ законный срокъ напечатать это предостереженіе въ газетѣ. Редакторы, порѣшившіе уже между собою не печатать предостереженія, хотѣли росписаться только, что оно имъ доставлено. Полиціймейстеръ упрашивалъ дать росписку по формѣ, ссылаясь на отвѣтственность, какой подвергся бы онъ, еслибы принялъ росписку безъ упоминанія объ обязательствѣ напечатанія. Редакторы склонились наконецъ на его увѣщанія, дали росписку въ предписанной формѣ, но на другой день послали письмо къ оберъ-полиціймейстеру, въ которомъ изъяснили, что дали росписку въ требовавшейся формѣ единственно затѣмъ, чтобы не подвергать отвѣтственности полиціймейстера Поля, но что съ своей стороны по отношенію къ полученному предостереженію сохраняютъ свободу дѣйствія, имѣя въ виду прекратить свою издательскую дѣятельность. Письмо было оберъ-полиціймейстеромъ препровождено въ главное управленіе по дѣламъ печати.

Слухъ о присланномъ предостереженіи распространился по Москвѣ, но въ газетѣ не появлялось ни самаго предостереженія, ни какого-либо по поводу его объясненія. Наконецъ чрезъ четыре дня, въ воскресенье 3-го апрѣля, появился номеръ съ неожиданною статьею, надѣлавшей страшнаго шума. Газета вошла въ открытую борьбу съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, давшимъ предостереженіе. Редакторы не только объявили, что предостереженіе не состоялось, такъ какъ они его не принимаютъ, прекращая свою дѣятельность, но и высказали увѣренность, что министръ возвратится на свое рѣшеніе и возьметъ предостереженіе назадъ. Заявляя о прекращеніи дѣятельности, редакторы объявляли вмѣстѣ съ тѣмъ, что законъ даетъ имъ возможность нѣкоторое время остаться на своемъ посту, платя штрафъ за каждый день непомѣщенія предостереженія впредь до истеченія срока, когда газета должна прекратиться.

„Отовсюду получаемъ мы предостереженія—такъ начиналась статья. — Только-что получили мы предостереженіе черезъ

Revue des Deux Mondes, за подписью г. Шарля де-Мазада, какъ уже получаемъ другое, черезъ петербургскій журналъ *Современникъ*, за подписью буквъ Ю. Ж. Первое, о которомъ недавно доводили мы до свѣдѣнія публики, обвиняетъ насъ въ распространеніи революціонныхъ элементовъ, демократіи, соціализма и атеизма; другое обвиняетъ въ *крѣпостничествѣ*, реакціонномъ духѣ и обскурантизмѣ. Пока мы находились въ отчаянномъ положеніи, не зная, во что вѣрить и какому предостереженію слѣдовать, подоспѣло предостереженіе другаго свойства, относительно котораго уже не умѣстенъ тонъ шутки. На предостереженія, дѣлаемыя намъ путемъ неоффиціальнымъ, можемъ мы обращать и не обращать вниманіе. Что же касается до предостереженій, дѣлаемыхъ черезъ полицію, то оставлять ихъ безъ вниманія нельзя. Они требуютъ серіозныхъ объясненій, и мы спѣшимъ представить таковыя, искренно сожалѣя о томъ, что у насъ не спросили ихъ, прежде чѣмъ предостереженіе было напечатано въ оффиціальной газетѣ. Смѣемъ думать, что наши объясненія были бы признаны удовлетворительными и, быть можетъ, предупредили бы это распоряженіе.

„Но предостереженіе, напечатанное въ *Сѣверной Почтѣ*, отъ 31-го марта, мы можемъ считать еще не совсѣмъ состоявшимся,— продолжалъ Михаилъ Никифоровичъ. Состоялось бы оно только въ томъ случаѣ, еслибы мы приняли его себѣ въ руководство и напечатали бы его узаконеннымъ порядкомъ въ нашей газетѣ; но причины самаго уважительнаго свойства запрещаютъ намъ сдѣлать это. Съ принятіемъ его намъ оставалось бы немедленно прекратить нашу дѣятельность. Къ счастію, мы можемъ еще держаться, не принимая предостереженія и оставаясь въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ. Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта по дѣламъ печати (ст. 33 гл. II) предоставляетъ газетѣ возможность не печатать, то есть не принимать дѣлаемаго ей предостереженія, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, обязывая ее платить за каждый нумеръ штрафъ (по 25 руб. сер.). Мы безпрекословно подчиняемся этому требованію закона и будемъ платить штрафъ до той поры, пока, по истеченіи означеннаго времени, не прекратится сама собою наша дѣятельность по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*“.

Предостереженіе обвиняло редакторовъ въ томъ, что въ ихъ статьѣ „приписываются правительственнымъ лицамъ стрем-

ленія, свойственныя врагамъ Россіи, и мысль о государственномъ единствѣ выставляется какъ бы мыслію новой, будто-бы встрѣчающей въ средѣ правительства предосудительное противодѣйствіе. Подобныя общія произвольныя, бездоказательныя нареканія заключаютъ въ себѣ возбужденіе недовѣрія къ правительству".

Подробно, со всѣмъ своимъ неподражаемымъ полемическимъ искусствомъ, Михаилъ Никифоровичъ разбираетъ эти обвиненія, не оставляя ни одной черты не разъясненной и не опровергнутой.

„Мы полагали, говоритъ онъ, между прочимъ, что, дѣйствуя такъ, какъ мы дѣйствовали, мы поступали согласно съ истинными видами правительства, служили самымъ дорогимъ для него интересамъ, и не только не колебали довѣрія къ нему, а напротивъ, утверждали верховный принципъ его въ общественномъ мнѣніи.

„При всемъ уваженіи, которое подобаетъ правительственнымъ лицамъ, мы не можемъ считать себя ихъ вѣрноподданными и не обязаны сообразоваться съ личными взглядами и интересами того или другаго изъ нихъ. Надъ правительственными дѣятелями, равно для всѣхъ обязательная, возвышается верховная власть; въ ней состоитъ сущность правительства; съ нею связываетъ насъ присяга, ея интересы суть интересы всего народа. Колебали ли мы довѣріе къ правительству въ этомъ единственно обязательномъ смыслѣ? Наша дѣятельность совершалась на глазахъ у всѣхъ: пусть, кто можетъ, уличитъ насъ въ намѣреніи колебать это начало или противодѣйствовать великимъ интересамъ, которые съ нимъ неразрывно связаны и имъ знаменуются!"

Тонъ статьи 3 апрѣля нельзя было бы не признать высокомѣрнымъ по отношенію къ власти, которой предоставлено давать предостереженія, и всю статью нельзя было бы разсматривать иначе, какъ рѣзкій протестъ противъ дѣйствующихъ установленій,—еслибы то, что случилось, было событіемъ, хотя бы и весьма важнымъ, лишь въ газетномъ мірѣ.

Но это было событіе въ государственной области. Это была борьба на глазахъ верховной власти между оффиціальнымъ представителемъ высшей администраціи и независимымъ лицомъ, оказавшимъ незабвенную заслугу отечеству, въ трудныя минуты, къ сужденіямъ котораго прислушивались и народъ и Государь, для котораго газета была органомъ его мнѣній, ко-

торое видѣло въ своей журнальной дѣятельности исполненіе долга, службу отечеству и Государю, обязанность не останавливающуюся ни предъ чѣмъ въ борьбѣ со всѣмъ, что, по мнѣнію его, клонится къ ихъ ущербу. Справедливо или ошибочно лицо это видѣло въ тогдашнемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ одинъ изъ оплотовъ политики, въ которой оно усматривало пагубу для Россіи.

Такое необычайное небывалое у насъ столкновеніе могло быть разрѣшено только Государемъ. Обстоятельства сложились неблагопріятно для Каткова; трудно было думать, чтобы онъ могъ достичь успѣха въ неравной борьбѣ между сильнымъ министромъ и публицистомъ уже знаменитымъ, но лично почти неизвѣстнымъ Государю. И однако рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ Михаиломъ Никифоровичемъ безъ разсчета о послѣдствіяхъ.

Я видѣлъ Михаила Никифоровича въ утро, когда появился его отвѣтъ на предостереженіе. Въ характерѣ Михаила Никифоровича была любопытная черта. Каждая сколько-нибудь важная статья рождалась имъ съ великими муками, была предметомъ безчисленныхъ колебаній, сомнѣній, тревогъ. Но когда дѣло было сдѣлано, статья появилась въ свѣтъ—наступалъ періодъ спокойствія силы. Въ отпечатанный номеръ онъ не заглядывалъ, сторонился отъ него, опасался найти опечатку или обмолвку. Но въ признаніи сдѣланнаго шага уже не было колебаній, какое-либо возвращеніе назадъ представлялось уже невозможнымъ. Послѣдствія принимались и защищались во всей силѣ.

Я засталъ Михаила Никифоровича спокойнымъ, нѣсколько задумчивымъ. Говорили о прекращеніи издательской дѣятельности, о предстоящихъ возможностяхъ. „Еслибы не дѣтюшки, замѣтилъ Михаилъ Никифоровичъ,—я бы на минуту не задумался ни предъ какимъ рѣшительнымъ шагомъ“. Помолчавъ минуту, онъ прибавилъ: „а можетъ быть потому и дѣйствую, что есть дѣтюшки“. Вечеромъ у Михаила Никифоровича было множество посѣтителей съ выраженіемъ сочувствія.

IV.

Наступило 4 апрѣля 1866 года. Къ вечеру, какъ громъ пронеслась вѣсть о покушеніи на жизнь Государя.

„Сегодня, въ 4½ часа пополудни,—гласила телеграмма, появившаяся въ газетахъ на другое утро—когда Государь Императоръ, по окончаніи прогулки въ Лѣтнемъ саду, садился въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ въ Его Величество изъ пистолета. Провидѣніе бодрствовало надъ драгоцѣнною жизнью. Государь невредимъ. Злодѣй схваченъ. Начато слѣдствіе".

Кто былъ свидѣтелемъ громоваго впечатлѣнія, произведеннаго этимъ извѣстіемъ, тотъ никогда не забудетъ взрыва негованія, смѣшаннаго съ радостью, объявшею весь народъ. Я помню утро 5 апрѣля. Неизвѣстно откуда собравшаяся стотысячная толпа наполняла Моховую, Охотный рядъ, Красную площадь предъ рядами и Кремлевской стѣной, наконецъ самый Кремль. Въ храмахъ и на открытомъ воздухѣ совершались молебствія; двигались крестные ходы. Только въ 1883 году, въ дни коронаціоннаго въѣзда нынѣ царствующаго Государя и народнаго праздника видѣлъ я проявленіе подобной внушительной силы народной массы, проникнутой одной идеей—преданностью верховной власти.

Я помню вечеръ того же дня. Я былъ въ театрѣ, гдѣ дали оперу Глинки „*Жизнь за Царя*". Подъ живымъ впечатлѣніемъ видѣннаго я изъ театра отправился въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей* и написалъ нѣсколько строкъ, вошедшихъ въ передовую статью номера, которая появилась на другой день.

Увертюра и весь первый актъ выслушаны были въ молчаніи, но когда артисты стали удаляться въ глубину сцены, публика громкимъ, единодушнымъ кликомъ потребовала народнаго гимна. Артисты выдвинулись на авансцену, музыканты въ оркестрѣ встали, встали всѣ зрители въ ложахъ и партерѣ, и громкое *ура!* потрясая стѣны, долго не давало начать гимнъ; четыре раза сряду заставили артистовъ исполнить гимнъ, и каждый разъ по его окончаніи громкіе клики возобновлялись съ новымъ энтузіазмомъ. Восторгъ публики раздѣляли и артисты: съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пѣли они народный гимнъ, громкое *ура!* на сценѣ отзывалось на *ура!* публики, и шапки актеровъ, представлявшихъ крестьянъ, летѣли кверху. Второй актъ оперы происходитъ, какъ извѣстно, въ польскомъ станѣ. Тогда всѣ были увѣрены, что покушеніе шло изъ польскаго лагеря. Потому, лишь только раздались первые аккорды хора польскихъ воиновъ, и первыя пары стали подвигаться польскимъ къ авансценѣ, послышались крики: „Не надо! не надо! третій

актъ!“ Наконецъ, все слилось въ дружномъ требованіи народнаго гимна. Актеры побросали прочь свои конфедератки, и подъ громомъ рукоплесканій два раза сряду пропѣли *Боже, Царя храни!* На этомъ кончился второй актъ. Въ третьемъ актѣ, когда враги приходятъ къ Сусанину, ихъ появленіе встрѣчено было гуломъ, невольно раздавшимся въ публикѣ, а когда Сусанинъ пропѣлъ свой громовой отвѣтъ:

Страха не страшусь,
Смерти не боюсь,
Лягу за Царя, за Русь,—

общему восторгу не было границъ: крики *браво!* и *ура!* не умолкали въ теченіе многихъ минутъ, и г. Радонежскаго заставили три раза повторить свой отвѣтъ, который такъ шелъ къ настоящему случаю: и Сусанинъ и Коммиссаровъ оба костромичи. Продолжать сцену тотчасъ же было невозможно: общее настроеніе было слишкомъ восторженно, и снова поляки побросали свое польское оружіе, свои мечи и шапки, снова стали русскими, сцена снова наполнилась всѣми артистами оперной труппы, и снова раздались торжественные звуки народнаго гимна, повтореннаго опять нѣсколько разъ сряду. Окончаніе четвертаго акта, когда поляки въ лѣсу заносятъ мечи на Сусанина, вызвало сильное движеніе въ публикѣ, и занавѣсъ долженъ былъ опуститься ранѣе обыкновеннаго. Въ эпилогѣ великолѣпный заключительный хоръ *Славься* перешелъ въ народный гимнъ, который, по требованію, повторенъ былъ нѣсколько разъ.

Чрезъ нѣсколько дней былъ въ залѣ Благороднаго Собранія концертъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ, въ которомъ участвовалъ извѣстный скрипачъ, маститый Оле-Буль. Концертъ обратился въ рядъ непрерывныхъ патріотическихъ заявленій. Вся зала хоромъ много разъ пѣла народный гимнъ. Едва кончился концертъ, какъ студенты крикнули: „къ Иверской! “Молодежь двинулась служить молебенъ за здравіе Государя. Значительная часть посѣтителей концерта, увлеченные примѣромъ, спѣшили за студентами. Вмѣстѣ съ ними, охотно слѣдуя ихъ приглашенію, отправился и престарѣлый Оле-Буль, поддерживаемый двумя изъ нихъ. На улицахъ проходящіе снимали шляпы.

Проходя чрезъ Охотный рядъ, Оле-Буль предложилъ всенародно пропѣть: *Боже, Царя храни!* Эта мысль подхвачена была съ восторгомъ; близъ церкви Св. Параскевы начатъ народный

гимнъ, и пѣли его вплоть до часовни; Н. Г. Рубинштейнъ дирижировалъ хоромъ. У Иверской студенты, въ средѣ конхъ были и многіе давно уже вышедшіе изъ университета, и нѣсколько профессоровъ, отслужили молебенъ подъ открытымъ небомъ.

Затѣмъ шествіе направилось въ Кремль къ соборамъ. На исторической площади Русскаго государства раздался народный гимнъ хоромъ въ тысячу голосовъ. Гауптвахта взяла на карауль. Изъ народа послышалось: „Ура, студенты!“ и на это привѣтствіе нашелся ловкій отвѣтъ. „Ура, Коммиссаровы!“ крикнули студенты окружавшимъ ихъ простолюдинамъ.

Изъ Кремля шествіе двинулось къ университету. Нѣсколько студентовъ отправились въ квартиру ректора и просили его выдти къ собравшимся и прочесть телеграмму, посланную отъ университета и отвѣта Его Величества. Ректоръ исполнилъ желаніе и сказалъ при этомъ одушевленную рѣчь. Его подняли на руки и понесли на дворъ стараго университета. Изъ оконъ моей квартиры въ университетѣ я видѣлъ и это оригинальное шествіе, и какъ потомъ изъ залы правленія, съ позволенія ректора, былъ вынесенъ большой портретъ Государя и поставленъ на университетскомъ крыльцѣ. Предъ нимъ пропѣли гимнъ. Изъ университета студенты пошли, въ стройномъ порядкѣ, по три въ рядъ, окруженные народомъ безъ шапокъ, къ князю В. А. Долгорукову. Передъ домомъ его крикнули *„ура!“*, пропѣли гимнъ. Дирижировали хоромъ г-нъ Дооръ и К. А. Тарновскій. Князь вышелъ на крыльцо и, обѣщая довести до Высочайшаго свѣдѣнія объ этомъ трогательномъ выраженіи вѣрноподданническихъ чувствъ, благодарилъ за доставленіе ему случая быть очевидцемъ видѣннаго.

Отъ дома генералъ-губернатора шествіе двинулось на Страстной бульваръ къ дому университетской типографіи привѣтствовать редакторовъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Нѣкоторые вошли въ домъ и были радушно встрѣчены Михаиломъ Никифоровичемъ. Толпа наполнила дворъ и улицу передъ домомъ. Шесть разъ былъ пропѣтъ народный гимнъ.

По описаніямъ и разсказамъ, и въ Петербургѣ проявленіе народнаго энтузіазма было не менѣе сильно, какъ въ Москвѣ.

V.

И по отношенію къ дѣламъ и сужденіямъ, возбужденное патріотическое чувство стало камертономъ минуты. Все обсуждалось подъ его наптіемъ. Мыслимо ли было, при такихъ условіяхъ, чтобы замолкъ голосъ пламеннаго выразителя этого чувства? И голосъ этотъ—на послѣднихъ, по разсчету противниковъ, дняхъ, — раздавался еще громче прежняго. Статьи слѣдовали за статьями.

Въ виду событія 4 апрѣля Михаилъ Никифоровичъ еще съ большею, чѣмъ прежде, силою могъ развивать свой тезисъ о томъ, что переживаемая эпоха есть смутное время, таящее великія опасности и ковы, не замѣчать которыя, особенно со стороны лицъ власть имѣющихъ, столь же преступно, какъ и участвовать въ злоумышленіяхъ.

„Не даромъ же—говоритъ Михаилъ Никифоровичъ въ передовой статьѣ № 83,—изобличеніе гнуснаго характера нигилизма возбуждаетъ ярость въ петербургскомъ соціалистѣ противъ *Московскихъ Вѣдомостей*“. „Въ одномъ карманѣ каждой „стриженой барышни,—говоритъ онъ —московскіе редакторы ви„дѣли пучокъ прокламацій, а въ другомъ—разрывную гранату“. Это сказано почти наканунѣ 4-го апрѣля. Да, дѣйствительно, мы видѣли если не разрывныя гранаты въ карманѣ стриженыхъ барышень, то, по крайней мѣрѣ, тѣсную связь всего нигилизма съ дѣломъ государственной измѣны въ Россіи. Опасенія, которыя мы не разъ высказывали, быть можетъ, казались преувеличенными, но, къ несчастію, событіе 4-го апрѣля ясно показало, что мы ничего не преувеличивали, и что всего можно было ожидать отъ враговъ, или отъ дураковъ, руководимыхъ врагами“.

„Нѣтъ, — пишетъ онъ на слѣдующій день (№ 84) — пусть колеблютъ основы государства, общественнаго быта, религіи, пусть помрачаютъ разумѣніе, пусть извращаютъ нравственныя начала, пусть безчестятъ науку; пусть, какъ недавно говорили нѣкоторые изъ нашихъ политическихъ мудрецовъ, пусть молодые люди заготовляютъ элементы для будущей неизбѣжной революціи,—все это ничего, все это, быть можетъ, даже очень хорошо; но никто не долженъ протестовать противъ сильныхъ вліяній, которыя способствуютъ злу; никто не долженъ высказывать мнѣнія о текущихъ дѣлахъ, несогласныя съ

интересами и видами тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, ибо это значитъ, какъ утверждаетъ *Современникъ* (и не одинъ *Современникъ*), — колебать довѣріе къ правительству. Указывать на ошибочныя или ложенаправленныя дѣйствія, которыя прежде всего и болѣе всего подвергаютъ опасности основы правительства и самые дорогіе интересы его, это значитъ колебать довѣріе къ правительству!“

Въ ожесточенныхъ нападкахъ на *Московскія Вѣдомости* и русскую національную политику, обнаружившихся въ мартѣ 1866 года, Михаилъ Никифоровичъ видѣлъ разсчитанное злоумышленіе. „Вдругъ, говоритъ онъ,—откуда-то данъ таинственный *mot d'ordre*, и все враждебное русскому дѣлу оживилось. Въ Парижѣ заскрипѣли перья гг. де-Мазада и Сенъ-Маркъ Жирардена, состоящаго, какъ извѣстно, членомъ польскаго комитета; въ нѣмецкихъ газетахъ появились слухи о готовящемся въ Россіи комплотѣ помѣщичьей партіи; въ Россіи голоса, заинтересованные польскимъ дѣломъ, пугали помѣщиковъ, что противъ нихъ замышляется что-то недоброе; какъ бы въ подтвержденіе этихъ запугиваній, русскому нигилизму, всѣмъ-было присмотрѣвшемуся, присовѣтовали собраться съ силами и придти въ азартъ; наконецъ, зловѣщій признакъ, всѣми забытое петербургское украйнофильство, неожиданно, ни съ того, ни съ сего, встрепенулось, и съ такимъ усердіемъ, что послѣ долгаго молчанія сдѣлалось въ петербургской печати какъ бы вопросомъ дня, отвлекающимъ вниманіе отъ всего другаго. Какое невѣдомое дуновеніе подняло всѣ эти волны?“ [1]).

Положеніе газеты и ея редакторовъ продолжало, однако, быть ненормальнымъ. Взять обратно такъ рѣшительно отвергнутое предостереженіе казалось невозможнымъ. Можетъ ли

---

[1]) Михаилъ Никифоровичъ назвалъ эпоху шестидесятыхъ годовъ смутнымъ временемъ. И она дѣйствительно было таковымъ. Проницательнаго публициста обвиняли, что ему всюду мерещатся заговоры и злоумышленія. И сколько, однако, было и заговоровъ и злоумышленій! Болѣе и разнообразнѣе, чѣмъ стало извѣстнымъ. Въ 1865 году, какъ извѣстно, были повсемѣстные пожары. Былъ, между прочимъ, страшный пожаръ Симбирска Для разслѣдованія причины его былъ командированъ сенаторъ Ждановъ. Онъ везъ уже съ собою результатъ слѣдствія, когда въ Нижнемъ заболѣлъ и скоропостижно умеръ. Молва приписывала смерть отравленію. Симбирскій губернаторъ печатно обвинялъ мѣстнаго военнаго начальника чуть не въ прямомъ участіи въ поджогахъ.

правительство, не отказываясь отъ самого себя—говорили противники—допустить такое открытое неисполненіе его распоряженій? Стали внушать, что Катковъ самъ утомленъ публицистическою дѣятельностью и нарочно ведетъ дѣло такъ, чтобы съ эффектомъ сойти съ поприща. Онъ слишкомъ-де заручился, какое же можетъ быть отступленіе?

Чтобы прекратить невозможное положеніе дѣла, министръ внутреннихъ дѣлъ порѣшилъ дать редакторамъ *Московскихъ Вѣдомостей* сразу второе и третье предостереженія и закрыть изданіе газеты впредь до передачи ея въ другія руки.

Но тутъ возникло новое затрудненіе, не предвидѣнное управленіемъ по дѣламъ печати. По контракту университета съ арендаторами газеты, въ случаѣ устраненія ихъ „независимо отъ ихъ воли, на основаніи законовъ о печати“, имъ предоставлено было, въ продолженіе трехмѣсячнаго срока, сдать аренду въ другія руки, на условіяхъ контракта. А на этотъ промежутокъ правленіе университета обязано выбрать временнаго редактора. На основаніи такого пункта контракта, университетъ вступился въ дѣло и выбралъ временнаго редактора. Выборъ правленія палъ на меня, какъ на человѣка, наиболѣе близкаго къ Каткову и Леонтьеву. Выборъ былъ утвержденъ. Первый номеръ газеты подъ моею редакціею вышелъ въ среду, 18 мая. Въ началѣ его помѣщено было заявленіе отъ издателей. Въ заявленіи пересказана была исторія съ предостереженіемъ и пріостановкой; удержанъ былъ топъ нападенія, и межь строками не трудно было прочесть, что редакторы борьбу свою съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ не считаютъ оконченною [1]).

---

[1]) Исторія предостереженій передана была въ заявленіи въ весьма оригинальной формѣ. Упомянувъ о причинахъ, которыя не позволили редакторамъ принять первое предостереженіе, и о томъ, что они рѣшились воспользоваться штрафнымъ срокомъ, Катковъ продолжаетъ:

„Но предоставленный закономъ срокъ еще далеко не исполнился, какъ мы получили въ одно время два предостереженія, такъ что прежде чѣмъ могли мы успѣть воспользоваться вторымъ, отъ 6-го мая, послѣдовало на другой день третье, отъ 7-го, которое повлекло за собою пріостановку нашего изданія на два мѣсяца. Но *Московскія Вѣдомости*—не наше частное изданіе. Онѣ составляютъ собственность Московскаго университета и взяты нами въ аренду по контракту. Пріостановить изданіе этой газеты, имѣющей значеніе независимо отъ ея редакціи, значило бы потрясти множество интересовъ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, которые съ нею связаны. До сихъ поръ въ исторіи этого столѣтняго

Съ своей стороны, я объявлялъ, что „могу на первое время обѣщать публикѣ лишь удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей изданія. Могу только поручиться, что *Московскія Вѣдомости* и подъ временною моею редакціею останутся вѣрны тому направленію, какое получили въ послѣдніе годы и которое достаточно извѣстно публикѣ“.

Хотя редакторство мое было, понятно, лишь номинальнымъ, и въ редакціонныхъ трудахъ я участвовалъ не болѣе того, какъ прежде, когда не былъ редакторомъ, однако время это было для меня весьма непріятнымъ, исполненнымъ заботъ и тревоги. Заявленіе мое вызвало непріязненное ко мнѣ отношеніе цензурнаго вѣдомства. Изъ почтамта прекращена была присылка иностранныхъ газетъ безъ вырѣзокъ, какой пользовалась редакція прежде. Разъ, чтобы нѣсколько оживить содержаніе газеты, въ которой, по нашему соглашенію, не помѣщались передовыя статьи, мы съ Павломъ Михайловичемъ включили въ номеръ письмо на французскомъ языкѣ (оно было набрано еще до моего редакторства), говорившее объ успѣхахъ полонизма въ юго-западномъ краѣ и приводившее разные случаи болѣе или менѣе рѣзкаго свойства. Номеръ былъ пріостановленъ цензурою. Я поспѣшилъ исключить письмо изъ номера (за

изданія было только два случая перерыва: одинъ въ семидесятыхъ годахъ во время чумы; другой въ 12-мъ году при нашествіи французовъ; третьему случаю суждено было осуществиться въ настоящее время по нашей винѣ. Къ счастію, въ заключенномъ, по Высочайшему соизволенію, контрактѣ съ нами университета предусмотрѣнъ случай устраненія насъ отъ изданія, „независимо отъ нашей воли на основаніи законовъ о печати“ и опредѣлены условія его непрерывности, составляющей его главную, на торгахъ нами оплаченную цѣну: издатели *Московскихъ Вѣдомостей* могутъ быть устраняемы, но самая газета не должна быть прерываема и затраченные въ нее капиталы не должны страдать, какъ и связанные съ нею интересы подписчиковъ и объявителей. По 10-му пункту нашего контракта, устраненіе насъ отъ изданія *Московскихъ Вѣдомостей* даетъ намъ право, въ продолженіе трехмѣсячнаго срока, сдать аренду въ другія руки на основаніи того же контракта, причемъ правленіе университета обязано выбрать редактора на этотъ промежутокъ времени. Основываясь на этомъ пунктѣ, мы обратились съ нашимъ заявленіемъ къ правленію университета, которое черезъ г. попечителя, вошло съ соотвѣтственнымъ представленіемъ къ г. министру народнаго просвѣщенія, и по соглашенію между имъ и г. министромъ внутреннихъ дѣлъ состоялось распоряженіе, въ силу коего *Московскія Вѣдомости* возобновляются теперь, послѣ семидневнаго перерыва, подъ временною редакціей профессора Любимова, оставаясь еще въ нашемъ издательскомъ завѣдываніи. Мы не можемъ не порадоваться, что выборъ

его неосторожное помѣщеніе уже досталось отъ Михаила Никифоровича и Павлу Михайловичу, и мнѣ), но нѣкоторое число экземпляровъ уже разошлось. Отъ цензурнаго вѣдомства пошли запросы, кто авторъ письма. Я отвѣтилъ незнаніемъ, да и дѣйствительно не зналъ, такъ какъ письмо въ моихъ рукахъ было ужь въ наборѣ. Все-таки поднялось дѣло о преданіи меня суду. Вообще временное редакторство съ моей стороны было самопожертвованіемъ, вполнѣ безразсчетнымъ и безкорыстнымъ [1]).

VI.

Всѣ разсчеты и соображенія противниковъ Михаила Никифоровича были безъ хозяина.

Въ маѣ 1866 года покойный Государь прибылъ въ Москву и поселился въ селѣ Ильинскомъ. Пребываніе это имѣло рѣшающее значеніе для дальнѣйшей судьбы *Московскихъ Вѣдомостей*.

Въ двадцатыхъ числахъ мая, Михаилъ Никифоровичъ имѣлъ свиданіе и продолжительный разговоръ съ однимъ изъ приближенныхъ къ покойному Императору лицъ. Михаилъ Никифоровичъ передавалъ Павлу Михайловичу и мнѣ свой разговоръ съ сановникомъ; я записалъ кратко что слышалъ, и сдѣланный набросокъ сохранился у меня въ старыхъ

университета палъ на человѣка намъ близкаго, съ которымъ мы находимся въ тѣсныхъ отношеніяхъ не только по личной пріязни, но и по общественной нашей дѣятельности. Откроется ли для насъ впослѣдствіи возможность по-прежнему служить въ печати дорогимъ для насъ и для каждаго русскаго интересамъ, мы не знаемъ. Но и въ томъ случаѣ, еслибы мы были вынуждены окончательно передать наши изданія въ другія руки, мы постараемся, хотя бы то было и съ матеріальнымъ ущербомъ для насъ, чтобы *Московскія Вѣдомости* достались въ руки достойныя и честныя".

[1]) При нашихъ отношеніяхъ о какомъ-либо вознагражденіи за временное редакторство не могло быть и рѣчи. Въ денежныхъ счетахъ мнѣ случалось торговаться съ Павломъ Михайловичемъ, но довольно оригинальнымъ способомъ. Онъ требовалъ, чтобы я взялъ больше, чѣмъ сколько я соглашался. Когда мнѣ поручено было редактировать *Русскій Вѣстникъ*, Павелъ Михайловичъ назначилъ 250 рублей за книжку. Я потребовалъ 150. Сошлись на 200. Можетъ быть, напрасно оглашаю я этотъ интимный фактъ, который читатель долженъ принять на вѣру. Но, можетъ быть, кто-нибудь и повѣритъ, что не все же на свѣтѣ дѣлается изъ корысти.

бумагахъ.—„Я желалъ познакомиться съ вами, сказалъ сановникъ. Но какъ лицо оффиціальное, доложилъ о томъ Государю. Государь очень одобрилъ мое намѣреніе и даже поручилъ мнѣ переговорить съ вами. Государь вполнѣ цѣнитъ вашу дѣятельность. Но вашъ отказъ напечатать предостереженіе во всякомъ случаѣ не можетъ быть одобренъ. Не имѣете ли, впрочемъ, какихъ-либо возраженій по поводу обстоятельствъ дѣла?“—„Если вы говорите отъ имени Государя, то какія же могу представить возраженія?—мнѣ остается молчать. Но если вамъ угодно выразить ваши личный взглядъ и мнѣніе, я готовъ дать всякія объясненія“.—„Позвольте высказать вамъ откровенно. Въ вашей дѣятельности четыре періода. Въ первый—вы поразили Герцена: вся Россія рукоплескала вамъ. Второй періодъ—польскій вопросъ. Вы уяснили дѣло. Третій—вы ушли впередъ правительства, провозгласивъ національную политику. Вы увлекли всѣхъ: волею или неволею пошли за вами. Въ четвертый—вы вступили въ борьбу съ правительствомъ. Вы все такъ блестяще побѣждали, что можно было опасаться, что и тутъ (съ улыбкою) одержите побѣду, дискредитировавъ правительство“.—„Тутъ все анахронизмы,—возразилъ Михаилъ Никифоровичъ. Мы прежде дискредитировали, если хотите такъ выразиться. Теперь же дѣло, повидимому, въ томъ, что мы не дискредитируемъ правительство, а напротивъ поддерживаемъ тамъ, гдѣ отъ насъ желали бы инаго дѣйствія. Дѣло въ томъ, зачѣмъ мы не противъ Милютина, Кауфмана, Безака. Мы съ вами, кажется, какъ авгуры, можемъ смотрѣть другъ на друга, понимая, въ чемъ дѣло.“—„Вы не знаете, что дѣлаютъ Милютинъ, Кауфманъ, Безакъ. Что писано въ *Русскомъ Инвалидѣ!*“—„Да вѣдь писалъ это В. чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ“.—„Неужели?... Почему не хотѣли вы принять мѣсто попечителя округа здѣсь? La critique est aisée“.—„У всякаго свои способности, склонности: я не чувствовалъ себя подходящимъ къ этому мѣсту“.—„Относительно газеты, чрезъ два мѣсяца можете продолжать ея изданіе“.—„Министръ внутреннихъ дѣлъ поставилъ дѣло такъ, что это будетъ очень трудно“.—„Конечно, необходимо удовлетвореніе (réparation, какъ выразился сановникъ). Но безъ ущерба для правительства, такъ, чтобы достоинство было сохранено съ той и другой стороны“.—„Никакого удовлетворенія для меня лично не нужно. Оно необходимо для дѣла. Дѣло брошено въ грязь и унижено. Его поднять надо“. Была рѣчь о свиданіи съ Государемъ, но сановникъ не выразилъ чего-либо

опредѣленнаго и, повидимому, желалъ, чтобы дѣло шло чрезъ его посредство.

Михаилъ Никифоровичъ остановился на мысли написать письмо къ Государю. Письмо было составлено, но переписать его набѣло представило не мало трудностей. Надо было переписать своею рукою, а почеркъ Михаила Никифоровича былъ далеко не каллиграфическій, и онъ, особенно при стараніи, легко закапывалъ письма. Пришлось нѣкоторые листы переписывать нѣсколько разъ. Наконецъ письмо было готово, и я отвезъ его въ Ильинское въ пакетѣ на имя графа Александра Владиміровича Адлерберга, которому и передалъ его лично. Въ приложенной запискѣ къ графу, Михаилъ Никифоровичъ просилъ его передать письмо Государю и прибавлялъ, что въ письмѣ онъ ни на что не жалуется и ничего не проситъ. Сожалѣю, что у меня не сохранилось копіи съ письма, и я не могу нынѣ передать его содержаніе. Письмо было написано трогательно и оканчивалось пожеланіемъ, чтобы Государь видѣлъ въ редакторахъ *Московскихъ Вѣдомостей* „своихъ“. Графъ Адлербергъ принялъ меня любезно и сказалъ, что исполнитъ желаніе Михаила Никифоровича.

Слухъ о письмѣ и о томъ, что я отвозилъ его въ Ильинское, въ тотъ же день распространился въ университетѣ. Мы недоумѣвали, какъ онъ могъ туда проникнуть, такъ какъ ни Михаилъ Никифоровичъ, ни Павелъ Михайловичъ, ни я никому о томъ не говорили. Дѣло скоро объяснилось. Во время разговора нашего о передачѣ письма чрезъ графа Адлерберга, ночью наканунѣ моей поѣздки, въ комнатѣ находился незамѣченный нами личный секретарь Михаила Никифоровича, лежавшій на диванѣ и разбуженный нашими разговорами. Онъ часто бывалъ у профессора Бодянскаго и сообщилъ ему любопытную новость, скрыть которую не видѣлъ, конечно, причины.

Письмо произвело дѣйствіе. Возвращеніе Каткова и Леонтьева къ изданію *Московскихъ Вѣдомостей* было рѣшено Государемъ, и о волѣ его было сообщено министру внутреннихъ дѣлъ. Одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, расположенныхъ къ Каткову и Леонтьеву, спросило Государя: „для издателей очень важно знать, допускаете ли только Ваше Величество ихъ вновь къ изданію *Московскихъ Вѣдомостей* или желаете, чтобы они продолжали изданіе“.—„Да, я желаю“.—„Могу ли передать это редакторамъ?“—„Передай, скажи, что очень желаю“.

Въ понедѣльникъ, 20 іюня, я пріѣхалъ въ Петровскій паркъ на дачу Блана (на Башиловкѣ), гдѣ тогда жили Катковъ и Леонтьевъ. Я засталъ Павла Михайловича въ волненіи и ожиданіи. Михаилъ Никифоровичъ уѣхалъ въ Петровскій дворецъ, въ Паркѣ,—для представленія Государю. Онъ скоро вернулся растроганный, взволнованный и разсказалъ намъ подробности знаменательнаго свиданія. Государь принялъ Каткова въ кабинетѣ наединѣ. Крѣпко взялъ его за руку, посадилъ. „Я тебя знаю, сказалъ Государь, вѣрю тебѣ—считаю «своимъ» “ (это было отвѣтомъ на заключительныя слова письма). У Михаила Никифоровича слезы брызнули изъ глазъ; глаза Государя были влажны. „Сохрани тотъ священный огонь (тотъ feu sacre—какъ выразился Государь), который есть въ тебѣ: я подаю руку тѣмъ, кого знаю и уважаю. Тебѣ не о чемъ безпокоиться. Я внимательно слѣжу за *Московскими Вѣдомостями*; постоянно ихъ читаю. Въ тебѣ вполнѣ увѣренъ. Понимаешь ли силу того, что говорю тебѣ? Нѣтъ ли у тебя на душѣ, что́ бы передать мнѣ?“ Михаилъ Никифоровичъ могъ отвѣтить только нѣсколькими несвязными словами благодарности. Государь перешелъ къ вопросу о сепаратизмѣ. „Не надо какъ бы колоть и раздражать происхожденіемъ. Всѣ могутъ быть вѣрными подданными и хорошими гражданами. Надо говорить объ этомъ, но слѣдуетъ сохранять мѣру. Покушенія этого рода есть; я знаю и съ тобой согласенъ. Величіемъ и единствомъ имперіи я дорожу, конечно, не менѣе тебя (съ улыбкою)... А я на тебя посердился, прибавилъ, вновь улыбаясь, Государь. Предостереженіе все-таки надо было напечатать“. При прощаніи Государь опять пожалъ крѣпко руку Каткова и повторилъ: „помни, я въ тебѣ вполнѣ увѣренъ“.

Послѣ пріема, Государь отправился на смотръ на Ходынское поле. Сходя съ крыльца, онъ особенно ласково поклонился стоявшему въ толпѣ Каткову.

И такъ побѣда!

25 іюня 1866 г., въ субботу, вышелъ номеръ (№ 132) *Московскихъ Вѣдомостей* уже подъ моею временною редакціею. Катковъ и Леонтьевъ вернулись къ своему посту.

„Мы возвращаемся,—заявляли они въ передовой статьѣ,—къ нашей дѣятельности съ новою бодростью, съ новымъ, болѣе чѣмъ когда-либо возвышеннымъ, чувствомъ призванія. Затруднявшія насъ недоразумѣнія прекратились: исчезло все, что́ насъ смущало и заставляло колебаться. Послѣ полуторамѣ-

сячнаго перерыва, мы снова за нашимъ дѣломъ, снова на нашемъ посту, снова подъ нашимъ дорогимъ знаменемъ. Только одно: да укрѣпитъ Богъ наши слабѣющія силы и да поможетъ Онъ намъ дѣйствовать не безъ пользы посреди обстоятельствъ, требующихъ не только преданности и усердія, но и значительныхъ силъ. Какъ ни больно было намъ оторваться отъ труда, которому посвятили мы всѣ наши силы и отдали всю нашу душу, но мы не сѣтуемъ на постигшую насъ невзгоду; напротивъ, мы благодаримъ Бога за то, что̀ нами было испытано въ этотъ промежутокъ времени. Мы пережили минуты, которыя бросили радостный отблескъ на наше прошедшее и въ которыхъ находимъ мы благодатное возбужденіе для будущаго. Путь нашъ сталъ яснѣе, и шаги наши будутъ рѣшительнѣе, тверже и спокойнѣе. Мы не можемъ быть преданнѣе, чѣмъ были дѣлу нашего служенія; одушевлявшее насъ чувство долга не можетъ стать сильнѣе, чѣмъ было до сихъ поръ, но оно стало радостнѣе и животворнѣе.

„Вступая снова въ полное обладаніе нашею газетой, мы считаемъ своею первою обязанностію выразить публично благодарность нашему доброму другу, Н. А. Любимову, который принялъ на себя тяжелый, непріятный и неблагодарный трудъ временной редакціи, чтобъ избавить изданіе *Московскихъ Вѣдомостей* отъ продолжительнаго, угрожавшаго ему перерыва. Съ его стороны это было самопожертвованіемъ. Онъ далъ свое имя изданію, по необходимости безцвѣтному, затрудненному, стѣсненному, пораженному въ своихъ главныхъ жизненныхъ условіяхъ. Временный редакторъ, выдерживая ежедневную борьбу съ разными хлопотами и затрудненіями своего новаго и случайнаго положенія, онъ могъ только поддерживать существованіе газеты, не имѣя возможности вести ее соотвѣтственно усвоенному ею характеру. Она не только не могла служить органомъ мнѣнія, но и не могла вполнѣ удовлетворять своему назначенію даже въ простомъ сообщеніи извѣстій. Бо̀льшую половину выписанныхъ нами заграничныхъ журналовъ московскій почтамтъ пересталъ доставлять намъ съ того самаго времени, какъ *Московскія Вѣдомости* подверглись пріостановкѣ и затѣмъ поступили подъ временную редакцію, а которые доставлялись, тѣ были задерживаемы для цензуры въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ“ [1]).

[1]) Формально объявленіе о возобновленіи газеты подъ редакціею Каткова и Леонтьева было сдѣлано въ такихъ выраженіяхъ, мало понятныхъ для непосвященныхъ въ дѣло.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Заключительная.

I.

Свиданіе 20 іюня 1866 года, свѣтлымъ лучемъ согрѣвшее Каткова, опредѣлило характеръ дальнѣйшей его дѣятельности, какъ публициста. Съ этого времени онъ болѣе и болѣе входилъ въ роль неоффиціальнаго совѣтника верховной власти. Во всѣхъ сколько-нибудь важныхъ государственныхъ вопросахъ мнѣніе, высказанное московскою газетою, принималось къ соображенію и обсужденію. Заинтересованныя въ дѣлѣ лица знали, что имѣть на своей сторонѣ Каткова почти значило имѣть на своей сторонѣ успѣхъ; но знали также, что ни въ какую интригу завлечь Каткова невозможно.

Когда Михаилъ Никифоровичъ писалъ какую-либо статью по тому или другому важному государственному вопросу, первая мысль у него была, что статью прочтетъ Государь. Для него старался онъ ставить вопросы и предлагать рѣшенія съ возможною ясностью и убѣдительностію. На него желалъ онъ прежде всего подѣйствовать своими аргументами и разъясненіями. Въ письмѣ покойнаго Б. М. Маркевича къ покойному же П. К. Щебальскому, писанномъ въ іюлѣ 1880 года, приведены любопытныя слова Михаила Никифоровича, чрезвычайно характерныя для его дѣятельности. Тогда Михаилъ Никифоровичъ часто говорилъ о томъ, что прекратитъ свою публицистическую дѣятельность. „Для кого писать?“ сказалъ онъ Маркевичу. „Тотъ, для кого единственно держалъ я перо въ рукахъ,

---

„Вслѣдствіе предложенія г. московскаго генералъ-губернатора, на основаніи телеграммы г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 22-го іюня, московскій цензурный комитетъ поставляетъ въ извѣстность гг. издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, статскихъ совѣтниковъ Каткова и Леонтьева, что изданіе означенной газеты допускается возобновить теперь же подъ ихъ редакціей и при тѣхъ, разрѣшенныхъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, измѣненіяхъ въ ихъ контрактѣ съ Московскимъ университетомъ, о которыхъ они, издатели, ходатайствовали въ видахъ соглашенія условій помянутаго контракта съ нынѣ дѣйствующими законами о печати“.

самъ отступается отъ своей власти, удерживая только ея внѣшность. Все остальное миражъ на болотѣ. Л. М. и К° тотъ же фельетонъ *Голоса*; тотъ же подъемъ мысли и тотъ же государственный смыслъ".

На свиданіи 20 іюня я прерву свой разсказъ. Я не имѣлъ въ намѣреніи писать біографію Каткова. Я желалъ только, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ утраты, сохранить въ печати врѣзавшіяся въ памяти моей, на протяженіи тридцати лѣтъ близкихъ отношеній, черты дѣятельности и характера лица, игравшаго такую своеобразную и важную роль во всемъ, что происходило въ нашемъ отечествѣ въ теченіе этого періода. Лицо это нынѣ уже историческое. Кругъ завершенъ. Его центръ—историческій подвигъ Каткова въ эпоху польскаго возстанія. Пройдутъ вѣка и, въ отдаленіи прошлаго, эпоха, среди которой дѣйствовалъ Катковъ, представится какъ новое смутное время, когда историческое теченіе могло взять то или другое направленіе, и рѣшеніе поставленной исторіею задачи зависѣло отъ силъ, присутствующихъ въ государственномъ организмѣ и способныхъ выйти на зовъ событій. Катковъ былъ такою силою, и русская земля обязана ему вѣчною благодарностію. Онъ имѣетъ право на государственный памятникъ наравнѣ съ людьми, наиболѣе послужившими Россіи. Вотъ почему я сосредоточилъ изложеніе дѣятельности Михаила Никифоровича главнымъ образомъ на изображеніи его подвига въ эпоху польскаго вопроса, рѣшеніе котораго было началомъ новой эры—русской національной политики. Не беру на себя быть историкомъ послѣдующей дѣятельности Михаила Никифоровича. Это потребовало бы излагать исторію длиннаго ряда государственныхъ мѣропріятій, на то или другое направленіе которыхъ могущественно вліяло мнѣніе Каткова. Къ тому же исторія этой дѣятельности не много имѣетъ закулиснаго, неизвѣстнаго публикѣ. Дѣятельность эта происходила, какъ въ фонарѣ, высоко поставленномъ, на глазахъ у всѣхъ. Записки, которыя отъ времени до времени Михаилъ Никифоровичъ подавалъ покойному Государю, получивъ на то разрѣшеніе еще при свиданіи 20 іюня, представляютъ цѣнный историческій матеріалъ; но обнародованіе ихъ было бы, можетъ быть, преждевременнымъ. Да и не знаю, сохранились ли ихъ черновыя въ бумагахъ, оставшихся по смерти Михаила Никифоровича. Нельзя не пожалѣть, что бумаги эти не сданы въ какое-нибудь

книгохранилище—Публичную библіотеку, Румянцовскій музей или т. под., гдѣ сохранность ихъ была бы обезпечена. Весьма нежелательно, если онѣ окажутся гдѣ-то сваленными безъ разбора и призора.

Но во всякомъ случаѣ очеркъ нашъ былъ бы слишкомъ не полонъ, еслибы мы, хотя бы въ немногихъ страницахъ не коснулись дѣла, которому Катковъ, можно сказать, отдалъ полъжизни. Дѣло это—насажденіе классическаго образованія въ Россіи.

Послѣ польскаго вопроса, вопросъ о насажденіи классическаго образованія въ Россіи наиболѣе заботилъ, волновалъ Михаила Никифоровича и вызывалъ его на борьбу. Въ борьбѣ этой онъ дѣйствовалъ съ тѣмъ же жаромъ, какой проявлялъ въ мірѣ политическихъ страстей и столкновеній; подъ часъ даже съ раздраженіемъ, вызывавшимъ въ свою очередь озлобленіе противниковъ. Полемическая борьба была, какъ мы не разъ упомянали, въ натурѣ Михаила Никифоровича, была его стихіею. Страстный элементъ необходимо вносился имъ и въ область педагогическихъ преній. Но именно этотъ элементъ и былъ условіемъ побѣды. Страстное убѣжденіе покоряло и увлекало, въ то время какъ авторитетный голосъ внушалъ довѣріе. Если можно было чѣмъ-нибудь подкупить Михаила Никифоровича, то это преданностію классической системѣ. Прозорливый публицистъ тутъ даже не докапывался, искренняя это преданность или лишь напускная. Ничѣмъ такъ ясно нельзя было отвратить отъ себя Михаила Никифоровича, какъ противленіемъ насажденію классическаго образованія или хотя бы равнодушіемъ къ нему. Убѣжденіе Михаила Никифоровича шло изъ самаго возвышеннаго источника и связывалось съ тѣмъ же пламеннымъ патріотическимъ чувствомъ, какое руководило имъ въ политическихъ вопросахъ. Всѣми силами души онъ призывалъ самостоятельность науки въ Россіи.

Чтобы выйти,—указывалъ онъ—изъ періода подражанія и отдѣльныхъ талантливыхъ проявленій и попытокъ и стать въ области знанія на своихъ ногахъ, мы должны сдѣлать нашу школу такою же, какъ школа, которой западная Европа обязана своимъ научнымъ превосходствомъ. Этой-то школы,—классической, греко-римской—желалъ онъ и требовалъ для нашего отечества. Новыя движенія въ Европейской школѣ

онъ отметалъ, опасаясь, какъ и наиболѣе авторитетные охранители преданій школы въ западной Европѣ, потрясенія главнаго начала этой школы—концентраціи занятій на древне-классическихъ языкахъ. Въ нашемъ легкомысленномъ походѣ противъ классической системы, во имя якобы реализма, онъ видѣлъ лишь явленіе грубѣйшаго невѣжества.

Вопросъ о классической школѣ въ Россіи былъ поднятъ въ шестидесятыхъ годахъ. Была настоятельная потребность вывести гимназіи изъ того состоянія, въ какое приведены были онѣ погромомъ конца пятидесятыхъ годовъ. Михаилъ Никифоровичъ поднялъ въ своихъ изданіяхъ знамя классицизма. Былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ статей, произведшихъ большое впечатлѣніе. Онѣ имѣли вліяніе на рѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, кипѣвшаго тогда преобразовательными работами. Но не меньшее вліяніе имѣло другое теченіе въ сторону такъ называемаго реализма. Въ министерствѣ его приверженцы преобладали. Въ уставѣ гимназій 1864 г. начала классической школы были признаны законодательствомъ. Но рядомъ съ классическими гимназіями, открывающими доступъ въ университетъ, „имѣющими,—какъ говорилъ Михаилъ Никифоровичъ,—(въ статьѣ № 144 *Московскихъ Вѣдомостей* 1871 г., гдѣ онъ пересказывалъ исторію преобразованія гимназій до ихъ послѣдняго устава) своимъ назначеніемъ готовить юношество къ высшей наукѣ всестороннимъ воспитаніемъ умственныхъ силъ и постепеннымъ пріученіемъ ихъ къ самостоятельному труду, уставъ 1864 года создалъ другаго рода учебныя заведенія и далъ имъ то же самое имя. Были такимъ образомъ установлены два разряда общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній: классическія гимназіи и гимназіи реальныя, основанныя на совершенно различныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ началахъ, причемъ министру предоставлялось право преобразовывать существующія гимназія по усмотрѣнію, отчасти въ реальныя, отчасти въ классическія“.

Такое признаніе двухъ путей общаго образованія встрѣтило въ Михаилѣ Никифоровичѣ самаго горячаго противника. А когда послѣдовало превращеніе нѣкоторыхъ классическихъ гимназій въ реальныя, Михаилъ Никифоровичъ усмотрѣлъ даже злоумышленный планъ. Борьба возгорѣлась съ новою силой.

„Въ эту борьбу (писалъ Михаилъ Никифоровичъ въ 1867 г.)

положили мы свою душу; мы слѣдили за ея перипетіями съ трепетомъ и сердечною болью. Чѣмъ яснѣе представлялось намъ дѣло, чѣмъ глубже были убѣждены мы въ жизненной важности вопроса, подлежавшаго рѣшенію, тѣмъ воспріимчивѣе были мы ко всему, что могло возбуждать опасеніе за благополучный исходъ его. То была истинная мука Сизифа. Сколько разъ дѣло казалось выиграннымъ, и сколько разъ снова подвергалось сомнѣнію и замѣшательству! Вскорѣ увидѣли мы себя въ положеніи людей, которые, приложивъ плечо къ общему дѣлу, вдругъ почувствовали на себѣ чуть не всю его тяжесть. Само собою развилось въ насъ чувство какъ бы нравственной отвѣтственности предъ этимъ дѣломъ, подъ тяжестію котораго мы не разъ изнемогали. Оно стало для насъ какъ бы фактомъ нашей жизни, и мы не вольны не принимать сердечнаго участія въ судьбахъ его.

Къ счастію для успѣха дѣла, которое защищалъ Михаилъ Никифоровичъ въ 1866 году, управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія перешло къ графу Д. А. Толстому. Дѣло насажденія классической школы въ Россіи попало въ твердыя руки. Близость Каткова и Леонтьева къ графу Д. А. Толстому сдѣлала ихъ вліятельными участниками преобразованія, заключившагося нынѣ дѣйствующимъ уставомъ 1871 года.

II.

Но горячею проповѣдью началъ и участіемъ въ законодательныхъ работахъ по проекту устава гимназій не ограничился трудъ Каткова и Леонтьева въ дѣлѣ насажденія классическаго образованія въ нашемъ отечествѣ.

Уже давно—въ разговорахъ о предстоящемъ воспитаніи подрастающихъ дѣтей Михаила Никифоровича—возникла у нихъ мысль устроить учебное заведеніе, которое не было бы частною собственностію, но имѣло бы законодательнымъ порядкомъ утвержденный уставъ, находилось бы подъ наблюденіемъ правительства, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользовалось бы полною внутреннею свободою, которая давала бы возможность, по указаніямъ опыта, примѣнять и развивать принятую систему согласно нашимъ условіямъ.

Мысль перешла въ дѣло. Въ январѣ 1868 года совершилось открытіе Лицея Цесаревича Николая, управляемаго на основаніи Высочайше утвержденнаго устава, оригинальнаго и по формѣ, и по сущности. Лицей открылся при самыхъ скромныхъ средствахъ. Первою основою его капитала были 10000 руб., пожертвованныхъ основателями, отказавшимися на все будущее время отъ всякаго вознагражденія за труды по Лицею. (До конца жизни Лицей стоилъ Михаилу Никифоровичу каждогодно нѣсколькихъ тысячъ собственныхъ денегъ).

Новое училище сдѣлалось дѣтищемъ Павла Михайловича. Онъ вложилъ въ него свою душу. Заведеніе стало быстро развиваться; довѣріе родителей возрастало; поступили пожертвованія; оказалось возможнымъ выгодно пріобрѣсти лѣтній дворецъ Елены Павловны на Остоженкѣ, съ обширною землею и приступить на ней къ возведенію собственнаго обширнаго зданія Лицея. (Дворецъ сгорѣлъ во время постройки новаго зданія).

Припоминаю, сколько плановъ соединялось у Павла Михайловича съ постройкою новаго зданія и съ развитіемъ Лицея вообще. Часто толковали мы объ этомъ. И крытый стеклянною крышею внутренній дворъ для игръ зимою, и обширный резервуаръ для купанья и плаванья во всякое время года, и обсерваторія для студентовъ университетскаго отдѣленія, и естественная исторія, введенная въ курсъ общаго образованія, и преподаваніе физики, основанное на школѣ опытовъ, проходимой каждымъ учащимся; не говорю уже о планахъ касательно филологическаго образованія.

Пятница 23 августа 1874 года была счастливымъ днемъ для возраставшаго учрежденія. Въ этотъ день, въ 3 часа дня, Государь Александръ Николаевичъ посѣтилъ Лицей. Когда въ послѣдній разъ предъ тѣмъ Государь былъ въ Москвѣ, онъ сказалъ Михаилу Никифоровичу: „У меня на душѣ посѣтить Лицей, непремѣнно буду“. Теперь Государь исполнилъ обѣщаніе. Наканунѣ, въ четвергъ, московскій генералъ-губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, вернувшись изъ Петровскаго дворца (въ Петровскомъ паркѣ), сообщилъ Михаилу Никифоровичу, что Государь имѣетъ намѣреніе завтра около 3-хъ часовъ быть въ Лицеѣ. Утромъ приходитъ телеграмма изъ Петровскаго дворца, спрашивающая, готовы ли на Остоженкѣ, гдѣ строился домъ для Лицея, принять Государя. Михаилъ Никифоровичъ поспѣшилъ къ генералъ-губернатору, который пояснилъ, что Государь посѣтитъ Лицей въ его помѣщеніи на Дмитровкѣ, а не

воздвигаемую постройку. Князь Долгоруковъ прибавилъ, что Государь желаетъ, чтобы въ Лицеѣ были только лица въ немъ служащія. Государь пріѣхалъ изъ Петровскаго парка одинъ, въ коляскѣ четверней. Кучеръ не зналъ, гдѣ помѣщается Лицей, и проѣхалъ въ Малую Дмитровку. Тамъ экипажъ остановился, и Государь, видя идущаго по тротуару молодаго человѣка, подозвалъ его къ себѣ и спросилъ, не знаетъ ли онъ, куда проѣхать въ Лицей Каткова. Молодой человѣкъ, оказавшейся сыномъ виноторговца Бауера, зналъ, что Лицей находится на Большой Дмитровкѣ и объяснилъ это кучеру Государя. Въ три часа десять минутъ экипажъ Государя показался на Дмитровкѣ со стороны Страстнаго монастыря. У Лицея была уже толпа народа; сосѣднія зданія украсились коврами, свѣшанными съ балконовъ, и флагами. Въ пріемной Лицея Государю представлены были преподаватели. Между ними былъ одинъ, г. Гринчакъ, изъ австрійскихъ славянъ. Государь сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ. Въ залѣ были собраны четыр младшихъ класса Лицея. Дѣти дружно привѣтствовали Государя въ отвѣтъ на его милостивое обращеніе. Государь прошелъ по заведенію, въ рекреаціонной залѣ остановился предъ воспитанниками старшихъ классовъ и говорилъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Сыну Николая Алексѣевича Милютина пожелалъ идти по стопамъ отца. Стороженка спросилъ о его дѣдѣ, служившемъ въ Варшавѣ при князѣ Паскевичѣ. „Увѣренъ,— сказалъ Государь учащимся,—что въ васъ будетъ прокъ. Старайтесь быть вѣрными слугами отечества“. Государь интересовался также Ломоносовской семинаріею при Лицеѣ, въ которую на полное содержаніе принимались способныя дѣти изъ народа. Когда Государь сходилъ съ лѣстницы, воспитанники запѣли „Боже, Царя храни“. Государь остановился и выслушалъ гимнъ. Уѣзжая, пожалъ руки Михаилу Никифоровичу и Павлу Михайловичу и сказалъ: „я нарочно пріѣхалъ, чтобы показать, какъ высоко цѣню ваши труды“. На обѣдъ къ генералъ-губернатору, гдѣ былъ Государь, Михаилъ Никифоровичъ и Павелъ Михайловичъ, не замѣчая времени послѣ милостиваго посѣщенія Государя, опоздали и попали лишь къ четвертому блюду. При отъѣздѣ въ тотъ же день изъ Москвы, на станціи желѣзной дороги, Государь еще разъ пожалъ руку основателямъ Лицея, сказавъ: „очень радъ, что былъ у васъ“. Интересно, чтоо посѣщеніи Государемъ Лицея петербургскія газеты, и даже *Правительственный Вѣстникъ*, не обмолвились ни единымъ словомъ. Точно также

крайне сухо въ газетахъ упомянуто было о посѣщеніи Государемъ дворянскаго пансіона-пріюта для дѣтей бѣдныхъ дворянъ и не было приведено словъ, сказанныхъ Государемъ на другой день послѣ посѣщенія представлявшимся ему предводителямъ дворянства. Припоминаю любопытный случай. Слова были редактированы не вполнѣ точно. Михаилъ Никифоровичъ нашелъ въ ихъ редакціи, когда они были присланы для напечатанія въ газетѣ, оттѣнокъ, который, по мнѣнію его, не могъ входить въ мысль Государя. Онъ пріостановился печатаніемъ. Сомнѣніе было по телеграфу доведено до свѣдѣнія Государя. Государь поручилъ Каткову точнѣе редактировать слова по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ. Вотъ эти слова въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны: „Въ дворянствѣ, господа, я вижу опору. Ваши интересы и матеріально и нравственно тѣсно связаны съ монархическимъ правленіемъ. Для блага Россіи не дай Богъ, чтобы опора эта пошатнулась“. Припоминаю, что въ первоначальной редакціи выраженіе „пошатнулась“ можно было отнести къ монархическому правленію.

III.

1875-й годъ былъ годомъ великаго испытанія для Михаила Никифоровича. Въ этотъ годъ онъ потерялъ своего самоотверженнаго друга. Здоровье Павла Михайловича въ эту эпоху было уже значительно потрясено. Въ семидесятыхъ годахъ, въ началѣ, онъ страдалъ одышкой и ожиреніемъ, пройти версту было для него большою трудностью. Онъ исцѣлился лѣченіемъ по системѣ Бентинга, которую посовѣтовалъ ему Алексѣй Ивановичъ Полунинъ. Предписано было не употреблять ничего мучнаго, сахаристаго, спиртнаго. Павелъ Михайловичъ строго выдержалъ лѣченіе, быстро похудѣлъ, пріобрѣлъ легкость движеній и былъ весьма доволенъ результатомъ. Но въ мартѣ мѣсяцѣ 1875 года, проводя часы на лицейскихъ постройкахъ, онъ простудился и получилъ воспаленіе легкихъ. Неправильное строеніе груди и спины дѣлало болѣзнь серьезною. Дѣло пошло, однако, казалось, къ лучшему. Павелъ Михайловичъ сталъ заниматься лицейскими дѣлами и въ пятницу 21-го марта все утро, перейдя съ постели въ кресло, трудился надъ контрактами по устройству церкви въ Лицеѣ. Но это были послѣднія усилія. Обнаружилось быстрое ухудшеніе. Павла Михайловича изъ его кабинета перенесли для воздуха въ гостиную, какъ болѣе обширную комнату. Я помню его неподвижный безжизненный взглядъ, когда переносили постель съ лежав-

зимъ на ней больнымъ. У меня что-то по вернулось въ сердцѣ, въ предчувствіи опасности. Михаилъ Никифоровичъ ходилъ за больнымъ, читалъ ему Евангеліе отъ Іоанна. Михаилъ Никифоровичъ сказалъ мнѣ потомъ, что дружба его съ Павломъ Михайловичемъ началась съ бесѣды о христіанствѣ въ 1847 году. Христіанство было и послѣднею ихъ бесѣдою. Часу въ шестомъ, въ понедѣльникъ 24 марта, Павелъ Михайловичъ, казалось, заснулъ. Окружавшіе ходили тихо, чтобы его не разбудить. Но сонъ оказался вѣчнымъ.

Вечеромъ, меня извѣстили о кончинѣ Павла Михайловича. Я поспѣшилъ въ жилище смерти. Нашелъ Михаила Никифоровича сидящимъ въ креслѣ безсильнымъ, сломленнымъ, убитымъ. Исчезла вся энергія сильной натуры, предо мной было существо безпомощное.

Домой я вернулся въ четыре часа ночи и написалъ въ записной книжкѣ: „со слезами заношу въ эту книжку, что сегодня 24 марта 1875 года заснулъ на вѣки нашъ чистый, святой Павелъ Михайловичъ. Тяжелый годъ этотъ 1875-ый для Михаила Никифоровича! Сколько для него и для меня прервано съ этимъ дорогимъ существованіемъ!“

Многое было прервано и въ дѣлахъ общественнаго интереса. Плодотворной мысли сдѣлать изъ Лицея училище, въ которомъ могли бы выработаться методы самостоятельной русской школы на классической основѣ, не суждено было осуществиться. Михаилъ Никифоровичъ принялъ на себя бремя, завѣщанное Павломъ Михайловичемъ. Но, при обширности и разнообразіи задачъ его дѣятельности, онъ не могъ предаться этому дѣлу такъ, какъ предался-было Павелъ Михайловичъ. Можно думать, и общія судьбы нашей классической школы были бы во многомъ иныя, еслибы продлилось существованіе Павла Михайловича.

Двѣнадцатью годами пережилъ Катковъ своего незабвеннаго друга. Не много радостей имѣлъ Михаилъ Никифоровичъ за это время. Труды и заботы не только по газетѣ, но и по управленію обширнымъ заведеніемъ, легли на него одного. Онъ несъ тяжелую ношу и напряженно боролся со всяческими препятствіями. А событія въ государствѣ шли по склону, грозившему крушеніемъ. Нерѣшительная политика привела къ войнѣ, славной подвигами, но сопровождавшейся и печальными уронами, заключившейся берлинскимъ трактатомъ, глубоко оскорбившимъ національное чувство. Внутри—революціонная шайка поражала дерзостью предпріятій; въ обществѣ рѣзко обнаруживались предреволюціонные симптомы; паденіе власти ощущалось на

всѣхъ путяхъ; политическое опьяненіе дѣйствовало въ умахъ и заставляло людей, вовсе не революціонныхъ, призывать „конституцію“ для пораженія революціонеровъ, которые въ этой же „конституціи“ видѣли—и видѣли основательно—первый шагъ къ своей побѣдѣ. Длинный рядъ политическихъ убійствъ и покушеній заключился страшною катастрофою 1 марта 1881 г.

Съ новымъ царствованіемъ воскресли угасавшія уже-было надежды публициста. Національная идея стала девизомъ новаго направленія. Значеніе главнаго поборника этой идеи поднялось на новую высоту. Положеніе его сдѣлалось всемірно замѣтнымъ. Въ заграничной печати имя его повторялось, какъ имя Бисмарка или кого-либо изъ наиболѣе видныхъ политическихъ дѣятелей. Роль становилась тяжелѣе и тяжелѣе. Быть политическимъ дѣятелемъ, на котораго смотритъ міръ, не находясь у дѣлъ и имѣя въ распоряженіи своемъ лишь столбцы газеты! Впечатлительность возрастала, а смерть, ни для кого еще не зримою рукою, уже подкашивала запасъ жизненной силы. Таившійся недугъ неожиданно и быстро обнаружилъ себя въ послѣдній пріѣздъ Михаила Никифоровича въ Петербургъ въ концѣ апрѣля 1887 года. Врачи не рѣшались еще произнести роковаго слова, но уже догадывались. У Михаила Никифоровича былъ ракъ въ желудкѣ. Нравственныя терзанія, испытанныя Михаиломъ Никифоровичемъ въ это время въ борьбѣ съ представителями нашей дипломатіи, ускорили развитіе болѣзни. Михаилъ Никифоровичъ, въ началѣ іюня, вернулся въ Москву совсѣмъ больной и скоро слегъ, чтобы не вставать съ постели. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Михаила Никифоровича въ среду, 1-го іюля. Тревожныя извѣстія побудили меня пріѣхать изъ Петербурга навѣстить дорогаго больнаго. Пробывъ день въ Знаменскомъ и возвращаясь вечеромъ въ Москву, я простился съ Михаиломъ Никифоровичемъ. Онъ полулежалъ въ креслѣ у открытаго окна, куда велѣлъ перенести себя, чтобы дохнуть свѣжимъ воздухомъ. Мы поцѣловались. Онъ сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ. Они были изъ числа послѣднихъ, произнесенныхъ имъ.

Ночью въ Москву тревожно пріѣхалъ племянникъ Каткова, сообщившій, что вскорѣ по моемъ отъѣздѣ Михаилъ Никифоровичъ лишился употребленія языка. Рѣчь такъ и не возвратилась до конца жизни.

Ударилъ роковой часъ. Свѣча погасла. Жизнь отлетѣла. 20-го іюля 1887 года, въ 4 часа 20 минутъ дня, на Руси не стало Каткова.

Н. ЛЮБИМОВЪ.